Марта Акельсберг

MUJERES LIBRES

Свободные женщины Испании
Анархизм и борьба за эмансипацию женщин

РАДИКАЛЬНАЯ
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
rtpbooks.info

Марта Акельсберг

MUJERES LIBRES.
СВОБОДНЫЕ ЖЕНЩИНЫ ИСПАНИИ

Анархизм и борьба
за эмансипацию женщин

РАДИКАЛЬНАЯ
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
rtpbooks.info

Марта Акельсберг
Mujeres Libres. Свободные женщины Испании: Анархизм и борьба за эмансипацию женщин: пер. с англ. / Марта Акельсберг. — Москва: Радикальная теория и практика, 2020. — 320 с.
Martha A. Ackelsberg
Free Women of Spain: Anarchism and the Struggle for the Emancipation of Women. AK Press, 2005.

Без смелости историю не сделаешь, а уж смелости участницам «Мухерес Либрес» было не занимать. В разгар Испанской революции они боролись за женские права в структурах анархистских организаций своего времени, за всеобщую свободу и против фашизма. Акцент они делали на образовании, здравоохранении и условиях труда. В организацию «Мухерес Либрес» входили более 20 000 женщин.
В этой книге собраны свидетельства о головокружительных возможностях революции и событиях, способных стать уроком и найти отклик у всех, кто участвует в современных социальных движениях. Это призыв к объединению, особенно среди женщин, и призыв к равенству не после революции, а прямо сейчас. Слова «Мухерес Либрес» смогла сохранить для нас на страницах этой вдохновляющей работы Марта Акельсберг.

Издательство «Радикальная теория и практика»
Москва, 2020

Посвящаю
моим соратницам из «Мухерес Либрес»
в знак солидарности.
Борьба продолжается

Puño en alto mujeres de Iberia
hacia horizontes preñados de luz
por rutas ardientes,
los pies en la tierra
la frente en lo azul.

Afirmando promesas de vida
desafiamos la tradición
modelemos la arcilla caliente
de un mundo que nace del dolor.

¡Que el pasado se hunda en la nada!
¡Qué nos importa del ayer!
Queremos escribir de nuevo
la palabra MUJER.

Puño en alto mujeres del mundo
hacia horizontes preñados de luz
por rutas ardientes
adelante, adelante
de cara a la luz.

Женщины Иберии, вверх кулаки,
Навстречу огню горизонта
По обожжённому пустыней пути
Стопами
По раскалённому солнцем.

К небу лицом, но тем не менее
Вызов бросаем традициям.
Держа обещание, данное жизни,
Следуя избранным принципам.

Из мира, уставшего жить в боли,
Не разгибая спину.
Мир, в котором жить нам всем вскоре,
Мы лепим, как мягкую глину.

Что было вчера, останется там.
И вместе шагать легче нам.
Мы сами можем теперь
рассказать,
ЧТО
ЗНАЧИТ
ЖЕНЩИНА.

Гимн «Мухерес Либрес»
Лусия Санчес Саорниль
Валенсия, 1937
Перевод: Ната Трап

БЛАГОДАРНОСТИ

В том, что эта книга выходит в свет, есть заслуга многих — очень многих. Более всего, конечно, я благодарна испанским анархистам и анархо-синдикалистам обоих полов, и в особенности женщинам из «Мухерес Либрес» (Mujeres Libres), которые щедро делились своим временем и энергией, рассказывали мне свои истории и вообще позволили мне стать частью их жизни. Мне сложно выразить свою благодарность, но если в этой книге есть хотя бы слабый отголосок твёрдости их убеждений и верности своим принципам, в которые они меня посвятили, я надеюсь, он отчасти возместит мой долг перед ними.

Хасинто Боррас, Феликс Карраскер, Хосеп Коста Фонт, Гастон Леваль, Артуро Парера, Хосе Пейратс и Эдуардо Понс Прадес рассказали мне всё, что знали об анархических группах, и помогли мне завести знакомство с участницами «Мухерес Либрес». Матильда Эскудер, Лола Итурбе, Игуальдад Оканья, Конча Перес и Кристина Пьера в Барселоне, Федерика Монсень в Тулузе, Амада де Но и Тересина Торрельес в Безье часами обсуждали со мной свой опыт за годы до, во время и после гражданской войны и социальной революции. Наконец, Пура Перес Аркос, Асусена Фернандес Барба, Пепита Карпена, Мерседес Комапосада, Анна Дельсо, Соледад Эсторак, Сара Беренгер Гильен, Сусесо Порталес, Долорес Прат и Энрикета Фернандес Ровира открывали для меня двери своего дома, часто в совершенно неподходящее время, и вдохновляли меня своими историями и мужеством.

Важнейшую информацию предоставили мне и другие добровольные помощники, проживавшие в Испании. От Мэри Нэш я узнала многое о женщинах из рабочих движений Испании. Работа Мэри, посвящённая «Мухерес Либрес», раскрыла для меня неизвестную доселе область знаний об эволюции женского движения в этой стране; кроме того, она, великодушная коллега и подруга,

во всём поддерживала меня. Благодаря ей я встретила Ану Касес и Бернарда Катлью, пригласивших меня в свой дом в Льейде и обеспечивших мне возможность познакомиться с местной организацией «Аделанте» (Adelante). Верена Штольке, Хуан Мартинес-Альер и их дочери Нурия и Изабель, с которыми мы очень подружились, радушно приняли меня в свою семью и долгие месяцы позволяли делить с ними кров, пока я проводила своё исследование в Барселоне. Рафаэль Пухоль, Альберт Перес-Баро, Насарио Гонсалес, Энрик Фустери Бонет, Рамон Соль и Мерседес Виланова дали мне возможность познакомиться с результатами своих исследований и помогали находить информацию на разных этапах моей работы.

Велик мой долг и перед теми, кто живёт по эту сторону Атлантики. Хосе Ньето, Клэр Лайда, Темма Каплан, Эдвард Малефакис и Сюзанна Бергер существенно помогли мне на начальном этапе. Именно ранняя статья Теммы заставила меня обратить внимание на «Мухерес Либрес», и я благодарна ей за деликатные замечания и конструктивную критику этой рукописи. Связаться с Долорес Прат и Кончей Перес мне помогли Лиза Бергер и Кэрол Мейзер, а ещё мне чрезвычайно повезло войти в круг общения покойного Арна Торна, познакомившего меня с Анной Дельсо, Полом Эвричем, а также Пурой и Федерико Аркосами.

Федерико владеет удивительным собранием материалов, связанных с движениями испанских анархистов и анархо-синдикалистов. Они с Пурой с энтузиазмом восприняли мою просьбу и охотно открыли для меня не только свою коллекцию, но и свой дом, проявив огромную личную заинтересованность в завершении работы над рукописью. Они внимательно читали и комментировали её, причём Пура «перевела» мои слова на испанский, а принципы «Мухерес Либрес» — в современные термины, поэтому я считаю их помощь бесценной.

Я глубоко признательна всем сотрудникам библиотек и архивов по обе стороны Атлантики, которые превратили нудное копание в залежах их хранилищ ради поиска материалов о «Мухерес Либрес» и испанском анархизме в истинное удовольствие. В особенности я бы хотела выразить признательность тем, кто работает в справочно-библиографическом отделе и отделе межбиблиотечного абонемента библиотеки Колледжа Смит, в отделении производственных отношений библиотеки имени Файрстоуна в Принстонском университете, в отделе редких

книг и рукописей Нью-Йоркской публичной библиотеки, в Коллекции Лабади в Мичиганском университете, в библиотеке Института Гувера Стэнфордского университета, в библиотеке современной международной документации в Парижском университете в Нантере, в Институте политических исследований в Париже, в Доме Архидьякона в Институте истории города (Барселона), в Фонде Фигераса (Барселона), в Библиотеке Аруса (Барселона), в Библиотеке Каталонии (Барселона), в Энциклопедическом народном атенеуме / Социальном историческом центре документации (Барселона), в Министерстве финансов (Льейда), в Муниципальной библиотеке периодических изданий (Мадрид), в Национальном историческом архиве / отделении Гражданской войны (Саламанка) и в Международном институте социальной истории (Амстердам).

Практически всё время, пока я работала над исследованием, архивы в Саламанке, этот кладезь информации о Гражданской войне, были под контролем Министерства обороны Испании, и только после недавней смены власти в этой стране условия работы и доступа к архивам значительно упростились, а их состояние улучшилось. Однако я по-прежнему в долгу перед Пако и Мигелем, которые, хоть и были сторонниками «старого режима», даже несмотря на наши очевидные разногласия, проявляли удивительное рвение в поиске папок, брошюр и газет, а также их копировании.

Условия работы в Международном институте были значительно лучше. Я провела там несколько месяцев в самом начале своей работы по изучению испанского анархизма и вернулась туда спустя годы, когда общественности стали доступны архивы, посвящённые НКТ (Национальная конфедерация труда) и ФАИ (Федерация анархистов Иберии). Я особенно благодарна бывшему директору испанского отдела Рудольфу де Йонгу за его продолжительные консультации и поддержку, а также Тее Дейкер, Мике Эйзерманс и господину Г.М. Лангедейку за содействие в моём исследовании.

На различных этапах этой работы свою моральную или финансовую поддержку мне предлагало немало организаций. Я начала её, ещё будучи участницей междисциплинарной исследовательской группы Колледжа Смит, финансируемой Фондом Эндрю Меллона, которая называлась «Проект по исследованию женщин и социальных изменений». Бюджет этого

проекта и грант от Американской ассоциации выпускниц вузов не только дали мне возможность провести семестр в Испании на начальном этапе исследования, но и — вместе со средствами из фонда развития преподавательского состава Колледжа Смит – позволили совершить дополнительную поездку в Испанию, Францию и Канаду.

Непрерывное обсуждение Проекта с коллегами — в особенности со Сьюзан С. Бурк, Донной Робинсон Дивайн, Сью Дж. М. Фриман, Мириам Слейтер и Пенни Джил — сыграли решающую роль в формировании направления исследования, особенно на ранних его стадиях. Научные ассистенты — студентки Анна Балаш, Робин Столк, Бэрэт Эллман и Сьюзан Джессоп помогали мне систематизировать собранный материал и анализировать существующую литературу о женских и революционных общественных движениях. Неоценима и помощь Рейеса Ласаро, который оказывал мне содействие в расшифровке аудиозаписей, переводе некоторых моих публикаций и в организации встреч в Испании.

Эта рукопись была начата мной ещё в бытность мою научной сотрудницей Института Бантинг при Рэдклифф-колледже, где была создана наиболее благоприятная вдохновляющая интеллектуальная среда из всех, куда мне приходилось окунаться. Семинары, коллоквиумы и неформальные беседы с членами научного сообщества мотивировали и вдохновляли. Отдельно хочу поблагодарить членов группы «Дочки-матери», оссбенно Энн Букман, Кэролайн Байнам, Хоуп Дэвис, Беттину Фридл, Джиллиан Харт, Дебору МакДауэлл, Дженис Рэндалл, Блэр Тейт и Гретхен Уилок. А дружба с Кэти Кэнон и Карен Браун, которая завязалась в том году, стала ещё одной неотъемлемой частью процесса работы над этой книгой.

Во время учебного года в 1987–1988 годах, будучи в академическом отпуске в Колледже Смит, я стала научной сотрудницей Института исследований женских и гендерных вопросов Колумбийского университета и участвовала в работе «Теоретической группы женских исследований» в Хантерском колледже. Это дало мне возможность продолжить исследование, внося в него необходимые коррективы по мере его подготовки. Кроме того, коллеги из Центра европейских исследований Гарвардского университета приглашали меня на коллоквиумы и семинары, где я смогла почерпнуть немало ценных идей.

Наконец, ни одна научная работа — особенно если она готовится так долго, как эта — не может быть трудом исключительно одного человека. Члены Правительственного департамента Колледжа Смит с пониманием относились ко мне все эти годы, и я глубоко благодарна им за поддержку. Слушатели моих лекций и участники семинаров по феминистской теории и городской политике в Колледже Смит участвовали в формировании моего представления о сообществе и подробно обсуждали положения, вошедшие в книгу. Члены Комитета программы женских исследований в Колледже Смит и Комитета женских исследований консорциума «Пять колледжей» — в особенности Джин Гроссхольц, Мэрилин Шустер, Вики Шпельман и Сьюзан Ван Дайн — были не только моими слушательницами, но и подругами, вместе с которыми я изучала деятельность «Мухерес Либрес» в широком контексте. Марина Каплан проверяла некоторые мои переводы. Кэти Эддельсон, Пол Эврич, Сьюзан Бурк, Айрин Даймонд, Донна Дивайн, Джордж Эзенвайн, Кэти Фергюсон, Филип Грин, Барбара Джонсон, Хуан Мартинес-Альер, Вики Шпельман, Верена Штольке, Уилл Уотсон, Айрис Янг и Найра Юваль-Дэвис прочитали отдельные части этой рукописи и внесли полезные замечания. А Мирна Брайтбарт, Пура и Федерико Аркосы, Джейн Слотер и Джудит Пласков, которые прочли рукопись целиком, помогли превратить её в настоящую книгу, особенно Джудит, благодаря которой я сохраняла чувство юмора и чувство меры.

Ну а Алекс Гольденберг выделил мне уголок в своей гостиной и принял меня в те годы, что я писала эту книгу, в свою жизнь, и я очень благодарна ему за оба эти дара.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

МАТ — Международная ассоциация трудящихся, Первый Интернационал (исп. Asociación Internacional de Trabajadores)

ААМ — Ассоциация антифашистской молодёжи (исп. Asociación de Jóvenes Antifascistas), при поддержке Коммунистической партии

АА — Ассоциация антифашисток (исп. Asociación de Mujeres Antifascistas)

РКБ — Рабоче-крестьянский блок (кат. Bloc Obrer i Camperol)

СНЕШ — Совет новой единсй школы (кат. Consell de l'Escola Nova Unificada)

НКТ — Национальная конфедерация труда (исп. Confederación Nacional del Trabajo), федерация анархо-синдикалистских профсоюзов

ФАИ — Федерация анархистов Иберии (исп. Federación Anarquista Ibérica)

ИФЛМ — Иберийская федерация либертарной молодёжи (исп. Federación Ibérica de Juventudes Libertarias), молодёжная анархическая организация

ЛМ — Либертарная молодёжь (исп. Juventudes Libertarias), другое название ИФЛМ

КПИ — Коммунистическая партия Испании (исп. Partido Comunista de España)

ПОУМ — Рабочая партия марксистского объединения (исп. Partido Obrero de Unificación Marxista), троцкистская

ИСРП — Испанская социалистическая рабочая партия (исп. Partido Socialista Obrero Español)

ОСПК — Объединённая социалистическая партия Каталонии (исп. Partido Socialista Unificado de Cataluña)

МАС — Международная антифашистская солидарность (исп. Solidaridad Internacional Antifascista), связанная с анархистами международная организация оказания помощи

ВСТ — Всеобщий союз трудящихся (исп. Unión General de Trabajadores), связанная с социалистами федерация профсоюзов

AHN/SGC-S — Национальный исторический архив, отдел Гражданской войны, Саламанка (исп. Archivo Histórico Nacional, Sección Guerra Civil, Salamanca)

AMB — Городской архив, Барселона (исп. Archivo Municipal, Barcelona)

AMHL — Архив Министерства финансов, Льейда (исп. Archivo, Ministerio de Hacienda, Lérida)

IISG/CNT — Международный институт социальной истории, Амстердам, архив НКТ (нидерл. Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis, Amsterdam, Archivo CNT)

IISG/EG — Международный институт социальной истории, Амстердам, архив Эммы Гольдман (нидерл. Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis, Amsterdam, Emma Goldman Archive)

IISG/FAI — Международный институт социальной истории, Амстердам, архив ФАИ (нидерл. Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis, Amsterdam, Archivo FAI-CP)

NYPL-EG — Нью-Йоркская публичная библиотека, отдел редких книг и рукописей, материалы об Эмме Гольдман (англ. New York Public Library, Rare Books and Manuscripts Division, Emma Goldman Papers)

NYPL-RP — Нью-Йоркская публичная библиотека, отдел редких книг и рукописей, материалы о Роуз Песотта (англ. New York Public Library, Rare Books and Manuscripts Division, Rose Pesotta Papers)

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОЯЗЫЧНОМУ ИЗДАНИЮ

Марта Акельсберг
Нью-Йорк
12 февраля 2020

Я безмерно благодарна издательскому кооперативу «Радикальная теория и практика» и его участникам и участницам, не пожалевшим времени и сил на то, чтобы представить эту книгу современной русскоязычной аудитории. Тем не менее появление книги «Свободные женщины Испании. Mujeres Libres» в России 2020 года представляется мне своего рода иронией судьбы.

С одной стороны, анархизм, на который опирались испанские писатели и активисты и из которого выросла организация «Мухерес Либрес», внёс неоценимый вклад в политические идеи и развитие России в конце XIX и начале XX веков. Труды видных теоретиков анархизма Михаила Бакунина и Петра Кропоткина являются образцом для революционеров из числа анархистов и коммунистов по всему миру, а Октябрьская революция 1917 года стала катализатором зарождения радикальных рабочих движений по всей Испании — в частности в Андалусии период с 1918 по 1920 год, время повсеместных восстаний главным образом безземельных батраков в регионе, где преобладали крупные частные латифундии, стало известно как «Trienio bolchevique» (Большевистское трёхлетие). В 1930-е годы в журнале «Мухерес Либрес» регулярно цитировались труды Александры Коллонтай и коммунистические идеологические тексты, в которых отстаивались идеи освобождения женщин, а при составлении программ организации их авторки черпали в них своё вдохновение.

С другой стороны, ни царская Россия, ни Советское правительство не были настроены по отношению к анархизму благожелательно и не поддерживали его. Бакунин и Кропоткин за свою революционную деятельность вынуждены были

пройти тюрьму и ссылку. Вдохновлённый анархическими идеями Кронштадтский мятеж 1921 года и все последующие выступления анархистов были жестоко подавлены. Рождённая в России и депортированная в 1919 году в эту страну из США американская анархистка Эмма Гольдман, горячая сторонница «Мухерес Либрес», довольно ярко описала эти процессы в своих книгах «Моё разочарование в России» и «Моё дальнейшее разочарование в России»[1]. И, конечно, как я указываю в главах 5 и 6 этой книги, роль, которую сыграл СССР в испанской Гражданской войне, при всей своей неоднозначности была явно антианархистской.

* * *

Организация «Мухерес Либрес» была основана в Испании в 1930-е годы — в то время, когда экономика страны была ориентирована главным образом на сельское хозяйство, экономическое развитие было крайне неравномерным, уровень неграмотности высоким, а женщины испытывали на себе многочисленные ограничения со стороны религии и культуры. Как я подчёркиваю в книге, «Мухерес Либрес» возникли не в вакууме — организация была создана в основном молодыми женщинами, которые являлись активистками испанского анархического движения, издавна и крепко утвердившегося в испанском обществе. В индустриальной Испании миллионы рабочих вели упорную борьбу за признание и уважение, и к 1930 году социалистам и анархистам удалось мобилизовать широкие слои испанского рабочего класса. Именно в контекст этого анархо-синдикалистского движения женщины из «Мухерес Либрес» и помещали свою борьбу — как *в одном ряду* со своими товарищами-мужчинами в борьбе за лучший мир, так и время от времени *вступая с ними в противостояние* и требуя признания себя равноправными партнёрками в таком мире.

В то же время, как я проясняю в главах 3–5, «Мухерес Либрес» была основана и развивалась в разгар революционной гражданской войны. Первый номер журнала организации был опубликован в течение нескольких недель после выборов 1936 года,

[1] Goldman, Emma. *My Disillusionment in Russia.* New York: Doubleday, 1923; republished by Dumfries and Galloway: Anodos Books, 2019. *My Further Disillusionment in Russia* (CreateSpace Independent Publishing Platform, 2018).

на которых к власти пришла коалиция Народного фронта, а второй вышел чуть ли не накануне попытки военного переворота, который развязал Гражданскую войну в Испании. Официально же организации не существовало до августа 1937 года — к тому времени в стране уже больше года шли бои, а социальная революция, разожжённая попыткой переворота, в значительной мере была нейтрализована (хотя самостоятельные группы анархисток встречались в нескольких крупных и малых городах на протяжении нескольких предшествующих этому лет). Несмотря на это, а также на то, что «Мухерес Либрес» не обладали собственными более-менее значимыми экономическими ресурсами и существовали практически без внешней поддержки, они преуспели в мобилизации и просвещении более 20 000 женщин, в основном из рабочего класса, и в серьёзной степени повлияли на организации и инициативы революционных левых.

Проблемы, с которыми они сталкивались, и вопросы, которые ставили перед широким анархистским движением, не были уникальны для Испании — они и сейчас продолжают оставаться главенствующими для потенциально преобразующих общество движений как в Европе, США и Латинской Америке, так и в России. Каковы место и роль женщин в организации, выступающей за радикальные социальные преобразования? Как следует структурировать такие организации и их деятельность, чтобы признавать *множественность* проявлений господства одних над другими, не ставя при этом один вид таких отношений выше остальных? Как подобные движения могут принимать и учитывать реальные различия между теми, кто в них участвует, раз уж они выступают за общество, в котором будет признаваться вклад каждого или каждой и всех вместе? Что будет сделано для того, чтобы привлечь к участию социально отчуждённые и исключённые группы, чьи потребности оставались без внимания? Как признать, что без учёта опыта таких людей никаких действительно преобразующих изменений не произойдёт?

Как я утверждаю в этой книге, представляется, что женщины из «Мухерес Либрес» в качестве основного пути получения ответов на эти вопросы видели анархизм. Анархистская теория, на которой основывалось испанское движение (а значит, и «Мухерес Либрес»), признавала, что основная проблема состоит в *иерархии* в целом, а не в *определённом виде* иерархии.

Так, они настаивали на том, что любое движение за более свободное общество обязано заниматься всеми отношениями господства и подчинения в их взаимосвязи — господство, основанное на классовой принадлежности, на религии (в частности, на власти католической церкви), господство государства и господство по признаку пола. В отличие от марксистов, которые утверждали, что классовые противоречия являются самыми фундаментальными, а с остальными видами угнетения можно будет разобраться «после революции», анархисты настаивали на том, что даже если бы удалось ликвидировать классы, отношения господства и подчинения будут сохраняться, пока существует государство. Начиная с XIX столетия на многочисленных анархо-синдикалистских съездах в Испании постоянно звучали призывы к преодолению подчинения женщин как на рабочем месте, так и в быту. Кроме того, из-за поставленной ими во главу угла согласованности средств и целей, анархисты настаивали на том, что нельзя создать антиавторитарное общество, используя авторитарные методы: по их мнению, все находившиеся в подчинённом положении, все, чьё достоинство умалялось, смогут признать свои способности только в случае обретения ими возможности полноценного и равноправного участия в движении за социальные преобразования [см., в частности, главу 5 «Образование ради освобождения»].

Разумеется, анархистские организации в Испании, членами которых были главным образом мужчины, не обязательно следовали декларируемым ими принципам. На самом деле организация «Мухерес Либрес» была основана потому, что слишком многие молодые женщины оказались в положении игнорируемых или принижаемых товарищами — будь то в квартальных школах или культурных центрах, в группах по интересам или в профсоюзах. Опираясь на собственное понимание анархической теории, основательницы организации настаивали на том, что единственным способом создания полностью равноправного общества, в котором женщины смогут преодолеть любое подчинение, является привлечение женщин к непосредственному участию в этом движении с одновременным признанием их особых потребностей, которые необходимо удовлетворить в процессе объединения, — например, ликвидировать высокий уровень неграмотности, прекратить угнетение в семье и неуважение на рабочем месте и т.д. Поэтому они разрабатывали

программы как для расширения возможностей женщин (ликбез, стажировки, распространение знаний о репродуктивном здоровье и контроле рождаемости и многие другие), так и для просвещения своих соратников-мужчин в деле более серьёзного отношения к женщинам. В книге достаточно подробно описывается, как одни анархисты и анархо-синдикалисты, а также профсоюзы поддерживали деятельность «Мухерес Либрес» и как некоторые отказывались признавать их и даже обвиняли их в «сепаратизме» и подрыве единства движения.

Такая критика не была чем-то из ряда вон выходящим ни тогда, ни сейчас. История левых организаций в Европе, США и Латинской Америке изобилует примерами движений, в которых преобладают мужчины, стремящиеся поддержать женщин, но отказывающиеся принимать их всерьёз и не считающие их соратницами по борьбе. Особенность «Мухерес Либрес» состояла в том, что в разгар глубокой социальной революции и гражданской войны им удалось создать организацию, которая *смогла* мобилизовать тысячи женщин не просто на поддержку мужчин-революционеров, но одновременно и на борьбу за *собственное* освобождение. Несмотря на различия между ситуацией в Испании 1930-х годов и в США или России образца 2020 года, деятельность «Мухерес Либрес» становится перманентным вызовом всем, кто утверждает, что вопросы гендера (или расы, или сексуальности) должны «ждать своей очереди». Так что проблемы, которые волновали меня во время написания этой книги, даже в наших довольно разных политических контекстах кажутся по-прежнему актуальными.

* * *

Изначально эта книга писалась для США — моей целью было познакомить феминистски настроенных читателей и читательниц Северной Америки с историей и заслугами этой замечательной группы испанских женщин и объяснить её значение. Таким образом, вопросы, рассматриваемые в книге, ставились в контексте споров и дискуссий, характерных для деятельности феминисток США того времени, в особенности вопросов разнообразия и мультикультурализма или, выражаясь иначе, вопросов о том, как представить (не говоря уже о том, чтобы добиться) большее равенство между людьми, не отрицая и не подавляя существенные различия между ними.

Разумеется, жизнь в США конца 1980-х и начала 1990-х годов сильно отличается от российских, точнее, советских реалий того же периода. Как отмечал ещё в 1844 году Алексис де Токвиль: «...у американцев имеется огромное преимущество: они достигли демократии [под которой он понимал социальное равенство], не испытав демократических революций, и не добивались равенства, но были равными по рождению»[1]. Ему вторит политический теоретик Луис Харц — согласно его общеизвестному утверждению, оставляющему, впрочем, без внимания рабство и геноцид коренных народов, США в некотором смысле «родились свободными». Этой стране не суждено было пройти через феодальную систему, следовательно, она не породила существенного социалистического или коммунистического движения[2]. За некоторыми исключениями, рабочее движение США никогда не было связано с какой-либо социалистической *политической* партией[3], и, таким образом, с политической точки зрения США имеют совершенно отличную историю и культуру по сравнению с Россией. С самого момента своего основания США официально стремились стать демократической республикой, хотя полноценного претворения в жизнь этой демократии ещё предстоит достичь, и, как показывают текущие события, США ещё далеки от разрешения вопросов структурного неравенства, которое коренится в «первородном грехе» рабства, а также перемещения в резервации и геноцида коренных народов. Тем не менее *язык* так называемого «плавильного котла» — и *демократии*, то есть народовластия, — столетиями определял характер политики в США, и центральное место в дискуссиях и обсуждениях, особенно в левой среде, занимали размышления о том, что значит быть успешным мультиэтническим, мультирасовым и мультикультурным обществом, в котором

---

[1] Алексис де Токвиль. Демократия в Америке. М.: Весь Мир, 2000.

[2] Луис Харц. Либеральная традиция в Америке. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Прогресс-Академия», 1993.

[3] «Индустриальные рабочие мира», «революционный промышленный союз», был основан в Чикаго в 1905 году и достиг пика численности и влияния — в основном в западных штатах США — в первые десятилетия XX века. Профсоюз отказался от альянса с политическими партиями. Антисоциалистические и антикоммунистические облавы правительства США вынуждали большинство других профсоюзных организаций дистанцироваться от социалистических или коммунистических партий (которые и так никогда не были сильны в США).

на равных участвуют все. В то же время, учитывая относительное отсутствие значимой истории основанных на социалистических идеях коллективистских движений, рамки политической дискуссии в США, как правило, отличаются от принятых во многих других современных демократических странах и почти целиком отвергают классовый аспект.

Тем не менее США обладают давней традицией активной гражданской позиции и самоорганизации, которая оказала сильное влияние на политическую культуру этой страны. Как де Токвиль отметил почти 200 лет назад: «...американцы самых различных возрастов, положений и склонностей беспрестанно объединяются в разные союзы. [...] И всегда там, где во Франции во главе всякого нового начинания вы видите представителя правительства, а в Англии — представителя знати, будьте уверены, что в Соединённых Штатах вы увидите какой-нибудь комитет»[1].

В этом стремлении американцев к образованию ассоциаций (самоорганизованных групп вроде родительских или учительских обществ, групп по благоустройству квартала, местных спортивных лиг и т. д.) де Токвиль видел альтернативу зависимости от правительства и оберег от деспотизма. Он и другие теоретики понимали эту склонность как вытекающую из индивидуалистических традиций и в то же время преобразующую этот индивидуализм посредством действий ради отстаивания коллективных интересов. Эта перспектива может в какой-то мере объяснить развитие индивидуалистической анархистской традиции в США (а-ля Макс Штирнер и Бенджамин Такер), а также создание движения за гражданские права, движений за освобождение женщин, освобождение афроамериканцев, геев и других. Существование этих движений и организационных форм определило исходный дискурсивный контекст этой книги.

Тем не менее несмотря на эти весьма существенные различия, диссиденты в России и США (и не только) оказываются в похожем, во многом враждебном, политическом, экономическом и культурном климате. Экономическое неравенство усугубляется практически повсеместно, силы международного капитала упорно выступают против программ, которые могли бы смягчить последствия этого неравенства. Бесспорно, так называемое

[1] Алексис де Токвиль. Демократия в Америке. М.: Весь Мир, 2000.

популистское недовольство, которое привело к власти Дональда Трампа, Бориса Джонсона, Жаира Болсонару, Виктора Орбана и других нынешних руководителей государств, было вызвано именно разочарованием в экономических преобразованиях и в некотором смысле тем, что господствующие политические элиты не уделяли должного внимания людям, которые больше всего страдали от экономических и технологических изменений. В результате по всему миру наблюдается ослабление и застой рабочих движений — за счёт сочетания коррупции и политики, направленной откровенно против трудящихся. Перед лицом всех этих вызовов набирают силу и добиваются политического присутствия правые движения, а вразумительные голоса слева часто заглушаются. По мере приближения к всё более комплексной, глобализированной и потому неравной мировой экономике, по мере роста противоречий, касающихся единства и плюрализма, то есть того, как добиться большего равенства, признавая различия, этот вопрос, который десятилетиями приводит в недоумение и левых в США, и феминистски настроенных, и прочих, становится всё более актуальным для остальных.

В связи с этим я надеюсь, что, несмотря на существенные различия в политике и культуре, настоящее исследование надежд, мечтаний и деятельности «Мухерес Либрес» может служить важным противоядием от современной маргинализации и, возможно, даже от отрицания альтернативных, радикальных точек зрения. Будучи убеждены в том, что революция не может быть успешной или полной без всестороннего участия женщин и внимания к их потребностям, «Мухерес Либрес» по-прежнему призывают современных читателей и активистов обратить внимание на особенности идентичностей и личный опыт, а также на объединяющие всех нас черты. Если цель состоит в том, чтобы создать по-настоящему освободительное движение и свободное общество, отправной точкой должно стать признание и должное использование этих различий, а не попытки их подавить или отрицать. Только тогда каждый и каждая будут способны проявить всю полноту своей индивидуальности — это поможет всем нам в преодолении целого ряда препятствий, с которыми нам по-прежнему приходится сталкиваться.

ВВЕДЕНИЕ

В 1936 году женщины Мадрида и Барселоны основали «Мухерес Либрес» — организацию, целью которой было освобождение женщин от «тройного порабощения: как трудящейся, как женщины и как рабыни невежества». «Мухерес Либрес» просуществовала всего около трёх лет (её деятельность прекратилась после победы франкистов в феврале 1939 года), но за это время привлекла под свои знамёна более двадцати тысяч женщин и запустила массу инициатив, которые придавали каждой из участниц уверенности в своих силах и одновременно пробуждали в ней чувство причастности к сообществу. И «Мухерес Либрес», и испанское анархо-синдикалистское движение в целом, с которым они были связаны, считали, что полноценное развитие каждой женщины зависит от того, насколько сильна её внутренняя связь с остальными. В этом, как и по ряду других вопросов, позиция «Мухерес Либрес» противостояла индивидуалистическому подходу, характерному для господствующих феминистских движений, — и тогда, и сегодня.

История моего исследования деятельности этой организации охватывает множество лет и километров, проведённых в поисках, архивах, беседах с бывшими активистками «Мухерес Либрес». Однако я не ограничивалась простой фиксацией и стремилась как можно теснее общаться с ними, а они отвечали мне взаимностью. Мы вместе преодолевали наши различия — в культуре, возрасте, классе, политических взглядах. Многие из этих женщин принимали меня у себя дома и рассказывали мне о себе, а я старалась услышать то, что они хотели донести, отмечая сходства и различия между нами. Я билась над вопросами идентичности и дифференциации, общности и раскрепощения, которые, сменяя друг друга, побуждали к действию и деморализовали движения за гражданские права, за мир и за феминизм в США, и начинала всё больше ценить

подход, который «Мухерес Либрес» предлагают современным феминисткам и социальным активисткам. Собственно, и книга эта возникла отчасти из моего желания сделать их историю более доступной.

Поэтому сначала я расскажу о некоторых из тех, кто творил историю, ставшую основой этой книги, и только затем очерчу тезисы и понятия, которые составляют её теоретическую базу.

Первой женщиной из «Мухерес Либрес», с которой мне довелось познакомиться, стала Сусесо Порталес, встреченная мной летом 1979 года в деревушке Мостолес под Мадридом. К этому знакомству я шла, как водится, окольными путями: исследуя до этого коллективизацию в испанских городах и деревнях во время Гражданской войны, я познакомилась со множеством молодых анархистов в Мадриде и Барселоне, среди которых были девушки из недавно созданных групп, названных по аналогии «Мухерес Либрес». Они часто упоминали, что несколько раз пытались встретиться с *viejas* (старшими), участницами тех, прежних «Мухерес Либрес», но, видимо, ни разу не смогли договориться. Так что, когда я вышла на человека, давшего мне имя и адрес одной из *viejas*, той самой Сусесо Порталес, меня предупредили: «Она тебе не понравится, она реакционерка, и у неё очень странные идеи»[1].

Несмотря на предостережение, Сусесо, как, впрочем, и все мои будущие собеседницы из «Мухерес Либрес», сразу же очаровала меня. Это была очень бодрая и активная женщина на седьмом десятке лет, с чёрными волосами, в которых поблёскивала седина. Периодически в комнату, где мы разговаривали, заходила её внучка, которой тогда было одиннадцать. Она слушала наш разговор и задавала вопросы, на которые Сусесо всегда отвечала терпеливо, с уважением и заботой. Мы же с Сусесо часами говорили о её участии в НКТ и ИФЛМ[2], о том, как необходима была независимая и автономно работающая женская организация, деятельность которой основывается на идеологических и политических принципах либертарного

---

[1] Федерика Дебатин, интервью М. Акельсберг, Мадрид, июнь 1979 г.

[2] Национальная конфедерация труда — конфедерация анархо-синдикалистских профсоюзов и её молодежная организация — Иберийская федерация либертарной молодёжи, также известная как «Молодёжь» (Juventudes). Фактически все активистки «Мухерес Либрес» были активистками этих организаций.

движения[1], а также о том, что она думает по поводу успехов и неудач «Мухерес Либрес» и о современном феминизме.

Сусесо присоединилась к «Мухерес Либрес» в Центральной Испании в 1936 году и вскоре стала вице-секретаркой организации на национальном уровне. Она говорила об ориентации «Мухерес Либрес» на женщин из рабочего класса, их упоре на образование и раскрепощение, а также об отношениях организации с анархо-синдикалистским движением в целом. Но меня сильно озадачило и заинтриговало её отношение к феминисткам и феминизму — отношение, которое во многом было противоположно тому, которым *jóvenes* (молодые) наделяли «Мухерес Либрес»: «Мы никогда не были феминистками, — заявила она. — Мы не боролись против мужчин. Мы не хотели заменить маскулинную иерархию феминистской. Необходимо работать и бороться *вместе*, потому что иначе социальная революция никогда не произойдёт. Но нам была нужна наша собственная организация, чтобы бороться за то, что касалось нас».

Меня удивило её восприятие феминизма как борьбы против мужчин или желания заменить мужскую иерархию на женскую. Впитав позицию раннего феминистского движения в Соединённых Штатах, я всегда считала, что феминизм противостоит любым иерархиям. Тем не менее мне стала открываться причина некоторых противоречий и разногласий между девушками из Мадрида, которые определяли себя как феминистки, и этой *vieja*, для которой феминизм был проклятием. Как позднее я поняла, такой взгляд на феминизм был не только у Сусесо. На протяжении всех трёх лет формального существования организации и по сей день «Мухерес Либрес» боролись за эмансипацию женщин, не называя себя «феминистками».

Я увлеклась «Мухерес Либрес» в значительной мере из-за желания осмыслить это различие и его важность. Почему эти

---

[1] Обычно термин «либертарное движение» используется для описания совокупности организаций и инициатив, которые проводили в жизнь анархистские и анархо-синдикалистские организации Испании. Среди наиболее значимых его участников следует упомянуть НКТ, ИФЛМ и Федерацию анархистов Иберии (ФАИ), которые объединились в «либертарное движение» только во время войны. Однако авторка, говоря о либертарном движении, подразумевает анархистские, анархо-синдикалистские и связанные с ними организации (подробнее об этом будет сказано во второй главе).

женщины не хотели отождествлять себя с феминистками? Вскоре я предположила, что, несмотря на различия между политическим контекстом в Испании 1930-х и в США 1980-х, существовало некое сходство между отказом «Мухерес Либрес» называть себя феминистками и нерешительностью многих представительниц рабочего класса и афроамериканок США повесить на себя ярлык феминисток. Могут ли извлечь из этого урок современные феминистки, борющиеся против обвинений в том, что феминизм — это движение белых женщин из среднего класса?

Но очаровало меня не только это. Сусесо жаловалась на ограниченность взглядов современных феминисток, на отсутствие у них организационного и идеологического каркаса: «Им не хватает *formación libertaria*[1] [фраза, которую часто употребляют в анархических/либертарных кругах, ссылаясь на идеологический контекст]. Мы смотрели на вещи гораздо шире». По её мнению, *jóvenes* не понимали смысл прямого действия и других базовых принципов либертарной организации. Они словно страшились организовать хоть что-то, лишь бы не создать новых иерархий, «но так никогда ничего не достигнуть»[2]. Кроме того, они уделяли слишком много внимания абортам, контролю рождаемости и сексуальности: «Действительно, сексуальность женщины должна принадлежать ей, но зачем делать это политическим вопросом?»[3] Наконец, она удивлялась, как они могут называть себя феминистками, если носят кресты?

На некоторые вопросы у меня нет ответа до сих пор, поскольку и тогда, и сейчас я остаюсь в замешательстве из-за очевидной неприязни Сусесо (и других людей), например, к тому, что «личные» вопросы любви и сексуальности пытаются относить к «политическим». Феминизм убедил меня, что «личное — это политическое», но разве анархизм не предполагал подобных утверждений? Ответить на другие вопросы оказалось

---

[1] Либертарное воспитание *(исп.)*. — *Прим. пер.*

[2] Сусесо Порталес, интервью М. Акельсберг, Мостолес, Мадрид, 29 июня 1979 г. Подобную точку зрения разделяли многие участницы раннего феминистского движения в США. В своей одноимённой статье Джо Фриман (под псевдонимом Джорин) окрестила такой подход «тиранией бесструктурности». *The Second Wave*, 1972, 2 (1), 20–25.

[3] Там же.

проще, но часто ответы были неожиданными. «Феминистки, которые носят кресты», например, оказались девушками, носившими «зеркало Венеры» (♀) как символ феминизма![1]

Затем мне довелось познакомиться с Лолой Итурбе, которая была убеждённой сторонницей «Мухерес Либрес», хотя и не входила в число активисток. Вместе со своим товарищем, Хуанелем (Хуан Мануэль Молина, бывший генеральный секретарь ФАИ), она редактировала анархическую газету «Тьерра и Либертад» (Tierra y Libertad) в Барселоне. Лола рассказывала о том, как росла в нищете — мать воспитывала её в одиночку. Она родилась в Барселоне в 1902 году и уже в девять лет начала работать помощницей швеи: трудиться приходилось подолгу и за невероятно низкую зарплату (она получала 50 сентимо в неделю). Её мать держала пансион, в котором часто бывали «мужчины из организации». От них Лола и узнала об НКТ, давшей ей то, чего она не могла получить в своём окружении, и как только ей исполнилось пятнадцать, она присоединилась к организации[2]. Кстати, именно Лола рассказала мне, что Мерседес Комапосада, одна из трёх основательниц «Мухерес Либрес», ещё жива, и я могу с ней встретиться в Париже.

Но прежде, чем я встретила Мерседес, случилось кое-что ещё. Я брала интервью у Эдуардо Понса Прадеса, который работал тогда в «Дьярио де Барселона» (Diario de Barcelona), и спросила его о том, как он юношей трудился в деревообрабатывающем кооперативе в Каталонии. Он отправил меня в Перпиньян, французский город, расположенный у самой границы с Испанией, чтобы я встретилась с Хасинто Боррасом, бывшим активистом НКТ и редактором журнала, посвящённого каталонским сельским коллективам. Во время одной из бесед я сказала Боррасу, что мне было бы интересно встретиться с женщинами, принимавшими участие в революции. Вначале он был полон энтузиазма, но, когда я попросила его назвать имена и адреса, не был в силах вспомнить ни одной из женщин, состояние здоровья и «способности» которой позволяли бы ей со мной поговорить, — такой ответ мне был уже хорошо

---

[1] Ана Касес, личная беседа, 10 августа 1981 г.

[2] Лола Итурбе, ряд интервью, Алелья (Барселона), 3 августа 1981 г., и Барселона, 4 августа 1981 г.

знаком: немногие активисты, с которыми я говорила, воспринимали своих соратниц всерьёз.

Тем не менее я вынудила его назвать мне хотя бы одну из тех, кто могла бы согласиться на беседу со мной. Поколебавшись, он позвал свою дочь Эглантину, та набрала номер телефона, и как только из трубки послышался голос вызываемой абонентки, я сразу поняла, что определённо хотела бы с ней встретиться: Асусена Фернандес Барба — так звали собеседницу Эглантины — заставила её голос оживиться, а лицо засиять. Уже через несколько минут, захватив из сада букетик цветов (Эглантина сказала, что Асусена любит цветы), мы ехали на другой конец города в гости.

Родилась Асусена в 1916 году на Кубе. Её семью выслали туда из Испании, и вернулись они только в 1920-м. Когда я впервые встретила Асусену, она сидела в своей маленькой столовой в окружении целой комнатной оранжереи и с увлечением рассказывала мне о жизни в довоенные годы и об истории своей семьи. И она, и шесть её сестёр, и брат впитали анархизм, что называется, с молоком матери: их дед, Абелардо Сааведра, был одним из первых анархистских учителей-проповедников. Его несколько раз арестовывали, а затем выслали из страны, потому что он совершил ужасное преступление — обучал грамоте трудящихся мигрантов в Андалусии. Из-за этого Асусена и её сестры и родились на Кубе.

Мы провели много часов в обсуждении преимуществ и недостатков воспитания в анархической семье. Я узнала о том, как она познакомилась с анархизмом, как она участвовала в деятельности анархистских организаций, и о том, что она думает относительно непростого места женщины в испанском анархо-синдикалистском движении[1]. Однако Асусена настаивала, что об этом мне лучше всего поговорить с её сестрой Энрикетой — вот уж кто настоящая *militante* (активистка) и к тому же участница «Мухерес Либрес».

Но с самой Энрикетой Фернандес Ровирой я встретилась лишь спустя полгода. К тому времени я уже выяснила, что одно упоминание её имени вызывало одинаковое воодушевление почти у всех, с кем я говорила: «Ах, Энрикета», — говорили мне,

[1] Асусена Барба, ряд интервью, Перпиньян, Франция, 14–15 августа 1981 г.

понизив голос, втянув голову в плечи и сжав кулаки, подражая (насколько это возможно для довольно немощных пожилых женщин) профессиональным боксёрам, демонстрирующим свои мускулы. И хоть меня стращали, я не была полностью готова к спокойной мощи её присутствия.

Увиделись мы с Энрикетой далеко не при самых располагающих к этому обстоятельствах. Во Франции были рождественские каникулы, и её небольшой дом превратился в нечто среднее между ипподромом и военным полигоном: к ней приехали сразу четверо внуков, из которых ключом била энергия. Поэтому нам удавалось поговорить только тогда, когда они уходили спать, либо же делать это под аккомпанемент перманентных детских просьб перекусить или поиграть во что-нибудь, и оттого вся досада Энрикеты по поводу «плохих манер» этих обычных, в общем-то, детей странным образом контрастировала с её собственными историями: даже её родители-анархисты в начале 1930-х годов «возмущались», когда они с подругами ездили на велосипедах за город или на пляж с парнями.

Энрикета, как и её сестра, родилась на Кубе, только годом ранее — в 1915 году, и тоже вернулась на родину вместе с семьёй в 1920-м. В их доме постоянно бурлила анархическая деятельность, а «идеи» были обычной частью разговора. Во многом родители Энрикеты представляли два направления анархизма, преобладавших в движении в те годы: «Мой отец был идейным человеком, анархистом, но пацифистом значительно больше, чем мать. Он расстраивался, если видел хоть капельку крови. Он был революционером, но пацифистом. Он считал, что революция должна совершиться посредством развития культуры и просвещения. Он ненавидел оружие. Вообще не желал его видеть... Это был не его путь. Он был тихим... Не то что мама — вот она была бойцом в куда большей мере»[1].

С самого раннего возраста дети знали, что быть членом общины означает заботиться о других и быть готовым посвятить себя и свою жизнь общему делу. Идеи, которые они разделяли с другими, в частности, среди вдохновлённой анархизмом молодёжи (а в таких анархических группах Энрикета и Асусена были очень активны), объединяли их как группу,

---

[1] Энрикета Ровира, интервью М. Акельсберг, Кастельнодари, Франция, 29 декабря 1981 г.

но одновременно и разобщали с другими людьми: «В те времена мы были... шлюхами... сумасшедшими... потому что мы требовали изменений... Я помню, когда мой отец умер, было очень грустно, и моя мама сказала: "Папа не любил розы, но мне хотелось бы, чтобы в нашем доме сейчас стояли именно эти цветы. Пойди, принеси дюжину роз для своего отца". Так что я пошла к торговцу цветами, и тот мне сказал: "Что? Твой отец мёртв, а ты здесь?" А я говорю: "И что с того? Вам кажется, я пришла сюда, потому что мне весело? Вы думаете, мне не больно из-за смерти папы? Но ведь я и пришла, чтобы купить роз для него". "Дитя, твоё место не здесь. Ты должна быть дома, а за цветами должен был прийти Хоакин. И почему ты не в чёрном?" Я ответила: "Свою боль я ношу внутри и никому её не показываю"»[1].

Энрикета и её семья были верны анархическим ценностям всю свою сознательную жизнь. Дети по мере возможности принимали участие в самых разных видах деятельности, которую вели анархистские организации, и это укрепляло их приверженность анархизму, наделяя их силой не обращать внимания на насмешки соседей и сомнения родителей-анархистов относительно того, стоит ли юным девушкам проводить время в смешанных компаниях. Кроме того, это помогало им обретать свой голос, собственные мечты и воплощать в жизнь взгляды, которые они, возможно, и переняли от родителей, но затем присвоили себе. Стаж участия Энрикеты в НКТ поспособствовал выбору её на ответственную должность — во время войны её назначили одной из центральных телефонисток Барселоны. Она продолжала активно участвовать в анархическом движении и в НКТ и в конце концов присоединилась к «Мухерес Либрес».

Эглантина помогла мне встретиться и с Сарой Беренгер Гильен — секретаркой пропаганды «Мухерес Либрес» в Каталонии. Одним декабрьским утром Эглантина забрала меня из дома Асусены в Перпиньяне и отвезла в деревушку Монтади (под Безье), где Сара и её *compañero* Хесус Гильен построили уютный дом. Сара — миниатюрная женщина, которая, несмотря на полчища родственников и друзей, приехавших навестить её

---

[1] Энрикета Ровира, интервью М. Акельсберг, Кастельнодари, Франция, 29 декабря 1981 г.

на Рождество, с готовностью находила время, чтобы поговорить со мной о своём прошлом, а когда я несколько лет спустя приехала к ней ещё раз, Сара была столь же приветлива, как и в нашу первую встречу. Мы провели вместе несколько насыщенных дней за разговорами о «Мухерес Либрес» и общением с женщинами, которые тоже принимали участие в этой или других организациях либертарного движения. Среди них были Тересина Торрельес Граэльс, Кончита Гильен и Амада де Но.

Отец Сары был активистом НКТ, но сама она до войны в движении не участвовала и начала работать с конфедерацией лишь после того, как началась война, когда её отец ушёл на фронт, и ей захотелось как-то «помочь революции». Позже, в 1937 году, она присоединилась к «Мухерес Либрес», хоть изначально и была против идеи отдельной организации для женщин: «Я не была согласна с идеей "Мухерес Либрес". Я считала, что борьба затрагивает всех: и мужчин, и женщин. Мы все боремся вместе за лучшее общество. Зачем создавать отдельную организацию? Однажды, когда я ещё участвовала в группе "Либертарная молодёжь", мы пришли на встречу, которую организовали "Мухерес Либрес" в помещении нашей группы — там был и их кабинет. Парни начали высмеивать выступающих, что с самого начала стало меня раздражать. Когда одна из выступавших закончила говорить, они начали задавать вопросы и утверждать, что женщинам нет смысла организовываться отдельно, потому что они всё равно не будут ничего делать. Начался бурный спор. Тон их высказываний вызвал у меня ещё больше отвращения, и я стала защищать "Мухерес Либрес"... В итоге меня делегировали на собрание Местной федерации "Мухерес Либрес" в Барселоне от нашего района»[1].

В дополнение к деятельности в «Мухерес Либрес» во время войны Сара служила в революционном комитете своего *barrio* (района), Лас-Кортс, и была секретаркой Каталонского регионального комитета строительной, лесозаготовительной и отделочной промышленности НКТ. Она также работала в международной анархической организации оказания помощи пострадавшим МАС (Международная антифашистская солидарность). Когда в январе 1939 года Барселона была захвачена,

[1] Сара Беренгер Гильен, интервью, Монтади, Франция, 28 декабря 1981 г.

она бежала во Францию и на протяжении многих лет участвовала в испанском эмигрантском подполье. В начале 1960-х вместе с Сусесо Порталес она принимала участие в издании информационного бюллетеня «Мухерес Либрес» для эмигранток. Кроме того, она издала несколько сборников стихов, а недавно опубликовала свои воспоминания военных лет[1].

Но далеко не все члены этой организации выросли в анархических семьях. Пепита Карпена, например, родилась в Барселоне в конце 1919 года в семье рабочих, но её родители почти не проявляли интереса к рабочему движению. Впервые Пепиту приобщили к «идеям» в 1933 году профорги анархических профсоюзов, которые посещали молодёжные встречи в поисках потенциальных членов[2]. Как она говорила: «Они приходили на танцы, мероприятия и всякое такое, где мы, молодёжь, проводили время. Они рассказывали парням о собрании в зале заседаний профсоюза и назначали время. Ну а поскольку я больше общалась с мальчиками, чем с девочками, я приходила на собрания профсоюза с ними. Так и приобщилась»[3].

Профсоюз рабочих металлообрабатывающей отрасли, который притягивал её как магнитом, стал ей вторым домом. Когда родители стали запрещать ей ходить на собрания по вечерам, она убедила отца пойти с ней. Увидев, что это были за люди и как они относились к ней, он больше не возражал — напротив, он принялся хвастаться дочерью перед друзьями: мол, моя кровинка занимается освобождением пролетариата!

От своих знакомых рабочих Пепита вскоре узнала многое не только о профсоюзах, но и об анархо-синдикализме. Новые друзья предложили ей организовать молодых работниц на предприятии, где она работала швеёй, что она и сделала. А когда начальник уволил её под каким-то предлогом (а на самом деле за профсоюзную деятельность), товарищи из профсоюза рабочих

[1] Sara Berenguer. *Entre el sol y la tormenta: Treinta y dos meses de guerra (1936–1939)*. Barcelona: Seuba, 1988.

[2] Во время диктатуры Примо де Риверы (1923–1930) НКТ была объявлена вне закона и действовала в подполье. Тогда и зародилась практика приходить на культурные мероприятия в целях поиска новых сторонников, которая продолжалась в первые годы Республики, когда профсоюзы уже получили законный статус. См. гл. 2.

[3] Пепита Карпена, интервью М. Акельсберг, Монпелье, Франция, 19 декабря 1981 г.

металлообрабатывающей отрасли пришли ей на помощь и добились её восстановления. Она продолжала свою деятельность в НКТ и в «Либертарной молодёжи» до второго года войны. В самом начале войны погиб её парень, и профсоюз металлистов стал выплачивать ей его зарплату как пособие, чтобы она могла продолжать организовывать трудящихся женщин на работу для нужд фронта. Она рассказала, что, сколько себя помнит, она всегда принимала равенство женщин как данность и, мягко говоря, была равнодушна к идее исключительно женской организации. И всё же её опыт в ЛМ доказал ей необходимость такой организации, и в 1937–1938 годы она была активной участницей каталонского регионального комитета «Мухерес Либрес»[1].

У Пепиты лучше, чем у других *viejas*, получилось наладить диалог с *jóvenes* сквозь разделяющие их преграды в виде времени, класса и расстояний. Она знакома с современными феминистскими дискуссиями, хотя и не всегда согласна с дискурсом, в котором они ведутся. Будучи сотрудницей архива и кураторкой марсельского филиала Международного центра исследований анархизма (CIRA) в Женеве, Пепита часто путешествует по Европе и рассказывает о революции и своей деятельности в «Мухерес Либрес». Её открытость и готовность обсуждать вопросы, которые были спорными для «Мухерес Либрес», сделали её бесценным источником информации и совершенно потрясающей подругой.

С Мерседес Комапосадой мы встретились впервые в Париже в январе 1982 года в её уставленной книгами однокомнатной квартире, в которой она жила уже сорок три года. Её *compañero*, художник и скульптор Лобо, жил в комнате по соседству. Мне её описывали как очень привлекательную, изящную и хрупкую женщину. Она действительно оказалась такой, но при этом была очень живой и в здравом уме. Когда нам случалось идти по улице, она чуть ли не бежала, поражала меня своей скоростью. Даже на девятом десятке она сохранила «благородное» обаяние, подмеченное в ней девушками, которых она обучала на занятиях, организованных «Мухерес Либрес».

Мерседес родилась в Барселоне в 1900 году. Её отец был убеждённым сторонником социализма. Подростком она уехала

[1] Пепита Карпена, ряд интервью, Монпелье, Франция, 30–31 декабря 1981 г., и Барселона, Испания, 3–4 мая 1988 г.

учиться в Мадрид и там узнала об НКТ. Когда товарищи из НКТ пригласили её провести ряд занятий в местном зале заседаний профсоюза, она была просто потрясена отношением к присутствовавшим на нём женщинам. Вскоре после этого вместе с впечатлённой не меньше неё Лусией Санчес Саорниль она приняла решение посвятить себя просвещению женщин, дабы вдохновлять их и поощрять к раскрытию всего потенциала своих способностей, и эта их совместная мечта через несколько лет оформилась в «Мухерес Либрес».

Мерседес утверждала, что они «...никогда не называли себя "основательницами" — только инициаторками». Но, хотя такой термин предполагает отказ от единоличной власти или авторитета, Мерседес явно считает себя единственной легитимной представительницей «Мухерес Либрес». Уже несколько лет она работает над подготовкой и редактированием документов организации и с подозрением относится к тем, кто пытается публиковать или говорить о них, прежде чем она завершит свою работу. Сама она постоянно отказывается от любых приглашений рассказать о «Мухерес Либрес» на анархических или феминистских встречах (видимо, из опасения, что её слова будут неправильно поняты или вырваны из контекста), но неизменно критикует тех, кто такими приглашениями воспользовался — мол, они были слишком молоды или вступили в организацию слишком поздно, чтобы по-настоящему понять всю суть её деятельности. Очевидно, она придерживается некой понятной только ей позиции, и оттого наши отношения были несколько проблематичными.

При этом именно благодаря Мерседес я встретилась с Соледад Эсторак, одной из создательниц барселонской группы, которая вошла в состав «Мухерес Либрес» осенью 1936 года. Когда я впервые увиделась с ней в Париже в январе 1982 года, она выглядела намного моложе своих шестидесяти шести. Мы провели в её квартирке немало часов, беседуя о её молодости, об участии в НКТ и «Мухерес Либрес» и о том, каким она видит положение женщины в обществе. До нашего знакомства все описывали её как движущую силу «Мухерес Либрес» в Барселоне, и когда я познакомилась с ней, оказалось, что это описание совпало с поразительной точностью.

Соледад выросла в небольшой деревне, примерно в двухстах километрах от Барселоны, хотя, как она объяснила, она «не жила

традиционной жизнью *campesina* (крестьянки)». Её отец провёл много лет за пределами Испании и преподавал для взрослых. Он же научил Соледад читать и писать — навыкам, практически немыслимым для девочек её социального слоя. От него она получила и политические знания: «У него были очень передовые идеи, которые сильно на меня повлияли, — в особенности представления о справедливости». Семья её матери была совсем другая: «Они были очень религиозными землевладельцами».

Отец умер, когда ей было одиннадцать, и Соледад пришлось начать работать. Учитель из соседней деревни, друг её отца, продолжал давать ей уроки по несколько часов в неделю. Пока ей не исполнилось пятнадцать, они с семьёй оставались в деревне, но потом мать и родственники стали вынуждать её выйти замуж, то есть найти мужчину, который мог бы содержать её и всю семью. Однако, как она сама выразилась, «...я была верна своему отцу, его мировоззрению и идеям. Я хотела путешествовать, как и он, учиться... Я не хотела провести всю свою жизнь в четырёх стенах дома. Я хотела покорять мир. Я уговорила маму отпустить меня в Барселону. Я рассчитывала работать в магазине дяди, чтобы прокормить семью и получить образование»[1].

Она уехала первой, а вскоре к ней присоединились мать и младшая сестра. Она устроилась работать к дяде, но экономический кризис заставил его закрыть лавку, и Соледад пришлось искать другую работу. Она пополнила ряды домашней прислуги, но работать приходилось слишком много (с пяти утра до часа ночи!), а оплата была ничтожной, и поэтому через некоторое время она перешла работать на фабрику, надеясь, что сможет зарабатывать больше и иметь больше времени для «образования». В конце 1930 года она записалась в вечернюю школу и стала общаться с товарищами из НКТ, которая на тот момент ещё была подпольной организацией.

В 1931 году, после падения монархии, она попала в *ateneo* (школа и культурный центр), где познакомилась с Абелардо Сааведрой (дедом Энрикеты и Асусены). Соледад впечатлила сила его убеждений. «Для молодёжи он был словно книга, которая никогда не закрывается», — вспоминала она. Присоединившись к молодёжной группе в *ateneo*, Соледад вскоре стала

---

[1] Соледад Эсторак, интервью, Париж, 6 января 1982 г.; личная беседа, октябрь 1989 г.

militante и проводила практически всё время на собраниях или в подготовке к ним, пребывая в восторге от этого сообщества и в восхищении от совместной деятельности. К 1934 году она уже обсуждала с другими активистками трудности, с которыми часто сталкивались женщины в НКТ, и они создали в рамках конфедерации своего рода сеть взаимной поддержки — Женскую культурную группу (Grupo cultural femenino). Когда же после создания «Мухерес Либрес» в Мадриде в 1936 году в Барселону приехала Мерседес, каталонская группа быстро согласилась присоединиться к соратницам.

Я должна упомянуть ещё одну *vieja*, Пуру Перес Аркос, которая живёт со своим *compañero* Федерико Аркосом в Уинсоре, Онтарио. Пура родилась в Валенсии в 1919 году, но через три года переехала вместе с семьёй в деревню Хатива. Её отец и дед были транспортными рабочими и членами НКТ, и Пура росла, постоянно слушая «разговоры о несправедливости». Она настояла, чтобы родители отправили её в начальную школу вместе со старшим двоюродным братом, жившим вместе с ними, и оставалась там, жадно впитывая знания, даже дольше, чем тогда было принято, — до одиннадцати или двенадцати лет. Она особенно ощущала свою удачу, когда в 1931 году была провозглашена Республика, поскольку новое правительство основало больше школ — в том числе средних, — и она смогла продолжить своё образование. В 1933 году её отца перевели в Барселону. Высокая стоимость жизни там вынудила Пуру оставить учёбу и пойти работать. Несколько месяцев спустя её семья поселилась в *barrio* Эль-Клот, где Пура смогла продолжить образование по вечерам в научно-атеистической школе «Эскуэла Натура» (Escuela Natura). Там она познакомилась с молодыми анархистами, присоединилась к *ateneo* и стала участвовать в либертарном движении. Во время войны и революции она вернулась в Валенсию, активно участвовала в «Мухерес Либрес» и работала с Соледад Эсторак в Барселоне и с Сусесо Порталес.

После войны и нескольких лет в подполье антифранкистского движения Федерико перебрался в Канаду, устроился на работу на автомобильный завод и поселился в Уинсоре. Пура же ещё несколько лет оставалась в Испании, в полной мере испытав на себе все трагические события эпохи раннего Франко. Она воссоединилась с Федерико в 1959 году и работала в Уинсоре медсестрой до самого выхода на пенсию. Теперь

она проводит свой досуг в чтении, посещает курсы в местных университетах и составляет картины из засушенных цветов. Многие годы она поддерживает тесную связь с живущей на юге Франции Сарой Беренгер Гильен и с парижанками Мерседес и Соледад и помогает приводить в порядок и редактировать документы «Мухерес Либрес». Повторюсь, её помощь — в частности в изложении принципов деятельности и взглядов «Мухерес Либрес» на современном языке — неоценима.

По мере того, как я изучала литературу о «Мухерес Либрес» и испанском анархистском движении, разговаривала и переписывалась с этими женщинами и пыталась понять их жизнь и деятельность, выкристаллизовались три темы, на которых замкнута эта книга: сообщество, раскрепощение и многообразие. «Мухерес Либрес», как и всё испанское либертарное движение, были ориентированы на коллективизм и коммунализм. Это означало, что в обществе, к которому они стремились, саморазвитие каждого его члена связано с развитием всех[1]. Свободу и равенство, неповторимость личности и коллектив они понимали как взаимозависимые элементы, каждый из которых является предпосылкой для другого. Таким образом, женщины из «Мухерес Либрес» считали рост самосознания и раскрепощение одновременно индивидуальным и коллективным процессом. Они полагали, что раскрепощение может состояться только в сообществах или организациях, где признают и ценят разнообразие всех субъектов.

Уважая их трактовку отношений между индивидуумом и сообществом, стоит отметить, что «Мухерес Либрес» и испанские либертарии были бы в корне не согласны с классической, либеральной формулировкой такого отношения, принятой и популярной в современной культуре США. Они разделяли с социалистами представление о том, что отдельные личности и сообщества не противостоят друг другу, а неразрывно связаны. Марксисты, анархисты, феминистки и другие социальные

[1] Говоря об анархо-коммунизме, авторка подразумевает традиции, представленные в том числе в работах Пьера Жозефа Прудона, Михаила Бакунина, Петра Кропоткина, Эррико Малатесты и Эммы Гольдман. Впервые эволюция этих идей была исследована М. Акельсберг в её диссертации «Перспективы анархизма: теория и практика неавторитарных организаций» *(The Possibility of Anarchism: The Theory and Practice of Non-Authoritarian Organization)*, кафедра политологии, Принстонский университет, 1976 г.

конструктивисты утверждают, что человеческие потребности и сознание — это продукты наших социальных отношений, и, таким образом, говорить о личности вне социального контекста практически не имеет смысла. Кроме того, понятие «свобода» само по себе — общественный продукт[1].

Однако множество новейших феминистских теорий и социально-исторических исследований расширили эту формулировку, подчёркивая, что общественные связи важны для формирования людей и обеспечения контекста развития их самосознания и раскрепощения[2]. Этот акцент на связях и социальном контексте порождает новое концептуальное представление о политике, предусматривающее, что она заложена не в *индивидуумах* как таковых, их потребностях и проблемах, а в том, что мы могли бы назвать «социальные подобщности» — с соответствующим акцентом на их устройстве, границах и соотношении сил внутри них[3]. С точки зрения современных феминисток этот подход привёл к изучению роли социальных

---

[1] См. Nancy Cott, *The Grounding of Modern Feminism* (New Haven: Yale University Press, 1987); Zillah Eisenstein, *The Radical Future of Liberal Feminism* (New York: Longman, 1981); и Barbara Taylor, *Eve and the New Jerusalem* (New York: Pantheon, 1983). Бенджамин Барбер, например, отмечает в книге *The Death of Communal Liberty* (Princeton: Princeton University Press, 1984), что швейцарские коммуны понимали свободу как «коллективную самодостаточность».

[2] Среди ранних статей можно назвать Temma Kaplan, Female Consciousness and Collective Action: The Case of Barcelona, 1910–1918, in *Signs*, 1982, 7 (3), 545–566; Temma Kaplan, Class Consciousness and Community in Nineteenth Century Andalusia, in *Political Power and Social Theory*, 1981, 2, 21–57; Paula Hyman, Immigrant Women and Consumer Protest: The New York City Kosher Meat Boycott of 1902, in *American Jewish History*, 1980, 70 (1), 91–105; и Laurel Thatcher Ulrich, A Friendly Neighbor: Social Dimensions of Daily Work in Northern Colonial New England, in *Feminist Studies*, 1980, 6 (2), 392–405. Из более свежих работ, исследующих важность сетей с привязкой к общине и рабочему месту для женского политического активизма, смотрите Ruth Milkman, ed., *Women, Work, and Protest: A Century of U.S. Women's Labor History* (Boston: Routledge and Kegan Paul, 1985); Ann Bookman and Sandra Morgen, *Women and the Politics of Empowerment* (Philadelphia: Temple University Press, 1988).

[3] Floya Anthias, Nira Yuval-Davis. Contextualizing Feminism: Gender, Ethnic, and Class Divisions. In: *Feminist Review*, 1983, 15. Michelle Barrett, Maureen McKintosh. Ethnocentrism and Socialist-Feminist Theory. In: *Feminist Review*, 1985, 20. bell hooks. *Ain't I a Woman: Black Women and Feminism*. Boston: South End Press, 1981.

сетей, сообщества и душевных связей в жизни женщины как в прошлом, так и в настоящем[1].

Испанские анархисты и женщины из «Мухерес Либрес», безусловно, признавали важность таких связей и социального устройства личности и, как и их старшие «сёстры» из английского движения утопического социализма (хотя, скорее всего, они даже не знали о существовании и деятельности этой группы), пытались разработать организационные формы и виды деятельности, которые позволяли бы людям непосредственно переживать их. Во второй главе я расскажу о том, как такая точка зрения позволила им привлечь людей, живущих в самых разных условиях — и в сельских общинах, и в городских кварталах, и на рабочих местах. Для женщин из «Мухерес Либрес» эта позиция означала ещё и особое внимание к роли пола как в формировании сообществ, так и в создании условий для роста самосознания и освобождения.

Вторая тема, оформившаяся в результате работы над этим материалом, связана с первой и касается вопросов власти, господства и раскрепощения. Испанские анархисты и анархо-синдикалисты развивались и старались действовать в соответствии со своим пониманием природы власти и иерархий в обществе — а следовательно, и стратегий, направленных на преодоление этих проблем. Такой подход существенно отличается от марксистской и либеральной стратегий, но перекликается с идеями большинства современных феминистских течений о пересечении иерархий пола, расы и класса. Диапазон феминистских знаний по этой теме огромен и непрерывно растёт, но их теоретические основы, как правило, стоят на трёх хорошо известных китах: феминизме либеральном, социалистическом и радикальном. Эти категории выделяются на основе разного понимания природы и источников угнетения женщин в обществе и взаимосвязи между гендерным и другими видами неравенства,

---

[1] Автор предлагает критический обзор массива такой литературы в статье «Sisters or Comrades? The Politics of Friends and Families», опубликованной в издании *Families, Politics, and Public Policies*, ed. Irene Diamond (New York: Longman, 1983), 339–356, и в соавторстве с Айрин Даймонд в статье «Gender and Political Life: New Directions in Political Science», в книге *Analyzing Gender: Social Science Perspectives*, ed. Beth B. Hess and Myra Marx Ferree (Beverly Hills: Sage, 1988). См. также Ruth L. Smith and Deborah M. Valenze, Mutuality and Marginality: Liberal Moral Theory and Working-Class Women in Nineteenth-Century England, in *Signs*, 1988, 13 (2), 277–298.

которые базируются на различиях по признаку класса, этнической и культурной принадлежности, вероисповедания и др.

Анархисты разделяют точку зрения социалистов, социалистических и радикальных феминисток о том, что факторы, играющие роль в понимании социального неравенства — в частности неравенства полов — не ограничиваются обычной дискриминацией. Однако испанские анархисты в значительной мере поддерживали соображения ранних утопических социалистов, во многом не свойственные марксистам (а также нынешним социалистическим и радикальным феминисткам). В отличие от последних, анархисты не считают классовые отношения или половое деление основной формой подчинения, от которой зависят все остальные, — для них иерархия и всякая формализованная власть важны в равной степени. Они считают разные виды подчинения (например, политическое, половое и экономическое) в той или иной мере независимыми друг от друга, и истинно революционному движению следовало отреагировать на каждое из них.

В своём исследовании британских оуэнистов Барбара Тейлор[1] утверждает, что они, эти ранние утопические социалисты, разработали модель анализа общества и превосходства, в котором люди рассматривались как привязанные к общности, а позже признали необходимость исследования гендера и класса как иных проявлений такого превосходства. И всё же, как она отмечает, этот многогранный анализ угнетения просуществовал относительно недолго: через несколько лет феминизму не осталось места в социалистическом понимании солидарности. Принцип радикального равенства полов, этот важный аспект утопического социализма, был утерян с развитием научного социализма, для которого центральной категорией анализа стал класс. В последовавших расколах феминизм потерял свой классовый анализ, а социализм потерял феминистский подход.

Хотя сила марксистского анализа состоит именно в его настойчивом утверждении, что в основе всех отношений господства и подчинения в обществе лежат экономические отношения, многие критики с феминистских позиций считают такой однобокий подход к угнетению недостатком марксизма. В таком анализе нет места для отдельного исследования угнетения женщин, которое

[1] Barbara Taylor. *Eve and the New Jerusalem*. Harvard University Press, 1993.

имеет место и в социалистических, и в капиталистических обществах независимо от способа производства. Но если к марксистской модели анализа, что называется, «добавить женщин и перемешать», мы получим лишь бессвязный набор фраз, поскольку это подточит силу, являющуюся порождением аксиомы о том, что экономические отношения есть источник *всех* иерархий.

Анархизм утверждает, что с иерархией следует бороться и искоренять её независимо от экономических отношений, и поэтому, в отличие от марксизма, анархическая аналитическая модель включает в себя множество отношений господства и подчинения, необязательно настаивая на том, что какое-то может быть первичным. Именно потому опыт «Мухерес Либрес», учитывающий этот многогранный характер угнетения, может быть интересен современным феминисткам, всячески стремящимся разработать понимание подчинённого положения женщин и раскрепощения, которое могло бы учитывать этнические, расовые и классовые различия.

«Мухерес Либрес» рассматривали индивидуальную идентичность в контексте общины и считали, что иерархические структуры власти (основанные на признаках пола, религии или класса) ограничивают развитие и отдельной личности, и общностей, и пытались разрабатывать стратегии раскрепощения (*capacitación*), которые позволяли бы и женщинам, и мужчинам, находившимся прежде в подчинённом положении, раскрывать свой потенциал. Феминистки и демократические активисты в Соединённых Штатах, конечно, задаются подобными вопросами. Что такое *раскрепощение*? Как мы можем расширять свои возможности (или возможности других), не создавая новых властных отношений? Недавно писательница Стархок предложила анализ власти, выделив «власть над» (власть через превосходство), «власть внутри» (власть, способность что-либо делать) и «власть среди» (власть сильной личности в коллективе равных, власть не приказывать, а предлагать и получать поддержку). Этот анализ иллюстрирует указанные изыскания современных феминисток и в особенности экофеминисток[1], и опыт «Мухерес Либрес» может внести значительный вклад в разрешение этой проблемы.

И, наконец, вопрос разнообразия, который лежит в той же плоскости, что предыдущие два. Испанские анархисты подчёркивали важность сообщества и взаимосвязь его с личностью,

[1] Starhawk. *Truth or Dare: Encounters with Power, Authority, and Mystery.* San Francisco: Harper and Row, 1988, особенно сс. 8–10.

утверждая, что общие идеи и мнения вполне могут не основываться на единообразии и что сообщества могут не просто объединять в себе многообразие, но и становиться сильнее за счёт него. В теории это, конечно, проще, чем на практике. Во многих отношениях история «Мухерес Либрес» представляет собой попытку построить движение, способное учитывать хотя бы одно различие — гендерное. Женщины из «Мухерес Либрес», действуя в контексте испанского анархистского движения, побуждали своих товарищей — и мужчин, и женщин — переосмыслять, в чём суть их сообщества, кто к нему принадлежит, кому оно служит и как оно функционирует. И в ходе этого «Мухерес Либрес» развивали анархическую теорию и практику в абсолютно новых направлениях.

Этот аспект их деятельности ставит сегодня важные задачи и открывает новые возможности. Неслучайно, что по мере того, как мы всё более склонны признавать роль общинных связей в нашей жизни, современные феминистки в США и теоретики-демократы пытаются понять, что мы вкладываем в термин «сообщество». В рамках широкого феминистского движения о месте общества в вопросе идентичности первыми заговорили цветные женщины, которые делали это наиболее последовательно. Они настаивали, что любая подлинно феминистская концепция — и сообщество — должны не просто допускать, но и культивировать многообразие[1].

Совсем недавно белые феминистки начали всерьёз обсуждать смысл и значение многообразия среди женщин[2]. Растёт

---

[1] Audre Lorde. *Sister Outsider.* Trumansburg, N.Y.: Crossing Press, 1984. Diane K. Lewis. A Response to Inequality: Black Women, Racism, and Sexism. In: *Signs*, 1977, 3 (2), 339–361. Margaret A. Simons. Racism and Feminism: A Schism in the Sisterhood. In: *Feminist Studies*, 1979, 5 (2), 389–410. Bonnie Thornton Dill. Race, Class, and Gender: Prospects for an All-inclusive Sisterhood. In: *Feminist Studies*, 1983, 9 (1), 131–150.

[2] Вот одна из первых работ о взаимосвязи расизма и сексизма: Lillian Smith, *Killers of the Dream* (New York: Norton, 1961). См. также Elizabeth V. Spelman, *Inessential Woman* (Boston: Beacon Press, 1988); Adrienne Rich, Disloyal to Civilization: Feminism, Racism, and Gynephobia, in *On Lies, Secrets, and Silence: Selected Prose 1966–1978* (New York: Norton, 1979), 275–310; Phyllis Marynick Palmer, White Women/Black Women: The Dualism of Female Identity and Experience in the United States, in *Feminist Studies,* 1983, 9 (1), 151–170; Elly Bulkin, Minnie Bruce Pratt, Barbara Smith, *Yours in Struggle* (New York: Long Haul Press, 1984).

число белых женщин, которые начинают понимать, что понятия «женщина» может вообще не существовать и что женская идентичность непосредственно связана с определёнными этническими, религиозными и культурными группами, которые тоже оказывают на неё определённое влияние. Конечно, для множества женщин — работниц, небелых, евреек и представительниц прочих угнетаемых групп — эти различия, не всегда принимаемые в расчёт всеобщим «женским движением», были более чем знакомы[1]. Тогда какое же значение это имеет для феминистских практик или феминистской теории? Должны ли мы отказаться от понятия общности, признавая классовые или этнические различия среди женщин?

«Мухерес Либрес» сосредоточивались на гендерных различиях между женщинами и мужчинами в рамках широкого либертарного движения больше, чем на классовых или этнических различиях среди женщин. Тем не менее их борьба за признание различий между полами наряду с отстаиванием равенства, безусловно, поучительна. Кроме того, я считаю, что некоторая их настороженность по отношению к феминизму могла возникнуть из осознания ими себя как женщин из рабочего класса и из различий между их потребностями и опытом и аналогичными качествами представительниц среднего класса. Таким образом, хоть их идеология и отличалась от нашей, поскольку они были сосредоточены главным образом на гендерных различиях в рабочем движении, а не на классовых или этнических различиях внутри женского движения, их борьба, их стратегии, их успехи и поражения всё же могут оказаться ценными для нас.

В начале этого века и во время Гражданской войны (1936–1939) анархистское и анархо-синдикалистское движение в Испании не только разработало теоретическую концепцию, но и создало множество экономических, политических и культурных проектов, позволяющих проверить на практике их взгляды на сообщество, а также многообразие, превосходство и раскрепощение. Испанские либертарии стремились

[1] Maria C. Lugones, Elizabeth V. Spelman. Have We Got a Theory for You! Feminist Theory, Cultural Imperialism, and the Demand for 'The Woman's Voice'. In: *Women's Studies International Forum*, 1983, 6 (6), 573–581. Martha Ackelsberg. *Personal Identities and Collective Visions: Reflections on Being a Jew and a Feminist.* Лекция в Колледже Смит, 8 марта 1983 г.

создавать сообщества, которые уважают индивидуальность каждого участника, и одновременно считали, что индивидуальность можно развить и познать только в коллективе. Основательницы «Мухерес Либрес» были решительно преданы целям движения и активно участвовали в созданных им организациях. Каждая из них была взращена движением, и многие из них признаются, что смогли в полной мере понять, кем на самом деле являются, лишь благодаря участию в профсоюзах, школах и культурных центрах, туристических клубах и тому подобных структурах. Важную роль в их становлении как личностей сыграло именно либертарное сообщество.

В то же время они чувствовали, что женщинам чего-то недостаёт, и это было болезненным: сообщество, созданное в результате их участия в анархо-синдикалистском движении, было настолько важно для них, что они боялись всего, что могло подорвать его единство и целостность. Но все они пришли к выводу о том, что ради развития, как собственного, так и других женщин, и ради самого движения нужна отдельная организация, посвящённая эмансипации женщин. Для каждой из них это решение было не из лёгких, и его часто жёстко критиковали их товарищи — и мужчины, и женщины.

Таким образом, я хотела бы посвятить данную работу хронике борьбы этих женщин и параллельно разъяснить нашу собственную деятельность — рассмотреть традиции, создавшие в Испании почву для либертарного движения, попытаться понять, как и почему эти женщины пришли к необходимости автономной женской организации, изучить, какие взаимосвязи они видели между ней и долгосрочными целями либертарного сообщества, как их воспринимали основные организации движения. Современные феминистские движения за равноправие существенно отличаются от них, но и они стремятся создавать отношения, которые могут способствовать развитию без подавления личности, и сообщества, способные обеспечить полноценные условия для участия. Связав это, я надеюсь, мы сможем не только извлечь урок из их истории, но и вдохновиться ею.

1. АНАРХИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЕ ЖЕНЩИН

Как только провозгласили Республику, люди отправились к тюрьмам — освобождать заключённых. Я тоже пошла. Помню, один парень воскликнул: «Abajo la política! *(Долой политику!)* Abajo la Guardia Civil! *(Долой гражданскую гвардию!)» и прочие «долой» — и добавил:* «Viva la anarquía!» *(Да здравствует анархия!). «Ага, да это же анархист», — подумалось мне. Это был первый анархист, которого я встретила, и он не выглядел отталкивающе — совсем наоборот*[1].

Соледад Эсторак

Нас спрашивали: «Дети, а вы крещёные?» и, заслышав «нет», добавляли: «Уму непостижимо, девочки! Такие красивые дети, — нас было шесть сестёр и брат, все как на подбор кровь с молоком, — и воспитываются безбожниками, как собаки!» А мы отвечали им: «Нет, это вы, как собаки, раз вам нужен хозяин»[2].

Энрикета Ровира

Для анархистов источником всякого зла в обществе является превосходство во всех его формах, неважно, практикуется ли оно властью, религиозными институтами или через экономические отношения. Разделяя характерную для многих направлений социализма радикальную критику экономического господства и настаивая на необходимости фундаментальных экономических преобразований в обществе равных прав, анархизм идёт дальше марксистского социализма, вырабатывая самостоятельную критическую позицию в вопросе о государстве, иерархии и властных отношениях в целом. Если социалисты сводят корни *любого* господства к разделению труда

[1] Соледад Эсторак, интервью М. Акельсберг, Париж, Франция, 6 января 1982 г.

[2] Энрикета Ровира, интервью М. Акельсберг, Кастельнодари, Франция, 28 декабря 1981 г.

в экономике, то анархисты настаивают на том, что у власти есть своя логика, и она не будет уничтожена, если принимать во внимание только отдельно взятые экономические отношения.

Анархизм ставит своей целью искоренение иерархии и структуры отношений господства и подчинения в обществе. Он нацелен на создание общества, основанного на принципах равенства, взаимопонимания и взаимопомощи, в котором каждый человек ценится и уважается как личность. Такое видение вполне сочетается с теорией общественных изменений, утверждающей, что средства должны быть сообразны целям и что людей нельзя насильно направлять в общество будущего — они должны его создать сами, осознавая собственные способности и возможности. И в этой точке зрения, и в теории о пути построения такого общества анархизму есть что предложить современным феминисткам. Анархический анализ отношений превосходства предоставляет наглядную и удобную модель для понимания положения женщин в обществе и для соотношения условий, в которых находятся женщины, с положением других угнетённых групп. Теория общественного изменения, которая настаивает на единстве целей и средств и на силе угнетаемых групп, разительно отличается от многих других теорий и существующих практик социально-революционных движений.

Более того, некоторые теоретики анархизма и деятели анархистского движения XIX века как в Испании, так и в других странах Европы, а также в США отдельно обращались к теме угнетения женщин в современном им обществе и настаивали на том, что полное освобождение человечества требует не только уничтожения капитализма и политических институтов власти, но и преодоления культурного и экономического подчинения женщин как в семье, так и вне её. Например, ещё в 1872 году на конгрессе анархистов в Испании было заявлено, что женщина и дома, и на рабочем месте должна быть полностью уравнена в правах с мужчиной.

В то же время ни развивавшаяся в Испании и других странах Европы в конце XIX — начале XX века теория анархизма, ни практика испанского анархо-синдикалистского движения не были равноправными в полном смысле этого слова[1]. Хотя

[1] Анархо-синдикализм был особым творением испанских теоретиков и активистов, уникальной смесью анархических взглядов и революционной синдикалистской стратегии. См. главу 2.

многие теоретики и признавали важность освобождения женщин для перехода к анархическому обществу и важность женщин для анархического движения, приоритетными эти задачи считали лишь единицы. Вслед за распространёнными в европейском социалистическом движении тенденциями многие анархисты ставили вопрос о подчинённой роли женщин в лучшем случае вторым после освобождения трудящихся — эта проблема должна была разрешиться «сразу после революции».

Создание «Мухерес Либрес» представляло собой попытку участвовавших в испанском анархо-синдикалистском движении женщин бросить вызов этому движению, требуя от него выполнения данного им обещания, и потребовать от него предоставить им их законно причитающееся место — и в самом движении, и в обществе в целом. И хотя основательницы были разочарованы неспособностью движения в должной мере обеспечить женщинам возможности для участия, они всё-таки были убеждены, что их движение — это единственная возможность для женщин достичь настоящей свободы.

В данной книге я ставлю перед собой цель объяснить, какой была точка зрения непосредственно «Мухерес Либрес» и насколько она актуальна для современных феминисток и социальных активистов. Но для этого нам сначала, подобно самим участницам «Мухерес Либрес», нужно поместить её в контекст теории и практики анархо-синдикализма. В данной главе я рассмотрю работы испанских теоретиков анархизма и других представителей коммуналистской традиции в анархизме, обосновавших анархо-синдикалистское движение в Испании. Моя цель состоит в том, чтобы заострить внимание на их подходе к пониманию подчинённого положения женщин, критике иерархии и господства и восприятию сопряжения их озабоченности подчинённым положением женщин с теорией коренных общественных преобразований. Кроме того, я хочу рассмотреть очевидные противоречия в этом анализе — те самые его способы, с помощью которых, несмотря на лежащий в основе теории анархизма постулат о сложности и многогранности отношений господства, подчинённому положению женщин постоянно уделялось меньше внимания, чем угнетению рабочих-мужчин. Такая контекстуализация программы и деятельности «Мухерес Либрес» должна заложить основу для демонстрации способов успешного выявления в программах этой

организации слабых сторон испанского анархо-синдикализма того времени, а также понимания того, как в них сочетаются его критика и дальнейшее развитие его теории.

Здесь я сосредоточусь на том, как испанские анархо-синдикалисты понимают господство и подчинение, на их видении равноправного общества и на процессе раскрепощения, особенно в отношении положения женщин. Изучение этого даже на теоретическом уровне может стать отправной точкой для более глубокого исторического анализа корней «Мухерес Либрес» в анархо-синдикалистском движении, который я провожу во второй главе, хотя на самом деле для тогдашних анархистов теория в этом смысле едва ли отличалась от практики. Взгляды, которым посвящена данная глава, были сформированы в ходе исторической борьбы, в развитие которой они внесли свой вклад, и я привожу их исключительно с целью анализа.

Господство и подчинение

Философия анархистов предполагает равенство в политическом, социальном и экономическом смыслах. В плане первых двух анархическое общество является обществом без правительства, без узаконенных иерархических отношений или заданных моделей управления. Анархисты заявляют, что люди могут организоваться и взаимодействовать между собой, исходя из своих потребностей, что процесс общественной деятельности могут запускать отдельные люди или малые группы, и централизованная политическая координация не только нецелесообразна, но и вредна. Право или власть руководить в той или иной ситуации не должно приводить к появлению ролей или должностей с привилегированным доступом к ним избранных и систематическим запретом на него для всех остальных. Наконец, анархистам присуще отношение, отрицающее господство человека не только к людям, но и к окружающей среде. Анархисты настаивают не на покорении природы, а на создании новых способов жить с ней в максимальной гармонии[1].

---

[1] *Peter Kropotkin's Fields, Factories and Workshops Tomorrow,* ed. Colin Ward. New York: Harper and Row, 1974. См. также Myrna M. Breitbart, Peter Kropotkin: Anarchist Geographer, in *Geography, Ideology, and Social Concern,* ed. David Stoddart (New York: Oxford University Press, 1982), 134–153. Для

Практически все серьёзные философы Запада предполагали, что общественный порядок требует лидерства, иерархии и, в частности, политической власти. Многие из них утверждают, что общественная жизнь, особенно в условиях сложного социального устройства, не может существовать без силовых и властных структур[1]. «Общество подразумевает законы, регулирующие поведение людей», а законы нуждаются в органах власти, обладающих силой для их принудительного исполнения. Немногим отличается от этого и точка зрения теоретиков «общественного договора», утверждающих, что политическая власть необходима для установления стабильного общественного порядка, являющегося условием для совершения морального выбора человека. Теоретики общественных движений утверждают, что для объединения разрозненных индивидуумов в однородную группу и указания им направления нужна сильная личность (или личности). В свою очередь, организация требует, чтобы некоторые люди находились на руководящих должностях, чтобы отдавать команды, и чтобы остальные — будь то «хорошие граждане» или «хорошие революционеры» — были готовы к тому, чтобы принимать их и следовать им[2].

Анархисты в ответ на это утверждают, что формальные иерархии не только нецелесообразны, но и вредны, что существуют альтернативные, более равноправные способы организации общественной жизни. Самым же главным является то, что наряду с социалистами и с недавних пор с феминистками анархисты настаивают на том, что сама по себе природа человека является социальным конструктом. То, как люди

сравнения с современным экофеминистическим анализом смотрите Susan Griffin, *Women and Nature: The Roaring Inside Her* (New York: Harper and Row, 1978); Carol Christ, Finitude, Death and Reverence for Life, in *Laughter of Aphrodite: Reflections on a Journey to the Goddess* (San Francisco: Harper and Row, 1987), 213–228; Ynestra King, Feminism and the Revolt of Nature, in *Heresies*, 1981, 4 (1), 12–16.

[1] Ralf Dahrendorf. On the Origin of Social Inequality. In: *Philosophy, Politics, and Society*, 2nd series, ed. Peter Laslett and W. G. Runciman. Oxford: Basil Blackwell, 1962, 105.

[2] Макс Вебер. Политика как призвание и профессия. Избранные сочинения. М., 1990. Robert Michels. *Political Parties*, ed. and trans. Eden and Cedar Paul. New York: Free Press, 1962, особенно с. 326, 344–366. В. И. Ленин. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения, 1902 г., особенно части II–IV.

ведут себя, больше зависит от порядка и воспитания, чем от каких-то унаследованных черт характера. Формальные иерархичные властные структуры с успехом могут воспроизводить условия, которые они, как считается, должны разрушить: вместо того чтобы предотвращать беспорядок, правительства являются одной из главных его причин[1]. Иерархические институты усиливают отчуждение тех, кто в них участвует, и эксплуатируют их, вселяя в людей неуверенность и отрывая их от личной реальности. Иерархичные системы делают одних людей зависимыми от других, винят зависимых в их зависимости, а затем используют эту зависимость в качестве оправдания для дальнейшего осуществления власти[2].

Многие испанские анархисты использовали существовавшее тогда угнетённое положение женщин в обществе в качестве примера эффективности социальных институтов в создании зависимой личности. Хотя среди испанских анархистов существовало несколько точек зрения на природу женщин и на их возможную роль в будущем обществе, большинство теоретиков соглашались с тем, что в испанском обществе женщины были грубо ущемлены в правах и что существовавшее неравенство между мужчинами и женщинами было обусловлено по большей части социальными условиями и властью мужчин. Например, ещё в 1903 году Хосе Прат утверждал, что «отсталость женщин является следствием того, как с ней обращались и продолжают обращаться до сих пор. "Природа" здесь ни при чём... Если женщина и является отсталой, то только потому, что мужчина всегда держал её в подчинении, лишая её всех прав, которые он постепенно завоёвывал для себя»[3].

---

[1] Isaac Puente. Independencia económica, libertad y soberanía individual. In: *Estudios*, No. 121 (сентябрь 1933 г.), 22–23.

[2] Fernando Tarrida del Mármol. *Problemas trascendentales*. Barcelona: Biblioteca de «La Revista Blanca», 1930, 118–121. Ricardo Mella. *Breves apuntes sobre las pasiones humanas*, очерк, удостоенный премии, первоначально написан в 1889 г., отредактирован в 1890 г. и 1903 г. и переиздан как *Breves apuntes sobre las pasiones humanas* (Barcelona: Tusquets, 1976), 20–21. Federico Urales (Juan Montseny). Consideraciones morales sobre el funcionamiento de una sociedad sin gobierno. In: *La Revista Blanca*, 1923, 1 (4, 5, 6, 7). Современный взгляд см. у Richard Sennett, *The Uses of Disorder* (New York: Pantheon, 1970).

[3] *A las mujeres*. Conferencia leída en el «Centro Obrero» de Sabadell y en el «Centro Fraternal de Cultura» de Barcelona los días 18 y 24 de octubre de 1903. Barcelona: Biblioteca Editorial Salud, 1923, 14–15.

Грегорио Мараньон и Марьяно Гальярдо, признававшие существование значительных половых различий между женщинами и мужчинами, утверждали, что социальное гендерное неравенство является результатом лишения женщины всех возможностей: «Предполагаемое подчинённое положение женщины полностью искусственно — это неизбежное следствие цивилизации, которая путём предоставления мужчинам и женщинам раздельного и различного воспитания и образования превращает женщину в рабыню, а её спутника в жестокого тирана»[1].

Испанские анархисты, как и современные феминистки, утверждали, что власть в любой институционализированной форме — будь то экономическая, политическая, религиозная или сексуальная — ожесточает как её носителя, так и того, над кем она осуществляется. С одной стороны, те, кто обладает властью, стремятся лишь удержать её и развить. Например, правительство может заявлять о том, что оно представляет «общие интересы» или «всеобщую волю», но на самом деле это ложь, маскирующая роль государства в сохранении экономической и политической власти меньшинства над большинством[2].

С другой стороны, осуществление власти правящим меньшинством лишает власти других[3]. Те, кто находится в положении относительного превосходства, стремятся определять характер и поведение подчинённых. Комбинируя физическое запугивание, экономическое угнетение и зависимость с психологическими ограничениями, социальные институты

---

[1] Mariano Gallardo. Tendencies del instinto sexual humano. In: *Estudios*, No. 136 (декабрь 1934 г.). См. также «Influencia de las instituciones sociales sobre el carácter humano», *Estudios*, No. 137 (январь 1935 г.), 63; и Gregorio Marañon, Sexo, Trabajo y Deporte и Maternidad y Feminismo, in *Tres ensayos sobre la vida sexual*, 5th ed. (Madrid: Biblioteca Nueva, 1929), особенно сс. 43, 80, 87 и последующие страницы, с. 129 и последующие страницы.

[2] Исаак Пуэнте. Программный очерк либертарного коммунизма. The International and Karl Marx. *Bakunin on Anarchism*, ed. Sam Dolgoff. Montreal: Black Rose Books, 1980, 318. Эррико Малатеста, «Анархия».

[3] Существенная часть этого анализа была проведена совместно с Кэтрин Пайн Парсонз Эддельсон и Шоном Пайном в докладе Философскому клубу Университета штата Северная Каролина в Роли 22 марта 1978 г.; смотрите Martha Ackelsberg and Kathryn Addelson, Anarchism and Feminism, in *Impure Thoughts: Essays on Philosophy, Feminism, and Ethics*, ed. Kathryn Addelson (Philadelphia: Temple University Press, 1991).

вмешиваются в видение мира и своего места в нём каждым человеком[1]. Анархисты утверждают, что всё время испытывать на себе такое влияние и не иметь возможности действовать самостоятельно означает быть обречённым на зависимость и безысходность. Те, кому постоянно приказывают, у кого отнимают возможность мыслить самостоятельно, вскоре начинают сомневаться в собственных способностях. Наряду с современными феминистками[2] анархисты настаивают на том, что те, кто привык к чужим определениям, испытывают большие трудности с тем, чтобы определиться самим, назвать себя, продемонстрировать собственный опыт, и в особенности с осознанием себя в оппозиции к общественным нормам, стандартам и ожиданиям[3].

Таким образом, анархисты противостоят *постоянным* структурам власти, в которых, как представляется, отдельные люди находят своё «призвание», утверждая, что властные отношения в обществе должны быть более подвижны: «Люди свободны. Они свободно работают, свободно обмениваются, свободно заключают договоры»[4].

Сообщество и равенство

Многие теоретики, конечно же, продолжают утверждать, что, несмотря на отрицательное влияние иерархических структур, господство и подчинение (будь то в политической,

---

[1] William Chafe. *Women and Equality*. New York: Oxford University Press, 1977. Kathy E. Ferguson. *The Feminist Case against Bureaucracy*. Philadelphia: Temple University Press, 1984, особенно главы 1, 2 и 5.

[2] Carol P. Christ. *Diving Deep and Surfacing: Women Writers on Spiritual Quest*. Boston: Beacon Press, 1980. Judith Plaskow. *Sex, Sin, and Grace: Women's Experience and the Theologies of Reinhold Niebuhr and Paul Tillich*. Washington, D.C.: University Press of America, 1980, особенно глава 1. См. также W.E.B. DuBois, *The Souls of Black Folk* (Chicago: A.C. McClurg, 1903), особенно глава 2.

[3] José Prat. *Necesidad de la asociación*. Madrid: Ediciones el Libertario, n.d., 10. Ricardo Mella. *Organización, agitación y revolución*, Cuadernos de Educación Social. Barcelona: Ediciones Tierra y Libertad, 1936, 5. Isaac Puente. Mi concepto del apoliticismo. In: *Solidaridad Obrera*, 8 января 1936 г., 8. Federico Urales, Consideraciones morales sobre el funcionamiento de una sociedad sin gobierno.

[4] Ricardo Mella. *Breves apuntes sobre las pasiones humanas*, 34.

экономической или гендерной сфере) в общественной жизни всё-таки необходимы. В ответ на это анархисты описывают альтернативные способы организации общества, воплощающие идеи свободы и равенства в самом широком смысле этих слов. Подобные представления чётко помещают индивидуума в контекст сообщества и обращают внимание на экономические отношения, на механизмы взаимодействий, на сексуальные связи и на постоянно развивающиеся системы образования и социализации, которые с течением времени помогают обществу воспроизводиться.

Вместо неравенства как основы организации анархисты предлагают мютюэлизм, взаимопомощь и федерализм. Вместо иерархии и угнетения они предлагают дать каждому человеку возможность полностью раскрыть свой потенциал и тем самым ликвидировать всякое неравенство. Далее будут отдельно обозначены особо важные для «Мухерес Либрес» аспекты анархической революционной теории, посредством которых их вклад в развитие теории и практики поворота от авторитаризма к общественной природе свободы, видение равенства и процесс раскрепощения и изменения сознания виден яснее всего.

Свобода личности была главным постулатом испанской традиции анархизма. «Индивидуальное полновластие» — вот основная установка, которой придерживаются большинство теоретиков анархизма: свободное развитие потенциала личности является одним из базовых прав, с которым рождаются все люди[1]. В то же время испанские анархисты прочно укоренились в коммуналистской анархической традиции. Для них свобода представляла собой продукт общества: наиболее полное выражение индивидуальности и творчества может быть достигнуто только *внутри и посредством сообщества.* Как говорила Кармен Конде (учительница, тоже принимавшая

[1] Federico Urales. Comunistas y comunismos. In: *La Revista Blanca*, 1923, 1 (2), 2, 4. Federica Montseny. El espíritu gregario y el individuo, *La Revista Blanca*, 1924, 2, 9–11 и Influencias marxistas en el anarquismo, *La Revista Blanca,* 1932, 10, 265–267. Mella. El socialismo anarquista. In: *Natura*, 1904, 17 и 18; переиздано в *Breves apuntes sobre las pasiones humanas*, 53–54. Из неиспанских авторов-анархистов см., например, P.J. Proudhon, Philosophie Populaire: Programme, in *De la justice dans la revolution et dans Veglise, in Oeuvres completes de P.J. Proudhon*, 14 vols., new ed., ed. Roger Picard (Paris: Marcel Riviere, 1930), vol. 9, 206. Эмма Гольдман. Анархизм. В кн. «Анархизм и другие эссе».

активное участие в деятельности «Мухерес Либрес»), описывая отношения личности и общества: «Я и моя правда, я и моя вера... И хотя я для тебя, но никогда не прекращаю быть собой, чтобы и ты всегда мог быть собой. Потому что я не существую без твоего существования, но моё существование так же необходимо для твоего»[1]. Они часто ссылались на тезис Кропоткина о том, что общественная жизнь регулируется не антагонистической борьбой за выживание, а «взаимопомощью»: «Без взаимодействия жизнь невозможна»[2]. Только в обществе абсолютно равных, которое свободно от иерархий экономического класса, политических или половых привилегий, каждый сможет стать свободным в развитии в полной мере, а индивидуальная инициатива будет процветать[3].

Упор на индивидуальность, личную инициативу и подпитывающий её коммуналистский контекст дал испанским анархистам потенциальный повод для обращения к различиям между мужчинами и женщинами. Данная перспектива привела к формированию осознания (как минимум на теоретическом уровне) разнообразия людей и многообразия способов, с помощью которых они могут быть полезны обществу в целом, и выгод, получаемых обществом от включения в свой состав различных групп. Но проработка данного подхода как в теории, так и на практике, в отношении половых различий велась в намного более ограниченном масштабе. Как нам хорошо дали понять современные феминистки и активисты движений за права меньшинств, пути обеспечения уважения и равноправия в неоднородных сообществах не всегда очевидны. Во многих на первый взгляд эгалитарных формах общественного

---

[1] Florentina [псевдоним Кармен Конде]. Lo que debe decir lo que tiene fe. In: *Mujeres Libres*, No. 12.

[2] José Prat. *Necesidad de la asociación*, 1, 2 и 4; Tarrida del Mármol. Los siete enigmas del universe. In: *Problemas trascendentales*, 25–26.

[3] Ricardo Mella. El socialismo anarquista, 55–56. Эррико Малатеста о солидарности в *Anarchy*, 19–20. Errico Malatesta. El individualismo en el anarquismo, La anarquia, Nuestro programa. In: *Socialismo y anarquia*. Madrid: Editorial Ayuso, 1977, 55–62, 189–238. Organisation. In: *Malatesta: Life and Ideas*, ed. Vernon Richards. London: Freedom Press, 1977, особенно сс. 86–87. Смотрите также Nathan Rotenstreich, Community as a Norm., in *Communal Life: An International Perspective*, ed. Yosef Gorni, Yaacov Oved and Idit Paz (Efal, Israel: Yad Tabenkin; New Brunswick, N.J.: Transaction Books, 1987), 21–27.

устройства, например, различия между мужчинами и женщинами продолжают игнорироваться, или же считается, что они не относятся к политике, что на деле продолжает политику угнетения женщин[1].

Ограниченность представлений испанских анархистов становится ясной при анализе понимания ими основных составляющих организации общества. Большинство испанских теоретиков анархизма помещали в центр своей концепции экономические отношения, настаивая на том, что базовые принципы организации общества должны быть экономическими, а не политическими. Экономические отношения должны быть как можно менее иерархичными в отношении как вознаграждения, получаемого рабочими, так и структуры их трудовой деятельности. Они расходились между собой во мнениях по поводу того, что следует брать за основу при определении равной оплаты труда, колеблясь между коллективизмом, то есть принципом «каждому по вкладу в общее дело», и коммунизмом — «каждому по потребностям», но все тем не менее соглашались с необходимостью относительного равенства вознаграждения за работу — ради существования справедливого общества. Такой вывод делался как из-за того, что экономическое неравенство легко превращается в общественную или политическую власть, так и, что более важно, из-за того, что подавляющая часть человеческого труда имеет коллективную природу, и потому размер вклада одного человека в общее дело оценить практически невозможно[2].

Тем не менее заявления о том, что экономическое равенство должно лежать в основе общества, базирующегося

[1] См., например, Carole Pateman, *The Sexual Contract* (Stanford: Stanford University Press, 1988), Teresa Brennan and Carole Pateman, 'Mere Auxiliaries to the Commonwealth': Women and the Origins of Liberalism, in *Political Studies*, 1978, 27 (2), 183–200.

[2] Пьер-Жозеф Прудон. Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти М.: URSS, 2010. José Prat. *Necesidad de la asociación*, 6–7. Fernando Tarrida del Mármol. Interpretación matemática del interés. In: *Problemas trascendentales*, 106–107. Исаак Пуэнте. Программный очерк либертарного коммунизма. Все заимствуют эту идею у Петра Кропоткина. Смотрите его эссе Anarchist Communism: Its Basis and Principles, in *Kropotkin's Revolutionary Pamphlets*, ed. Roger N. Baldwin (New York: Vanguard Press, 1927). Пётр Кропоткин. Хлеб и воля. Голос труда, 1919.

на взаимопонимании и взаимопомощи, недостаточно для определения того, как должны выглядеть общая структура и организация такого общества. С точки зрения анархо-коммунистов, общество представлялось сетью добровольных объединений людей, которые, признавая автономию личности, в то же время могли обеспечить всеобщую координацию усилий, необходимых для достижения свободы и справедливости. Общественный порядок должен быть достигнут не посредством формальных политических структур, но добровольным сотрудничеством децентрализованных групп на местах. Они приводили в пример железные дороги, международную почтовую службу и другие виды коммуникаций как модели сетей, созданных на основе добровольного соглашения и эффективно обслуживающих потребности людей без какого-либо вмешательства со стороны органов власти[1].

Но такое сосредоточение внимания на экономических структурах, особенно в обществе, важнейшей чертой которого было резкое разделение труда по половому признаку, ставило перед женщинами целый ряд вопросов: какой будет их роль? бросит ли новое общество вызов разделению труда по половому признаку, преодолеет ли его? или же смирится с этим разделением и будет стремиться к достижению для женщин статуса «особые, но равные»? Упор на экономические структуры как на краеугольный камень общественного устройства вступал в резкое противоречие со словами анархистов, настаивавших на том, что господство и подчинение многогранны и что вопросы экономического характера — не единственное, что следует решить. На самом деле, и это будет показано во второй главе, на протяжении периода, предшествовавшего Гражданской войне в Испании, дискуссии по поводу основных институтов и структур нового общества довольно серьёзно раскалывали анархистское движение, хотя они и редко сосредоточивались вокруг положения женщин в обществе или их участия в общественной жизни.

Вместо этого большая часть дискуссий была посвящена определению типа организаций, которые составят основу

---

[1] P. J. Proudhon. *Du Principe fédératif et de la nécessité de reconstituer la Parti de la Révolution*. Paris: E, Dentu, 1863, 73–74. Исаак Пуэнте. Программный очерк либертарного коммунизма. Ricardo Mella. *Breves apuntes sobre las pasiones humanas*, 35. George Woodcock. *Railways and Society: For Workers' Control*. London: Freedom Press, 1943.

нового общества. Те, кого позже стали называть анархо-синдикалистами (и кто к 1910 году представлял позицию большинства членов НКТ), считали, что основу общества будут составлять профсоюзы[1], которые могут координировать свою деятельность как на местном, так и на отраслевом уровне путём создания федераций, в которые каждый профсоюз (или группа профсоюзов) будет посылать своего делегата. Но такое видение почти не оставляло возможности для участия в принятии общественно важных решений неработающим людям, в том числе детям, безработным, старикам, инвалидам и неработающим матерям.

Другие, называвшие себя скорее «анархистами», чем анархо-синдикалистами, настаивали, что профсоюзы представляют собой слишком узкую базу для координации либертарно-коммунистического общества. Например, Соледад Густаво, Федерико Уралес и Федерика Монсень утверждали, что профсоюзы являются порождением капитализма и бессмысленно считать, что они будут представлять собой основу для организации и координации после трансформации экономических отношений: «Рабочие существуют потому, что есть начальники. Рабочее движение исчезнет вместе с капитализмом, а синдикализм — с зарплатой»[2]. Как Густаво, так и Федерика Монсень отмечали другую традицию, издавна существовавшую в Испании — *municipio libre* (свободная община): «Я настаиваю на праве продолжения революции с того момента, когда мы провозгласим свободные коммуны по всей Испании на основе обобществления земли и всех средств производства, которые перейдут в руки производящего класса — в особенности для сельской местности, где решение, предлагаемое синдикалистами, неприемлемо даже в качестве переходного варианта»[3]. Интересно заметить, что обе эти дамы, выступавшие за организационную основу, больше приближённую к общине, были

---

[1] Christian Cornelissen. *El comunismo libertario y el régimen de transición.* Valencia: Biblioteca Orto, 1936, 29–30. Исаак Пуэнте. Программный очерк либертарного коммунизма.

[2] Soledad Gustavo. El sindicalismo y la anarquía. In: *La Revista Blanca*, 1923, 1 (3), 2.

[3] Federica Montseny. Sindicalismo revolucionario y Comunismo anarquista: Alrededor de un artículo de Pierre Besnard. In: *La Revista Blanca*, 1932, 2, 330, 332.

и самыми ярыми сторонницами освобождения женщин — хотя, насколько я знаю, никогда явным образом не противопоставляли связь между своими представлениями о нём с упором на организации общин и самоорганизацию на рабочих местах. Как мы увидим во второй главе, в вопросах, касающихся женщин и стимулирования их участия в общественной жизни, организационные стратегии, основанные на общинном принципе, зачастую были успешнее стратегий, основанных на самоорганизации на рабочих местах.

В конечном итоге большинство теоретиков и активистов НКТ пытались впрячь в одну телегу профсоюз и свободную общину, хотя принципы данного сочетания по-прежнему тяготели в сторону анархо-синдикалистского варианта. Например, Исаак Пуэнте[1] утверждал, что на самом деле в больших городах свободная община должна представлять собой местную федерацию профсоюзов, в сельской же местности небольшие городки должны будут признать общинной собственностью всё, что находится в пределах их границ, а орган по принятию решений в общине должен включать в себя «всех, кто работает». Из данного требования могли быть исключены только дети, больные и старики[2]. Разумеется, данное решение основывало социальные и политические права на *экономической* производительности труда даже в «свободной общине».

Также в следующей главе будет продемонстрировано доказательство того, что любое решение относительно видения и структуры организации стало результатом практической работы в парадигме анархо-синдикалистского движения, а не ведения теоретических споров на страницах анархических изданий. Здесь важно отметить, что испанское анархистское движение отличалось от рабочего движения в большинстве стран Европы конца XIX — начала XX века той ролью, которая отводилась деятельности и организациям, не связанным

---

[1] Исаак Пуэнте Аместой (3 июня 1896 — 1 сентября 1936) — испанский врач и анархист, активный участник НКТ. Сторонник евгеники, которую он считал возможным осуществить путём распространения навыков гигиены, уничтожения проституции и развития феминизма. Убит Франсиско Франко во время испанской Гражданской войны. — *Прим. пер.*

[2] Исаак Пуэнте. Программный очерк либертарного коммунизма. См. также Ensayo programático del Comunismo libertario, *Estudios*, No. 117 (май 1933 г.), 23–29.

непосредственно с профсоюзами, и эти отличия приобрели особое значение в контексте обсуждения «места женщины»[1].

Стоит отметить, что ни Монсень, ни Пуэнте в ходе обсуждения идеи свободной коммуны не упоминали женщин или, например, безработных мужчин. В отношении последних можно было бы предположить, что в правильно организованном обществе не будет безработных, за исключением тех, кто отказывается работать, и такой отказ от участия в общем деле будет оправдывать лишение ренегатов политических прав. Однако положение женщины было ещё более неясным: эти теоретики не указывали, будет ли она работать наравне с мужчиной (даже не упоминая при этом о какой-либо системе ухода за детьми или детского воспитания), будет ли работа по дому рассматриваться в качестве труда и будет ли существовать некий «профсоюз», который сможет подтвердить, что женщины действительно заняты домашней работой и хорошо её выполняют — возможно, они просто не планировали признавать женщин, а заодно и маленьких детей полноправными гражданами. В то время как Пуэнте утверждал, что все женщины станут трудящимися, Мелья скорее воспринимал их в качестве жён и дочерей: «Рабочие! Вы обязаны посвятить себя борьбе. Ваши жёны пойдут за вами, ведь они не меньше вашего жертвы жестокости буржуазии»[2]. Мараньон утверждал, что материнство несовместимо с работой, так как оно было или, по меньшей мере, должно было быть работой с полной занятостью — при добросовестном её выполнении. Тем не менее, утверждал он, для бездетных женщин (которых он, вероятно, рассматривал в качестве особого, по всей видимости, выходящего за рамки нормы «класса женщин») работа должна была стать обязательной[3].

Сексуальность и угнетение женщин

На самом деле дискуссия по данным вопросам является свидетельством расхождения во мнениях среди теоретиков анархизма не только по вопросу о месте женщины в рамках

[1] Автор сравнивает испанский анархо-синдикализм и другие европейские движения рабочего класса в конце этой книги.

[2] Mella. *Organización, agitación y revolución*, 19. *Breves apuntes*, 15.

[3] Marañón. Maternidad y feminism. In: *Tres ensayos sobre la vida sexual*, особенно сс. 123–125, 129, 140, 149.

организаций, представляющих рабочий класс, но и о природе угнетения женщин, и о мерах, необходимых для его преодоления. Мэри Нэш предположила, что в среде испанских анархистов в течение XIX — начала XX века получили развитие два течения мысли о природе отношений между мужчинами и женщинами[1]. Первое из них, основанное на трудах Прудона и представленное в Испании текстами Рикардо Мельи, рассматривало женщин прежде всего в качестве инструментов воспроизводства населения, которые вносят свой вклад в общественную жизнь через свою роль в семье. В соответствии с данной точкой зрения для освобождения женщин было необходимо провести переоценку работы женщины по дому, а её работа вне дома должна всегда восприниматься вторичной по сравнению с мужской работой. Представители второго, схожего с марксистскими взглядами течения, теоретическую основу которого следовало искать в трудах Бакунина и которое в своём продуктивистском аспекте было представлено в работах Исаака Пуэнте, настаивали на том, что мужчины и женщины равны и что путь к освобождению последних лежит в их вхождении в состав оплачиваемой рабочей силы наравне с мужчинами. Если придерживаться этой позиции, для преодоления своего подчинённого положения женщинам следовало стать трудящимися и в рамках профсоюзов вести борьбу за улучшение положения всех рабочих[2]. Официальная позиция НКТ согласовывалась с данной точкой зрения, хотя следует заметить, что принятие на себя *теоретического* обязательства обеспечить равноправие женщин на рабочих местах не давало гарантии того, что большинство членов НКТ будут действовать согласно данному обязательству. Как мы увидим во второй главе, в данном случае на практике это достигалось с большим трудом.

Однако были в либертарном движении и те, кто настаивали, что мало включить женщин в просфоюзы, даже если это было бы возможно. С их точки зрения, истоки угнетённого положения женщин были шире и глубже, чем экономическая эксплуатация на рабочем месте, — это угнетение было в равной степени

---

[1] Nash. Estudio Preliminar. In: *«Mujeres Libres» Espana*, 1936–1939. Barcelona: Tusquets, 1976, 10–11.

[2] См. резолюцию Сарагосского конгресса испанского движения 1870 г., цитируемую по Anselmo Lorenzo, *El proletariado militante* (Toulouse: Editorial del Movimiento Libertario Espanol, CNT en Francia, 1947), II, 17–18.

культурным и экономическим явлением, отражавшим обесценивание женщин и их деятельности семьёй и церковью. Например, анархистка, писавшая под псевдонимом «Хавьерре», в статье о том, как, по её мнению, революция затрагивает отношения между мужчинами и женщинами, так прокомментировала опубликованное в газете «Правда» сообщение о количестве «новых советских мужчин», оставлявших беременных женщин на произвол судьбы: «Политика сама по себе не в состоянии сделать человека высокоморальным в остальных аспектах жизни. [Этих мужчин] крещение в марксизм не научило быть людьми больше, чем христианское крещение»[1]. Более того, некоторые испанские теоретики анархизма отмечали связь угнетённого положения женщин с их репродуктивной функцией и двойными стандартами сексуальной морали. Они также должны были измениться после принятия новой сексуальной морали и широкого распространения информации о контрацепции и средствах её применения — это могло помочь женщинам стать абсолютно равноправными членами революционного общества.

Но даже это как нельзя более широкое понимание не было лишено двусмысленности. Киралина (Лола Итурбе, журналистка, ставшая позже активной сторонницей «Мухерес Либрес») настаивала на необходимости масштабного практического исследования этой проблемы, которое учитывало бы всю широту спектра данного феномена. Но даже в её статье «Анархо-коммунизм освободит женщин» отражается убеждение, распространённое среди анархистски настроенных критиков культуры начала XX века, что ликвидация частной собственности приведёт в том числе к свободной любви и освобождению женщин: «Только господство либертарного коммунизма может предоставить гуманное решение проблемы освобождения женщин. С разрушением частной собственности эта лицемерная мораль будет сметена на обочину истории, и мы будем свободны и сможем полностью и свободно утолить нашу любовную жажду, уважая всё многообразие форм любовной и сексуальной жизни»[2].

---

[1] Javierre. Retlejos de la vida rusa en el régimen familiar. In: *Solidaridad Obrera*, 13 октября 1935 г., 8; также Federica Montseny, La tragedia de la emancipación femenina, in *La Revista Blanca*, 1924, 2, 19.

[2] Kyralina [Lola Iturbe]. Temas femeninos: El comunismo anarquíco libertará a la mujer. In: *Tierra y libertad* (приложение) 1933, 2 (11), 197–199.

Для многих теоретиков и практиков анархизма освобождение сексуальной и семейной жизни и пересмотр роли женщин в обществе были неотъемлемыми составляющими революционного видения мира. В этом внимании к «частным» отношениям, касающимся семьи и сексуальной жизни, испанские анархисты разделяли многие взгляды как социалистов-утопистов XIX века, так и современных феминисток[1]. Но способов применения антиавторитарного анализа к сексуальным и семейным отношениям существовало несколько: какой, например, должна быть структура и природа семейных отношений в новом анархическом обществе? как участие женщины в жизни общества должно соотноситься с её ролью в семье или репродуктивными функциями? должна ли в семье сохраняться неоспоримая власть мужа и отца, как это предлагали Прудон и его последователи, или эта власть также должна быть свергнута и заменена добровольным и равноправным партнёрством? Некоторые испанские анархисты, очевидно, соглашались с Прудоном, другие пропагандировали аскезу, выступали против употребления табака и алкоголя и призывали к моногамии или полному отказу от сексуальной жизни. Тем не менее большинство теоретиков, обращавшихся к данной теме в начале XX века, пропагандировали равенство полов и свободную любовь, настаивая на том, что настоящая свобода означает полное выражение и развитие всех способностей человека, включая сексуальные. С их точки зрения, преобладавшие в обществе идеалы целомудрия, моногамии и верности отражали наследие навязанной христианской морали и в идеальном анархическом обществе подлежали замене свободной любовью и построением семьи на принципах равенства.

Данная позиция укрепилась и получила поддержку в 1920-е — 1930-е годы, особенно после того, как получили известность работы Зигмунда Фрейда, Хэвлока Эллиса и других сексологов. К 1930-м годам испанские анархисты, выступавшие

---

[1] О британских группах смотрите Barbara Taylor, *Eve and the New Jerusalem*; Ruth L. Smith and Deborah M. Valenze, *Mutuality and Marginality*. О Фурье и его французских последователях смотрите *The Utopian Vision of Charles Fourier: Selected Texts on Work, Love, and Passionate Attraction*, trans. and ed. Jonathan Beecher and Richard Bienvenu (Columbia: University of Missouri Press, 1983); Jonathan Beecher, *Charles Fourier: The Visionary and His World* (Berkeley: University of California Press, 1986).

на страницах критикующих современную им культуру журналов, подобных «Ла Ревиста Бланка» (La Revista Blanca) и «Эстудьос» (Estudios)[1], уже совмещали фрейдистскую психологию с неомальтузианской риторикой и идеями свободной любви, пытаясь выработать разностороннее представление о важности сексуальной жизни и сексуального раскрепощения для человеческого развития и в конечном итоге для социальной революции.

Ряд авторов «Эстудьос» 1930-х годов выступали в поддержку новой сексуальной этики, основанной на положительной оценке сексуальности и противостоянии двойным стандартам сексуальной морали для мужчин и женщин. Эти авторы высмеивали анархистов, призывавших к целомудрию и подавлению сексуальных порывов, и настаивали на том, что навязываемая «умеренность» ведёт не только к классическому ханжеству, следствием которого были проституция и угнетение женщин, но и к разрушенным жизням, а порой и к преступлениям. Вслед за Фрейдом они утверждали, что сексуальность является основной жизненной силой и важной составляющей как психического, так и общественного здоровья. По их мнению, вместо того, чтобы подавлять сексуальные порывы или сводить их к проституции, люди должны больше узнавать о сексуальной жизни и практиковать контроль рождаемости[2].

Новое отношение к месту сексуальности в жизни человека обозначил доктор Феликс Марти-Ибаньес, наиболее выдающийся из теоретиков анархизма в области вопросов, связанных с психическим и сексуальным здоровьем[3]. Прежде всего, он настаивал на важности генитальной фазы сексуального контакта

---

[1] Журнал «Ла Ревиста Бланка» издавался семьёй Монсень (Хуаном Монсенем [Федерико Уралесом] и Соледад Густаво) в Мадриде с 1898 по 1906 год, а затем с 1923 по 1936 год в Барселоне. Журнал «Эстудьос» издавался в Валенсии в 1920-е и 1930-е годы.

[2] A. G. Llauradó. Por el sensualismo. In: *Estudios*, No. 134 (октябрь 1934 г.). Antonio de Hoyos y Vinent. De, en, por, sin, sobre la moral sexual. In: *Estudios*, No. 138 (февраль 1935 г.). Mariano Gallardo. Experimentación sexual. In: *Estudios*, No. 146 (октябрь 1935 г.). Llauradó. La marcha triunfal del sexo. In: *Estudios*, No. 119 (июль 1933 г.), 19–20.

[3] Марти-Ибаньес регулярно писал для «Эстудьос» на различные темы, связанные с сексом и сексуальностью. В 1936–1937 гг. он вёл регулярную колонку вопросов и ответов, «Consultorio Psíquico-Sexual», позже эти статьи были изданы в виде книги с аналогичным названием под редакцией Игнасио Видаля (Barcelona: Tusquets, 1976).

и для женщин, и для мужчин как составляющей человеческого роста и развития, а также успешного брака. В его статьях опровергалась точка зрения церкви о том, что брак существует исключительно для продолжения рода — вместо этого, утверждал он, семейный союз должен пониматься как образ жизни, добровольно выбранный двумя людьми, но и в этом контексте брака, и вне такового секс включает в себя не только размножение, но и расслабление. Успешные сексуальные отношения (вне зависимости, в браке или нет) требуют признания и уважения сексуальности обоих партнёров и признания того, что сексуальный союз и удовлетворение должны быть целью сами по себе, а не только в качестве средства для производства детей, и, следовательно, успешный брак будет включать в себя знание и использование средств контроля рождаемости. Его статьи предназначались как для определения нового места сексуальности в человеческой жизни, так и для того, чтобы сделать информацию о контроле рождаемости доступной пролетариату[1].

Далее Марти-Ибаньес отмечал необходимость нового понимания сексуальности. Он говорил о том, что это понятие слишком долго путали с генитальностью, и критиковал практику навязываемого целомудрия, утверждая, что она отрицает важные человеческие потребности. В то же время он настаивал на том, что сексуальная энергия может быть направлена в различные русла и не обязательно должна быть выражена путём генитального контакта: «Давайте признаем, что *генитальное* — эротические импульсы и половой акт — это только небольшая часть *сексуального* и что кроме данного аспекта у сексуальности есть ещё множество других (работа, идеалы, социальное творчество или искусство и т. д.)... Сексуальность может выражаться как эротически, так и посредством труда в различных формах»[2]. Тем не менее, уверял он, если усилия по перенаправлению сексуальной энергии безуспешны, ни девушки, ни юноши не должны подвергать сомнению своё желание приобрести сексуальный опыт — до тех пор, пока они не считают, что секс

[1] Martí-Ibáñez. Nueva moral sexual. In: *Estudios*, No. 134 (октябрь 1934 г.), 15. Martí-Ibáñez. Erótica, matrimonio y sexualidad, *Estudios*, No. 136 (декабрь 1934 г.), 21–23.

[2] Martí-Ibáñez. Carta a Buenos Aires, a don Rafael Hasan. In: *Estudios*, No. 144 (август 1935 г.), 13. Ср. Audre Lorde, Uses of the Erotic: The Erotic as Power, in *Sister Outsider* (Trumansburg, N. Y.: Crossing Press, 1984), 55–57.

должен обязательно сопровождаться любовью или что он требует от женщины отказа от своей идентичности или чувства собственного достоинства[1].

Но, несмотря на свои призывы к новому и более свободному отношению к сексуальности, буквально все эти мыслители отождествляли «нормальную сексуальность» с гетеросексуальностью. Такое отождествление было скорее негласным, чем явно прописанным — их обсуждение сексуальности предполагало и утверждало «нормальное» или «естественное» притяжение между людьми противоположного пола. В серии статей «Евгеника и сексуальная мораль» Марти-Ибаньес открыто обращался к вопросу о гомосексуальности. В статье, посвящённой главным образом истории отношения к гомосексуальности, он попытался различить «половую инверсию», или врождённую гомосексуальность, и практиковавшееся «...добровольно, из снобизма, из любопытства или из утилитарных соображений половое извращение». Несмотря на попытки разграничить эти два вида, в статье признавалось, что зачастую трудно определить, какой вид первичен. В заключение он утверждает, что в гомосексуальности нет ничего аморального и поэтому гомосексуальное поведение не должно наказываться (так же, как не стоит наказывать клептомана, который не может перестать воровать). Однако в то же время он чётко заявлял о своей уверенности в том, что гомосексуальность является отклонением от нормы, а все гомосексуалы — жертвы «половой инверсии»[2].

Многие теоретики признавали значение потенциально освобождающего женщин нового отношения к сексуальности. Отказ от традиционного восприятия целомудрия, которое всегда связывало женщин гораздо сильнее мужчин, по-видимому, даже в анархистских кругах, мог дать женщине свободу изучать и выражать собственную сексуальность. В частности, многие идеологи — как мужчины, так и женщины — воспринимали репродуктивную деятельность женщин как причину их угнетения: до тех пор, пока замужние женщины представляют

[1] Martí-Ibáñez. Carta a una muchacha española sobre el problema sexual. In: *Estudios*, No. 138 (февраль 1935 г.), 5–6.

[2] Martí-Ibáñez. Consideraciones sobre el homosexualismo. In: *Estudios*, No. 145 (сентябрь 1935 г.), 3–5. Похожее допущение о «естественности» гетеросексуальности можно найти в работе Мараньона «Tres ensayos» и во всех дискуссиях о сексуальности в «Эстудьос».

собой объект сексуальных желаний своих мужей (аспект брачных отношений, который, очевидно, крайне редко ставился под сомнение в то время), пока не будет способа регулировать репродуктивные способности, женщины будут подвергаться эмоциональному, физическому и психическому опустошению из-за многочисленных родов и заботе о большом домохозяйстве. Такое ограничение возможностей наиболее сурово сказывалось на женщинах из рабочего класса, следовательно, контроль рождаемости имел для них особо важное освободительное значение. Мария Ласерда де Моура, часто писавшая в «Эстудьос» на тему женщин и сексуальности, критиковала анархистов, выступавших против распространения информации о контроле рождаемости среди рабочего класса: «Для них женщины — это всего лишь плодовитая и неиссякаемая матка, предназначенная для воспроизводства солдат для буржуазии или, если выражаться правильнее, красных солдат для социальной революции». Она же настаивала на том, что контроль рождаемости, напротив, должен стать фундаментальным оружием в борьбе за освобождение женщин[1].

Подобно американским и европейским феминисткам и прочим пропагандистам контроля рождаемости, Ласерда, Мараньон и другие испанские анархисты утверждали, что как семьи представителей рабочего класса, так и отдельно взятые женщины, относящиеся к этому классу, страдали от того, что у них больше детей, чем семья могла содержать, и что эмансипация женщин должна также включать в себя выбор того, становиться ли матерью, и если да, то когда и насколько часто. Вместе с тем они настаивали и на преимуществе контроля рождаемости для отдельно взятых женщин: он мог избавить их, как замужних, так и незамужних, от страха перед беременностью и таким образом позволил бы им более полно наслаждаться сексуальными отношениями[2].

---

[1] María Lacerda. El trabajo femenino. In: *Estudios*, No. 111 (ноябрь 1932 г.). Цитируется по Mary Nash, El estudio del control de natalidad en España: ejemplos de metodologías diferentes, in *La mujer en la historia de Espana (Siglos XVI–XX)*, Отчёт II Междисциплинарной исследовательской конференции. Madrid: Seminario de Estudios de la Mujer, Universidad Autonoma de Madrid, [1984], 252.

[2] Juan Lazarte. Significación cultural y ética de la limitación de nacimientos. In: *Estudios*, No. 120 (август 1933 г.) — No. 128 (апрель 1934 г.).

Некоторые исследователи развили данные аргументы, соединив мальтузианство, контроль рождаемости и классовый анализ, и сформулировали идеологию анархического неомальтузианства. Доктор Хуан Ласарте утверждал, что значение и последствия беременности и родов различаются в зависимости от социального класса. Частые беременности могли разрушительно сказаться на здоровье женщины, а также на здоровье и стабильности семьи, и так уже испытывающей постоянную нехватку средств к существованию. И чем больше детей в семье, тем выше уровень детской смертности. Короче говоря, как писал Мальтус, бедняки особенно сильно страдали от неограниченного воспроизводства. Но в случае доступности контроля рождаемости рабочие могли заменить им так называемое воздержание (на которое, как считал Мальтус, рабочие были неспособны) и тем самым использовать его в качестве составляющей стратегии своего освобождения. Имея меньшие семьи, рабочие на свои зарплаты могли обеспечивать более высокий уровень здоровья и силы. Ограничение рождаемости также могло привести к сокращению количества рабочей силы, снижению безработицы, усилению власти рабочих и даже к прекращению войн[1].

Наконец, в дополнение к созданию возможности отделить продолжение рода от удовольствия, новый взгляд на сексуальность имел важное значение для анархического понимания любви и брака. Многие анархисты заявляли о том, что постоянный моногамный брак представляет собой вид деспотизма, требовавшего неизбежного отказа от себя со стороны женщины, и что свободная любовь, под которой они понимали право мужчин и женщин свободно выбирать сексуальные отношения без выгоды для духовенства и государства и свободно завершать их тогда, когда они перестают быть взаимно

---

[1] Juan Lazarte. Significación cultural y ética. In: *Estudios*, No. 126 (февраль 1934 г.). Diógenes Ilurtensis. Neomaltusianismo, maternidad consciente y esterilización. In: *Estudios*, No. 125 (специальный выпуск; январь 1934 г.), 12–14. В общих чертах о дискуссии анархистов на тему неомальтузианства смотрите Mary Nash, El neomaltusianismo anarquista y los conocimientos populares sobre el control de natalidad en España, in *Presencia y protagonismo: aspectos de la historia de la mujer*, ed. Mary Nash (Barcelona: Ediciones del Serbal, 1984), 307–340; и El estudio del control de natalidad en España, особенно сс. 248–253.

удовлетворительными, была единственным подходящим выражением естественных стремлений как мужчин, так и женщин. Некоторые из этих авторов полагали, что различия, существующие между мужчинами и женщинами в отношении сексуальности, будут существовать даже в идеальном обществе, а если по каким-либо причинам исчезнут, им на смену придут новые; другие настаивали на том, что эти различия по большей части были продуктом социальных условий, но все они исходили из того, что, каким бы ни был источник данных различий, как мужчины, так и женщины смогут реализовать свою сексуальность более полно и с большим удовлетворением в обществе, установившем полное равноправие для женщин[1].

Вообще критика идей воздержания и моногамного брака в 20-е — 30-е годы XX века была обычным делом — тогда появилось большое количество статей, в которых вместо него предлагалась свободная любовь, или полиамория. Помимо высказывания аргументов в пользу свободной любви, многие теоретики анархизма настаивали на том, что моногамия сама по себе была продуктом стремления к обладанию, являющегося первопричиной частной собственности и угнетения женщин и что она исчезнет в анархическом обществе будущего[2]. Ампаро Пок-и-Гаскон, ставшая позже одной из основательниц «Мухерес Либрес», писала в журнале «Эстудьос» в 1934 году о том, что традиционное представление о моногамии превратило женщину, «...вне зависимости от того, любит ли она мужчину по-прежнему или нет, в предмет его постоянной собственности, в которую её отдали церковь или судья». Она утверждала, что «...правильно понимаемая моногамия означает не "навсегда", а "до тех пор, пока" длятся желание и чувства влюблённых». Более того, если и женщины, и мужчины будут придерживаться такого мнения, писала Пок-и-Гаскон, все будут ощущать себя свободнее и удовлетворённее[3].

---

[1] Federica Montseny. En defensa de Clara, II. In: *La Revista Blanca*, 1925, 2 (47), 26–28. Leonardo. Matrimonio y adulterio. In: *Estudios*, No. 113 (январь 1933 г.). Hugo Treni. El amor y la nueva ética sexual en la vida y en la literatura. In: *Estudios*, No. 118 (июнь 1933 г.). Marañón. Maternidad y feminism.

[2] Mariano Gallardo. Tendencias del instinto sexual humano; Brand. El problema del amor. In: *La Revista Blanca*, 1924, 2, 23.

[3] Amparo Poch y Gascón. Nuevo concepto de pureza. In: *Estudios*, No. 128 (апрель 1934 г.), 32.

Ещё дальше от принятых понятий о моногамной любви и браке ушла Мария Ласерда де Моура: «Любовь, — утверждала она, — всегда находилась в состоянии открытой борьбы с моногамией». В обществе истинного равенства, в котором в равной степени будут уважаться и мужчины, и женщины, моногамия будет заменена полиаморией — единственной формой выражения сексуальности, которая позволит всем людям, в особенности женщинам, которым всегда отказывали в какой бы то ни было сексуальной самостоятельности, испытать полноценное развитие, выражение и удовлетворение своих сексуальных потребностей. Позволив как женщинам, так и мужчинам иметь одновременно более одного партнёра, настаивала она, полиамория уничтожит большинство проблем, возникающих вследствие ревности, и позволит женщинам быть по-настоящему свободными в выборе, а также покончить с проституцией и сексуальной эксплуатацией, так как незамужние сексуально активные женщины больше не будут стигматизироваться и подвергаться нападкам[1].

Однако не все теоретики были настолько радикальными, как она — по их мнению, воплотить идеи свободной любви, или полиамории, в реальность будет намного сложнее. Многие авторы, особенно женщины, быстро подметили, что, когда речь заходит о равенстве женщин, очень немногие анархисты действительно применяют на практике то, что пропагандируют. Например, Соледад Густаво отмечала, что «мужчине может нравиться идея освобождения женщин, но его совсем не воодушевляет, когда она поступает так на деле... В итоге он может возжелать чужую женщину, но запрёт свою»[2].

Федерика Монсень в ответ на критику Клары, сексуально эмансипированной героини её романа «Победа», утверждала, что представление о слабой восторженной женщине хоть и привлекало некоторых анархистов, но его вряд ли можно было назвать либертарным видением. Вероятно, очень

---

[1] María Lacerda de Moura. Amor y libertad. In: *Estudios*, No. 132 (август 1934), 18-19. Смотрите также Lacerda de Moura, Cuando el amor muere, in *Estudios*, No. 127 (март 1934), 20-21. Qué es el amor plural? in *Estudios*, No. 128 (апрель 1934), 24-25; El amor plural frente a la camaradería amorosa, in *Estudios*, No. 129 (май 1934), 22-24.

[2] Soledad Gustavo. Hablemos de la mujer. In: *La Revista Blanca*, 1923, 1 (9), 7-8.

немногие женщины были готовы к тому, чтобы жить по принципам полной и неограниченной взаимной свободы или даже хотя бы подумать об этом, но «...мужчин, способных принять её, было ещё меньше»[1].

С точки зрения Монсень, незначительность числа порабощённых традиционным отношением и убеждениями испанок, морально готовых к своему освобождению, представляла куда более серьёзную проблему, чем сопротивление мужчин половому и экономическому равенству. Эмма Гольдман утверждала, что женщинам необходимо внутреннее освобождение для того, чтобы они осознали свою собственную ценность, стали себя уважать и отказались от пребывания в психологическом или экономическом рабстве у своих любовников. Но, сожалела Монсень, Гольдман не предоставила какого-либо реального руководства к действию, не обозначив того, каким образом этого освобождения достичь[2].

Как и в экономической сфере, в случае с семейными и сексуальными отношениями идеальным представлялось сочетание равенства и разнообразия. Как женщины, так и мужчины должны иметь свободу развития и выражения своей сексуальности в рамках или за пределами того, что мы сейчас можем назвать «преданными сексуальными отношениями». Обе стороны должны иметь свободу вступления и выхода из сексуальных отношений, не опасаясь вызвать по отношению к себе осуждение или остракизм со стороны общества. Семьи тоже должны стать институтами равенства — на смену непререкаемой власти отца должны прийти взаимовыручка и взаимоуважение.

Описанные выше феномены и составляют теоретическую базу анархического видения общественного устройства — общества, в котором все люди равно и взаимно уважаются и в

---

[1] Federica Montseny. En defensa de Clara, III. In: *La Revista Blanca*, 1925, 2 (48), 23–25. Также En defensa de Clara II, 29; и Brand. El problema del amor, 23.

[2] Montseny. La tragedia de la emancipación femenina, 20–21. См. Эмма Гольдман, Трагическое в эмансипации женщины. Две последних биографии Эммы Гольдман демонстрируют её растерянность и отчаяние. См. Alice Wexler, *Emma Goldman: An Intimate Life* (New York: Pantheon, 1984) и Candace Falk, *Love, Anarchy, and Emma Goldman* (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1984).

сексуальной, и в экономической, и в политической сферах, общества, основанного на вкладе людей в ежедневную жизнь общины, общества, в котором не существует угнетения и подчинения, а решения принимаются всеми и приемлемы для всех. Но как достичь такого общества? Как сотворить «новых анархических мужчин и женщин»?

Революционные преобразования: оправдывают ли цели средства?

Признать социальную природу отношений господства и угнетения, разумеется, не значит изменить их. Сложность анархической точки зрения на революционные преобразования становится ясна, когда мы изучаем попытки испанских анархистов преодолеть не угнетение в целом, но угнетение женщин в частности. Как добиться того, чтобы лишённые реальной силы люди, живущие своими интересами, — а анархисты с готовностью признавали, что люди, живущие в капиталистическом обществе, вряд ли имеют иммунитет от эгоизма, который это общественное и экономическое устройство только усиливает, — пришли к пониманию собственных возможностей и обратили внимание на потребности других людей? Как достичь внутреннего освобождения, которое даёт людям возможность признать собственную ценность и потребовать её признания от общества? Как развить чувство справедливости, присущее жизни в обществе равных возможностей, и как такое общество научит своих членов верить в собственные ценности? В частности, если угнетение женщин является результатом функционирования социальных институтов и если социальные институты лишают возможностей что-то изменить тех, кто пытается их свергнуть, как можно изменить эти институты?

Одной из определяющих характеристик коммуналистско-анархической традиции является убеждение в том, что средства должны соответствовать целям. Если целью революционной борьбы является неиерархическое общество равных возможностей, тогда оно должно быть создано в результате деятельности неиерархического движения. В противном случае его участники никогда не получат возможности действовать независимо, а те, кто возглавляет движение, будут управлять обществом и после революции. Как говорил один

из участников Гражданской войны в Испании, «a la libertad solo se llega por caminos libertarios» («свободы можно достичь только либертарными средствами»)[1]. Ещё лучше выразился Кропоткин, говоря о дилемме парламентских социалистов: «Вы думали, что завоюете государство, но государство в итоге завоюет вас»[2].

И всё-таки, как люди могут обрести силу там, где существующие практики лишают их силы? Приверженность анархистов революционному процессу, эгалитарному и неиерархическому, требует, чтобы люди признали свои собственные способности и силы для того, чтобы принять в нём участие. Очевидно, успешная анархическая революция зависит от предварительного достижения самой сложной цели самого революционного движения — народного раскрепощения.

Решение данного парадокса следует искать в анархическом понимании революционного процесса. Ожидается, что люди сами подготовятся к революции (и к жизни в коммунитарном обществе) путём участия в деятельности, которая сама по себе подразумевает равенство, раскрепощает людей и, таким образом, является революционной. В процессе социальных изменений нет и не может быть никакой встроенной иерархии, а путь к созданию нового общества состоит в создании *новой* реальности.

Прямое действие

Понять, как испанские анархисты видят раскрепощение и преобразование сознания, поможет изучение их приверженности децентрализации и «прямому действию». Децентрализация отсылает к идее о том, что в своей основе революция должна быть явлением местным, вытекающим из конкретных событий повседневной жизни людей. Революционное движение развивается из их борьбы против подчинения и должно

---

[1] V.R. Por caminos autoritarios no se consigue la libertad. *Acracia*, 1937, 2 (250). По мнению Федерико Аркоса (личное общение, 25 июля 1989 г. и 5 ноября 1998 г.), V.R. — это, возможно, Винсенте Родригес Гарсия (известный как Зирога), который наряду с Хосе Пейратсом и Фелипе Алаисом был членом редакционной коллегии журнала «Акрасия».

[2] Пётр Кропоткин, цитируемый по Diego Abad de Santillán, *En torno a nuestros objetivos libertarios* (Madrid: Edición de la sección de propaganda del Comité de Defensa confederal del centro, n.d.), 18.

обращаться к особенностям их бытия. Как мы сможем убедиться позднее, примером такого подхода могут быть созданные испанскими анархистами культурные центры, *ateneos libertarios*. До войны они представляли собой места, в которых находилось место и для школы, и для проведения досуга, и для встреч молодёжи из рабочего класса. Вот что рассказывала Энрикета Ровира об одной из таких групп: «Мы были в группе под названием Sol y Vida («Солнце и жизнь»), в ней состояли и парни, и девушки... Мы ставили театральные сценки, занимались гимнастикой, ходили в горы, ездили на море... Группа развивала и культуру, и досуг... Всякий вид деятельности сопровождался каким-то образовательным выступлением. Идеи бурлили, крепло чувство товарищества. Конечно, люди ходили на профсоюзные собрания и прочее, но отношения внутри нашей группы были ближе, обсуждения — подробнее. Вот где мы действительно сформировались идеологически»[1].

Прямое действие означало, что главная цель всякой деятельности — дать людям возможность почувствовать собственные силы и способности, вернуть возможность определять себя и свою жизнь. Это отличалось от более привычной политической деятельности даже в демократической системе[2]. Вместо того чтобы проводить изменения путём создания групп влияния для давления на политиков, анархисты призывали учиться думать и действовать самостоятельно, объединяясь в организации, в которых перемены будут основаны на собственном опыте, собственном восприятии мира[3]. Знание не предваряет опыт, а вытекает из него: «Мы начинаем, принимая решение о начале деятельности, и обучаемся в процессе. Мы будем учиться жить при либертарном коммунизме, проживая его»[4]. Люди учатся быть свободными, только

---

[1] Энрикета Ровира, интервью, Кастельнодари, Франция, 28 декабря 1981 г.

[2] Martha Ackelsberg, Kathryn Pyne Addelson. Anarchist Alternatives to Competition. In: *Competition: A Feminist Taboo?* ed. Valerie Miner and Helen E. Longino. New York: Feminist Press, 1987, особенно сс. 227–231.

[3] Современные спределения см. у Chafe, *Women and Equality*; Frances Fox Piven and Richard A. Cloward, *Poor People's Movements* (New York: Pantheon, 1977); Sara M. Evans and Harry C. Boyte, *Free Spaces: The Sources of Democratic Change in America* (New York: Harper and Row, 1986).

[4] Исаак Пуэнте. Программный очерк либертарного коммунизма.

пользуясь свободой: «Мы не очутимся внезапно среди людей, подготовленных к будущему, — без постоянного использования собственных способностей свободные люди не появятся... Внешняя революция и революция внутренняя являются предпосылками друг друга, и для успеха обеих они должны проходить одновременно»[1].

Акты прямого действия, возникающие из ежедневных потребностей и опыта, представляли собой способы, при помощи которых люди могли взять жизнь в свои руки. Феминистки поняли, что участие в группах роста самосознания и инициативах по созданию различных коллективов может иметь как внутренние, так и внешние последствия — это даст людям возможность выработать чувство компетентности и уверенности в себе в то время, когда они предпринимают действия по изменению своей жизненной ситуации. Такого рода участие раскрепощало людей и вселяло в них мужество для новых совместных действий. Соледад описывала воздействие активного участия в движении на неё и на её друзей: «Это была невероятная жизнь, жизнь молодого бойца. Жизнь, посвящённая борьбе, знаниям, преобразованию общества. Её отличало особое рвение... Это была прекрасная юность, полная чувства товарищества... Я всегда и везде участвовала в акциях и забастовках. Мы жили на очень скудные средства... Мужчины и юноши получали немного больше нас, но мы особо этим не возмущались... Иногда казалось, что мы питаемся одним лишь воздухом»[2]. Чувство раскрепощения также пронизывает воспоминания Энрикеты. «За любовь товарищей и за их сильные убеждения мы могли бы сражаться с самой Девой Марией!»[3]

Более того, прямое действие не только наделяло силой тех, кто в нём участвовал, но и влияло на других посредством феномена, который анархисты окрестили названием «пропаганда действием». Часто данный термин означал закидывание бомбами, покушение на убийство и подобные действия, однако у него было ещё одно значение, относящееся к показательной деятельности, которая привлекала сторонников силой создаваемого ею

[1] Mella. *Organización, agitación y revolución*, 31–32.

[2] Соледад Эсторак, интервью, 4 и 6 января 1982 г.; личное общение, октябрь 1989 г.

[3] Энрикета Ровира, интервью с авторкой, Кастельнодари, Франция, 28 декабря 1981 г.

положительного примера. Современные примеры пропаганды действием включают в себя потребительские кооперативы и программы по уходу за инвалидами, стариками и детьми, коллективно управляемые предприятия и программы по самостоятельному уходу за домом с равным распределением трудозатрат, женские группы здоровья и лагеря за мир. Подобная деятельность придаёт сил тем, кто в ней участвует, и одновременно демонстрирует всем остальным, что неиерархичные формы организации людей не просто существуют — они могут эффективно работать.

Очевидно, что для того, чтобы такая деятельность имела желаемый эффект раскрепощения, она должна быть по большей части самоуправляема, а не распланирована и направляема сверху. Отсюда приверженность анархистов стратегии «спонтанной организации», объединений местных групп, созданных без принуждения. Их целью было достижение порядка без принуждения — посредством того, что можно было бы назвать «федеративной сетью», объединяющей представителей местных групп (профсоюзы, ассоциации жильцов, потребительские кооперативы и тому подобное). Ключевым моментом было то, что ни отдельно взятые группы, ни высший координирующий орган не могли заявить, что они говорят или действуют за других. В идеале они должны были стать скорее дискуссионными форумами, чем управляющими организациями. Спонтанная организация должна была на практике продемонстрировать, что те, кто испытал на себе угнетение, способны рационально мыслить и действовать и могут прийти к пониманию своих потребностей и выработать пути их удовлетворения[1].

Подготовка

И наконец, самое важное — прямое действие могло иметь место только в рамках контекста «подготовки». По словам Федерики Монсень, «...Una revolución no se improvisa» («...революцию не импровизируют»)[2]. Несмотря на то, что все эти люди обладают основанном на участии в общественных отношениях чувством равенства и справедливости, этого почти инстинктивного чувства недостаточно для того, чтобы

---

[1] Mella. *Breves apuntes sobre las pasiones humanas*, особенно сс. 35–36. Proudhon. Système Des Contradictions Économiques, Ou, Philosophie De La Misère. In: *Oeuvres complètes de P. J. Proudhon.*

[2] Федерика Монсень, интервью, Тулуза, Франция, 1 февраля 1979 г.

началось революционное действие. Подготовка была необходима и для того, чтобы показать людям общественную природу как основу их бедственного положения, и для наделения их возможностью признать мощь своих коллективных действий. Без такой подготовки «революция» могла привести только к повторному установлению власти в новых формах. На самом деле многие анархисты, писавшие сразу после Октябрьской революции, указывали на Советскую Россию и впоследствии на СССР как на негативный пример того, как легко в отсутствии достаточной подготовки могла быть вновь установлена иерархия[1].

Каким бы парадоксальным это ни казалось, но люди должны быть подготовлены для того, чтобы действовать спонтанно и от собственного имени. Вторя Марксу, анархисты считали, что лучшей подготовкой, лучшим способом «повышения сознательности» является действие. «Капитализм смертельно ранен, но его агония будет продолжаться до тех пор, пока мы не будем готовы предоставить ему успешную замену. И мы достигнем её не с помощью красиво звучащих фраз, а демонстрируя наши конструктивные и организационные способности»[2]. Люди могут выработать критически важную революционную сознательность посредством рефлексии над конкретной реальностью своей жизни, зачастую вызванной их собственной деятельностью и усилиями других людей[3].

Внимательное рассмотрение отдельных аспектов положения женщин, а также деятельности «Мухерес Либрес» может помочь нам объяснить сложную природу этого процесса изменения сознания и подчеркнуть его актуальность для многих ведущихся в наши дни дискуссий. Выше я отмечала, что испанские анархисты утверждали, что одной из важных сфер деятельности для подготовки к действию было участие в организациях рабочего класса, особенно профсоюзах. В то же время,

[1] Max Nettlau. La actividad libertaria tras la revolución. In: *La Revista Blanca 10* (15 мая 1932 г.). Ricardo Mella. *Organización, agitación y revolución*, 10–11.

[2] Higinio Noja Ruíz. *La revolución española: Hacia una sociedad de trabajadores libres*. Valencia: Ediciones Estudios, n.d., 62.

[3] Peter Kropotkin. Must We Occupy Ourselves with an Examination of the Ideal of a Future System? In: *Selected Writings on Anarchists and Revolution*, ed. Martin A. Miller. Cambridge: MIT Press, 1970, 94–95. Mikhail Bakunin. The Policy of the International. *Bakunin on Anarchism*, ed. Sam Dolgoff, 167.

вторя Бакунину и противореча Марксу, они также настаивали на том, что трудящиеся в городской промышленности были не единственными людьми, способными достичь революционной сознательности. Крестьяне и представители мелкой городской буржуазии так же, как и промышленные рабочие, могли прийти к осознанию собственного угнетения и присоединиться к революционному движению[1]. В частности, многие женщины критиковали упор движения на мужской городской промышленный пролетариат. Например, Эмма Гольдман, которая довольно активно поддерживала испанскую революцию и «Мухерес Либрес», ранее утверждала, что «...анархисты соглашаются с тем, что главное зло сегодня — экономическое зло», но указывала, что «они стоят на том, что к избавлению от зла можно прийти только через учёт *каждого аспекта* жизни, как индивидуальной, так и коллективной, как внутренней, так и внешней стороны жизни»[2]. Наиболее очевидным для женщин, но не менее справедливым и в отношении мужчин было то, что рабочее место не являлось единственной областью проявления отношений угнетения и, следовательно, не единственно возможным местом для изменения сознания и раскрепощения. Полноценно сформулировавшее свои идеи движение должно преобразовать все иерархические системы, включая правительство, религиозные учреждения и, вероятно, в большей степени именно для женщин, сексуальность и семейную жизнь.

Следовательно, подготовка может и должна вестись в разных областях общественной жизни вдобавок к экономической сфере. Как Энрикета, так и Асусена говорили о более или менее несознательном «впитывании» анархического видения мира с молоком матери: «Моя мать учила нас анархизму почти так же, как религиозный человек преподаёт религию своим детям. Но, в отличие от них, она его нам не навязывала... Своими действиями, манерой выражать свои мысли и чувства и говоря всё время, как они надеялись на анархизм и мечтали о нём... Это

[1] Eliseo Reclus. *A mi hermano el campesino*. Valencia: Ediciones Estudios, n.d. [впервые опубликована в 1873 г.]. Higinio Noja Ruíz. *Labor constructiva en el campo*. Valencia: Ediciones librestudio, n.d.; Camilo Berneri. Los anarquistas y la pequeña propiedad agrarian. In: *La Revista Blanca*, 1932, 10, и 1933, 11.

[2] Эмма Гольдман. Анархизм. За что он стоит. В кн. «Анархизм и другие эссе».

почти то же самое, как если бы она не *учила* ему, а мы *жили* им, были рождены с ним, мы постигали его, как иные учатся шить или есть»[1].

Для тех, кто присоединился к анархическому движению в более взрослом возрасте, процесс обучения, конечно, выглядел иначе. Например, Пепита Карпена узнала об этих идеях от профсоюзных организаторов, которые часто посещали вечеринки молодёжи в надежде привлечь молодых сторонников к своему делу. Соледад Эсторак, ставшая впоследствии очень активной участницей барселонских отделений НКТ и «Мухерес Либрес», получила большую часть своих первых сведений об «анархистах-коммунистах», читая газеты и журналы.

Анархисты давно отметили взаимозависимость образовательных практик в более узком смысле и участия в существующих институтах, где общественное одобрение или неодобрение представляло собой непрерывные механизмы социального контроля[2]. Идея Прудона о «внутренней справедливости» — утверждение о том, что мы вырабатываем понятие справедливости в ходе взаимоотношений с другими людьми — была незамедлительно подхвачена рядом испанских теоретиков анархизма. Мелья утверждал, что единственно истинным регулятором общества является чувство справедливости, которое появляется у людей в ходе участия в институтах, признающих и подтверждающих их собственную ценность и равную ценность других людей. Коллективное чувство, порождаемое в ходе такого участия, превращается в чувство справедливости, более мощное и постоянное, чем любое чувство, навязываемое людям церковью или государством[3]. «Осуществлять справедливость, — утверждал Прудон, — значит подчиняться социальному инстинкту». Именно на фоне наших взаимоотношений с другими людьми мы учимся и узнаём, кто мы, кем являются другие люди, что такое справедливость, и следовательно,

[1] Энрикета Ровира, интервью, Кастельнодари, Франция, 29 декабря 1981 г.

[2] Michael Taylor. *Community, Anarchy and Liberty*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982, особенно сс. 123–129. Смотрите также John Rawls, *A Theory of Justice* (Cambridge; Harvard University Press, 1970).

[3] Breves apuntes, 24–26; La coacción moral, 62, 64. Также Proudhon, De la justice, in *Oeuvres complètes*, 12, 363–364.

лучшей и наиболее эффективной системой образования является само общество[1].

Другим важнейшим фактором, влияющим на выработку чувства справедливости, является общественное мнение, которое Мелья называл «моральным принуждением». Наше чувство морали вырабатывается в процессе «обмена взаимными влияниями», которые, хотя и могут изначально приходить извне, постепенно начинают восприниматься как чувство справедливости и становятся основой для нашей собственной саморегуляции. Хорошо упорядоченное общество равных возможностей, предоставленное само себе, будет производить людей с истинным чувством справедливости; любой, у кого такого чувства не будет, окажется под контролем мнения окружающих. Со временем эти мнения будут оказывать обучающее воздействие, а общественное мнение будет интернализировано в виде сознания[2].

Следовательно, целью анархистов было уничтожение институтов, препятствовавших выработке подобного морального чувства и принимавших на себя ответственность за заботу о других и о самом человеке — например, церкви, государства, судов. Как только такие учреждения будут уничтожены, принцип взаимности станет нормой поведения: самого факта пребывания в сообшестве и участия в его деятельности в рамках свободной образовательной системы и коллективного владения и распоряжения собственностью будет достаточно для того, чтобы ускорить и гарантировать развитие индивидуального чувства справедливости, которое, в свою очередь, необходимо для поддержания сообщества.

Сложность данного положения довольно ясно проявляется, когда мы обращаем особое внимание на попытки обратиться к теме угнетённого положения и раскрепощения женщин. И делавшие упор на стратегии, основанные на профсоюзной деятельности, и те, кто настаивал на более широкой культурной составляющей угнетённого положения женщин, признавали

[1] Пьер-Жозеф Прудон. Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти. Proudhon. De la Justice. In: *Oeuvres complètes,* 11, 334–343.

[2] Mella. Breves apuntes sobre las pasiones humanas, 66. Для сравнения Brian Barry, *The Liberal Theory of Justice: A Critical Examination of the Principal Doctrines in "A Theory of Justice" by John Rawls* (Oxford: Clarendon Press, 1973), 137–138.

тот факт, что женщины недооценены и лишены каких бы то ни было возможностей как в культурном, так и в экономическом плане. И те и другие принимали точку зрения, согласно которой средства и цели очень тесно взаимосвязаны между собой. Но как данные принципы и взгляды могли быть воплощены на практике? Как могли женщины в Испании начала XX века, считавшие себя и воспринимавшиеся зависимыми от мужчин, начать вести себя таким образом, чтобы развить своё собственное чувство сознательности и самостоятельности?

Конечно, данные вопросы являются ключевыми для любого движения с претензией на революционность, так как ощущение собственных способностей и возможностей — это именно то, в чём угнетатели отказывают угнетаемым. Но даже согласие с важностью данной точки зрения не гарантировало единодушия при её применении на практике. На самом деле вопрос о том, как лучше всего учесть и бросить вызов угнетению представительниц рабочего класса в испанском обществе, в рамках анархо-синдикалистского движения так и не нашёл эффективного решения. «Мухерес Либрес» были созданы именно в результате разногласий между активистами по поводу того, как достичь подобного раскрепощения.

Эти темы встречали очень живой отклик во время интервью, которые я брала в 1981 году. Группа бывших активистов устроила встречу и предалась воспоминаниям о годах, проведённых ими в составе НКТ и ИФЛМ. После недолгого обсуждения роли ИФЛМ и *ateneo* в привлечении молодёжи к новым идеям в 20-е — 30-е годы разговор перешёл к теме освобождения женщин. Были выдвинуты две разных, но с равным упорством отстаивавшихся точки зрения. Одну из них выражал мужчина, относивший себя к убеждённым сторонникам освобождения женщин, который довольно живо рассказывал о том, как мужчины часто принимали подчинённое по отношению к ним положение их соратниц как должное даже в среде анархистов. Он утверждал, что именно из-за культурного аспекта угнетения женщин анархисты-мужчины несли ответственность за принятие на себя ведущей роли в изменении данного порядка. Выхода женщин на оплачиваемую работу в данном случае было недостаточно: «Существует слишком много мужчин, чьи жёны работают, но по-прежнему выполняют всю работу по дому». После стольких лет социализации женщины по-прежнему

готовы принять традиционные роли. Мужчины, у которых есть понимание и ощущение своих собственных способностей, настаивал он, должны взять инициативу в свои руки и побуждать своих соратниц к большей самостоятельности и автономии.

Другая точка зрения была выражена женщиной, которая была активисткой «Либертарной молодёжи» в 30-е годы, и чья жизнь коренным образом изменилась после этого. Она также была сторонницей освобождения женщин, но упорно спорила с утверждением своего товарища о том, что именно мужчины должны взять инициативу в свои руки. Она утверждала, что его упор на то, что современные феминистки называют «политикой работы по дому»[1], был неоправданным. Она настаивала на том, что основной проблемой является не то, кто моет посуду и убирается в доме, а то, что женщина должна иметь возможность идти туда, куда ей хочется, и говорить то, что она думает. В корне угнетения женщин лежит невежество. По её словам, «cada mujer que se cultura un poco desarrolla armas» («каждая женщина, которая занимается самообразованием, совершенствует своё оружие»). «Для меня имеет значение, чтобы женщина могла открывать рот. Это не вопрос мытья тарелок, — говорила она, — а ходить на собрания не проблема. Ходить на собрания — это вид досуга. Важны же именно работа и самообразование», в то время как её собеседник настаивал на том, что ответственность, которую женщина несёт за работу по дому и за семью, не даёт ей возможность участвовать в деятельности общины[2].

Вскоре стало ясно, что основным камнем преткновения между ними была не первичность работы, чтения или домашних обязанностей, а инициатива. Мужчина настаивал на том, что вследствие груза подчинения, который женщинам приходится на себе нести, таковая должна исходить от мужчин, а его оппонентка утверждала, что «...товарищ никогда не должен говорить женщине: "Освободись, а я помогу тебе". Женщина должна сама освобождать себя, и для мужчины нормально помочь ей в этом, но *инициатива* должна исходить от женщины. Это должно быть её делом».

---

[1] Pat Mainardi. The Politics of Housework. In: *Sisterhood Is Powerful: An Anthology of Writings from the Women's Liberation Movement*, ed. Robin Morgan. New York: Vintage Books, 1970, 447–454.

[2] Дискуссия в Centro Lleidatá, Барселона, 6 августа 1981 г.

То, что эта дискуссия звучит настолько актуально, не должно вызывать удивление. Она велась между людьми, которые хоть и не выросли во время развития современного феминистского движения, но явно испытали его влияние. Тем не менее вопросы, которые они поднимали, и особая манера, в которой они их обсуждали, были созвучны дискуссиям в печати начала XX века. В 1903 году Хосе Прат призывал женщин нести ответственность за свою эмансипацию, несколькими годами позднее Федерика Монсень утверждала, что одним из способов борьбы женщин за отмену двойных сексуальных стандартов было относиться серьёзно к самим себе, то есть восставать и наказывать мужчин, которые их соблазнили и бросили, вместо того чтобы дрожать от стыда, а Соледад Густаво, вторя заявлениям Эммы Гольдман о внутренней эмансипации, настаивала на том, что для появления нового порядка полового равенства женщинам придётся «...демонстрировать своими действиями то, что они способны думать, генерировать идеи, быть упорными в принципах и бороться за свои идеалы»[1].

Вопрос, к которому обращались все вышеупомянутые товарищи, касался именно раскрепощения и преодоления угнетения — как лучше всего достичь этого, учитывая влияние культурной обусловленности и потенцию к автономии, присущую каждому человеку? Тем не менее вопрос о значении угнетения женщин и его месте в рамках анархического проекта был далёк от решения как в теоретических трудах испанских анархистов, так и в деятельности самого движения — об этом будет рассказано далее. Но эти дискуссии внутри движения продолжались на протяжении 1930-х годов, и в итоге именно они привели к возникновению «Мухерес Либрес».

[1] Prat. *A las mujeres*, 28–29. Montseny. El ocaso del donjuanismo. In: *La Revista Blanca*, 1925, 2 (46), 9–11. Gustavo. Hablemos de la mujer, 9.

2. МОБИЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОФСОЮЗОВ: ЖЕНЩИНЫ И ИСПАНСКОЕ АНАРХИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Период с 1868 по 1936 год стал своего рода подготовкой к социальной революции, которая разразилась в июле 1936-го как реакция на мятеж генералов против Испанской республики. Борьба тех лет изменила облик испанского общества и политики, равно как сознание и восприятие участвовавших в ней тысяч людей самими себя. Как с готовностью отмечают сами испанские анархисты, революции не возникают на пустом месте — им нужен прочный фундамент, который в самой Испании с организационной точки зрения формировался на протяжении семидесяти лет, начиная с 1868 года, когда в этой стране впервые официально появился анархизм.

Во многих исследованиях испанского анархизма и анархо-синдикализма объединение в последнем в 1910–1919 годах «коллективистских» и «коммунистических» (иначе говоря, «реформистских» и «революционных») тенденций считается огромным творческим достижением движения и его наиболее важным вкладом в историю социал-революционного анархизма[1]. Преодолеть напряжённость между этими на первый взгляд противоположными точками зрения было, безусловно, важно,

[1] Xavier Cuadrat. *Socialismo y anarquismo en Cataluña: los orígenes de la CNT*. Madrid: Ediciones de la Revista de Trabajo, 1976. Murray Bookchin. *The Spanish Anarchists: The Heroic Years, 1868–1936*. New York: Free Life, 1977; AK Press, 1998. Juan Gómez Casas. *Historia del anarchosindicalismo español*. Madrid: ZYX, 1969. Joaquín Romero Maura, *«La Rosa de Fuego»: republicanos i anarquistas. La política de los obreros barceloneses entre el desastre colonial y la semana trágica, 1899–1909*. Barcelona: Grijalbo, 1974, сосредотачивается на раннем периоде, но описывает предпосылки создания анархо-синдикализма.

однако я хочу подчеркнуть ещё и то, что успешная революционная стратегия должна ориентироваться не только на одних профсоюзных рабочих. В Испании конца XIX – начала XX века с её разнородными обществом и экономикой движению, ратовавшему за социальные изменения, необходимо было устранить разногласия – и между рабочими и крестьянами, причём как в рамках профсоюзов, так и за пределами их сфер влияния, и между мужчинами и женщинами, обратившись к различным аспектам повседневной жизни каждого. Именно такой подход оказался успешнее всех стратегических компромиссов, поскольку он привёл испанское либертарное движение к успеху. Его анализ поможет нам понять не только роль женщин в движении, но и причины появления «Мухерес Либрес» как отдельной организации.

К началу Гражданской войны анархистское движение сформировало широкую сеть инициатив и организаций, ориентированных на конкретные потребности самых разных групп испанского рабочего класса. В феврале 1936 года НКТ могла похвастаться примерно 850 тысячами своих членов, объединённых в неиерархические союзы и федерации по отраслям и регионам (см. Приложение А). Уникальное сочетание революционных целей и отчасти «реформистской» тактики позволило НКТ остаться массовой организацией, не потеряв при этом радикального характера. С другой стороны, движение не ограничивало себя организацией профсоюзов. Так, оно поддерживало и развивало образовательные программы для взрослых и молодёжи – сеть самоорганизованных школ и культурных центров, общенациональную молодёжную организацию, а также выпускало журналы и газеты, которые делали доступной анархистскую критику культуры, политики и социальных вопросов огромному числу людей по всей стране.

Разнообразие этих программ и организаций позволяло движению обращаться к опыту самых разных групп: от высококвалифицированных рабочих городских предприятий до сельских подёнщиков, безработных, домохозяек, прислуги и даже детей. Я не берусь подробно осветить историю движения в этот период, но хотела бы очертить границы развития разных источников этой активности. Моя цель – выяснить, как испанское анархистское движение укоренилось в общинах и на рабочих местах, и определить потенциальные последствия этой широкой организационной стратегии для женщин и неквалифицированных рабочих.

Предтечи: регионализм, коллективизм и протест

В своём исследовании развития анархистского движения в сельской Андалусии Темма Каплан связывает успех движения с привлечением в него не только наёмных рабочих-мужчин, но общин в целом, в том числе женщин. Такая «общинная» стратегия позволила движению задействовать тех, для кого жизнь не определялась в первую очередь оплачиваемым трудом: «Профсоюзы могли улучшить условия труда своих членов, однако те, кто в них не состоял, существенных изменений не видели»[1]. В недавнем исследовании развития анархической идеологии в Испании Джордж Эзенвайн оспаривает утверждение, что анархо-коллективисты, выступавшие за построение анархизма в рамках профсоюзов, неизбежно игнорировали потребности и проблемы людей, не включённых в процесс производства. Он считает, что коллективисты, напротив, предусматривали возможность разделить произведённые блага в том числе и на неработающих. И хотя я склонна согласиться с Каплан в том, что более широкую основу для массовой мобилизации предложил именно общинный, а не профсоюзный подход, моя задача заключается в том, чтобы подчеркнуть значимость организационных стратегий, выходящих за пределы рабочего места в узком понимании. Эзенвайн говорит именно об этом, рассуждая об «анархической общинной жизни» и анализируя возможность преодолеть разногласия посредством «анархизма без приставок»[2].

Конечно, и модели работы, и общины, и протесты от региона к региону разнились — например, сельская Андалусия и более урбанизированная Каталония, где также укрепился анархо-синдикализм, существенно различались между собой. Тем не менее в городах движение одинаково ориентировалось на деятельность как внутри, так и вне профсоюзов. Причины успеха коммуналистского анархизма в Испании кроются в традициях местничества и коллективных (общинных) действий, создавших предпосылки для движения.

---

[1] Temma Kaplan. *Anarchists of Andalusia*. Princeton: Princeton University Press, 1977, 164–165, 161–162.

[2] George Esenwein. *Anarchist Ideology and the Working-Class Movement in Spain, 1868–1898*. Berkeley: University of California Press, 1989, 107–108, 128–133 и гл. 8.

Особенностью испанской политики было традиционное, передающееся от поколения к поколению внимание к деревне и провинции. Регионализм получил дополнительный импульс с появлением утопического социализма 1830–1840-х годов и федералистско-республиканской ажитации 1860–1870-х годов. Местнические настроения и регионализм поддерживались значительными экономическими различиями — если даже не заключались в них. К тому же связь между регионами ослабляли значительно отличавшиеся между собой формы землевладения: в южных регионах Андалусии и Эстремадуры, например, основной формой землевладения была *latifundio* — огромная ферма, площадь которой измерялась тысячами гектаров и которую обрабатывали *braceros* — испанский сельский пролетариат[1]. В северо-западной части страны, в Галиции, наделы земли были крошечными, часто меньше гектара, а в Каталонии и в баскских провинциях Алава и Наварра преобладали приносившие их собственникам значительные доходы владения среднего размера — от десяти до ста гектаров[2].

К концу XVIII века в сельской Испании преобладали крупные родовые владения, как церковные, так и светские, которые резко разделяли людей на два класса: «олигархию крупных собственников... и огромную массу бедных крестьян»[3]. Так, в Андалусии, с одной стороны, было сосредоточено аграрное богатство, с другой — сельская бедность. В Севилье владения знати составляли 72 процента всего состояния «Севильского королевства». Почти 90 процентов сельских хозяйств провинции принадлежали шести феодальным родам. В Андалусии два помещичьих дома владели землями на сумму, составлявшую

---

[1] См. Edward Malefakis, *Agrarian Reform and Peasant Revolution in Spain* (New Haven: Yale University Press, 1970), особенно сс. 3–15; Juan Martínez-Alier, *Labourers and Landowners in Southern Spain* (London: Allen and Unwin, 1971); Gerald Brenan, *The Spanish Labyrinth: The Social and Political Background to the Spanish Civil War* (Cambridge: Cambridge University Press, 1943), 87–131.

[2] Joseph Harrison. *An Economic History of Modern Spain*. New York: Holmes and Meier, 1978, 5. См. также Juan Pablo Fusi, El movimiento obrero en España, 1876–1914, in *Revista de Occidente*, No. 131 (февраль 1974 г.), 207.

[3] Josep Fontana. Formación del mercado nacional y toma de conciencia de la burguesía. In: *Cambio económico y actitudes políticas en la España del siglo XIX*. Esplugues de Llobregat: Ariel, 1973, 33.

48,85 процента стоимости всех латифундий в регионе. Отношения феодальной собственности были таковы, что владельцы, многие из которых жили вне своих имений, не были заинтересованы в том, чтобы возделывать больше земель или улучшать методы их обработки[1].

Однако Наполеоновские войны и потеря колониальных рынков Северной и Южной Америки повлекли за собой катастрофические последствия в экономике, и мелкая торговая и промышленная буржуазия Испании принялась настойчиво продвигать реформы, ориентированные на развитие сельского хозяйства. Когда в 1835 году к власти пришли либералы, они инициировали ряд аграрных реформ, чтобы принести правительству деньги, а стране — экономическую продуктивность за счёт продажи земель тем, кто будет управлять ею эффективнее. Законодательные акты 1837 года отменили право церкви и сельских советов на владение землёй и выставили её на продажу на открытом рынке. Они отменили *mayorazgo* (право первородства), открыв дворянской собственности путь на рынок.

В Андалусии и Эстремадуре результаты реформ были в лучшем случае неоднозначными. Изъятие церковных земель привело к длительной вражде духовенства с режимом и фактически ухудшило положение многих крестьян и мелких землевладельцев[2]. В результате отмены ограничительных условий при наследовании имущества ситуация в сельской местности ни на шаг не приблизилась к желаемой. В основном у безземельных крестьян просто не было денег, чтобы купить эти участки. Вместо этого землю приобретали либо те, кто раньше её занимал на правах сеньора, либо «новая знать» — люди, которые заработали деньги торговлей и получили титулы при новом режиме. По сути эти реформы превратили сеньоров в капиталистов, увеличили концентрацию собственности в руках избранных, изгнали крестьян с земель, которые они традиционно возделывали, и, как следствие, привели к пролетаризации этого перемещённого населения. Формально структура землепользования стала новой,

---

[1] Antonio-Miguel Bernal. *La lucha por la tierra en la crisis del antiguo régimen*. Madrid: Taurus, 1979, 302–306, 312–313 (карта 18). Josep Fontana. Formación del mercado nacional y toma de conciencia de la burguesía, особенно сс. 24–37, 41–53.

[2] Josep Fontana. *La revolución liberal: Politíca y hacienda en 1833–1845*. Madrid: Instituto de Estudios Fiscales, Ministerio de Hacienda, n.d., 336.

но фактически картина изменилась мало, если изменилась вообще. Либеральная революция в сельском хозяйстве добилась успеха только в создании нового классового неравенства[1].

Результаты реформ были схожими по всей стране. В Арагоне, по утверждению Сьюзан Хардинг, реформы установили контроль *caciques* (местных вождей) над локальной политикой, что «...затормозило развитие капиталоёмкого сельского хозяйства в деревнях» и ограничило возможность центрального правительства модернизировать сельское хозяйство[2]. Впрочем, Сьюзан Тэкс Фриман обнаружила в кастильских деревнях и другие результаты: да, поначалу проводимые здесь реформы сконцентрировали собственность в руках одного человека, но со временем крестьяне, освобождённые от выплаты десятины и налога на урожай, смогли накопить излишки и выкупить себе землю, хотя этот пример относительного равенства был для Испании скорее исключением[3].

Перераспределение земли происходило напряжённо, в том числе из-за неравномерности экономического развития. Даже после Гражданской войны Испания оставалась преимущественно аграрной страной, хотя и с редкими островками промышленности[4]. К началу века в Каталонии уже располагалась крупная текстильная отрасль, и порядка 40 процентов её работников составляли женщины[5]. Другим важным промышленным регионом была Астурия — центр добычи угля. Финансы сосредоточилось в Мадриде и Бискайе, а в крупных городах и посёлках центральных и северных провинций

---

[1] Bernal. Persistencia de la problemática agraria andaluza durante la Segunda República. In: *La propiedad de la tierra y las fuchas agrarias andaluzas.* Barcelona: Ariel, 1974, 142.

[2] Susan Friend Harding. *Remaking Ibieca: Rural Life in Aragon under Franco.* Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1984, 53–55.

[3] Susan Tax Freeman. *Neighbors: The Social Contract in a Castilian Hamlet.* Chicago: University of Chicago Press, 1970, 17.

[4] Juan Pablo Fusi. El movimiento obrero en España, 1876–1914, 206. Harrison. *An Economic History of Modern Spain*, 69.

[5] Juan Pablo Fusi. El movimiento obrero en España, 1876–1914, 213. См. также Alvaro Soto Carmona. Cuantificación de la mana de obra femenina (1860–1930). *La mujer en la historia de España (Siglos XVI–XX).* Madrid: Seminario de Estudios de la Mujer, Universidad Autónoma de Madrid [1984], 279–298.

сформировалась небольшая прослойка среднего класса — чиновников, предпринимателей, педагогов, докторов, юристов.

Но и между классами наблюдался огромный разрыв, и сильнее всего он ощущался на юге. К примеру, в Нижней Андалусии рабочие жили в городских агломерациях по 15–20 тысяч человек. Многие были безземельными — чаще всего мужчины получали мизерную плату за подённую или, если повезёт, недельную работу на полях, а женщины нанимались в прислуги. Их питание едва ли было полноценным — калории они получали в основном из масла и хлеба, и вообще рабочие питались из рук вон плохо[1]. Многие спасались от голода браконьерством или собирали дрова и превращали их в уголь, который затем продавали на рынке. Реформы середины века усугубили ситуацию: крестьянам запретили пользоваться общинными землями, и одновременно закрылись многие благотворительные организации при церквях[2].

Жилищные и трудовые условия в промышленных районах были немногим лучше. К середине века, например, промышленные рабочие Барселоны тратили на еду почти половину своего дохода, причём 50% этой суммы приходилась на хлеб. Мясо в их рационе практически отсутствовало. Согласно докладу 1892 года, на каталонских текстильных предприятиях люди трудились в среднем по 12–15 часов в день. Производственные помещения были душными и жаркими, со слабым освещением. Около 40–45 процентов рабочих составляли мужчины, столько же было и женщин, а оставшиеся 10–20 процентов — дети, многие из которых начинали трудиться в 6–7 лет. Средняя продолжительность жизни рабочих, как правило, была вдвое меньше, чем у «среднего класса»[3], и переход на со-

---

[1] Bernal. *La lucha por la tierra*, 390–393, 414–415.

[2] Fernando de los Ríos. The Agrarian Problem in Spain, In: *International Labour Review*, 1925, 11 (6), 840, 844–845. Jerome M. Mintz. *The Anarchists of Casas Viejas*. Chicago: University of Chicago Press, 1984, особенно сс. 33–63. Bernal. Burguesía agraria y proletariado campesino en Andalucía durante la crisis de 1868. In: *La propiedad de la tierra*, 107–136.

[3] Ildefonso Cerdá. Monografía estadística de la clase obrera a Barcelona en 1856. In: *Teoría general de la urbanización*. Madrid: Instituto de Estudios Fiscales, 1968, vol. II, 657. Последнее цит. по Fontana, Nacimiento del proletariado industrial y primeras etapas del movimiento obrero, in *Cambio económico y actitudes políticas*, 85.

временное промышленное производство лишь подкреплял местные патриархальные традиции и усугублял напряжение между классами[1].

Огромным был и гендерный разрыв. Мужчины и женщины почти повсеместно, за исключением наиболее развитых промышленных районов (хотя в значительной мере такие явления имели место и там), вели практически раздельный образ жизни. Большинство женщин экономически зависели от мужчин (от отцов или мужей), их жизнь ограничивалась домом, однако такая самоидентификация с домохозяйством не означала, что они не трудились. Сельские женщины несли ответственность за *huerta* (свой огород), но их усилия по его обработке, как правило, трудом не считались. В промышленных районах всё больше одиноких женщин из рабочего класса нанимались в прислуги или шли в текстильную промышленность (некоторые — на фабрики, большинство трудилось надомницами у себя же дома). Опять же, платили им крайне мало[2]. В социальный круг большинства женщин входили исключительно женщины: родственницы, соседки, коллеги или те, с кем они виделись на рынке. Мужчины, в свою очередь, взаимодействовали в мужском мире — на заводах, профсоюзных собраниях или в местных барах.

Оба этих разрыва, классовый и гендерный, усиливала неграмотность. В сельских районах школ было очень мало. Олигархическая верхушка опасалась, что образование приведёт к радикализации народа, считая «...любые усилия в распространении культуры чем-то демоническим». В 1860 году, например, неграмотными были 84% населения Севильи, 79% жителей Кадиса и 83% — Уэльве[3]. Даже когда школы были

---

[1] См., например, Ignasi Terradas Saborit, *Les colonies industrials: un estudi entorn del cas de l'Ametlia de Merola* (Barcelona: Laia, 1979).

[2] Rose María Capel Martínez. *El trabajo y la educación de la mujer en España (1900–1930)*. Madrid: Ministerio de Cultura, Dirección General de Juventud y Promoción Socio-cultural, n.d., особенно сс. 61–75, 224–234. Также Mary Nash. *Mujer, familia y trabajo en España, 1875–1936*. Barcelona: Anthropos, Editorial del Hombre, 1983, 315–362. Albert Balcells. La mujer obrera en la industria catalana durante el primer cuarto del siglo XX. In: *Trabajo industrial y organización obrera en la Cataluña contemporánea, 1900–1936*. Barcelona: Laia, 1974, 7–121.

[3] Bernal. *La lucha por la tierra*, 390–393, 414–415.

доступны, позволить себе отдать туда ребёнка могли лишь единицы из бедных семей, а если ребёнок и посещал школу, то это был, как правило, мальчик. В 1878 году читать умели только 9,6% испанских женщин, и даже к 1900 году неграмотность среди них всё ещё составляла 71%[1], и это ещё более усугубляло трудности, которые женщины всех классов испытывали при регулировании рождаемости и уходе за детьми[2].

Очевидно, что успешному движению пришлось бы учитывать экономические, культурные и политические различия. Анархический подход — стремление к прямому действию, самоорганизации и необходимости отвечать насущным потребностям людей — особенно подходил для этой задачи. Анархисты смогли опереться и на богатые испанские коллективистские традиции.

По словам выдающегося учёного Хоакина Косты, аграрный коллективизм предполагает, что «...личная собственность распространяется только на продукт индивидуальных усилий; земля же создана природой, следовательно, на законных основаниях присвоить её нельзя»[3]. Свидетельства таких убеждений и определённых интеллектуальных и религиозных традиций в Испании наблюдались уже в XVI веке. На протяжении трёх столетий испанская деревня была местом, где происходили восстания — разной силы и уровня организации, но объединённые требованиями искоренить бедность и перераспределить земли. К середине XIX столетия из-за последствий конфискации церковных земель увеличилось число разбойных нападений и народных восстаний, всё очевиднее принимавших

---

[1] Данные по 1878 году см. у Maria Laffitte, Condesa de Campo Alange, in *La mujer en España: Cien años de su historia 1860–1960* (Madrid: Aguilar, 1964), 26. По более позднему времени см. Rosa María Capel Martínez, La mujer en el reinado de Alfonso XIII: Fuentes, metodología y conclusiones de un estudio histórico, in *Nuevas perspectivas sobre la mujer* (Madrid: Seminario de Estudios de la Mujer, Universidad Autónoma de Madrid, 1982), 182.

[2] Juan Bosch Marín. *El niño español en el siglo XX*. Madrid: Gráficas Gonzalez, 1947, 43–50. Margarita Nelken. *La condición social de la mujer en España: Su estado actual, su posible desarrollo*. Barcelona: Minerva, n.d., 119.

[3] Joaquín Costa. Colectivismo agrario. In: *Oligarquía y caciquismo, colectivismo agrario, y otros escritos*, ed. Rafael Pérez de la Dehesa. Madrid: Alianza, 1969, 50. Juan Díaz del Moral. *Historia de las agitaciones campesinas andaluzas — Córdoba*. Madrid: Revista de Derecho Privado, 1929; переиздана Alianza Editorial в Мадриде в 1967 г., 39–40.

политическую окраску[1]. Некоторые исследователи отмахнулись от этих восстаний как «стихийных», «религиозных» и «дополитических»[2], однако, например, Берналь считает, что таким способом крестьяне противостояли последствиям реформ середины века, и полагает, что это сопротивление, которое первоначально оспаривало лишь «узурпацию» общих земель, которые, по мнению самих крестьян, по праву принадлежали им, в итоге превратилось в прямой их захват. По его данным, 1857 год стал точкой отсчёта формирования сознания рабочего класса[3].

Сельскохозяйственный кризис 1850–1860-х годов потряс деревню голодом и безработицей, особенно усилившихся зимой — весной 1868 года, и это, в свою очередь, послужило фоном для буржуазной революции против монархии Изабеллы II. Крестьяне и подёнщики присоединились к общереспубликанскому энтузиазму, пытаясь превратить движение в социальную и политическую революцию и требуя перераспределения земли. Однако революционные советы муниципий отказались поддержать эти требования, и социальная революция была подавлена. Поэтому, когда в 1868 году Джузеппе Фанелли по поручению Бакунина прибыл в Испанию с анархистским посланием, он нашёл благодатную почву для своих идей среди ремесленников и подёнщиков Андалусии.

Анархизм, анархо-синдикализм и народная мобилизация

Принято считать, что формально анархическая деятельность появилась в Испании после визита Фанелли в октябре 1868 года. Понадобилось всего полвека на то, чтобы испанский анархизм вырос в единственное в своём роде массовое

---

[1] Fontana. Nacimiento del proletariado industrial, 60–62. Constancio Bernaldo de Quirós y Pérez. *El espartaquismo agrario audaluz*. Madrid: Reus, 1919. La expansión libertaria. In: *Archivos de psiquiatría y criminología*, 1906, 5, 432–438. Constancio Bernaldo de Quirós y Pérez y Luís Ardila. El bandolerismo en Andalucia. In: *El bandolerismo en España y en México*. Mexico: Jurídica Mexicana, 1959.

[2] Преимущественно E. J. Hobsbawm, *Primitive Rebels* (New York: Norton, 1959).

[3] Bernal. La lucha por la tierra, 442–444. См. также Kaplan, *Anarchists of Andalusia*, особенно гл. 8.

движение — во всяком случае, к началу 1930-х дела обстояли именно так.

Приезд Фанелли совпал с волнениями, возникшими после сентябрьской революции 1868 года — они стали последствием разочарования, испытанного безземельными крестьянами юга Испании из-за неспособности кортесов[1] перераспределить земли. История его поездки по Испании была настолько захватывающей, что вскоре стала легендарной[2]: Фанелли приехал в Испанию как представитель бакунинской фракции Международной ассоциации трудящихся, и «социализм», с которым он познакомил испанцев в 1868 году, стал впоследствии известен как анархо-коллективизм. Кстати, марксистский социализм появился в Испании только два года спустя, но так и не прижился — по крайней мере, среди рабочих Барселоны или Андалусии тогда марксистов так и не появилось[3].

В Андалусии идеи, привезённые Фарелли, вооружили *braceros* терминологией и символами для обращения борьбы за землю в более совершенную политическую программу. В Барселоне и Мадриде он встречался с людьми из рабочих клубов, которые впоследствии стали полноценными организациями. Неудача революции 1868 года побудила эти группы отделиться от республиканцев и занять более открытую антиполитическую позицию[4]. В июне 1870 года было основано испанское крыло Международной ассоциации трудящихся — так было положено начало анархистского движения Испании.

Цель ассоциации сформулировал Рафаэль Фарга Пеллисер: «Мы хотим покончить с властью капитала, государства и церкви. На их руинах мы построим анархию — свободную

---

[1] Первые в Западной Европе сословно-представительные собрания. — *Прим. пер.*

[2] Anselmo Lorenzo. *El proletariado militante,* 1, 22–27. Josep Termes. La Primera Internacional en España (1864–1881). In: *Federalismo, anarchosindicalismo y catalanismo.* Barcelona: Anagrama, 1976, 13. Max Nettlau, Miguel Bakunin. *La Internacional y la Alianza en España* (1868–1873), ed. Clare E. Lida. New York: Iberama, 1971, особенно гл. 1 и 2.

[3] См. Termes, *Federalismo,* 12–13; Fusi, El movimiento obrero en España; и Esenwein, *Anarchist Ideology.*

[4] Termes. *Federalismo, anarchosindicalismo y catalanismo,* 7–9; C.A.M. Hennessey. *The Federal Republic in Spain.* Oxford: Clarendon Press, 1962. Esenwein. *Anarchist Ideology.*

федерацию свободных рабочих ассоциаций»[1]. Съезд принял резолюцию о необходимости придерживаться синдикалистской стратегии сопротивления (то есть забастовке как орудию против нанимателей), солидарности профсоюзов по всем аспектам их деятельности, принципам федерализма и отрицанию официальной политики. Такая стратегия, позднее окрещённая анархо-коллективизмом, основывалась на вере в то, что объединённые рабочие смогут свергнуть правительство, взяв в руки оружие[2].

Но многообразие испанского общества не могло не отразиться на самой организации. Представители разных регионов страны по-разному интерпретировали новую политику. Например, каталонцы были самой большой и самой организованной группой среди промышленных рабочих. Хотя они явным образом демонстрировали приверженность революционным целям, на практике большинство из них были скорее реформистами, то есть сосредоточивались на повседневных проблемах рабочих и направляли свои силы на организацию профсоюзов и объединение внутри них. В сельской Андалусии трудящиеся, напротив, симпатизировали анархо-коллективизму, поскольку, по предположению Каплан, коллективистская программа «гарантировала им накопления, полученные в результате совместного труда, при этом отдельные профсоюзы имели право собственности на всё произведённое его членами». Неквалифицированные же рабочие и безработные предпочитали анархо-коммунизм, поскольку он был сильнее ориентирован на общину и предполагал «коллективное владение не только всеми ресурсами производства, но и всеми продуктами труда. Каждый, рабочий или домохозяйка, здоровый или немощный, молодой или старый, должен получать всё, в чём он нуждается, с общего склада»[3].

---

[1] Цит. по Clara E. Lida, *Anarquismo y revolución en la España del XIX*. Madrid: Siglo XXI, 1972, 150.

[2] Termes. *Federalismo*, 17–23. Joaquín Romero Maura. The Spanish Case. In: *Government and Opposition*, 1970, 5 (4), 462–464. Romero Maura. Les origines de l'anarcho-syndicalisme en Catalogne: 1900–1909. In: *Anarchici e Anarchia nel mondo contemporaneo*. Torino: Fondazione Luigi Einaudi, 1971, 110–112. Renée Lamberet. Les travailleurs espagnols et leur conception de l'anarchie de 1868 au debut de XXe siècle, ibid., 78–94.

[3] Kaplan. *Anarchists of Andalusia*, 140.

Столь разные подходы стали причиной для серьёзных различий в стратегии. Анархо-коллективисты считали основой движения профсоюзы, которые из-за устройства испанской экономики были преимущественно городскими и состояли из мужчин. С другой стороны, анархо-коммунисты, придерживавшиеся традиции «свободных коммун», делали акцент на тактике прямого действия и видели «своих потенциальных сторонников в сообществах бедняков, включая самозанятых ремесленников, крестьян и мелких землевладельцев, деревенский и городской пролетариат, домохозяек, детей и безработных»[1].

К 1888 году испанское движение формально заняло анархо-коммунистскую позицию. Последствия этого тактического решения были не столь однозначны. С одной стороны, по мнению Теммы Каплан, это позволило движению объединить профсоюзную организацию с общинной поддержкой и создало основу для того, что стало позднее уникальным испанским творением — анархо-синдикализмом: «Особый упор на социальные центры рабочих, кооперативы, ассоциации взаимопомощи и женские группы позволил коллективизму и коммунизму преодолеть местечковость первого и намеренное отмежевание последнего. Всеобщая забастовка, поистине массовая мобилизация общества могла дать численное преимущество... позволяющее воинственным профсоюзам и местным общинам выступить против угнетающей системы»[2]. С другой стороны, как утверждает Джордж Эзенвайн, стратегия «пропаганды действием» — центральный принцип анархо-коммунизма — часто оказывала на тяготеющую к более упорядоченному течению профсоюзную жизнь разрушительное воздействие[3].

Споры о философских различиях и их стратегических последствиях шли десятилетиями. Между тем многие идеи распространялись в деревнях «пропагандой действием» и работой

[1] Kaplan. *Anarchists of Andalusia*, 135–136; см. также Clara Lida, Agrarian Anarchism in Andalusia, in *International Review of Social History*, 1969, 14. part 3, особенно сс. 334–337; George Esenwein, *Anarchist Ideology*, 107–108.

[2] Kaplan. *Anarchists of Andalusia*, 166–167. См. также ее Class Consciousness and Community in Nineteenth-Century Andalusia, in *Political Power and Social Theory*, 1981, 2, 21–57.

[3] George Esenwein. *Anarchist Ideology*, 110–116.

убеждённых анархистов-активистов, известных как *obreros conscientes*. Среди таких странствующих учителей был и Абелардо Сааведра, дед Энрикеты и Асусены. Он родился в Кадисе примерно в 1864 году в семье консерваторов и «подхватил идеи» ещё в университете. Асусена с гордостью рассказывала о его деятельности в деревнях: «Он посвятил себя распространению идей. Он мечтал совершить революцию не с помощью оружия, а посредством культуры. Он хотел донести культуру и образование до *jornaleros* [подёнщиков]. Мы бы сегодня назвали это "ликбезом", как Фидель де Кастро [sic] делает на Кубе, только без помощи Христа... Он отправлялся на *cortijos* [крестьянские хутора] — только представьте себе, за ним всегда по пятам шла полиция! — и учил людей читать. Он всегда был либо в тюрьме, либо только что оттуда. Однажды он попал в тюрьму на три дня просто за то, что собрал рабочих для того, чтобы почитать».

В эти тяжёлые времена анархисты и анархистки были лёгкой мишенью — они подвергались репрессиям по любому поводу: «В год, когда женился Альфонсо XIII [1906], моего деда выслали, а отца посадили в тюрьму... Кто-то бросил бомбу во время свадьбы, и это стало поводом для жестоких репрессий. Отец провёл год в тюрьме, а потом его ещё и депортировали, и вся семья уехала в Америку [на Кубу]»[1].

Благодаря деятельности таких странствующих учителей наряду с активной общественной жизнью и забастовками в сельской Андалусии в воздухе прямо-таки витало предчувствие больших перемен. Правительственные репрессии заставили забастовщиков и в конечном итоге всё движение уйти в подполье до Первой мировой войны, но анархистам удалось продемонстрировать эффективность стратегии, построенной на *общинных* и соседских связях, которая заключалась в создании социальных центров для рабочих, свободных школ и подобных учреждений. Они были убеждены в значимости установления связи между работой и общиной, трудящимися и бедняками, женщинами и мужчинами[2].

---

[1] Асусена Барба, интервью, Перпиньян, Франция, 1 января 1982 г.

[2] Kaplan. *Anarchists of Andalusia*, 202–205. См. также Díaz del Moral, *Historia de las agitaciones*; Victor Pérez Díaz, Teoría y conflictos sociales, in *Revista de occidente*, No. 131 (февраль 1974 г.), особенно сс. 252–256.

По сравнению с рабочими движениями в других странах Западной Европы, испанские профсоюзы появились довольно поздно[1]. Кроме того, они выглядели слабыми и медленно развивались. В Каталонии, например, вся деятельность профсоюзов, носившая во многом реформистский характер, сводилась к требованиям повышения заработной платы и сокращения рабочего дня. Но после того, как на исходе XIX века из Франции пришла синдикалистская тактика всеобщей забастовки, сосуществовавшая с реформистским юнионизмом, в Каталонии, подобно тому, как это было в Андалусии, всеобщие забастовки объединили не только вступивших в профсоюзы рабочих, но и многих других, в том числе значительное число женщин. Вообще в Каталонии и отчасти в Мадриде и Валенсии было немало работниц с репутацией активисток, особенно в табачной и текстильной отраслях промышленности[2]. На рубеже веков текстильная промышленность здесь развивалась ускоренными темпами, и на многих фабриках женщины составляли от 80% до 90% от общего числа рабочих. Благодаря такому стремительному росту отрасли, преобладания в ней сугубо женского труда и медленного, но верного объединения работниц в профсоюзы здесь более или менее одновременно развивались два типа общественной деятельности — профсоюзная и общинная[3].

Согласно последним исследованиям, испанки объединялись в профсоюзы не менее охотно, чем их земляки мужского пола. Хотя процент женщин в составе трудящихся масс в Испании по сравнению с показателями других крупных европейских стран был крайне низким, а сами рабочие не так активно отстаивали свои интересы, как их западноевропейские братья и сёстры, испанские текстильщицы с готовностью вступали в профсоюзы и участвовали в забастовках практически наравне с мужчинами. Иногда, на время волнений, руководство могло привлекать не входивших в профсоюзы работниц в качестве

---

[1] Fusi. El movimiento obrero en España; Romero Maura. *La rosa de fuego*, особенно гл. 1 и 2.

[2] Laffitte. *La mujer en España*, 144–145. Элен Гейтс Старр, которая вместе с Джейн Адамс основала Халл-хаус в Чикаго, была поражена воинственностью работниц табачной промышленности в Севилье во время её путешествия по Испании в 1888 году. См. EGS to her parents, May 2, 1888, Ellen Gates Starr papers, Sophia Smith Collection, Smith College, box 7, file 2.

[3] Balcells. La mujer obrera, 6–22.

штрейкбрехеров, однако сведений о том, чтобы это было правилом, нет[1].

На рубеже веков условия, в которых трудились испанские рабочие, были тяжелы. Особенно это касалось текстильных фабрик: в отчёте инспекции труда 1914 года говорится, что почти все женщины и дети работали нелегально, «помещения были грязными, тёмными и душными и располагались в самых опасных частях зданий, и никакие нормы, кроме хозяйского кнута, не действовали»[2]. По закону 1902 года женщины могли трудиться не более десяти часов в день, но проверка показала, что многие по-прежнему работали по 16 часов и более. Вознаграждалось это «зарплатой голодающего»: в основном женщинам не платили и половины того, что за такую же и даже менее сложную работу получали мужчины[3].

Однако, несмотря на растущее число работниц и всеобщее признание плачевных условий, в которых они находились, ни анархистское, ни социалистическое движение не обращалось к проблемам трудящихся женщин и не старалось поддерживать их равенство в профсоюзах. Аналогично ведущимся внутри анархистского движения дискуссиям о роли и статусе в нём женщин испанские утопические социалисты середины XIX века не придерживались единой позиции по вопросам их участия и равенства. Одни считали, что роль женщины — сидеть дома, воспитывать детей и поддерживать домашний уют, другие не признавали власть мужчин даже в семье и утверждали, что необходимо достигать равенства и на работе, и дома. Со временем в испанской социалистической теории и практике вопрос о трудящихся женщинах

---

[1] Fusi. El movimiento obrero, 204. Capel Martínez. *El trabajo y la educación*, 42–43, 211–230. Soto Carmona. Cuantificación de la mano de obra femenina, 280–281. Balcells. La mujer obrera, 45.

[2] Резюмировано у José González Castro, *El trabajo de la mujer en la industria: Condiciones en que se efectúa y sus consecuencias en el porvenir de la raza. Medidas de protección necesaria* (Instituto de Reformas Sociales, Sección segunda. Madrid: Imprenta de la sucesora de m. Minuesa de los Ríos, 1914), 8.

[3] González Castro, 11, 12, 27; см. также José-Ignacio García Ninet. Elementos para el estudio de la evolución histórica del derecho español del trabajo: regulación de la jornada de trabajo desde 1855 a 1931, II parte, in *Revista de trabajo*, No. 52 (4-й квартал 1975 г.), 30–32. Juan Paulís, Las obreras de la aguja (Barcelona: Ibérica, 1913), особенно сс. 19–25.

стал второстепенным. Социалисты даже дошли до того, что на съезде партии 1881–1882 годов обсуждали, не запретить ли женщинам работать вообще[1]. Тем не менее в 1886 году Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП) выдвинула в своей программе пункт о равноправии женщин, хотя бы абстрактном, утверждая, что и для эмансипации женщин, и для освобождения трудящихся необходимо наравне с мужчинами считать женщин трудящимися и поощрять их участие в социалистических профсоюзах.

Независимая деятельность испанских социалисток была не очень успешной. Уже в 1903 году некоторые из них стали осуждать доминирование мужчин и критиковать гендерное разделение труда — как на оплачиваемой работе, так и дома. В 1902–1906 годах в Мадриде и Бильбао появился ряд социалистических женских групп. Однако те, кто выступал за объединение женщин по признаку пола, составляли абсолютное меньшинство в движении. Основанная в Мадриде в марте 1906 года группа социалисток из 75 человек, присоединившись к ИСРП в 1908 году, двумя годами позднее разрослась до 183, и тем не менее это были сущие пустяки: для сравнения, в том же 1908-м в мадридском Casa del Pueblo[2] из 25 000 членов было всего 75 женщин, а из 2900 членов столичной ячейки ИСРП в 1910 году носили платья лишь 36[3].

Поддержку в социалистических кругах редко получала даже умеренная позиция Вирхинии Гонсалес, считавшей, что роль женщины — быть «спутницей» мужчины и помогать в воспитании нового поколения социалистических детей. Большинство социалистов, даже тех, кто реально был озабочен проблемами женщин, видели их решение только через призму синдикализма. В общем, социалисты не спешили исправлять положение

---

[1] Marta Bizcarrondo. Los orígenes del feminismo socialists en España. In: *La mujer en la historia de España (siglos XVI–XX)*, 136–138. Antonio Elorza. Feminismo y socialismo en España (1840–1868). In: *Tiempo de historia* (февраль 1975 г.), 46–63.

[2] Casa del Pueblo (*исп.* Народный дом) — Дом знаний и досуга для рабочих, принадлежащий одновременно ИСРП и Всеобщему союзу трудящихся. — *Прим. пер.*

[3] Bizcarrondo. Los orígenes, 139, 144, 146. Geraldine Scanlon. *La polémica feminista en la España contemporánea (1868–1974)*, trans. Rafael Mazarrosa. Madrid: Siglo XXI, 1976, 234.

и, соответственно, не особо стремились привлекать женщин к участию в профсоюзах и партиях[1].

Маргарита Нелькен, ещё одна испанская социалистка, ставшая депутаткой кортесов, занимала более воинственную позицию, утверждая, что эксплуатация работниц бьёт и по рабочим-мужчинам. Она считала, что «равная оплата за равный труд — это и феминистская максима, и принцип защиты для мужчин-рабочих», и призывала партию внедрять широкие образовательные программы, бороться за увеличение оплаты и улучшение условий труда для женщин и привлекать их в профсоюзы, дабы они наравне и вместе с мужчинами могли трудиться на благо желаемых общественных преобразований[2]. Она читала многочисленные лекции в ИСРП и вне партии, фактически разрабатывая собственную теорию социалистического феминизма. Но если социалисты в итоге всё-таки поддержали предоставление женщине право голоса, они никогда не уделяли должного внимания другим аспектам её угнетения. Они не считали главными целями движения справедливую оплату, декретный отпуск и улучшение условий женского труда и никогда не делали упор на вовлечение работниц в профсоюзы. В конечном счёте ни Нелькен, ни социалистам не удалось сделать «широкое участие женщин неотъемлемой составляющей левой борьбы за выживание»[3].

Анархическое движение уделяло больше внимания специфическим потребностям работниц. По всей видимости, это объяснялось тем, что в регионах с сильными анархическими профсоюзами работниц было больше. Например, на съезде 1881 года испанское крыло Международной ассоциации

[1] Aurora de Albornoz. Virginia González, Mujer de acción. In: *Tiempo de historia*, No. 32 (июль 1977 г.), 26–29. Mary Nash. *Mujer y movimienlo obrero en España, 1931–1939*. Barcelona: Fontamara, 1981, гл. 4.

[2] Nelken. *La condición social de la mujer en España*, 61–62 (цит.), 99, 119.

[3] Robert Kern. Margarita Nelken: Women and the Crisis of Spanish Politics. In: *European Women on the Left: Socialism, Feminism, and the Problems Faced by Political Women, 1880 to the Present*, ed. Jane Slaughter and Robert Kern. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1981, 159. George A. Collier. *Socialists of Rural Andalusia, 1930–1950: The Unacknowledged Revolutionaries*, unpublished manuscript, Stanford University, 1984, особенно сс. 51–52. Эта тема напрямую затрагивается в книге Колье *Socialists of Rural Andalusia: Unacknowledged Revolutionaries of the Second Republic* (Stanford: Stanford University Press, 1987), гл. 9.

трудящихся сделало заявление, что «...женщины могут пользоваться теми же правами и выполнять такие же обязанности, что и мужчины»[1]. Анархические съезды постоянно призывали к объединению работниц и равной оплате за одинаковый труд. Тем не менее, как мы уже увидели, существовали и анархисты, которые считали женщин скорее «помощницами», чем революционерками. И хотя в конце XIX века женщины активно вступали в профсоюзы и в некоторых регионах с развитой текстильной промышленностью составляли в них большинство, в руководстве они были представлены редко. Тереса Кларамунт, одна из наиболее известных анархисток-ораторок и организаторок того времени, в статье, опубликованной в 1891 году, жаловалась на то, что мужчины старались возглавлять даже те профсоюзы, в которые входили в основном женщины[2]. Результатом этого стало создание в 1891 году Барселонской группы работниц (Agrupación de Trabajadoras de Barcelona), которая, судя по всему, не имела большого влияния на текущую ситуацию: интересы женщин на профсоюзной забастовке на фабрике «Ла Констансия» (La Constancia) в 1913 году представляли по-прежнему мужчины.

По мере того как женщины объединялись в профсоюзы, укреплялся синдикалистский фронт. В его фарватере следовал и институт общинных активистов Каталонии — этому, особенно в 1899–1900 годах, способствовало распространение практики всеобщих забастовок: так, в мае и декабре 1901 года рабочие и местное население какое-то время успешно блокировали Барселону. Но первый серьёзный экзамен всеобщая забастовка в промышленной Испании выдержала в феврале 1902 года, когда бастующим металлургам удалось заручиться поддержкой тысяч рабочих и остановить фактически всю промышленность каталонской столицы на целую неделю. Примечательно, что в забастовке участвовало много женщин — как непосредственно бастовавших работниц, так и солидарных демонстранток в окрестностях города. Это послужило успешным образцом рабочей агитации для общественниц в Барселоне, Мадриде, Валенсии и других местах на полтора десятка лет вперед. Одной из ключевых участниц той забастовки 1902 года

[1] Цит. по Capel Martínez, *El trabajo y la educación*, 228.

[2] *El liberal* (Madrid), 30 апреля 1891 г., цит. по Bizcarrondo, Los orígenes, 143.

была Тереса Кларамунт — пропагандистка и руководительница женских демонстраций[1].

В следующие пять лет анархистское движение Каталонии пришло к стратегии, позволявшей разрешить дилемму «синдикализм или коммунализм, реформизм или революция». Так появился анархо-синдикализм, объединявший в себе революционные (анархические) перспективы с долгосрочными целями и несколько более реформистскую, т.е. синдикалистскую стратегию на краткосрочный период. Этот новый синтез нашёл своё выражение в создании в 1907 году Федерации солидарности трудящихся Барселоны (Federación Barcelona de Solidaridad Obrera), за которым последовало основание в 1908 году каталонской федерации. В этих организациях трудящиеся объединяли свои усилия под «революционным началом при условии, что оно останется реформистским в своих действиях», то есть будет стараться не игнорировать повседневные нужды рабочих. Наконец, в 1910 году была создана НКТ. Её организационная структура, как и идеология, совмещали в себе революционный синдикализм и анархо-коммунизм и тем самым создали мощную революционную основу на ближайшие тридцать лет[2].

В то же время такой синтез практически не принимал во внимание коммунализм, стратегию прямого действия и вовлечение женщин в общественную деятельность, что особенно ярко проявилось в драматических событиях «Трагической недели» в Барселоне с 26 июля по 1 августа 1909 года. В то время двенадцатилетняя Кристина Пьера работала ученицей на текстильной фабрике. Вот как она описывает эту забастовку: «Мы были тогда в Бадалоне, собирались на работу, и нам сказали: "Эй, сегодня выходной". Я обрадовалась, как вы понимаете... Ну и вот, а потом началась стрельба... Это восстание случилось из-за того, что много солдат посылали в Мелилью, на войну...

---

[1] О забастовках 1901 года см. Romero Maura, *La rosa de fuego*, 206–211; о барселонской забастовке 1902 года см. Balcells, *La mujer obrera*, 48; также Lola Iturbe, *La mujer en la lucha social y en la Guerra Civil de España* (Mexico, D.F.: Editores Mexicanos Unidos, 1974), 52–56; Romero Maura, *La rosa de fuego*, 215; и Temma Kaplan, Female Consciousness and Collective Action: The Case of Barcelona, 1910–1918, in *Signs*, 1982, 7 (3), 545–567.

[2] Romero Maura, Les origines, 115. La Rosa de Fuego, 498 и последующие страницы. Cesar Lorenzo, *Les anarchistes espagnols et le pouvoir, 1868–1969*. Paris: Les editions du Seuil, 1969, 45–52.

В общем, народ взбунтовался и захватил мост — мост в Бадалону, его ещё называют «Бутифаррета» [сосиска]. Мост взяли и заблокировали рельсы, чтобы по нему не могли проходить поезда с солдатами. Тогда и началась эта недельная битва, которую потом назвали "Трагическая неделя"»[1].

Отметила важность участия женщин в тех событиях и Лола Итурбе: «В 1909 году, в великую "Трагическую неделю", ...женщины очень много сделали по части трамваев, поджогов, демонстраций. Они бросались на рельсы, чтобы не пропустить войска, идущие в Марокко»[2]. Джоан Коннелли Аллман в своём подробном исследовании того периода также пишет о женщинах, бравших на себя роль лидерок, и об их товарищках, а также детях, личным примеров вдохновлявших соседей[3].

Особого внимания здесь заслуживает антивоенная деятельность территориальных общин. Первый импульс к всеобщей забастовке по своему характеру был синдикалистским: закрылась текстильная фабрика, последовали увольнения рабочих, и с этим нужно было что-то делать. Забастовка, в свою очередь, послужила поводом для серьёзных антиклерикальных выступлений, хотя по воспоминаниям многих участников маршей и уличных демонстраций, основной целью было прекратить призыв резервистов.

Именно сочетание разных мотивов и обеспечило мощь демонстраций: большинство их касалось интересов самых разных категорий людей, все могли найти что-то своё, относящееся именно к её или его жизни, и это был ярчайший пример прямого действия. К сожалению, такое объединение наёмных рабочих, безработных и женщин, по-прежнему привязанных к дому, на политике растущего анархо-синдикалистского движения отразилось не сразу.

Всего лишь через год после этих событий в Барселоне появилась НКТ. Её программа включила в себя как классические «синдикалистские» вопросы (установление минимальной заработной платы и максимальной продолжительности рабочей смены — здесь целью был девятичасовой рабочий день,

---

[1] Кристина Пьера, интервью, Санта-Колома, 6 августа 1981 г.

[2] Лола Итурбе, интервью, Барселона, 4 августа 1981 г.

[3] Joan Connelly Ullman. *The Tragic Week*. Cambridge: Harvard University Press, 1968, особенно сс. 215, 227, 232, 236, 241–244, 281, 292–293.

а также отмену сдельщины и объединение в профсоюзы), так и «революционно-коммуналистские»: запрет на труд детей до четырнадцати лет, снижение платы за жильё и отмену залога за него, создание «рационалистических школ» (вечерних для трудящихся и дневных для детей), преодоление подчинённого положения женщин, создание организационной основы для объединения революционно настроенных рабочих и разработку стратегии всеобщей забастовки. Важно, что эти требования выдвигались от имени как промышленных рабочих, так и крестьян[1].

Так НКТ обозначила, что успешная революционная программа должна выходить за пределы рабочего места. Своей политикой, в которую входило создание и финансирование школ для рабочих, а также регулирование платы за жильё (допускалась даже возможность всеобщей забастовки в поддержку нанимателей), и вниманием к проблеме подчинённого положения женщин дома и на производстве Конфедерация показала, что жизнь трудящихся не ограничивается «работой». Появилась основа для объединения усилий аграрных и промышленных групп рабочих, т. е. реальной смычки города и деревни, и при этом чётко заявлялось, что «синдикализм» был средством для достижения цели, но не самой целью.

Однако после съезда деятельность НКТ стала больше походить на традиционную рабочую борьбу, а не на мобилизацию общества, столь активно проходившую всего годом ранее. Так, например, съезд провозгласил, что считает «ключевым фактором освобождения женщин, находящихся под опекой своих мужей, работу, которая уравняет условия жизни женщины и мужчины. Это единственный путь к женской независимости»[2]. Связь между эксплуатацией женщин и эксплуатацией рабочих в целом съезд в своих заявлениях отмечал редко: «Сокращение рабочего дня для большинства из нас — это косвенное следствие тяжёлой работы женщин на производствах. Одновременно многие из нас не возражают, когда наши соратницы поднимаются до того, как пробьёт пять, пока мы сами продолжаем

[1] *Congreso de constitución de la Confederación Nacional del Trabajo (CNT)*, ed. José Peirats. Barcelona: Cuadernos Anagrama, 1976; см. также: *Congresos anarcosindicalistas en España 1870–1936*, Toulouse: CNT, n.d., 35–40.

[2] *Congreso de constitución de la Confederación Nacional del Trabajo*, 65.

спать. А когда женщина заканчивает проливать пот на двенадцатичасовой смене, оплачивая пороки своего эксплуататора, она возвращается домой, но вместо отдыха встречает ещё одного буржуя — своего компаньеро, ожидающего, что она позаботится обо всех домашних делах».

Тем не менее съезд полностью пренебрёг проблемой подчинённого положения женщин в семье, тем самым отразив в своей стратегии компромисс между анархо-коммунизмом и синдикализмом, но так и не признав, что солидарность и борьбу рабочего класса могут сделать сильнее действия тех, кто рабочими не считается[1]. В полной мере эти идеи развились только во время Гражданской войны, но уже в годы гонений; а позднее, во время забастовок 1918–1919 годов, направленных на улучшение уровня жизни, именно деятельность женщин показывала всё новые примеры силы коллективных действий — и примеров уязвимости сугубо синдикалистской стратегии.

Даже во время репрессий, последовавших за «Трагической неделей», женщины продолжали активно участвовать в протестах. Многие каталонские текстильщицы вступали в профсоюзы и участвовали в забастовках, настоящий взлёт которых пришёлся на 1910–1920 годы[2]. В официальных списках забастовщиков Барселоны в период с 1905 по 1909 годы есть имена 7370 мужчин и 1051 женщины, при этом на долю женщин приходилось 28% рабочей силы, но лишь 12,4% бастовавших. В аналогичных списках за 1909–1914 годы числятся уже 72 954 мужчины и 61 918 женщин, а в 1913 году женщин участвовало в забастовках даже больше, чем мужчин — 56 788 и 23 286 человек соответственно. Участие женщин и их лидерство были решающими в забастовках трудящихся текстильной промышленности в Сабаделе в 1910 году, в Реусе летом 1915 года и в Барселоне в августе 1916 года[3].

Типичным примером этого может служить всеобщая забастовка текстильщиков 1913 года, известная как «Ла Констансия», где решающим стало участие анархисток. Репортажи об этом событии сообщали именно о «зачинщицах, хорошо

[1] *Congreso de constitución*, 90.

[2] Capel Martínez. *El trabajo y la educación*, 208–209.

[3] Balcells. La mujer obrera, 46. Capel Martínez, *El trabajo y la educación*, 234–235, 245.

известных в народе». И хотя на собраниях забастовки председательствовали мужчины, женщины часто выступали лидерками неформальных групп. В конце концов мужчины, возглавлявшие профсоюз, призвали всех возвращаться к работе, удовлетворившись обещанием сокращения рабочего дня до десяти часов, однако женщины-трудящиеся это решение отвергли, настаивая, что необходимо дождаться официальной публикации соответствующего документа. Вот что сказала одна из них на собрании по обсуждению стратегии: «Если мужчины желают, пусть возвращаются на рабочие места, а женщины продолжат забастовку!»[1]

Участие женщин вывело забастовку далеко за пределы рабочих мест. Демонстрации прокатились по рабочим районам до самых центральных площадей Барселоны, так что протесты и вызвавшие их причины захватили общественное внимание. К демонстрациям присоединялись тысячи женщин, многие из которых даже не состояли в профсоюзах. Темма Каплан считает эту забастовку примером того, как женские социальные связи способны разрушать мнимые границы между рабочим местом и общиной, позволяя женщинам примерять различные роли и тем самым укрепляя общину. Подобные явления происходили и в других городах, например, в Мадриде, Валенсии и Бискайе[2].

Однако участие в профсоюзах и забастовках ещё не означало, что женщины получали формальное признание. Некоторые из них входили в правление профсоюзов, но большинство участвовало в профсоюзной деятельности (если вообще участвовало) только в качестве членов. В начале 1920-х годов профсоюзами текстильной промышленности с подавляющим числом женщин руководили, а значит, и официально представляли на съездах мужчины[3].

Значительное количество женщин, конечно, не состояло в профсоюзах, поскольку многие из них не работали на предприятиях, плативших зарплату. Ни анархисты, ни социалисты

---

[1] Цит. по Balcells, La mujer obrera, 47.

[2] Kaplan, Female Consciousness and Collective Action, особенно сс. 557–559. Bizcarrondo, Los orígenes, 142–153.

[3] Лола Итурбе, интервью, Барселона, 4 августа 1981 г. Balcells, La mujer obrera, 49. Capel Martínez, *El trabajo y la educación*, 234–242.

не предпринимали особых усилий по объединению женщин, работавших по хозяйству, надомницами или прислугой. Условия труда у них были ещё хуже, чем у фабричных работниц, а надомная работа ускользала от всех законных форм защиты труда, поскольку дом — это святое, и ввести закон, регулирующий такую работу, не представлялось возможным. Работавшие на дому женщины зачастую трудились по двенадцать, четырнадцать и даже шестнадцать часов в сутки, получали в среднем около 1,8 песеты в день и при этом самостоятельно покупали материалы вроде иголок и ниток, ездя за ними за свой счёт[1].

Опубликованная в 1913 году работа Хуана Паулиса *«Las obreras de la aguja»* («Рукодельницы») призывала к созданию общенационального профсоюза рукодельниц, в котором и промышленные работницы, и надомницы смогли бы объединиться в борьбе за регулирование времени, зарплаты и условий труда. Многие из тех, кто мог бы войти в такой профсоюз, называли эту книгу одним из самых значимых трудов того периода, который, впрочем, не оказал особого влияния на профсоюзную практику. И НКТ, и Всеобщий союз трудящихся по большому счёту игнорировали надомниц на том основании, что их слишком трудно организовать, хотя с этим вполне успешно справлялись католические объединения. Однако представления профсоюзных движений, и анархистов, и социалистов, о межклассовой гармонии и попытки пробудить «любовь [женщин], чем бы они ни зарабатывали, друг к другу и к своим работодателям... и любовь работодателей к ним», совсем не соответствовали их идеям[2].

Связи между работницами и представительницами общин укрепились во время так называемой Женской войны в Барселоне 1918 года. Всеобщие забастовки, упомянутые выше, возникали на рабочих местах и затем распространялись в рабочих кварталах, тогда как Женская война, напротив, началась и велась местными активистками, преследовавшими цели

[1] González Castro, *El trabajo de la mujer en la industria*, 20–21.

[2] Maria de Echarri, *Conferencia a las señoras de Pamplona, 1912*, цит. по: Capel Martínez, *El trabajo y la educación*, 223; см. также сс. 217–222, 258–262. О попытках создания католических профсоюзов см.: Mercedes Basauri, El feminismo cristiano en España (1900–1930), in *Tiempo de Historia*, No. 57 (август 1979 г.), 22–33; и Basauri, La mujer social: Beneficiencia y caridad en la crisis de la Restauración, *Tiempo de Historia*, No. 59 (октябрь 1979 г.), 28–43.

улучшения жизни на уровне общины. В ответ на вызванное Первой мировой войной увеличение стоимости жизни в январе 1918 года женщины вышли на улицы Барселоны, нападая на грузовики с углём и требуя контроля за ценами на топливо. На протяжении нескольких недель демонстрантки перемещались по текстильным районам и призывали работниц присоединяться к забастовке. Они реквизировали запасы из продовольственных магазинов и местных скотобоен, проводили демонстрации на рынках и, как и в 1913 году, выходили на городские площади, бросая вызов политической власти и требуя справедливости. Забастовки, изначально направленные на улучшение качества жизни, со временем обрели новые цели — улучшение условий женского труда, снижение платы за жильё, возвращение рабочих мест уволенным железнодорожникам, увеличение числа рабочих мест и открытие женщинам доступа к образованию. Их участницы призывали прекратить войны и вернуться к вопросам мирной жизни, положить конец иерархии в профсоюзах и в семьях, запретить церкви спонсировать кустарное производство, которое, по мнению женщин, усиливало эксплуатацию работниц. В целом демонстрации продолжались больше шести недель, и сила и целеустремлённость женщин, радикальность их требований заставили работодателей и чиновников пережить немало неприятных минут[1].

НКТ относилась к женской общественной деятельности противоречиво. Хотя в ноябре 1916 года в знак протеста против роста стоимости жизни была объявлена всеобщая забастовка, Конфедерация редко связывала проблемы на рабочем месте и угнетение женщин на производстве и тем более дома. А после всеобщей барселонской забастовки в августе 1917 года, которая затянулась и в конечном итоге провалилась, что повлекло за собой репрессии, НКТ заметно ослабла. Таким образом, в январе 1918 года забастовку за средства к существованию инициировали и поддерживали именно неорганизованные женщины.

---

[1] Kaplan, Female Consciousness and Collective Action, особенно сс. 560–564. Lester Golden. Les dones com avantguarda. El rebombori del pa del gener 1918. In: *L'avenç*, No. 44 (December 1981), 45–52. Martha Ackelsberg and Myrna M. Breitbart. Terrains of Protest: Striking City Women. In: *Our Generation*, 1987, 19 (1), 151–175.

Лишь немногие мужчины в НКТ признавали важную роль этих женщин. Многие испугались их независимости: «Героизм этих женщин возвестил, что настал час справедливости: или мы воспользуемся этим моментом, или пусть собаки сожрут наши яйца»[1], и первые оказались в меньшинстве. Когда в конце июня 1918 года каталонское крыло НКТ проводило съезд, в нём не участвовала ни одна делегатка. В промышленности, где работали в основном женщины, профсоюзы организовались лишь на нескольких предприятиях, но и там, как и на фабрике «Ла Констансия», в них оказались по большей части мужчины[2]. О роли женщин в забастовках января 1918 года на съезде высказался лишь один из докладчиков — Энрике Руэда, делегат из Барселоны от производителей ламп, заявил: «Женщина... ясно продемонстрировала свою способность участвовать в социальной борьбе... После августовских событий, когда нас подвергали гонениям, окружали жестокостью буржуазного режима... наши соратницы вышли на улицы — потребовать того, что по большому счёту никто не собирался им давать: заслуженного хлеба... Сегодня они вдохновляют нас на защиту свободы, поддерживают нас для продолжения нашей борьбы»[3]. Конфедерация приняла резолюции в поддержку объединения женщин в профсоюзы, но сфокусировалась исключительно на вовлечении женщин в уже существующие структуры, игнорируя огромное число одарённых, как покажет время, организаторским мастерством работниц текстильных мастерских, выбивающихся из сил надомниц и прислуги.

Разумеется, забастовки продолжались и впоследствии. Например, в 1919 году трудящиеся текстильных предприятий Риполя — ещё одного текстильного центра Каталонии — организовали продолжавшуюся девять недель забастовку с требованием восьмичасового рабочего дня. Поскольку город практически полностью зависел от текстильных фабрик, пострадали все. Долорес Прат, которой в то время было около

---

[1] Синдикалист из Бадалоны, цит. по: Golden, Les Dones com avantguarda, 50.

[2] Balcells, La mujer obrera, 49.

[3] Comicios Históricos de la CNT. *Memoria del Congreso celebrado en Barcelona los días 28, 29 y 30 de junio y 1 de julio de 1918.* Toulouse: CNT, 1957, 83–84.

четырнадцати, запомнила нищету, голод и кухни с бесплатным супом. Она была полна ненависти к штрейкбрехерам, и отсчёт своей общественной деятельности она ведёт именно с тех дней. Через несколько месяцев после той забастовки отец сказал ей, что ей уже пора начинать работать, и предложил несколько вариантов. Однако она не хотела ни становиться учительницей («Хватит с меня школьных монашек!»), ни открывать небольшой фруктовый киоск («Кончится тем, что я раздам всю еду голодным рабочим, какой смысл?»). Вместо этого Долорес решила стать рабочей, «чтобы идти на фабрику протестовать»[1]. Вскоре она вступила в НКТ и вошла в комитет своей фабрики, а во время войны работала секретаркой заводского комитета текстильщиков в Риполе.

В 1920-е годы НКТ пыталась организовывать в профсоюзы не только женщин, но и других притесняемых трудящихся, но диктатура Примо де Риверы 1923–1929 годов сдерживала рабочую деятельность репрессиями. Женщины стали участвовать в НКТ наравне с мужчинами лишь с провозглашением Республики, т.е. с 1931 года, однако по причинам, о которых упоминалось выше, в особенности из-за упорства, с которым НКТ продолжала фокусироваться на объединении в профсоюзы трудящихся, пренебрегая спецификой положения женщин, участие последних в профсоюзной деятельности или даже в массовой мобилизации сообществ было только частью их «подготовки». Поэтому есть смысл проанализировать ситуацию с сетью школ, *ateneos* и культурных учреждений, которые появились в первой трети XX столетия и имели особое значение для женщин.

Образование как подготовка

Участие в движении сопротивления давало рабочим неоценимый опыт, однако анархисты признавали важную роль в его формировании т. н. «формального» обучения — ведь идея самоуправления подразумевала упор на образование, а уровень неграмотности в Испании даже на рубеже позапрошлого и прошлого столетий оставался огромным. Было очевидно, что движению, цель которого состоит в том, чтобы через прямое действие и самоорганизацию добиться могущества рабочего

---

[1] Долорес Прат, интервью, Тулуза, Франция, 28 апреля 1988 г.

класса, так или иначе необходимо заняться образованием взрослых и детей. Одной из самых сильных сторон анархического движения и предметом гордости рабочих стало учреждение сети школ, журналов и культурных центров.

Научить людей читать и писать означало наделить их властью в социальной и культурной сферах, и потому это превратилось в поистине революционное дело. Именно из-за такой потенциальной силы в Андалусии и Эстремадуре в конце XIX века преследовали и арестовывали странствующих учителей — например, Абелардо Сааведру. По этой же причине испанские анархисты, а позже и «Мухерес Либрес», развернули в городах и сёлах массовые программы «окультуривания» рабочих. Многие из этих программ изначально запускались профсоюзами для своих членов, но постепенно распространялись на более широкие слои населения.

Образовательные учреждения, поддерживаемые анархистами, принимали самые разнообразные формы, однако преследовали они одни и те же цели — в первую очередь нести грамотность в массы и расширять кругозор трудящихся. Школы, культурные центры и журналы старались поделиться со своей аудиторией чувством восхищения миром, ощущением того, что он создан для познания, а не просто в качестве фона для их ежедневного угнетения. Людей поощряли задавать вопросы, ценить свои знания, опыт и представления, стремиться учиться — и друг у друга, и у своих наставников. Эти программы претворяли в жизнь совсем иной набор моральных ценностей, нежели тот, что прививали в школах, которые финансировала церковь, и на смену пассивности и молчаливому подчинению приходило саморазвитие, взаимопомощь и сотрудничество. Школы, культурные центры, журналы и газеты — все побуждали людей «к самостоятельным размышлениям и решениям, к развитию чувства ответственности, общности и критичности»[1].

Создание учреждений для развития грамотности и повышения уровня культуры

Уровень грамотности в Испании на рубеже столетия оставался весьма неравномерным, но повсюду образованных женщин было на 10–20, а то и на 30% меньше, чем мужчин. К 1930 году, когда доступ к образованию получили почти все

[1] Eduardo Pons Prades. *Un soldado de la República: Memorias de La Guerra Civil española, 1936–1939*. Madrid: G. del Toro, 1974, 23.

и показатель тотальной неграмотности упал, самый высокий его процент отмечался в южных провинциях — до половины мужчин и 60% женщин, а самый низкий, до трети всего женского населения и четверти мужского — в Баскских провинциях[1].

Официальное «государственное» образование почти не оказывало влияния на снижение этих показателей, а церковным школам была важна только дисциплина и зубрёжка. Республиканцы, социалисты и анархисты требовали создать недуховные школы ещё с середины XIX века, но их усилия пропадали даром вплоть до образовательных реформ Республики 1931 года. В 1873, 1874 и на протяжении 1880–1890 годов они неоднократно предпринимали попытки изменить парадигму отношений церкви и государства и упразднить контроль церкви над образованием. Так, одним из важнейших пунктов программы организаторов барселонской «Трагической недели» было требование создать внеконфессиональные недуховные школы: поскольку церковь отвечала почти за всё среднее образование, даже если школы не управлялись напрямую клиром, их структуру и задачи обучения определяли учителя, получившие церковное образование. Как говорила об этом Асусена Барба, «...в государственную школу ходили с чётками в одной руке и с флагом в другой»[2].

Клэр Лайда отмечала, что сформулировать и воплотить в жизнь альтернативную философию образования — *enseñanza integral* (комплексное или целостное обучение) — пытались и ранее: в 1840–1850 годах в республиканских и фурьеристских школах, в 1870–1880 — в анархических учебных заведениях и общинных школах. Однако для детей трудящихся финансово доступны были лишь немногие из них, и даже если таким семьям и предоставлялась денежная помощь, мало кто из них мог позволить себе отправить детей учиться, а не зарабатывать деньги. Кроме того, эти светские учебные заведения вели с государством бесконечную борьбу (обычно проигрывая) за само право на существование[3].

---

[1] Capel Martínez, *El trabajo y la educación*, 370, 374–75, см. также: La mujer en el reinado de Alfonso XIII, 182.

[2] Асусена Барба, интервью, Перпиньян, Франция, 15 августа 1981 г.

[3] Clara Lida. Educación anarquista en la España del ochocientos. In: *Revista de occidente*, No. 197 (April 1971), 33–47, особенно сс. 40–42. Paul Avrich. *The Modern School Movement: Anarchism and Education in the United States*. Princeton: Princeton University Press, 1980; AK Press, 2005, 7.

Одним из анархических ответов на проблемы системы образования стали «рационалистические школы». Обычно они ассоциируются с именем Франсеска Феррера-и-Гарды, но они стали прямым следствием работы над *enseñanza integral*. Феррер родился в Барселоне, однако первые шестнадцать лет своей жизни прожил в изгнании — в Париже, где познакомился с образовательными идеями Поля Робена, Льва Толстого, Жана Грава и других. В Испанию он вернулся в 1901 году — чтобы основать в Барселоне «Современную школу» (Escuela Moderna). Его целью было «создать школу эмансипации, способную разрушить фальшивые идеи, разделяющие людей, идеи собственности, страны и семьи, чтобы достичь свободы и благополучия, которых все желают, но не осознают в полной мере»[1].

Согласуясь с принципами анархизма и с современными прогрессивными концепциями обучения, Феррер хотел создать школу, которая признавала бы образование действием политическим. Так, дети смогут научиться жить в свободном обществе, если образовательная система сама по себе будет поощрять свободу развития и исследования. Ключевыми идеями подобных школ были наука и рациональное восприятие, а детей нужно было мотивировать к самонаправленному обучению. Феррер руководствовался либертарными ценностями и поэтому твёрдо держался принципов совместного обучения, что было немыслимо для Испании того времени, и смешанных классов, в которых дети могли научиться жить в многообразном обществе[2]. Неудивительно, что, столкнувшись с жёсткостью системы и не испытывая доверия к государству и церкви, испанские либертарии попытались учредить «альтернативные школы» — институты, которые в духе анархического прямого действия не просто обучали, но давали модель для совершенно иной философии и практики образования.

---

[1] Из письма Франсеска Феррера-и-Гарды Хосе Прату, цит. по: Avrich, *The Modern School Movement*, 6.

[2] Франсиско Феррер-и-Гуардия. Современная школа. М.: URSS, 2012. Pedro Costa Musté. La escuela y la educación en los medios anarquistas de Cataluña, 1909–1939. In: *Convivium*, 1975, 44–45, воспроизводится как предисловие к изд. La escuela moderna. Père Solà. *Las escuelas racionalistas en Cataluña* (1909–1936). Barcelona: Tusquets, 1978, 22–25. Felix Carrasquer. *Una experiencia de educación autogestionada: Escuela 'Eliseo Reclus,' calle Yallespir, 184. Barcelona. Años 1935–36.* Barcelona: Felix Carrasquer, 1981, особенно гл. 1 и 2.

«Современная школа» Феррера открылась в Барселоне в 1901 году и, несмотря на постоянные препоны в работе со стороны государства, просуществовала до 1906 года, пока не была запрещена окончательно. Кристина Пьера, которая проучилась в этой школе около года (тогда ей было девять), рассказала мне об этих сложностях: «Полиция приходила закрывать школу, и мы... не могли туда ходить. Я посещала «Современную школу» и очень многому там научилась, но, поскольку её всё время закрывали, так и не получила нормального образования»[1]. Содержалась школа на пожертвования родителей — каждая семья платила столько, сколько могла себе позволить. Учащиеся в классах, и мальчики, и девочки, принадлежали к разным социально-экономическим слоям, и все обучались по одному и тому же учебному плану, в который входили половое воспитание, ремёсла и искусство. Осознав необходимость соответствующих учебных пособий, уже в 1902 году Феррер сам начал издавать их. Эти книги пользовались большим спросом, по ним учились в рационалистических школах и *ateneos* по всей стране. Школы были не просто местом, где дети проводили день, — там располагались библиотеки и общественные центры для взрослых и подростков, для всех желающих любых возрастов организовывали курсы, дискуссии, экскурсии и тому подобное.

Хотя имя Феррера часто связывают с движением рационалистических школ, «Современной школе» эти учебные заведения, безусловно, предшествовали — по всей Испании в первые годы XX века их были учреждены сотни[2]. Одну из таких школ в Барселоне в 1934–1935 годах вместе с отцом и четырьмя братьями и сёстрами основала, а затем преподавала в ней Игуальдад Оканья. Возможно, её мнение о том, что для неё означало учить детей в атмосфере свободы и открытости, лучше всего показывает, в чём именно заключался смысл той «современности» и того «движения современных школ»: «В своей школе мы старались понять особую природу и характер каждого ребёнка. Мы рассказывали разные истории, и через них дети осмысляли себя... Они плакали и смеялись... Нам никогда

[1] Кристина Пьера, интервью, Санта-Колома, 6 августа 1981 г.

[2] Solà, *Escuelas racionalistas*, 203–214. Tina Tomasi. *Ideología libertaria y educación*. Madrid: Campo Abierto, 1978, особенно сс. 179–186. Alejandro Tiano Ferrer. *Educación libertaria y revolución social. España 1936–39*. Madrid: Universidad nacional de educación a distancia, 1987, гл. 2.

не приходилось кричать на них. Люди говорят об "авторитете". Но о каком авторитете может идти речь, если они не знают, как направлять [ребёнка] чувствами, любовью? Вы можете помочь этим маленьким созданиям стать инициативными, продуктивными и одновременно верными себе людьми — поскольку вы изучили их и узнали, что им интересно... Мы преподавали механику, музыку, искусство... У нас, например, были механические игрушки, которые помогали увидеть, пробуждается ли в отдельном ребёнке интерес к подобной деятельности, когда он играет с такой игрушкой»[1].

Неудивительно, что с таким вниманием к детям преподавателей глубоко почитали и сами ученики, и другие члены общины. Они, подобно *obreros conscientes*, или странствующим учителям, проповедникам вроде Абелардо Сааведры, в глазах сельской Андалусии XIX века были примером для подражания. Сара Беренгер Гильен, учившаяся вместе с Феликсом Карраскером в школе «Элизе Реклю» («Eliseo Reclus»), Пура Перес Аркос, ходившая в «Эскуэла Натура» вместе со знаменитым Хуаном Пучем Элиасом, и многие другие из числа тех, с кем я беседовала, — все сохранили яркие воспоминания о своих учителях. Игуальдад Оканья рассказывала, как ученики, которых она встречает сорок лет спустя, по-прежнему с сожалением вспоминают школу, открытую её семьёй. А Ана Касес, проводившая своё исследование в 1981 году, обнаружила, что многие из учившихся вместе с Хосепом Торресом, известным как Солнце Жизни (Sol de la Vida), в маленькой деревушке Арбека в провинции Льейда, до сих пор хранят тетради и записные книжки, которыми пользовались в 1920-х годах[2].

В такие школы ходили многие активисты анархо-синдикалистского движения, хотя, конечно, это были школы не исключительно для анархистов или их сторонников. Эти учебные заведения предлагали альтернативу господствовавшей жёсткой школьной системе, в которой применялись в основном механистические методы обучения, и потому туда отдавали своих детей родители из прогрессивного среднего и высшего классов.

Помимо этих формальных рационалистических школ, анархистское и анархо-синдикалистское движение создавало

---

[1] Игуальдад Оканья, интервью, Барселона, 14 февраля 1979 г.

[2] Ана Касес, личные беседы, август 1981 г.

и поддерживало многочисленные *ateneos*. Местные отделения НКТ организовали множество образовательных и культурных центров: в годы Республики такие располагались почти в каждом рабочем *barrio* Барселоны. Сотни *ateneos* по всей стране позволили людям, не ходившим в школу, научиться читать и писать. Обычно днём там занимались дети, а потом, примерно с семи до девяти вечера, туда после работы приходили взрослые. Вот как описывал это один из обучавшихся: «Обучение здесь было совершенно особым... Нам всем нужно было пересказывать прочитанное (и все пересказывали по-разному, потому что иногда мы не понимали то, что читали!), затем мы обсуждали и размышляли над сказанным... Могу сказать, что, пожалуй, меня сформировали именно школа и книги»[1].

В *ateneo* можно было не только обучиться начальным знаниям и навыкам — они выполняли и важные общественные функции. Эти центры были популярны у молодёжи, особенно во времена, когда не у всякого находилось даже десять сантимов на поход в кино[2]. *Ateneos* были хотя бы формально независимы от профсоюзов и потому оставались открытыми даже в период репрессий, когда профсоюзам приходилось прекращать свою деятельность или уходить в подполье, поэтому они стали важным местом для встреч и общения. К тому же почти в каждом *ateneo* организовывали театры, развлечения и — особенно в городских *barrios* — поездки за город. Во время таких поездок люди могли не просто заниматься спортом и дышать свежим воздухом, но и развиваться, как духовно, так и интеллектуально: молодёжь могла своими глазами увидеть горы, долины и реки, о которых читала в классе, преодолевая тем самым узость городского мышления и ощущая «влияние природы на дух человека». «На природе, — как писал один автор, — молодёжь познаёт свободу, начинает хотеть жить ею и защищать её»[3].

Ateneos создавались на базе местных общин и предоставляли множество возможностей для подготовки революции, особенно важные для трудящихся женщин, поскольку у них

---

[1] Валеро Чине, интервью, Фрага (Арагон), 11 мая 1979 г.

[2] Артуро Парера, интервью, Барселона, 5 июля 1979 г.

[3] Juan Padreny. *Necesidad del excursionismo y su influencia libertaria en los individuos y los pueblos*. Barcelona: Ateneo libertario del Clot, «Sol y Vida», Sección excursionismo, 1934, 32.

было намного меньше, чем у мужчин, мест, в которых они могли получить подобный опыт. Активистки НКТ и «Мухерес Либрес» практически единогласно признавали, что опыт, приобретённый ими в *ateneos*, в школах и во время культурных мероприятий, стал для них решающим. Они научились читать и, что столь же важно, установили значимые товарищеские отношения с парнями своего возраста — опыт, который был бы для них недостижим в испанском обществе с его строгим гендерным разделением. Благодаря *ateneos* многие испытали *cambio de mentalidad* (революцию сознания), ставшую для них решающим шагом в присоединении к борьбе.

«Здание принадлежало профсоюзу (текстильщиков). Верхний этаж занимала свободная школа [«Эскуэла Натура»], а *sindicato* (профсоюз) и наша группа, по-моему, располагались на нижнем... Мы с сестрой ходили в школу по вечерам, потому что днём мы работали. И — запомните эту деталь, она очень важна — уборщицами работали женщины из профсоюза: так профсоюз экономил деньги... Потом проходили собрания культурной группы «Солнце и жизнь»... В самом деле люди посещали и профсоюзные собрания, но в группе отношения становились более близкими, а обсуждения более обстоятельными. Вот там-то и происходило самое главное развитие»[1].

Анархо-синдикалистское движение поддерживало не только школы и культурные центры, но и громадное число газет, журналов и клубов, ставивших под сомнение общепринятые нормы и предоставлявших широкой аудитории альтернативное видение. В газетах движения — «Солидаридад Обрера» (Solidaridad Obrera), «НКТ» (CNT), «Тьерра и Либертад» (Tierra y Libertad) — политические комментарии сочетались с развёрнутой культурной критикой. Почти в каждом номере помещалась статья об образовании, а до войны и во время неё множество материалов посвящались женщинам. Газета «Тьерра и Либертад», например, каждую неделю публиковала женскую страницу, где многие участницы будущих «Мухерес Либрес» обкатывали идеи о различии полов, труде, отношениях между мужчинами и женщинами и имели возможность общаться с более широким анархо-синдикалистским сообществом. Журналы «Ла Ревиста Бланка» (La Revista Blanca) и «На-

---

[1] Энрикета Ровира, интервью, Кастельнодари, 28 декабря 1981 г.

тура» (Natura) в Барселоне, валенсийские «Эстудьос» (Estudios) и «Тьемпос Нуэвос» (Tiempos Nuevos) поднимали целый ряд вопросов: от политики коллективизма до контроля рождаемости, от нудизма до вегетарианства.

В местах, отдалённых от анархических организаций и анархо-синдикалистской деятельности, пресса оставалась важным источником информации и «дорогой» в анархическое сообщество. Например, Соледад Эсторак приехала в Барселону в возрасте пятнадцати лет и, не имея в своём круге общения тех, кто разделял бы её интерес к тому, что она называла «коммунизм», начала читать «Ла Ревиста Бланка», и благодаря этому журналу попала в *ateneo*: «Я читала газеты и журналы и пыталась найти «коммунистов»... Фактически первой, с кем я встретилась, была Соледад Густаво, мать Федерики Монсень, потому что она была женщина! Я не знала, как познакомиться с ними. Мне казалось, что эти люди, писавшие про коммунизм, жили как-то... по-другому. Я читала "Ла Ревиста Бланка" и заметила, что там печаталась Соледад Густаво, поэтому я пошла по адресу из журнала и спросила, могу ли её увидеть. Меня тут же провели. Наверное, они подумали, что я *compañera*. Она приняла меня, до конца не разобравшись... Я даже не помню, о чём я её спросила. Наверное, "как мне найти людей?" И она сказала: "Тебе надо всего лишь найти *ateneo* в своём районе". И с этим она меня и выдворила... В общем, я пошла в *ateneo*. Первым, кого я там встретила, оказался Сааведра, дедушка Энрикеты и других. Уже тогда он был очень старым. Но я сразу же в него влюбилась... Он показал мне библиотеку... Все эти книги меня просто заворожили. Я подумала, что теперь мне доступны все знания мира»[1].

Образование как раскрепощение

При всех тех возможностях учиться читать и просвещаться в культурном смысле, которые получали в *ateneos* и стар, и млад, самым важным и долгосрочным эффектом было создание «сообщества» — группы единомышленников, убеждённых в своих силах преобразовать мир. Возникшие там дружеские и товарищеские связи стали важным ресурсом моральной и материальной поддержки для борьбы в рядах движения и во время Гражданской

[1] Соледад Эсторак, интервью, Париж, 6 января 1982 г.

войны. Мужчины и женщины, участвовавшие в этих группах ещё мальчиками и девочками, описывали свой опыт так, будто рассказывали об утраченной любви. Даже те, кто потом разочаровались и ушли из движения, говорили о нём почти благоговейно. Бесспорно, их воспоминания с годами романтизировались, но сам факт участия в группах, где люди общались друг с другом словно в «анархическом раю», за создание которого они боролись, определённым образом оказало на них огромное влияние.

Некоторых девушек особенно воодушевлял опыт равенства мужчин и женщин. Он побуждал их настаивать на равноправии и в более широком движении. Как отмечала Энрикета, *ateneos* стали одновременно и стимулом к созданию, и моделью «Мухерес Либрес»: «Я всегда твёрдо верила в эмансипацию женщин и в то, что наша борьба была — и есть — нечто большее, чем просто борьба против капитализма... Мы подолгу обсуждали это [в *ateneos*] и настаивали на том, что борьба не ограничивается заводами, улицами или даже *ateneos*. Она должна войти в каждый дом. Иногда парни начинали насмехаться над нами. Они говорили, что это наша общая борьба, и мы обязаны действовать вместе. Но я отвечала им: нет, не только. Мы должны самовыражаться, быть теми, кто мы есть. Мы не пытаемся что-то у вас отнять, но мы должны сами развиваться, отстаивать *свои* права».

Группы в *ateneos* создавались в основном из молодых, и это давало им возможность побыть независимыми от родителей — для Испании тех лет дело невиданное. Трудности со свободой, которой требовали дочери, возникали даже в анархических семьях. «Мы спрашивали разрешения каждый раз, когда намечалась экскурсия. Не думайте, что, раз наши родители были либертариями, нам всё позволялось — ничего подобного! Каждую неделю нам надо было отпрашиваться. Стоило на вопрос "ты куда собралась?" ответить что-то типа "в поход", сразу же следовало строгое "ещё чего!" Нет, нас всё время контролировали, даже наши занятия в *ateneos*». Поэтому Асусена и Энрикета придумали, как с этим бороться: они надевали юбки прямо на шорты, садились на велосипеды, ехали на окраину города, подальше от глаз взрослых, и там, уже в шортах, шли со всей группой в горы или на побережье![1]

---

[1] Соледад Эсторак, интервью, Париж, 6 января 1982 г.

Борьба продолжается. По иронии судьбы, Энрикета рассказывала свою историю и одновременно пыталась бороться со своей двенадцатилетней внучкой, остававшейся у бабушки на каникулах, — так повторились баталии её юности. «Иногда, — размышляла она, — я сижу здесь, смотрю на них и думаю: "Что я наделала?" Но ведь они же и впрямь ведут себя плохо. Я думаю, нынче детям слишком многое позволяют»[1].

Наконец, опыт в *ateneos* был важен для участниц «Мухерес Либрес» и в более широком смысле. Как признавали все женщины, здесь тоже присутствовали и мачизм, и маскулинность — если не в идеях и убеждениях, то в действиях. Вот что рассказывала Мерседес Комапосада, одна из основательниц «Мухерес Либрес», о своём первом опыте преподавания в классе, учреждённом НКТ в Мадриде: «В 1933 году вместе с Оробоном Фернандесом я пошла на собрание в одном из *sindicatos*. Они пригласили меня для "подготовки" рабочих. Лусия [Санчес Саорниль] тоже была там. Они хотели, чтобы я стала учительницей, потому что у них ещё не преподавали женщины, но из-за поведения некоторых товарищей, в полном соответствии с поговоркой "Las mujeres — a la cocina y a coser los calcetines" [место женщины — за готовкой или за штопкой] не принимавших женщин всерьёз, это казалось невозможным. В такой обстановке женщины редко отваживались высказаться вслух»[2]. Испробовав это на собственном опыте, Мерседес и Лусия начали думать и спорить, что в итоге привело к основанию «Мухерес Либрес».

Другие участницы, напротив, отмечали, что зачастую девушек не удавалось заставить читать или слушать лекцию в *ateneos*. Они пришли к выводу, что нужно организовать специальные классы и программы для женщин и девочек, где можно было бы налаживать с ними отношения отдельно от мальчиков, развивая их потенциал и раскрывая другие их преимущества — ведь они могли быть не только матерями.

В целом, созданный движением институт «подготовки» стал опорой для женщин, организовавших впоследствии «Мухерес Либрес», причём как в позитивном, так и в негативном ключе. Положительная сторона заключалась в том, что профсоюзы,

---

[1] Энрикета Ровира, интервью, 29 декабря 1981 г.

[2] Мерседес Комапосада, интервью, Париж, 5 января 1982 г.

ateneos, школы и организации молодёжных движений позволяли обучаться, раскрепощаться, устанавливать и укреплять взаимосвязи. Образовательные и культурные институты «Мухерес Либрес» явно ориентировались на их пример. Отрицательный опыт, накопленный благодаря обучению в *ateneos* и школах, убедил женщин в том, что стать равноправными участницами либертарного сообщества можно лишь в группах, ориентированных исключительно на них. Так Мерседес сформулировала свой вывод: «Против нас выступали миллионы людей. Все великие революционерки — Александра Коллонтай, Роза Люксембург, Клара Цеткин — пытались сделать что-то для женщин. Но все они обнаружили, что внутри партии, в существующей [революционной] организации, этому места нет... Я помню, например, в переписке Ленина и Клары Цеткин он ей говорит: "Да, всё, что вы говорите об эмансипации женщин, — очень хорошо. Очень красивая цель, но только на будущее". Интересы партии всегда будут превыше интересов женщины»[1].

---

[1] Мерседес Комапосада, интервью, Париж, 5 января 1982 г.

3. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Республика и Народный фронт

К началу 1930-х годов глубокий раскол, раздробивший испанское общество по политическому, экономическому, социальному, религиозному и гендерному признакам, нашёл своё выражение во всевозможных сепаратистских движениях, объединениях трудящихся и нанимателей, а также религиозных организациях. К началу Гражданской войны в июле 1936 года и НКТ, и ВСТ могли похвастаться тем, что в их рядах находилось от 860 тыс. до 1 млн преданных идее всеобщего равенства сторонников, которые состояли в низовых ячейках по месту работы или жительства. Судя по размерам этих организаций и направлению их деятельности, понятно, что само их существование воспринималось как угроза традиционной власти нанимателей и арендодателей, армии и церкви.

После долгих лет авторитарной, «конституционной» монархии и диктатуры Примо де Риверы (1923–1929) в 1931 году Испания становится республикой. Однако твёрдой общественной основы у этой республики не было — она образовалась после отречения Альфонсо XIII из-за решительной победы республиканцев на местных выборах. Первые два года страной управляла слабая коалиция центристских и левоцентристских республиканцев, которые желали разрушить власть церкви, армии и землевладельцев, но уклонялись от решительных действий, боясь вызвать полное отчуждение этих институтов и спровоцировать военный переворот. Они провели несколько нерешительных преобразований, включая пакет земельных реформ в Андалусии и Эстремадуре, где это скорее была оценка ситуации, а не реальный земельный передел. Также они поддерживали светское образование и сократили число

военных судов. Тем не менее рабочие и крестьяне, пребывавшие в крайней нужде, всё больше сетовали на недостаток перемен, в то время как традиционные силы — армия, церковь и землевладельцы — были недовольны тем, что их привилегии урезают.

Следующие два года власть в стране находилась в руках правоцентристов. Они отменили многие из проведённых сгоряча реформ, ограничивших права военных, латифундистов и священнослужителей, и подвергли жёстким репрессиям левые революционные движения. Однако эта власть так и не сумела успокоить общественные волнения, и в результате выборов в феврале 1936 года к власти пришло правительство Народного фронта, которое пообещало освободить политзаключённых и постепенно начать движение к обществу равных возможностей[1].

Но Народный фронт сам по себе был довольно неустойчивым образованием: список кандидатов на выборах явно демонстрировал излишнюю поспешность в создании коалиции, а её платформа представляла собой не столько компромисс между разнообразными левыми взглядами, сколько «принятие республиканской программы всеми рабочими партиями»[2]. Их объединяли не «за», а «против», и главным мотивом было желание свалить правоцентристскую коалицию; и всё же победа левых была обусловлена поддержкой рабочего электората,

---

[1] Gabriel Jackson. *The Spanish Republic and the Civil War, 1931–1939.* Princeton: Princeton University Press, 1965. Shlomo Ben-Ami. *The Origins of the Second Republic in Spain.* Oxford: Oxford University Press, 1978. Richard A. H. Robinson. The Origins of Franco's Spain: *The Right, the Republic, and Revolution, 1931–1936.* Pittsburgh: The University of Pittsburgh Press, 1970. Paul Preston. *The Coming of the Spanish Civil War: Reform, Reaction, and Revolution in the Second Republic 1931–1936.* New York: Barnes and Noble Books, 1978, гл. 3–7. Josep Fontana. La Segunda República: una esperanza frustrada. In: *La II República: Una esperanza frustrada* (материалы Конференции по Испанской Республике, апрель 1986 г.). Valencia: Alfons el Magnanim, Institució Valenciana d'Estudis i Investigació, 1987, 9–22. Manuel Tuñón de Lara. Crisis de la Segunda República? ibid., 23–36.

[2] Pierre Broué and Emile Témime. *The Revolution and the Civil War in Spain,* trans. Tony White. Cambridge: MIT Press, 1970, 75–78. См. также Gabriel Jackson, The Spanish Popular Front, 1934–37, in *Journal of Contemporary History,* 1970, 5, 21, 28; и Stanley Payne, *The Spanish Revolution* (New York, 1970).

настроенного более революционно и сплочённого, насколько это было возможно, опытом общей борьбы — в частности, рабочих восстаний в Астурии 1934 года[1].

Эти выборы, с одной стороны, обнажили, а с другой — завуалировали глубокие противоречия в стране. Партии левого толка с небольшим перевесом одержали победу над правым крылом, центристские партии ощутимо теряли поддержку, а Испания всё стремительнее раскалывалась на два полюса — правый и левый, и благодаря механизмам электоральной системы в стране сформировались кортесы с решительным преобладанием левоцентристов.

Недостатки подобного устройства проявились уже через несколько месяцев. Несмотря на победу коалиции Народного фронта, ни социалисты, ни анархисты не хотели занимать формальные должности в правительстве, которое, по их мнению, оставалось «буржуазным». Новая власть пыталась выполнить программу либеральных реформ, в том числе земельных, а также вернуться к преобразованиям республиканско-социалистического правительства 1931–1933 годов в обороне, образовании и социальной защите, а также в региональной политике.

Тем временем рабочие и крестьяне делали собственные шаги навстречу более радикальным переменам, экспроприируя латифундии на просторах Эстремадуры и Андалусии и участвуя в промышленных забастовках и саботажах на рабочем месте в городах. Масла в огонь общественно-политического раздора подливали политические убийства правых и левых активистов[2]. Поэтому, когда 17–18 июля 1936 года генералы Франко, Мола, Кьепо де Льяно и Годед предприняли попытку военного переворота, этому мало кто удивился: нити, связывавшие общество, уже порядком истрепались.

---

[1] Более подробно о данной борьбе см. Adrian Shubert, *The Road to Revolution in Spain: The Coal Miners of Asturias, 1860–1934* (Urbana: University of Illinois Press, 1987); Gerald Brenan, *The Spanish Labyrinth*, 284–295; и José Peirats, *La CNT en la revolución española* (Paris: Ruedo Ibérico, 1971), I, 93–104.

[2] Ronald Fraser. *Blood of Spain: An Oral History of the Spanish Civil War*. New York: Pantheon, 1979, сс. 83–104 и 513–574. Bookchin. *The Spanish Anarchists*, гл. 9 и 10. О земельной реформе см. Edward Malefakis, Agrarian Reform and Peasant Revolution in Spain; Malefakis, El problema agrario y la República, in *La II República*, 37–48.

Подобное развитие событий рабочие организации предполагали давно. Многие из тех, с кем я беседовала — как мужчины, так и женщины — рассказывали о том, что всю последнюю неделю перед восстанием они ночевали в залах профсоюзов в ожидании призыва к оружию. Однако власть едва ли была готова к такому повороту событий: и национальное, и каталонское правительства не согласились на призывы ВСТ и НКТ раздать рабочим оружие, опасаясь, что они обратят его скорее против Республики, чем используют в борьбе против военного переворота. Тем не менее, когда четыре генерала подняли мятеж (17 июля в Марокко и на следующий день на материке), они немедленно получили жёсткий отпор народных масс, особенно в регионах с развитым профсоюзным движением — в Каталонии, Астурии и в Мадриде. Мужчины и женщины, юноши и девушки хлынули в оружейные склады за винтовками, в которых им отказало государство, и шли против восставших военных с оружием, какое только смогли найти.

В последующие месяцы анархисты и социалисты использовали весь полученный в трудовых союзах, сельских общинах и неформальных культурно-образовательных центрах опыт, чтобы мобилизовать миллионы людей и взять под свой контроль огромные сферы экономики и общественной жизни. В провинциях вроде Каталонии, где анархисты имели большое влияние, рабочие захватывали фабрики и производственные помещения. В сельских районах рабочие организации экспроприировали крупные имения, мелкие землевладельцы обобществляли угодья и скот, а муниципалитеты устанавливали новые кооперативные системы земледелия. Вскоре миллионы людей стали жить и работать в анархических или социалистических коллективах, как в городах, так и в сёлах, обмениваясь товарами через кооперативы и преобразовывая структуру межличностных отношений.

Рассказы участников тех событий, возможно, передадут ту атмосферу всеобщей радости. Впервые широкие массы рабочих почувствовали себя хозяевами своего мира, активными участниками изменений. Вот как это описывала Пепита Карпена, которой на тот момент было пятнадцать лет: «Великие события свершались в Испании. Чтобы понять, нужно это пережить.

Я видела товарищей, которые создавали коллективы, управляли национализацией... брали всё под свой надзор, не нуждаясь в оплате или награде — только для того, чтобы у народа было всё необходимое... В четырнадцать-пятнадцать лет я пережила события, которые остались со мной на всю жизнь... столько идей претворилось в реальность... За такое и жизнь отдать не жалко»[1].

В тех событиях принимали участие тысячи людей. Энрике Кассаньес вместе с приятелями из ИФЛМ на рассвете 19 июля ворвался в оружейный склад в Сан-Андресе вслед за множеством активистов из числа анархически настроенной молодёжи, которые хотели с оружием в руках бороться с восставшими. Его мать, Кристина Пьера, проснулась тем утром от воя сирен, которые запустили профсоюзы, чтобы дать сигнал о начавшемся восстании и призвать к всеобщей забастовке и подавлению мятежа, и, увлекаемая толпой, тоже устремилась за оружием. Её рассказ ничем не отличается от историй других людей, которые хоть и не были активистами какого-либо движения, но были охвачены всеобщим возбуждением: «Я проснулась утром и услышала, что люди пошли в оружейную... Тогда я тоже туда побежала. Все пошли... Я взяла пистолет и шомпола для винтовок. Всё, что могла унести. У них там и порох нашёлся... Даже я, хоть и толку от меня было мало, пришла туда. Люди похватали оружие и боеприпасы, и я тоже взяла, что смогла»[2].

Соледад Эсторак вместе с четырьмя или пятью товарищками по женской группе ночью 18 июля проводила собрание в помещении профсоюза строителей на улице Меркадерс, за Виа Лаетана, что в центре Барселоны. Марьянет, он же Марьяно Васкес, и остальные вожди НКТ в то время ушли штурмовать военные бараки у Королевской верфи — туда, где начинается знаменитая Рамбла: «Они оставили нас одних в 5 часов утра, когда завыли сирены. По всей Пласа-де-Масья и окрестностям бродил народ, все побежали за оружием — потому что Женералитат на тот момент всё ещё отказывался вооружать людей. Я тоже ненадолго присоединилась к толпе, но потом мы с подругами вернулись в зал профсоюза. Повсюду шла стрельба...

---

[1] Пепита Карпена, интервью, Монпелье, Франция, 30 декабря 1981 г.

[2] Кристина Пьера, интервью, Бадалона, 6 августа 1981 г.

Всё это сильно пугало. Мы не знали, что происходит и что делать нам. Мы пришли к выводу, что, если случится худшее и товарищи не одержат верх у Верфи, нам следует соорудить убежище. Потому мы пошли в Каса Камбо, одно из красивейших зданий Барселоны на Виа Лаетана. У нас был небольшой пистолет и несколько дубинок... Рядом ремонтировали дорогу, и вокруг были разложены мешки с кирпичами. Мы взяли их, чтобы построить баррикады, и занесли несколько в дом для защиты здания. Привратник был очень мил. Он пропустил нас, но попросил не наследить в лифте — чтобы его не выгнали с работы! Ну, мы перенесли всё добро наверх и построили баррикады и укрепления. И когда товарищи вернулись — разумеется, с победой — и увидели всю эту красоту, они заняли здание, переименовав в Каса НКТ-ФАИ»[1].

«Самое важное, — заключает Соледад, — что сделали женщины (разумеется, помимо героической борьбы, которую они вели наравне со всеми), — это то, что они поднимались на крыши с картонными рупорами и призывали солдат перейти на нашу сторону, снять свои мундиры и воссоединиться с народом».

Энрикета Ровира, которой на тот момент было около двадцати, отдыхала с друзьями в Бланесе на Коста-Браве. Товарищи из барселонского комитета сообщили комитету в Бланесе о происшествиях, и Энрикета запрыгнула в первый же поезд в город: «Большинство событий происходили в Барселоне. У меня был пистолет — мне его выдали. Представьте, каково мне было: ведь у меня даже в детстве игрушечного пистолета не было — мать была против таких вещей! Но мне выдали пистолет, и я была готова его использовать. Однако вскоре этому пришёл конец. Начали говорить, что женщине тут не место... Я не знала, как им пользоваться, а у нас некоторые мужчины ходили без оружия. Потому меня — и остальных женщин с семьями — послали строить баррикады. Также мы заботились о провианте. В каждом *barrio* женщины старались всё устроить так, чтобы мужчины были накормлены, так что при деле были все»[2].

[1] Соледад Эсторак, интервью, Париж, 4 января 1982 г.

[2] Энрикета Ровира, интервью, Кастельнодари, Франция, 29 декабря 1981 г.

Тем не менее некоторые женщины сами брали в руки оружие и даже входили в ряды народного ополчения. К примеру, Конча Перес, дочь одного из деятельных анархистов, последовала примеру своего отца в 14 лет, вступив в анархистскую аффинити-группу и *ateneo libertario* «Фарос» в центральной части города. Вскоре после этого она помогла организовать ячейку ЛМ, но затем вместе с остальными переключила внимание на свой округ — Лас-Кортс — и основала там свою анархистскую группу и *ateneo libertario* под названием «Уманидад» («Человечество»). Также они создали ячейку ФАИ под названием «Инкьетуд» («Беспокойство»), в которую входили Феликс Карраскер и его жена Матильда Эскудер, а ещё рационалистическую школу «Элизе Реклю».

Те годы, в том числе несколько месяцев, проведённых в тюрьме за пособничество повстанцам в декабре и январе 1934 года, были для Кончи временем бурной деятельности, однако незадолго до мятежа генералов в июле 1936 года ей довелось участвовать в движении уже на совсем другом уровне. Где-то за месяц до восстания все уже были начеку: «Было известно, что почти наверняка случится государственный переворот, и мы были настороже...» В последнюю неделю перед бунтом напряжение чувствовалось особенно остро, и жизнь стала ещё насыщенней: «Мы собирались каждую ночь... готовились к действиям до тех пор, пока нам не сказали, что на улицах стреляют». Вскоре поступил приказ действовать: «Затем нам сказали найти себе матрасы, поскольку мы все спали на полу в том же помещении, где был наш пост».

Они не придумали ничего лучше, как пойти в местные публичные дома, собрали там матрасы, оттащили их к себе на базу и скинули на пол. Пару дней подряд они, ночуя по очереди, стояли в дозоре и обезвреживали уличных снайперов, но затем «...нам передали, что в Педральбесе началось вооружённое восстание. Мы схватили тележку, навалили в неё матрасы и оружие, какое у нас имелось (у меня, например, был небольшой пистолет), и двинули в оружейную. Только представьте себе эту картину! Когда мы добрались до места, мы увидели товарищей из района Сантс. Мы нагрузили тележку оружием и в два захода отвезли его обратно в наш район. Там мы пробыли несколько

дней, освободив заключённых из тюрьмы Модело». А после нескольких дней уличных схваток в Барселоне они снова вернулись в Педральбес, где, как бесхитростно сказала Конча, «...нас собирали на фронт»[1].

Её история иллюстрирует рассказ Мэри Нэш о «типичном образе ополченки» — молодой женщины, связанной с товарищами из ополчения политическими, эмоциональными или семейными узами и мотивированной общественной и политической сознательностью[2]. Именно она была решающим фактором, отличавшим народное ополчение от традиционной армии. Как писал в то время Ганс Эрих Камински, «...ополчение — это военная группировка, которая вступает в гражданскую войну не ради абстрактных ценностей, не ради захвата территории и, разумеется, не для установления колониального господства... но скорее ради каждого отдельного человека». Их цель — «защитить Революцию»[3].

В то время как Конча представляла относительно малочисленную группу женщин, которые действительно пошли на фронт, многие — и женщины, и мужчины — откликнулись на первый же призыв встать на защиту Республики, точнее, революции, и присоединились к ополчению. Как писал Камински, «...первым впечатлением приезжего в Каталонию станут народные дружины. Вы видите их повсюду, в разной форме, с пёстрыми значками. Из их портретов можно было бы составить самый яркий иллюстрированный журнал»[4].

Проведя несколько дней в Педральбесе, Конча отправилась на фронт в Арагон со своей группой из Лас-Кортса (среди её членов был и её молодой человек). В первые дни боёв оружие в руки взяло сравнительно немного женщин: большинство из них были обслуживающим персоналом, который занимался

---

[1] Конча Перес, интервью М. Акельсберг, Барселона, 3 мая 1988 г.

[2] Mary Nash. Las Mujeres en la Guerra Civil, вступительный текст к мемориальному изданию *Las mujeres en la Guerra Civil: Salamanca, 1989* (Madrid: Ministero de Cultura, Dirección Genderal de Bellas Artes y Archivos, 1989), 27. См. также Nash, *Defying Male Civilization: Women in the Spanish Civil War*. Women and Modern Revolution Series, Jane Slaughter and Richard Stites, Series Editors (Denver, CO: Arden Press, Inc., 1995), 105–106.

[3] Hans Erich Kaminski. *Los de Barcelona*, Prólogo de José Peirats, trans. Carmen Sanz Barberá. Barcelona: Ediciones del Cotal, S.A., 1976, 197–198.

[4] Kaminski, *Los de Barcelona*, 195; см. также с. 196.

обычными женскими делами — готовкой, шитьём и уборкой[1]. Тем не менее некоторые ополченки — Конча Перес, Росарио Санчес, Касильда Мендес, Пепита Васкес Нуньес — примерили на себя «мужскую» роль. В составе колонны Иларио-Самора Кончу отослали в Асаиду, и она приняла участие в первой, ставшей роковой, атаке при Бельчите. Она рассказывала: «Ко мне никогда не относились иначе, чем к кому-либо, не делали различий между мной и остальными в группе... Меня действительно глубоко уважали... Мы были на подхвате, выполняя ту работу, на которую у мужчин не было времени. И кроме того, мы были ополченками и стояли на дозоре...» Далее Конча скромно упоминает о своём участии в разведывательной вылазке перед тем, как идти атакой в Бельчите: «Мы шли не знаю уж сколько километров. На мне были *alpargatas* (обувь наподобие тапочек с мягкой подошвой. — *Прим. авт.*), к концу пути я шла и вовсе босой...»[2]

Конча оставалась в рядах Арагонского фронта до тех пор, пока не было принято решение о переводе всех отрядов ополчения в разряд регулярной армии, и в ноябре 1936 года она вернулась в Барселону. Однако после насыщенных военных будней гражданская жизнь показалась ей пустой: «Здесь мне было нечего делать. Я чувствовала опустошение и упадок сил». Поэтому, встретив направлявшихся в Уэску фронтовых товарищей, она присоединилась к ним, а затем примкнула к итальянской группе Интербригады под предводительством Карло Росселли. Тем временем пайки стали донельзя скудными, а условия жизни просто бедственными: «У нас появилась чесотка, потому что мы жили в кошмарных условиях, одежды почти не было... Спали на соломе... пришлось отослать нас назад

---

[1] Kaminski, *Los de Barcelona*, 210. См. также Nash, *Defying Male Civilization*, 108–109.

[2] Конча Перес, интервью М. Акельсберг, Барселона, 3 мая 1988 г. См. также Dolors Marín, Conxa Pérez, algo más que una miliciana, in Ingrid Strobl, *Partisanas: La mujer en la resistencia armada contra el fascismo y la ocupación alemana (1936–1945)*, Colección Memoria (Barcelona: Virus Editorial, 1996), 354–356. См. также Luís María Jiménez de Aberasturi, *Casilda, miliciana: Historia de un sentimiento* (San Sebastian: Editorial Txertoa, 1985); и J. Massot i Muntaner, Diario de la miliciana, in *El desembarament de Bay o a Mallorca, agost — setembre de 1936* (Barcelona: Publicacions de l'Abadía de Montserrat, 1987).

в арьергард. Потом я поняла, что дело для меня найдется и в Барселоне...» Посему она вернулась и, найдя место на оружейной фабрике, трудилась там, совмещая работу с участием в фабричном комитете, до самого конца войны.

Хотя Конча и её товарищки сражались бок о бок с мужчинами (а некоторые девушки оставались на фронте и после перехода в регулярную армию), вполне очевидно, что во многих общественных сферах они так и не смогли стать своими[1]. Несмотря на то, что изображения *milicianas* (ополченок) появлялись в прессе, особенно в первые недели войны, довольно часто действительность солдаток-революционерок была не такой яркой. Мэри Нэш отмечала, что «...хотя *miliciana* и отправлялась в армию, фактически оборонительные действия с оружием не приветствовались, и на самом деле эти женщины не воплощали женское сопротивление во время Гражданской войны»: для них оно было по большей части сосредоточено на работе в тылу. Образ ополченки был призван мобилизовать народ, но, когда энтузиазм первых дней и недель Революции спал, даже женские организации стали придерживаться девиза «Мужчины — на войну, женщины — за работу»[2].

Что же перебило царивший поначалу всеобщий восторг от участия женщин в войне? Мэри Нэш утверждает, что за редким исключением народ и даже революционные организации не были готовы к подобному вызову традиционным гендерным ролям. Когда стало очевидно, что предстоит война, никто не был готов заявить, что женщины тоже должны воевать. В тылу — безусловно, там женский вклад приветствовался, если не сказать, входил в обязанность, но только не на фронте[3].

На самом деле попытки вытеснить женщин с передовой начались чуть ли не с первых недель войны, и по мере того, как

---

[1] См. особенно Nash, *Las mujeres en la Guerra Civil*, 25–27.

[2] См. Nash, *Defying Male Civilization*, 101.

[3] Даже Мика Эчебеэре, большую часть военного времени занимавшая командные посты в республиканской армии, признавала, что женщин на фронте считали чистой воды аномалией. И поэтому даже она чувствовала, что должна выглядеть «сверхсильной», чтобы не подавать даже намёка на слабость. См. Strobl, *Partisanas*, 47–48; Росарио Санчес (другая ополченка с социалистическими взглядами) указывала на те же проблемы, с. 72. См. также мемуары Эчебеэре, *Ma guerre d'Espagne à moi, Dossiers des lettres nouvelles* (Paris: Denoël, 1976).

восстание перерастало в полновесную гражданскую войну, усилия лишь возрастали. Попутно с милитаризацией развернулась настоящая кампания по высмеиванию ополченок. Как пишет Нэш, «...волна дискредитации солдаток поднялась почти сразу, а рукоплескания вскоре сменились критикой и даже насмешками, как ни странно, не встретившими ответного огня со стороны женских организаций»[1]. На некоторых публичных площадках и во многих изданиях *milicianas* обвиняли в том, что они идут в армию лишь ради занятия проституцией, их попрекали, что они подрывают здоровье и боевой дух мужчин на войне[2]. Некоторые женские организации, особенно ячейки Коммунистической партии, продвигали в массы мнение о том, что место женщины — не на фронтах, а в арьергарде[3]. При этом в качестве аргументов они в лучшем случае заводили песни о традиционных ролях обоих полов, твердили, что женщины хуже подходят для военных действий и помогли бы больше, заменив мужчин на производстве.

На самом деле, и это будет освещено в главе 5, ответ «Мухерес Либрес» был ещё более неопределённым. Да, организация открыто не отреагировала на удаление женщин с фронтов ни в собственном журнале, ни в публикациях своих активисток, однако заметки о роли женщин в восстании и об их труде на фронтах войны появлялись. Примеров тому предостаточно — взять хотя бы «Мухерес Либрес» № 13, в котором была статья «La Capitana de Somosierra», посвящённая ПепитеВаскес Нуньес, *miliciana*, с первых дней сражавшейся на фронте[4].

---

[1] Nash. *Las mujeres en la Guerra civil*, 27. См. также *Defying Male Civilization*, 109–112.

[2] См. Nash, *Defying Male Civilization*, 112–116.

[3] См., например, Comité Local, A les dones de Catalunya Organitzem els Grups de Reraguarda! in *Treball*, 12 сентября 1936 г., цитата по Nash, *Defying Male Civilization*, 214.

[4] La capitana de Somosierra. In: *Mujeres Libres*, No. 13. (осень 1938 г.). См. также Nuestro sentido humano, in *Mujeres Libres*, No. 5, Día 65 de la Revolución (октябрь 1936 г.): «...мы особенно отмечаем сильную руку женщины, размахивающую винтовкой...» Или на обложке 7-го номера (VIII mes de la Revolución), который провозглашает: «Своей работой и руками мы, женщины, защитим свободу людей». Аналогично, в статье «La lucha en Barcelona» в *Mujeres Libres* No. 10 (II año de la Revolución) восторженно говорится о подвигах «товарищек Кончи и Пальмиры, компаньериты Пилар Негреты...», которые сражались в Барселоне в первые дни войны.

Что примечательно, тон всех этих заметок был похож на оправдания — как будто они писались в ответ на скептические выпады по поводу женских действий на войне. Так, например, в пятом номере «Мухерес Либрес» за октябрь 1936 года говорится: «Не наша вина, что женским изяществом и гуманными нравоучениями нам не сломить агрессоров, которые вознамерились уничтожить нас и вооружились пушками, автоматами и бомбами. Мы боремся за жизнь, и не наша вина, что в этой борьбе нам приходится иметь дело со смертью»[1].

Таким образом, несмотря на то, что некоторые женщины и оставались на фронтах, большинство из них приняли решение или были вынуждены вернуться к гражданской жизни и продолжить работу в тылу. Там дел оставалось невпроворот, и, как мы увидим, львиную долю своих усилий «Мухерес Либрес» посвятили как раз поддержанию революционной деятельности в тылу.

Народная революция и коллективизация

За первыми неистовыми днями последовала массовая народная революция, которая распространялась и в сельской местности, и в городских кварталах. Как только было подавлено восстание в нескольких крупных городах и выстроились линии фронта, стало ясно: гражданской войне — быть. Последовавший политический вакуум сделал не только возможными, но и остро необходимыми крупномасштабные социально-экономические эксперименты. Каким-то образом нужно было восстановить общественный порядок и поддержать экономику, пусть даже руководствуясь новой системой управления (что было прямой необходимостью — по крайней мере в нескольких районах землевладельцы и промышленники бежали на территории, подконтрольные восставшим).

Каталонские трудящиеся ответили на восстание захватом фабрик и установлением на них «рабочего контроля» в том или ином его виде. Во многих сельских районах работники прогоняли латифундистов и захватывали поля, а мелкие

[1] Nuestro sentido humano. In: *Mujeres Libres*, No. 5 (Día 65 de la Revolución). См. также Las mujeres en los primeros días de lucha, in *Mujeres Libres*, No. 10, II año de la Revolución; и Mujer de Iberia, in *Mujeres Libres*, No. 12, mayo de 1938.

землевладельцы объединяли свои земли и скотину, создавая сельскохозяйственные кооперативы и коллективные хозяйства. В Республиканской Испании повсюду вступал в права новый порядок общественных работ, по-новому функционировал транспорт, осуществлялось снабжение. На некоторое время ополчение заменило армию, местные патрули выполняли функции полиции, а вместо уголовных судов заработали народные трибуналы[1].

Но коллективизация проходила добровольно далеко не всегда, и не во всех районах Республиканской Испании шли подобные процессы — они превалировали в промышленной Каталонии и Валенсии, в сельских областях Арагона и Валенсии и в меньшей степени в каталонских и кастильских деревнях. Также нельзя сказать, что все коллективы были вдохновлены именно анархическими идеалами: где-то, особенно ближе к центру страны, коллективизацию возглавляли социалисты, а в Каталонии многие хозяйства были коллективизированы Союзом арендаторов[2]. Все эти инициативы по большей части зарождались на местах, хотя зачастую этому существенно помогали расквартированные по соседству добровольные дружины анархистов.

Годы участия в профсоюзной борьбе и умение координировать свои действия натолкнули городских активистов на мысль о необходимости сотрудничать с товарищами из других отраслей промышленности и с работниками сельского хозяйства. Первой необходимостью была еда. Хосе Пейратс, историк анархизма, который на момент войны был ещё совсем молод, рассказывал: «Мы понимали, что из-за тотальных забастовок еда может скоро закончиться, а если народ не получит еды, он не станет поддерживать революцию. Потому мы установили

---

[1] Джордж Оруэлл. Памяти Каталонии. М: АСТ, 2003. Наиболее всестороннее современное исследование коллективизации принадлежит Walther L. Bernecker, *Colectividades y revolución social: el anarquismo en la Guerra Civil Española, 1936–1939* (Barcelona: Critica, 1982); см. также Aurora Bosch, *Colectivistas (1936–1939)* (Valencia: Almudín, 1980); и Aurora Bosch, Las colectivizaciones: estado de la cuestión y aspectos regionals, in *La II República*, 147–168.

[2] Союз арендаторов (*исп.* Unio de Rabassaires) — каталонская организация сельскохозяйственных работников, в том числе виноградарей. — *Прим. пер.*

пункты раздачи имеющихся продуктов, а также нагружали повозки промышленными товарами, которыми нас снабжали соответствующие профсоюзы, и отвозили их в близлежащие села, где меняли у фермеров на еду»[1].

Соледад Эсторак, которая тоже занималась провизией, приоткрыла и изнанку революционного пыла: «Мы реквизировали огромные кинотеатры и переделали их под общественные столовые. Откуда появлялась еда? Да отовсюду, где только её можно было достать! Мы бродили по магазинам, изымали продукты, и бедняги торговцы отдавали нам всё. Им от этого было несладко; некоторые и вовсе говорили, что мы их разоряем, но иначе было нельзя — в первые дни революции нам нужно было обеспечить людей провизией. Конечно, позже мы стали ездить на крупные рынки на грузовиках и привозили еду уже оттуда»[2].

Признаки перемен виднелись повсюду: правительственные и частные здания были экспроприированы, их фасады были затянуты знамёнами ВСТ и НКТ, такси и трамваи были перекрашены в их цвета и пестрели их символикой, а кинотеатры превратили в столовые для народа. Джордж Оруэлл, впервые посетивший Барселону в 1936 году, отзывался об этом так: «Глядя на одежду, можно было подумать, что в городе не осталось хотя бы относительно состоятельных людей»[3].

Зато вовсю находила выход творческая энергия. Активисты получили возможность реализовать идеи, которые лелеяли годами. Соледад, например, уже давно была зачарована литературой, и хотя скудного жалования, получаемого ею на текстильной фабрике, едва хватало на жизнь, она не отказалась от своей цели — получить образование и «посмотреть мир». Вскоре вместе со своими товарищами из Либертарной молодёжи она начала претворять мечты в реальность: «Мы открыли "Народный университет". Мы вселились в изящный французский женский монастырь и стали собирать книги для библиотеки по всему городу. Я книгами надышаться не могла: товарищи

[1] Хосе Пейратс, интервью, Монтади, Франция, 22 января 1979 г. Ср. Пётр Кропоткин, «Хлеб и воля».

[2] Соледад Эсторак, интервью, Париж, 4 января 1982 г.

[3] Джордж Оруэлл. Памяти Каталонии.

были образованнее, чем я, и выбирали наиболее подходящие, а я бы так и все забрала!»[1]

Революция дала начало грандиозным преобразованиям и в образовании. 27 июля в Каталонии был создан Комитет по организации новой объединённой школы (КОНОШ). Цель этой организации была чрезвычайно радикальной: обеспечить бесплатное народное образование для всех, от младших классов до высшей школы, включив в себя «рабочие» университеты и Автономный университет Барселоны. На задачи Комитета ощутимое влияние оказала анархическая теория образования, а организацию и функционирование новой системы детально проработали просветители-анархисты. Например, во главе исполнительного комитета КОНОШ встал Хуан Пуч Элиас, председатель секции НКТ по культуре и директор «Эскуэла Натура». О сути этого начинания многое способен сказать его устав: «Настало время для новой школы, вдохновением для которой послужат рационалистические принципы труда и братства людей... Это вселит в школы новую жизнь, пропитанную всемирным духом солидарности, протекающую в согласии со всеми интересами человеческого общества и на основе полного устранения любых привилегий»[2].

У Эммы Гольдман, приглашённой членами НКТ в Испанию, дух захватывало от того, что она там видела, особенно поначалу. Перед своей первой поездкой в сентябре 1936 года она писала друзьям, что для неё в революции важен именно созидательный аспект: «Впервые наши товарищи не просто воюют с общим врагом — они вовлечены в строительство и на деле воплощают мысли нашего великого учителя Михаила Бакунина о том, что дух разрушения является одновременно и духом созидающим»[3]. По приезде в Барселону великая анархистка не была разочарована — как она писала Рудольфу и Милли Рокерам, «...я под водительством НКТ уже успела посетить все места, которые взяли под свой контроль рабочие:

---

[1] Соледад Эсторак, интервью, Париж, 4 января 1982 г.

[2] Decret: Creació del Consell de l'Escola Nova Unificada, 27 julio 1936, воспроизведён у José Peirats, *La CNT en la revolucion espanola* (Paris: Ruedo Iberico, 1971), Vol. I, 191.

[3] Emma Goldman to a friend, September 9, 1936, NYPL-EG.

железную дорогу, транспорт, нефтегазовые разработки, авиационные площадки и некоторые ткацкие фабрики. И всюду я была поражена прекрасным состоянием дел и идеальным рабочим порядком. Особенно меня поразили крестьяне в деревне, где прошла коллективизация: не думала, что подобную образованность можно встретить в крестьянской среде»[1].

Чувство собственного могущества, реальности перемен, которое приносило участие в тех событиях, осталось с этими людьми на долгие годы. Как вспоминала Энрикета Ровира: «Тогда мы чувствовали себя очень по-особенному. Это было неизмеримо прекрасно: было чувство силы, но силы не угнетающей, а порождённой осознанием того, сколькими процессами мы могли управлять, чувство того, что возможно всё, что вместе мы реально что-то могли»[2].

Коллективизация промышленности

Существовавшие ранее организации трудящихся дали рабочим возможность захватить существенную часть промышленности, в особенности в Каталонии. В то же время эти структуры узурпировали и право определять круг лиц, которые примут в захвате самое активное участие.

В Барселоне и её окрестностях профсоюзы установили контроль фактически над всеми предприятиями — от парикмахерских до ткацких фабрик, от электростанций до булочных, от предприятий по заготовке леса до мебельных магазинов. Для сотрудничества с партнёрами и смежниками формировались фабричные комитеты. Профсоюзные организации координировали как производство, так и распределение продукции между регионами и отраслями. Для некоторых предприятий вроде парикмахерских, лесопилок и пекарен реорганизация означала не только смену руководства, но и закрытие мелких, плохо оборудованных помещений и создание новых, укрупнённых предприятий, а также разработку более продуктивных технологий производства. Профсоюз лесозаготовителей и строителей, например, распоряжался на всех этапах производства и распределения — от леса до мебельного магазина,

[1] EG to Rudolf and Milly, October 1, 1936; см. также EG to Stella [Ballantine], September 19, 1936, NYPL-EG.

[2] Энрикета Ровира, интервью, Кастельнодари, 29 декабря 1981 г.

построил около одной из рабочих площадок Барселоны, в 10-м доме по улице Тапьолас, центр отдыха с бассейном, а также занял соседнюю церковь, переоборудовав её в школу, где дети рабочих могли проводить весь день[1]. В Каталонии совместный комитет НКТ и ВСТ установил контроль над всей системой энергоснабжения, создав Комитет рабочего контроля за газом и электричеством, который учредил новый порядок производственных отношений, определял размеры зарплат, координировал распределение и обмен ресурсами с другими регионами страны и даже попробовал наладить поставки угля из немецких шахт (разумеется, оставляя в тайне информацию о закупщиках)[2].

Там, где коллективизация имела наибольший успех, политику предприятия определяли общие собрания рабочих, а с повседневными делами управлялись выборные комиссии. В промышленных кооперативах многие дела проходили через *comités de fábrica* (фабричные комитеты). Аналогичные структуры существовали на всех подконтрольных профсоюзам предприятиях и в довоенный период, и участие в них дало значительной массе рабочих возможность накопить знания о собственной отрасли и чувство собственной компетентности[3]. Эти

[1] Эдуардо Понс Прадес направил меня по адресу: Барселона, ул. Тапьолас, 10 — и рассказал о том, что осталось от производства и рекреационного центра. Материалы объединённого профсоюза строительных специальностей могут быть найдены в AHN/SGC-S, P.S. Barcelona: 1411, 1419, 628, 174, 855, 889 и 1323; также *Memoria del primer Congreso regional de sindicatos de la Industria de la Edificatción, Madera y Decoración de Cataluña, celebrado en Barcelona, los días 26, 27, y 28 de junio de 1937* (CNT-AIT, n.p., n.d.), AMB A. M. Entid. 259-4.8; *Memoria del primer Congreso de sindicatos de la Industria de la Edificación, Madera y Decoración* (Valencia: CNT, 1937); *Memoria del primer Pleno de Comarcales de la Industria de la Edificación, Madera y Decoración de Cataluña, celebrado los días 5, 6 y 7 de marzo de 1938 en Barcelona* (AHN/SGC-S, sección propaganda, No. 242). Я благодарна Рафаэлю Пухолю за предоставление мне копий протоколов из местных комитетов, Carpeta 108, документы 882 и 883.

[2] Протоколы этих собраний можно найти в AHN/SGC-S, P. S. Barcelona: 182: 29 сентября 1936 г. (стандартизация зарплат); 20 октября 1936 г. (дисциплина рабочих); 23–30 октября 1936 г. (попытки купить уголь в Германии).

[3] Свод протоколов Объединённого профсоюза работников металлургической промышленности, Барселона, НКТ, отделение производства медных котлов, например, начинается с доклада о собрании 26 сентября

комитеты с готовностью влились в русло Революции, налаживая производство и, — говоря словами Долорес Прат, работавшей в фабричном комитете в Риполе, — «убеждаясь, чтобы все были довольны и при деле».

Comités de empresa (комитеты предприятий) представляли собой другой уровень организации. Они состояли из делегатов от каждого профсоюза и в той или иной степени управляли обобществлёнными фабриками[1]. В первые же дни после восстания, к примеру, координационный совет текстильных рабочих Бадалоны, небольшого ткацкого городка в предместьях Барселоны, попросил фабричные комитеты взять контроль над фабриками и вести тщательный учёт прибыли, издержек производства, объёма продукции и т. д.

Всего через неделю ещё одно официальное обращение подвигло профсоюзных деятелей создать аналогичные подразделения на каждой фабрике. Эти комитеты, сформированные на общем собрании рабочих с представителями от каждого цеха, стали базовыми единицами рабочего контроля[2]. Они вели учёт, распределяли обязанности внутри фабрики и следили за координацией действий с другими производствами и внутри всей отрасли.

Через эти объединения профсоюзы координировали производство во всей текстильной промышленности[3]. Похожие структуры и процедуры существовали в других отраслях. Однако Альберт Перес-Баро, который присматривал за коллективизацией в качестве представителя генералитета, критически относился к деятельности многих таких комитетов. По его мнению, большинство активистов НКТ путали *рабочий контроль* с *профсоюзным контролем* и пытались отрицать или игнорировать любые предпосылки к возникновению конфликта интересов — например, какие производственные задачи и каким

1931 г., и охватывает собрания до декабря 1936 г. включительно. AHN/SGC-S, P. S. Barcelona: 1428.

[1] Долорес Прат, интервью, Тулуза, Франция, 28 апреля 1988 г.

[2] Copia del texto que como manifiesto lanzó a los trabajadores la junta central del sindicato de industria fabril y textil de Badalona y su radio el día 22 de julio de 1936, aplastado el movimiento de las fuerzas armadas producido el día 19 en Barcelona, и Comunicado, La Junta Central del Sindicato de Industria Fabril y Textil de Badalona y su Radio, Badalona, 29 июля 1936 г., оба документа из коллекции Хосепа Косты.

[3] Хосеп Коста, интервью, 12 и 19 февраля 1979 г.

фабрикам ставить, как регулировать конкуренцию и условия работы на фабриках и т.д.[1]

По большому счёту эти структуры доказали свою эффективность не только по части поддержания производства, но и в новом подходе к производственным отношениям и к рабочему коллективу: например, текстильщики, производившие ткань и форму для солдат народной армии, разработали технологию, позволившую заменить дефицитный хлопок коноплёй. Что касается кадровой политики, то коренным её преобразованием стало упразднение «сдельщины» для женщин и привлечение надомниц на фабричную работу. НКТ серьёзно подошла к интеграции женщин в профсоюзы и привлечению их на фабрики на условиях ежедневного жалования. Более того, как минимум в некоторых районах рабочие комитеты смогли воплотить в жизнь давнюю мечту о «праве на работу». Долорес Прат, например, будучи генеральной секретаркой профсоюзной ячейки текстильных рабочих НКТ в Риполе, рассказывала, что, когда объём заказов из-за рубежа сократился после мая 1937 года и пришлось сократить рабочие часы, они утвердили трёхдневную рабочую неделю, распределяя объём работы между всеми, кто работал на фабрике, избежав таким образом безработицы, и продолжали платить каждому работнику базовую зарплату[2].

Во многих отраслях, особенно в металлургическом и химическом производствах, увеличилась доля работающих в них женщин. Многие профсоюзы обращались в «Мухерес Либрес» с просьбой помочь в создании для этих новых работниц обучающих программ. В Барселоне и Мадриде значительной частью парка общественного транспорта управляли женщины. Их проблемам посвящали свои колонки многие печатные издания НКТ, уделявшие особое внимание тому, как женщины вливаются в рабочие массы, и восхищаясь тем вкладом, который они вносили в производство на фабриках и профсоюзную жизнь[3].

---

[1] Альберт Перес-Баро, интервью, Барселона, 14 июля 1979 г. О рабочем контроле трамваев см. Walter Trauber, Les tramways de Barcelone collectivisés pendant la révolution espagnole (1936–1939), in *Bulletin d'Information F.I.E.H.S.*, No. 2 (март 1977 г.), 8–54.

[2] Долорес Прат, интервью, Тулуза, Франция, 28 апреля 1988 г.

[3] Такие статьи часто появлялись, например, в «Сидеро-металурхия» (Sidero-metalurgia), журнале союза НКТ сталелитейной промышленности Барселоны, в «Эспектакуло» (Espectaculo), журнале, издаваемом рабочими развлекательной индустрии Барселоны (НКТ).

Тем не менее было бы неверно говорить, что женщины действительно достигли равенства с мужчинами в этих промышленных коллективах. Какой бы мерой мы ни определяли его — тождественной платой за одинаковый объём труда, равновеликим участием в управлении рабочим процессом или степенью разделения труда по половому признаку — рабочие сообщества были очень далеки от цели равноправия и в гендерной, и в других сферах.

Например, в плане зарплат НКТ выбрали позицию попросту компромиссную, с теоретическим равенством. Хотя организация была долгое время привержена идее *suedo único* — единому размеру заработной платы для всех работающих на предприятии или вообще в отрасли, воплощалась она в жизнь крайне редко. В большинстве своём фабкомы поддерживали или творчески переосмысливали разделение зарплаты на различные «разряды» в попытках сохранить иерархию управляющих, сотрудников и обслуги, хотя и предпринимали попытки уравнять зарплаты работников различных «экс-предприятий» в рамках коллективизации[1]. Часто мне пересказывали историю о работниках Барселонского оперного театра: группа его сотрудников предложила сделать заработную плату равной для всех — от капельдинеров и технического персонала до прим. Певцы согласились, но при условии, что капельдинеры и помощники будут поочерёдно с ними петь в главных ролях. Предложение быстро замяли.

Разница в зарплате, которую платили женщинам и мужчинам, также никуда не исчезла. Пепита Карнисер рассказывала, что на коллективизированной ткацкой фабрике в провинции Игуалада, где она работала во время войны и где подавляющей рабочей силой являлись женщины, существовало три уровня вознаграждения. Выше всех оплачивались *hombres responsables*

[1] Протоколы Центрального комитета рабочего контроля электроэнергетической и газовой промышленности в Каталонии, например, отражают частые дискуссии об уравнивании шкал заработной платы по промышленности. Reunión del Pleno del Comité Central de Control Obrero, celebrada a las 11.15 horas, del día 29 de septiembre de 1936... AHN/SGC-S, P.S. Barcelona: 182. См. также AHN/SGC-S, P.S. Barcelona: 626 (текстильное дело); и Trauber, Les tramways de Barcelone, 29. Также интервью с Федерикой Монсень, Тулуза, 1 февраля 1979 г.; Хосе Пейратсом, Монтади, Франция, 22 и 23 января 1979 г.; Хосепом Костой Фонтом, Барселона, 12 февраля 1979 г. и Маги Мирабент, Барселона, 8 февраля 1979 г.

(ответственные лица): директор, бригадиры, электрики. Средний уровень оплаты присуждался обычным работницам — *maestras* и *ordidoras* (то есть мастерицам). Наконец, третий уровень зарплаты предназначался неквалифицированным работницам[1]. Несмотря на то, что в текстильной индустрии большинство трудящихся были женщинами, они продолжали занимать самые низкооплачиваемые должности. Меньший размер оплаты женского труда оправдывался якобы меньшей их нагрузкой и не такой сложностью по сравнению с мужским, а заявления о том, что «мужская» работа действительно тяжела для женщин, просто вытесняли женщин с хорошо оплачиваемых должностей.

А вот в районах, где до Гражданской войны женщины развивали какую-то активность, ситуация складывалась иначе. Тересина Граэльс рассказывала, что женской группе, образовавшейся в составе текстильного профсоюза НКТ в Террассе в начале 1930 года, удалось добиться, чтобы профсоюз утвердил равное вознаграждение за равный труд и оплату декретных отпусков ещё до начала войны. Однако эта ситуация не была типичной[2].

Структурно участие женщин и мужчин в движении и распределение между ними руководящих ролей также не соответствовали идеалу равенства. НКТ видела анархо-синдикалистское общество структурированным на основе профессиональных организаций, и хотя представительство и лидерство в организациях и институтах рабочего контроля было официально доступно для всех, на практике в комитетах предприятий чаще участвовали рабочие-мужчины, которые к тому же стремились монополизировать своё руководство[3].

Однако случались и исключения, особенно в преимущественно женских отраслях. Пепита Карнисер вспоминает, что

---

[1] Пепита Карнисер, интервью, Париж, 7 января 1982 г.

[2] Тересина Граэльс, интервью, Монтади, 29–30 апреля 1988 г.

[3] По этому вопросу полезна работа Мерседес Вилановы о коллективизированном сталеплавильном заводе в Барселоне; её выводы были подтверждены, по крайней мере частично, анархистскими активистами, в том числе Эдуардо Понсом Прадесом (интервью, Барселона, август 1981 г.), Андресом Капдевилой (интервью, Перпиньян, Франция, июль 1979 г.); Пепитой Карпеной (интервью, Барселона, февраль 1979 г.; Монпелье, декабрь 1981 г.

большинство членов фабричного комитета на текстильной фабрике, где она работала, составляли женщины, причём среди них была её мать. Working Тересина Граэльс была активной участницей и лидеркой женской организации в своём текстильном профсоюзе в Террассе, а Долорес Прат — генеральной секретаркой профсоюза в Риполе. Однако это скорее выбивалось из обычного порядка вещей, и на предприятиях, где трудились рабочие обоих полов, на руководящих постах женщины были представлены сравнительно скудно.

Более того, синдикалистское воззрение на организацию общества неизбежно выбрасывало за борт тех, кто не состоял в профсоюзе, не давая им участвовать в принятии общественно значимых решений. В теории локальный профсоюз, включающий в себя представителей всех индустрий и предприятий, должен был решать вопросы более широкого плана, но в действительности неорганизованные рабочие или участники не входящих в профсоюзное движение анархических организаций вроде *ateneos* в таких организациях (за некоторыми исключениями) представлены не были. Таким образом, постановка вопросов и вынесение решений по ним чаше всего проходили под диктовку профсоюзных боссов.

С учётом смехотворно малого присутствия женщин среди руководителей рабочих ячеек и главенства профсоюзов в решении общественных и экономических проблем вопросы, актуальные исключительно для женщин, всегда имели низкий приоритет. Организации, в которых верховодили мужчины, продолжали решать их сугубо в рамках так называемого разграничения общественного и личного, а если речь об эмансипации женщин и заводилась, то велась лишь о том, что касалось труда. На то же, что положение женщины в семье может мешать её участию в «общественных» (подразумевая «в профсоюзных») делах, глаза мужчин закрывались вообще.

По сути снятие женщинами с себя домашних обязанностей и переход на текстильные фабрики (который мужчины рассматривали как одно из важнейших достижений коллективизации, поскольку, во-первых, это сделали они, а во-вторых, это позволило женщинам стать рабочей силой «на равных» с мужчиной) обнажили проблемы разграничения личных и общественных интересов, которое игнорирует сложность жизненной ситуации женщины. Хотя мужчины, добивавшиеся

этих изменений, искренне верили в то, что они помогут женщинам, сами женщины не всегда были с этим согласны. Надомная работа давала женщинам возможность выбирать рабочие часы и темп работы, а кроме того, что намного важнее, они могли одновременно заботиться о семье и детях. На фабриках и рабочих часов было больше, и уровень зарплаты был значительно выше, однако многим женщинам было тяжело привыкать к новым условиям, прежде всего к рабочей дисциплине, и это, вкупе с отсутствием детских садов, мешало им справиться с внезапно выросшим кругом обязанностей[1].

На плечах работниц лежала двойная нагрузка — после звонка, возвещавшего окончание смены, им нужно было идти готовить, убираться, заботиться о детях и заниматься другими домашними делами. То, насколько тяжела эта ноша для женщин, признавали многие, но мало кто предлагал изменить существующий порядок вещей[2]. В то же время у женщин появились новые, небывалые прежде возможности для активного участия в экономической деятельности, и это значительно изменило их жизнь. Развитие «Мухерес Либрес» гарантировало, что женщины получат возможность выбраться за те узкие рамки, в которые вогнали их экономические условия.

Сельские общины

На селе перемен было куда больше. Во многих маленьких деревнях, особенно в Арагоне, анархисты создавали совместные хозяйства, членами которых мог сделаться каждый земледелец, а в крупных селениях крестьяне экспроприировали и коллективизировали участки местных землевладельцев, но при этом, давая бывшим владельцам право работать на этой земле, уравнивали в правах всех испольщиков и подёнщиков. В прочих районах процесс коллективизации носил смешанный

[1] И Альберт Перес-Баро, и Андрес Капдевила сообщили в интервью, что было много проблем с «дисциплинированием» этих женщин: они отказывались работать в новой системе. Но ни один из них не предположил, что у женского сопротивления могла быть иная причина, кроме лени и упорства.

[2] См., например, письмо трудящейся союзу текстильных рабочих в Реусе (Каталония), в котором она говорит, что должна будет отказаться от своей выборной должности в профсоюзе и роли делегатки фабрично-заводского комитета из-за предстоящего замужества. AHN/SGC-S, P.S. Barcelona: 857.

характер: в то время как в одних деревнях практически все жители вступали в кооператив на правах участников, в других было немало «индивидуалистов», которые становились членами перерабатывающих или потребительских кооперативов.

Соледад Эсторак вместе с представителями НКТ, ФАИ и ИФЛМ путешествовала по Арагону, Каталонии и некоторым провинциям Валенсии в первые месяцы войны. Вот как она описывает роль этих кочующих активистов в процессе коллективизации: «Когда мы приезжали в деревню, то сразу шли в комитет и созывали общее собрание всей деревни, а затем с большим энтузиазмом рассказывали им о нашем рае... Потом обычно следовали дебаты в стиле "кампесино" — вопросы по кругу, обсуждение и так далее. На следующий день они начинали экспроприировать землю, основывать рабочие группы и т. д. Мы помогали им формировать союзы и рабочие группы. Порой во всей деревне не находилось ни единого грамотного человека, так что всё это отнимало у нас немало времени. Трудно было убеждать их и выбирать делегатов на следующий *comarcal*, то есть региональное собрание, но мы выходили в поля и работали вместе с местными жителями, чтобы показать, что мы "обычные люди", а не чужаки, которые ничего не знают о труде крестьян. Впрочем, нас всегда принимали с распростёртыми объятиями — для этих людей Барселона была нечто сродни Богу. Люди спрашивали нас: "Что, так делают в Барселоне?" И если мы говорили "да", этого было достаточно!»[1]

В случае с Льейдой (это примерно 175 километров от Барселоны) коллективное хозяйство «Аделанте!» экспроприировало несколько сравнительно крупных землевладений, приняв в члены кооператива бывших батраков и испольщиков. Земля в Льейде была сильно разбросана, и у многих были совсем маленькие участки — обширные наделы имели немногие, и хотя экспроприированные участки не были самыми крупными, именно они составляли немалую долю от общего земельного фонда[2]. А поскольку до войны в НКТ состояло лишь несколько членов этого образованного в октябре 1936 года кооператива,

---

[1] Соледад Эсторак, интервью, Париж, 4 и 6 января 1982 г.

[2] Материалы о коллективе Льейды основаны на документах, размещённых в AHN/SGC-S, в частности, Sindicato Unico de Campesinos, Colectividad AIT, CNT, *Libro de Actas*, с 15 октября 1936 г. по 2 ноября 1937 г., P. S. Lérida: 3; и другие документы этого же коллектива, P.S. Lérida: 3, 5, 14

неудивительно, что инициатива создать коллективное хозяйство принадлежала именно им[1].

В Арагоне, где структура земельной собственности была иной, процесс коллективизации проходил иначе. В этом регионе часто случалось, что мелкие собственники земли обобществляли свои участки, которые никогда не стояли без дела. Обычно подобные хозяйства либо отбирали излишки земли у местных помещиков, «освобождая» их от собственности, превышавшей необходимую для содержания семьи, либо вынуждали их вступать в кооператив. Однако большинство новых издольщиков не могли похвастаться тем, что у них было до войны: например, в списке членов кооператива в округе Гельзы большинство имён принадлежали подёнщикам, у которых было лишь самое необходимое либо вообще не было ничего[2].

Неудивительно, что ход коллективизации и её результаты в немалой степени зависели от расстояния до ближайшего города и, соответственно, до подразделения НКТ. Несмотря на наличие свидетельств о принуждении к вступлению в кооперативы, даже многие активисты из числа анархистов признавали, что марш отрядов НКТ создавал в районе атмосферу, благоприятствующую коллективизации[3]. Обратную сторону этой медали демонстрирует Сьюзан Хардинг: «Анархистская коллективизация в военное время априори была противоречивым явлением. В большинстве арагонских деревень обобществлением земель занималось своего рода местное ядро, и многие крестьяне с радостью присоединялись к кооперативам... С другой стороны, многие участвовали в коллективизации

и 57. Информация о распределении земельных владений получена из интервью и из *Reparto Rústica, Lérida*, AMHL, 35, No. 2, 433.

[1] Интервью, Льейда, май 1979 г. См. также письмо Хуана Доменека к Хуану Гарсии Оливеру, май 1938 г., IISG/НКТ: 35.

[2] AHN/SGC-S, P. S. Aragon; 113.

[3] Например, Артуро и Лусдивина Парера, интервью с авторкой, Сиджес, 22 и 23 июля 1979 г.; см. также Fraser, *Blood of Spain*, особенно сс. 347–372. Противоположная позиция изложена у Félix Carrasquer, *Las colectividades de Aragón: Un vivir autogestionado promesa de future* (Barcelona: Laia, 1986), особенно сс. 27–28; и Gaston Leval, *Espagne libertaire 36–39 (L'oeuvre constructive de la Révolution espagnole)* (Paris: Editions du Cercle, Editions de la Tête de Feuilles, 1971).

с явной неохотой — дух принуждения, витавший повсюду и грозивший если не отбором имущества, то арестом, не оставляли людям возможности для выбора»[1].

В Валенсии, за исключением нескольких кооперативов с давней историей активной деятельности в составе НКТ, ситуация была схожа с тем, что происходило в Каталонии. После того как угроза восстания миновала (а здесь отряды, верные республиканским идеалам, остались в бараках), НКТ и ВСТ совместно принялись обобществлять землю, которую бросили предатели Республики. Однако таковых было не так много, да и у тех, кого можно было назвать нелояльными, пахотных земель в этом регионе было относительно немного. Тем не менее по инициативе НКТ крестьяне во многих деревнях захватывали возделываемую ими землю и стремились организовывать кооперативы. Как и в Арагоне, а также в центральном регионе, для содействия отдельным общинам в реализации продукции и координации действий НКТ создавала региональные федерации. Но и у этих объединений были свои пределы: Аврора Бош утверждает, что слишком мало предводителей и активистов НКТ хоть как-то разбирались в сущности коллективизации, и многие из этих федераций были не более чем обычными сельскохозяйственными или потребительскими кооперативами[2]. Одним из немногих исключений был «Эль Порвенир» («Будущее») в Табернесе-де-Вальдигна, где в последние месяцы войны довелось жить Пуре Перес Аркос.

Но вне зависимости от способа коллективизации работа во вновь образованных хозяйствах обычно велась на основе кооперации. В мелких организациях на ежедневных сходках, где определялся фронт работ и исполнители, присутствовали все рабочие, в более крупных на такие собрания каждое звено отправляло своих делегатов. Общие же собрания, на которых решались серьёзные вопросы вроде рабочего времени

---

[1] Susan Friend Harding. Remaking Ibieca, 72. Её дискуссию об учреждении коллективов в Ибьеке см. на сс. 61–64.

[2] Bosch. Las colectivizaciones: estado de la cuestión y aspectos regionals». In: *La II República*, 147–168.

и зарплат или распределения еды и одежды, проходили еженедельно либо раз или два раза в месяц[1].

Тем не менее, невзирая на все трудности, у кооперативов были и определённые достижения. Во многих районах удалось поддержать, а кое-где даже приумножить объём производимой сельхозпродукции, внедрялись новые способы возделывания и удобрения земель. В Валенсии НКТ и ВСТ создали Общелевантийский совет сельскохозяйственного экспорта, который коллективизировал экспорт апельсинов — самый значительный источник иностранной валюты. И хотя его работа была ограничена трудностями военного времени, недостатком управленческого опыта у рабочих и закрытием иностранных рынков, совет успешно координировал эту крупную продовольственную индустрию.

Коллективные хозяйства строили курятники и хлева для обобществлённого скота. Федерации кооперативов организовывали строительство школ, дорог и мостов, каналов и дамб. Некоторые из этих построек сохранились и поныне, став бесспорным доказательством народных инвестиций в инфраструктуру сельской Испании[2]. Обеспечивали коллективисты и передачу излишков из зажиточных краёв в более скудные регионы — как посредством прямого обмена между деревнями, так и через установленные региональными комитетами механизмы. Правда, эффективно перераспределять сельхозпродукцию удавалось не всегда: не хватало транспорта, средств связи, да и энтузиазма доставало не у всех. Но, по словам Феликса Карраскера, повышение сознательности — это процесс длительный: «Были, конечно, и такие люди, которые не хотели делиться, утверждая, что каждый коллектив должен заботиться в первую очередь о себе. Но их обычно переубеждали

---

[1] См., например, *Actas*, Sindicato Agrícola Colectivo de Alcañiz, 4 декабря 1936 г., 4 сентября 1937 г., AHN/SGC-S, P. S. Aragón, 136.

[2] Myrna Margulies Breitbart. *The Theory and Practice of Anarchist Decentralism in Spain, 1936–39*. Ph.D. diss., Department of Geography, Clark University, 1977. *Problèmes da la construction et du logement dans la révolution espagnole, 1936–1939*, ed. and trans. Bernard Catlla. Saillagouse, France: n.p., 1976. Гонсало Мата и Антонио Алькасар во время интервью 16 августа 1981 г. показали мне несколько каналов, построенных коллективами НКТ в Виланова-и-ла-Жельтру.

в ходе собраний. Мы старались говорить на понятном им языке. Мы спрашивали: "Думаете, было честно, когда *cacique* (староста) позволял людям голодать, когда работы было недостаточно?" И они отвечали: "Конечно же, нет", и меняли мнение. Не забывайте, коллективистов было 300 тысяч, но лишь 10 тысяч были членами НКТ. Нам предстояло учить и учить»[1].

Задача была не из лёгких. Всюду, кроме селений, где имелся хотя бы какой-то опыт либертарного коммунизма, коллективизация представляла собой реальное переустройство повседневной жизни, и многим работникам было трудно приспособиться к новой системе. «Солидаридад Обрера», «Нуэво Арагон» (Nuevo Aragon), «Акрасия» (Acracia), «Кастилья Либре» (Castilla Libre) и другие издания НКТ публиковали статьи, в которых обсуждалась работа кооперативов и которые призывали сельскую мелкую буржуазию не бояться революции, а рабочих — не держаться за старый уклад жизни, каким бы привычным он ни был[2].

Но в целом неудивительно, что именно сельские коллективы оказались успешнее промышленных в достижении анархической цели равенства — по крайней мере в том, что касалось доходов. При расчёте зарплаты использовались преимущественно две общепринятых схемы: либо некая оговорённая сумма ежедневно каждому, либо так называемая «семейная зарплата» — сообразно количеству едоков в семье и в полном соответствии с лозунгом коммунистов и анархистов «каждому по потребностям».

В некоторых коллективах все получали равную зарплату независимо от типа работы, которую выполнял каждый, — колхозы Монсона и Мирамеля в Арагоне, к примеру, платили поровну мужчинам и женщинам[3]. Однако в большинстве коллективов

---

[1] Феликс Карраскер, интервью, Барселона, 16 февраля 1979 г. См. также Rudolf de Jong, El anarquismo en España, in *El movimiento libertario español: Pasado, presente, futuro, Cuadernos de Ruedo Ibérica* (специальный номер, 1974), 14–15; и Bosch, *Colectivistas.*

[2] См., например, En Motril, en vez de dinero existen bonos de relación, in *Solidaridad Obrera*, 27 сентября 1936 г., 3; Los pequeño burgueses no deben alarmarse, там же, 29 августа 1936 г., 1.

[3] Касательно Монсона и Мирамеля см. интервью с Матильде Эскудер и Феликсом Карраскером, Барселона, 16 февраля 1979 г. Об анализе зарплат в коллективах Каталонии см. L'Enquesta de la Consellería sobre la

существовала существенная разница между женской и мужской зарплатами. Даже «семейная зарплата» рассчитывалась на основе этой неравной оценки труда. «Аделанте!» в Льейде и «Эль Порвенир» в Валенсии, например, выплачивали деньги «главе семьи» исходя из численности, пола и возраста его домочадцев: в «Эль Порвенир» «сам» получал 4 песеты на себя, 1,5 песеты на свою супругу, 0,75 песеты на каждого ребёнка старше 10 лет и по полпесеты на всех, кто был моложе[1].

В Арагоне некоторые коллективы комбинировали эти две системы. Во Фраге, например, женщины, работавшие вне дома, занимались традиционным для этого региона выращиванием и сбором инжира, получая столько же, сколько и мужчины, но в те месяцы, когда они «просто вели хозяйство или обрабатывали семейный участок», им не платили. Считалось, что семейная зарплата, которую получал их отец или муж, косвенно покрывала их вклад[2].

Традиционное гендерное деление возобладало и в распределении работы внутри коллектива. Протоколы собраний колхоза «Аделанте!» в Льейде свидетельствуют о том, что различие в нормах работы для женщин и мужчин было здесь в порядке вещей, да и в других коллективах происходило то же самое[3]. Хлопоты по дому по умолчанию взваливались на женщину повсеместно, и везде, кроме разве что мелких или очень бедных коллективов, женщины работали вне дома лишь в исключительных случаях, вроде сбора урожая, когда требовались все рабочие руки[4].

---

collectivització de la terra, in *Butlletí del Departament d'Agricultura,* 1, No. 3 (декабрь 1936 г.), 21–30; и 2, No. 4 (январь 1937 г.), 75–78.

[1] Информация о зарплатах в Льейде взята из Certificats de Treball, AHN/SGC-S, P. S. Lérida, 5. О Табернесе-де-Вальдигна в Валенсии см. Colectividad productora «El Porveni», de Tabernes de Valldigna. (UGT–CNT), CLUEA, No. 4 (июль 1937 г.), 11–13, перепечатано у Bosch, *Colectivistas,* 29.

[2] О Фраге см. интервью с Валеро Чине, Фрага, 11 мая 1979 г. Похожий план, кажется, был осуществлён в Альканьисе. См. Actas «Sindicato Agricola Colectivo», Alcañiz, November 21, 1937, AHN/SGC-S, P. S. Aragón, 136.

[3] *Libra de Actas,* записи от 20 декабря 1936 г. и 18 июля 1937 г.

[4] См. правила коллектива в Бинефаре, *Realizaciones revolucionarias y estructuras colectivistas de la Comarcal de Monzón (Huesca).* Confederación Nacional del Trabajo de España, Regional de Aragón, Rioja, y Navarra: Cultura y Acción, 1977, 85. О похожих примерах определения «работы» по половому

И наконец, разделение труда по половому признаку имело место и в распределении руководящих постов, и в организационной работе вообще. Те же протоколы колхоза «Аделанте!», а также интервью с анархистами из других общин наводят на мысль, что вовлечение женщин в решение общих вопросов было ограничено. С учётом тогдашней недооценки роли женщин это необязательно демонстрирует уровень женской активности, но многие свидетельницы тех событий признают, что на собраниях женщины чаще всего хранили молчание, и такое их поведение приписывалось неопытности в публичных выступлениях. Поэтому, как мы увидим, «Мухерес Либрес» впоследствии занялись и этой проблемой.

Разумеется, вполне возможно, что тогда, как и сейчас, женщины делали много, но это не было должным образом оценено. Соледад Эсторак писала, что в некоторых общинах Арагона первыми делегатами в сельские комитеты были женщины. Почему? Потому что мужчины часто отсутствовали дома, уходя на долгое время пасти стада, и жизнь в деревнях поддерживали как раз женщины. Однако этот пример женского лидерства — скорее исключение, чем правило в общей картине Испании того времени.

Тем не менее коллективным хозяйствам удалось сделать немало. Женщины активно участвовали в некоторых сельских общинах и даже занимали там ответственные посты. Степень их личной свободы стремительно росла: институт брака, несмотря на то, что традиционная семья по-прежнему считалась нормой[1], во множестве регионов упразднили, и работницы постепенно переходили к самостоятельным действиям.

Политическая консолидация и контрреволюция

Никакие, даже самые подробные описания социальной революции не будут полными без рассказа о внутренней и внешней политической обстановке, в которой она развернулась, и влиянии на её ход изменений этой обстановки. Как

признаку см. Susan C. Bourque and Kay B. Warren, *Women of the Andes* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1981), 114–126.

[1] См. Eduardo Pons Prades, *Un soldado de la República: Memorias de la guerra civil española* (Madrid: G. del Toro, 1974), 93 и последующие страницы; и AHN/SGC-S, P.S. Barcelona: 1392 и 626.

было сказано выше, восстание означало фактический крах официального правительства. В крупных бастионах республики победившие рабочие быстро взяли на себя обязанности по обеспечению общественного порядка. В большинстве городов привычные правительственные институты были замещены Комитетами антифашистского ополчения, состоявшими из представителей различных партий и рабочих организаций. Это стало результатом попытки отразить единство целей и борьбы, которую люди вели на улицах и в политических учреждениях.

И всё же политическая трансформация не была полноценной. Хотя на местах и руководили комитеты, прежние институты не были упразднены до конца. Например, Женералитат Каталонии (её автономное правительство) продолжал функционировать одновременно с организованным народными силами Центральным комитетом антифашистских дружин Каталонии, в котором были представители от социалистов, коммунистов, регионалистов и крупных объединений рабочего класса, в том числе ВСТ и НКТ, причём в количестве, которое было примерно пропорционально их поддержке в обществе[1]. В Валенсии работал Народный исполнительный комитет, а в Арагоне — Арагонский совет, правда, здесь, в отличие от Каталонии и Валенсии, отсутствовали прочие правительственные структуры: на протяжении всей Гражданской войны регионом управлял Революционный комитет. Тем не менее этот краткий период «двойственности власти» в конечном счёте дал правительству передышку, которую то использовало для того, чтобы снова перетянуть одеяло полномочий на себя[2].

Одновременно на все эти политические колебания крайне сильно влияла внешнеполитическая обстановка, в которой протекала Гражданская война. Она началась в 1936 году, когда Гитлер уже пришёл к власти в Германии, и завершилась весной 1939 года незадолго до немецкого вторжения в Польшу,

---

[1] Juan García Oliver. *Et eco de los pasos.* Barcelona: Ruedo Ibérico, 1978, 171. Diego Abad de Santillán. *Por qué perdimos la guerra? El Area de Papel.* Barcelona: Plaza y Janes, 1977, 88, 124–125. Cesar Lorenzo. *Les anarchistes espagnols et le pouvoir, 1868–1969,* 102–110.

[2] Эмма Гольдман говорила о своих опасениях касательно этих мер многим своим друзьям и товарищам. См. EG to My dear Mark [Mrachny], October 3, 1936, NYPL-EG.

ознаменовавшего начало Второй мировой войны. Страны, в которых Республиканская Испания ожидала увидеть своих естественных союзников (прежде всего Англию, Францию, в которой даже было своё правительство Народного фронта, и США), заняли нейтральную позицию, боясь, с одной стороны, задеть Гитлера и Муссолини, а с другой — поддержать «красное» испанское правительство. Они не только отказались поставлять оружие Республике, но даже запретили экспорт в Испанию товаров и ресурсов, которые могли иметь стратегическое значение. Эти меры применялись, впрочем, с известной непоследовательностью: например, «националистическое» правительство Франко, невзирая на эмбарго, каким-то образом закупало нефть и бензин у нефтяных компаний США. Тем временем Гитлер и Муссолини, подписав в августе 1936 года «Пакт о ненападении», явно давали понять, что не собираются ему следовать. Годами они снабжали повстанцев сырьём, оружием, войсками и мощной поддержкой с воздуха (ярчайший пример — рейд люфтваффе на Гернику, город в Стране Басков). Республика находилась в полной изоляции, покинутая всеми, и если бы не поддержка Советского Союза и Мексики, она бы, вероятно, пала к ногам повстанцев уже к концу того же года[1].

Но хотя советская помощь и была неоценима в плане поддержки сопротивления, она оказывала серьёзнейшее влияние на сам ход социальной революции и Гражданской войны. Сталин активно поддерживал стратегию Народного фронта, который пытался заключить союз с капиталистическим Западом против фашистов. Из-за этого в его интересах было снизить, если не подавить, революционную активность, чтобы преуменьшить значимость Гражданской войны в глазах Запада, представить её обычной борьбой демократии против фашизма.

Война продолжалась, а поддержка СССР становилась всё важнее для Республики, поэтому росло и влияние испанской партии коммунистов (в которой насчитывалось каких-то три тысячи членов к началу войны) на политическую жизнь Республики. Революционные объединения трудящихся постепенно

---

[1] Burnett Bolloten. *The Spanish Revolution*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1979. Pierre Broué and Emile Temimé. *The Revolution and the Civil War in Spain*. Douglas Little. *Malevolent Neutrality: The United States, Great Britain, and the Origins of the Spanish Civil War*. Ithaca: Cornell University Press, 1985.

вытеснял Народный фронт, целями которого было «выиграть войну и защитить демократическую республику». КПИ и ОСПК стали представительницами мелкой буржуазии и фермеров, а их деятельность теперь была направлена против рабочих организаций. Очень скоро они взяли откровенно контрреволюционный курс, противодействуя дружинам и общинам и выступая в защиту частной собственности[1].

Либертарное движение пыталось побороть это противодействие, однако давление было непомерным. Ещё в сентябре 1936 года НКТ подчёркивала важность единства антифашистов. Например, в радиообращении из Мадрида Федерика Монсень заявила: «Отныне мы не социалисты, не анархисты, не республиканцы — мы все антифашисты, поскольку нам всем известно, что собой представляет фашизм»[2]. К концу месяца к Совету Женералитата Каталонии, в который теперь входили представители от всех рабочих организаций и политических партий, присоединились трое членов НКТ, и через несколько дней Центральный комитет антифашистских дружин самораспустился. Вхождение в правительственную структуру было, разумеется, отклонением от традиционных принципов анархистов. «Солидаридад Обрера» оправдала такой ход необходимостью военного времени: «В условиях войны должно быть разумное руководство. Необходимо создать комитет, который будет отвечать за действия военного характера, но, кроме военных специалистов, должен быть и орган, который будет следить за выполнением трудящимися того, что им положено выполнять»[3].

Весь октябрь «Солидаридад Обрера» публиковала призывы к созданию национального совета обороны, который объединил бы все антифашистские силы в неправительственное учреждение. Авторы этих воззваний утверждали, что политика

---

[1] Подробнее см. Martha Ackelsberg, Women and the Politics of the Spanish Popular Front: Political Mobilization or Social Revolution? in *International Labor and Working-Class History, No. 30* (осень 1986 г.), 1–12.

[2] Federica Montseny habla en Madrid ante el micrófono de Unión Radio. In: *Solidaridad Obrera,* September 2, 1936, 7.

[3] Es necesario que los trabajadores cooperan a la obra de los camaradas que ocupan los puestos de responsabilidad. In: *Solidaridad Obrera*, September 30, 1936, 1; похожие статьи появились 29 сентября и 2 октября.

партий не отвечает поставленной перед ними задаче[1], однако эти призывы не были одобрены тогдашним премьер-министром, лидером Социалистической партии Ларго Кабальеро. Окончательно зажатая между перспективами присоединиться к правительству или потерять вместе с доступом к оружию возможность координировать действия в борьбе НКТ сдалась.

Представители от НКТ и ФАИ присоединились к правительству Ларго Кабальеро 2 ноября и приняли четыре министерских портфеля в обмен на обещание вооружить Каталонию в надежде сохранить завоевания революции. Эмма Гольдман разделяла мнение большинства анархистов за пределами Испании о возможных подоплёке и последствиях этого шага. В частности, она писала Рудольфу Рокеру о том, что этот ход «...не только не помог, но нанёс невероятный удар по нашим товарищам и их деятельности»[2]. То, чего больше всего боялась Гольдман, и случилось — по мере того как по всей стране антиреволюционные силы усиливали контроль над политикой правительства на местах, анархисты почти сразу же стали терять позиции.

24 октября 1936 года Женералитат издал «Декрет о коллективизации и рабочем контроле», формально призванный «узаконить» коллективизацию, но в действительности урезавший полномочия комитетов рабочего контроля. В ноябре представители коллективизированных газовых и электрических предприятий жаловались на то, что Женералитат запретил Центральному комитету рабочего контроля использовать любые денежные средства без своего разрешения[3]. В декабре 1936-го были милитаризированы народные дружины, а вскоре строгий контроль, ограничивавший полномочия рабочих комитетов, был установлен и над промышленными и сельскими коллективными хозяйствами. Как замечала Эмма Гольдман, анархисты встали перед дилеммой, вне зависимости от их выбора ведущей к всеобщему осуждению: либо, как при диктатуре,

---

[1] Importantísimo manifesto de la CNT. In: *Solidaridad Obrera*, October 1, 1936.

[2] EG to Rudolf, Barcelona, November 3, 1936, NYPL-EG.

[3] *Actas*, Comité Central de Control Obrer, Gas i Electricitat, November 18–19 and December 5, 1936, AHN/SGC-S, P. S. Barcelona: 182.

попробовать навязать всем свою волю, либо же войти в правительство, что представлялось меньшим из двух зол[1].

Всего за несколько месяцев политические интересы взяли верх над целями революции, и политический союз попросту разгромил союз революционный. В Барселоне вооружённые отряды под предводительством коммунистов напали на анархистов и представителей Рабочей партии марксистского единства (ПОУМ), атаковав подконтрольную НКТ центральную телефонную станцию и арестовав (а попутно заставив «исчезнуть») видных деятелей партии — это вошло в историю как «Майские события» 1937 года.

Министры от НКТ обратились по радио к своим сторонникам с просьбой сложить оружие, чтобы не давать коммунистам нового повода для насилия, но это было в лучшем случае временной мерой сдерживания конфликта. Переломить государственный курс они бы не смогли, и поэтому на той же неделе все четыре министра в знак протеста подали в отставку.

После этого правительство стало принимать новые, откровенно контрреволюционные меры. На деятельность множества промышленных кооперативов были наложены ограничения, оправдывая снятие рабочего контроля интенсификацией производства для военных нужд. В августе отряды под предводительством Энрике Листера, состоявшие преимущественно из коммунистов, прошли по сёлам Арагона с целью отменить коллективизацию и вернуть землю её «истинным» владельцам. Вскоре правительство прямо заявило: «Сначала война, потом революция»[2]. И хотя многие коллективные хозяйства продолжали действовать до самого завершения войны и прихода отрядов Франко, черту под началом социальной революции подвели майские события 1937 года: ощущение «мира в руках народа» улетучилось.

---

[1] EG to Senia Fechine, London, February 23, 1937; EG to a comrade, Barcelona, December 7, 1936, NYPL-EG; EG to Rose Pesotta, February 1, 1938, NYPL-RP, Special Correspondence, Box 10.

[2] Подробнее об этих изменениях см. Franz Borkenau, *The Spanish Cockpit* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1963), особенно гл. 2; Джордж Оруэлл, Памяти Каталонии, гл. 5; Noam Chomsky, Objectivity and Liberal Scholarship, in *American Power and the New Mandarins* (New York: Random House, 1969), особенно сс. 72–158; и Bolloten, *The Spanish Revolution*.

Историки и бывшие участники тех событий продолжают спорить по поводу оправданности противостояния анархистов и коммунистов в вопросах войны и революции. Многие из симпатиков революционных сил заявляют, что проводимая КПИ политика милитаризации и централизации подорвала волю рабочих к борьбе и оставила в них чувство, что бороться особо и не за что. Гольдман описала то, что назвала сама «предательством коммунистов», в самых жёстких выражениях: «Я знаю лишь то, что должна во всё горло вопить, протестуя против шайки убийц, направляемых Москвой. Они не просто пытаются выжать все соки из революции, из НКТ–ФАИ, но и умышленно подрывают антифашистский фронт. Я не знаю второго подобного преступления. Иуда предал лишь Христа. Коммунисты предали целый народ»[1].

Другие же критиковали политику соглашательства, которую проводила НКТ, и утверждали, что выиграть революционную борьбу консервативными методами невозможно. Анархисты и другие активисты должны были начать партизанскую войну, а не соглашаться на милитаризацию под руководством КПИ[2]. В личной переписке Гольдман многое указывает, что она была согласна с подобной критикой Конфедерации, однако на публике она отстаивала выбранную НКТ стратегию действий как лучшую из всех возможных и писала товарищам в Европе и США с просьбой перестать её критиковать[3]. Любопытно, что Марьяно Васкес и Педро Эррера (главы НКТ и ФАИ соответственно) в январе 1938-го просили её сбавить тон в адрес коммунистической партии и правительства: «Разговоры о гнусном отношении и вопиющих действиях коммунистов и правительства Негрина, — писали они, — могут повлечь

---

[1] EG to Ethel Mannin, November 18, 1937, NYPL-EG.

[2] Fraser, *Blood of Spain*, 321–347. Vernon Richards. *Lessons of the Spanish Revolution*. London: Freedom Press, 1953. García Oliver. *El eco de los pasos*, гл. 3. Actas del pleno nacional de regionales, CNT, septiembre 1937, 21ff, IISG/CNT, Paquete 48A.

[3] EG to the Dutch Pacifist, Wim Jong, February 10, 1937, NYPL-EG, EG to Mollitchka [Mollie Steimer], January 19, 1937. IISG/EG, No. 20094. Address to the Delegates at the Extraordinary Congress of Paris of the I. W.B.A., December 1937 :. NYPL-RP, Special Correspondence. Box 10. EG to Max Nettlau, May 9, 1937, Labadie Collection, University of Michigan (Федерико Аркос, который пожертвовал этот документ коллекции Лабади, предоставил мне его копию).

за собой безразличие... Международный пролетариат задастся вопросом: "Почему мы должны отсылать помощь испанским антифашистам и их правительству, если там преследуют несогласных... хуже, чем в буржуазных странах"»[1]?

Наконец, в качестве последнего довода симпатики КПИ приводят масштаб угрожавшей Республике беды — дескать, курс ПОУМ–НКТ и левых социалистов *одновременно* на революцию и войну был лишь прихотью мечтателей: чтобы получить хотя бы малейший шанс на победу над повстанцами, необходимо было мобилизовать все ресурсы[2]. В самом деле, в конце войны Васкес писал Эмме Гольдман что буде НКТ и допустила ошибку, то лишь в том, что она «перебрала с революционностью»: «Если бы 19 июля вместо коллективизации и революции мы сосредоточились на буржуазной республике, международный капитализм не испугался бы и решился помочь ей... Короче, не стоило начинать революцию до победы в войне»[3].

Тем не менее весомых оснований предполагать, что решающее влияние на исход войны оказала контрреволюционная политика КПИ и правительства, нет. По сути ни одно из этих обстоятельств не имеет достаточной значимости в международных отношениях. Франко и повстанцы могли рассчитывать на прямую помощь со стороны Гитлера и Муссолини и на косвенную — от США, Британии и Франции, которые отказались вмешаться на стороне Республики и закрывали глаза на то, что их корпорации продавали стратегические товары мятежникам. Разумеется, неоценимую помощь республиканцам оказывал Советский Союз; но даже если абстрагироваться от цены, которую республиканцы заплатили за это в стратегическом

[1] Mariano M. Vázquez, for the National Committee of the CNT, and Pedro Herrera, for the Peninsular Committee of the FAI, to EG, January 11, 1938, IISG/EG, #19187. Авторка благодарна Элис Векслер за то, что она обратила её внимание на эти письма. См. Alice Wexler, *Emma Goldman in Exile* (Boston: Beacon Press, 1989), особенно гл. 9.

[2] Hugh Thomas. *The Spanish Civil War*. New York: Harper and Row, 1961. Gabriel Jackson. *The Spanish Republic and the Civil War, 1931–39*. Edward Malefakis, panel presentation, «Revolution and Counterrevolution» at the conference *«1936–1986: From the Civil War to Contemporary Spain, Perspective on History and Society»*. Center for European Studies, Harvard University, November 14–16, 1986.

[3] Vázquez to EG, Paris, February 21, 1939. March 5, 1939, IISG, Rocker Archives, file 107.

и материальном плане, эту помощь невозможно сравнивать с ресурсами, которые вливались в армию Франко. Во многих отношениях исход испанской Гражданской войны был фактически определён на международной арене, хотя психологическое и эмоциональное бремя борьбы и последовавших репрессий понёс именно испанский народ[1].

В целом, революция и война дали женщинам и мужчинам совершенно новые возможности участия в жизни общества, во многих смыслах расширили их представление о своих способностях и перспективе общественных перемен. Однако эффект от этих завоеваний подрывали последствия войны: помимо дефицита продовольствия и сырья, типичной для военного времени неразберихи в экономике и в обществе, затяжная «гражданская война внутри гражданской войны» подрезала крылья и социальной революции.

В первые месяцы войны многие организации и люди предполагали, что положено начало по-настоящему революционного общества равных, и это вдохнуло жизнь в деятельность анархистского движения в целом и «Мухерес Либрес» в частности. Однако военное время положило конец всем теплившимся надеждам на грядущие свершения. Далее станет понятно, как «Мухерес Либрес» развивались в рамках революционного контекста, как обретали в нём своё лицо и при этом определяли ход революции.

[1] О годах правления Франко см. Louis Stein, *Beyond Death and Exile: Spanish Republicans in France* (Cambridge: Harvard University Press, 1979). Lidia Falcón. *Los hijos de los vencidos, 1939–1949.* Barcelona: Pomaire, 1979. Carlota O'Neill. *Trapped in Spain,* trans. Leandro Garza. Toronto: Solidarity Books, 1978. Javier Tusell. *Los hijos de la sangre: La España de 1936 desde 1986.* Madrid: Espasa Calpe, 1986.

4. ОСНОВАНИЕ «МУХЕРЕС ЛИБРЕС»

Революционная активность в антифашистской Испании достигла своего апогея в первые месяцы Гражданской войны, хотя почва для этого готовилась в течение семи десятков предшествующих ей лет — по мере развития анархического и социалистического движений. Итогом этой подготовки и социального кризиса в Республике вообще и стали «Мухерес Либрес». Несмотря на то, что национальная федерация официально была основана только в 1937 году, первый номер одноимённого журнала увидел свет годом ранее, а его публикации предшествовал двухлетний подготовительный период — самоорганизация анархисток, в особенности Мадрида, Барселоны и их пригородов. Все основательницы «Мухерес Либрес» принадлежали к воинственному крылу анархо-синдикалистского движения, но полагали, что организации, участвующие в нём, не в силах разобраться с проблемами женщин — ни внутри объединений, ни в обществе в целом. В этой главе рассмотрен опыт, полученный участницами движения, ставящего своей конкретной целью эмансипацию женщин, а также зарождение и становление этого движения.

Анархо-синдикалистское движение и угнетение женщин

Как радикально ни были бы настроены мужчины, демонстрируя это по поводу и без в кафе, профсоюзах и даже в аффинити-группах (ФАИ), у порога своего дома они сбрасывают личину поборников женской свободы и ведут себя с супругами точь-в-точь как обыкновенные «мужья»[1].

В ходе совместной работы в профсоюзах, *ateneos* и молодёжных группах женщины выковали в себе верность идеалам

[1] Kiraline [Lola Iturbe]. La educación social de la mujer. In: *Tierra y Libertad*, 1935, 1 (9), 4.

и единения с товарищами, однако даже наиболее активные участницы заявляли, что их соратники не всегда относились к ним с уважением. Это проявлялось по-разному, но суть оставалась неизменной — при всей своей приверженности равенству мужчины и парни не относились к женщинам и девушкам как к равным себе. «Мы и вправду боремся вместе, — вспоминает Энрикета свои слова, адресованные товарищам-мужчинам из Либертарной молодёжи и *ateneo*, — но вы всегда лидеры, а мы всегда последовательницы. И на улицах, и дома. Мы немногим лучше рабынь!»[1]

Женщины, активно участвовавшие в работе профсоюзов НКТ, в *ateneos* и группах ИФЛМ, всегда составляли меньшинство. Их усилия по привлечению в ядро движения товарищек не имели большого успеха: либо из-за сексизма мужчин, либо из-за робости женщин, или же из-за совокупности этих факторов. Передать дух того времени могут их рассказы — вот что, например, поведала Асусена Фернандес Барба, внучка Абелардо Сааведры, воспитанная родителями, которые были всецело преданы движению. Она с сёстрами и братьями помогала создать *ateneo* «Соль и Вида» в Барселоне, однако, по её рассказам, дома мужчины напрочь забывали о борьбе женщин: «Если проводить аналогию, то это похоже на заядлого игрока в карты. Он выбирается играть в карты, несмотря на то, что творится у него дома. То же самое и с нами, но только речь уже идёт об идеях. Они борются, участвуют в забастовках и т. д. Но дома — полный ноль. Мне кажется, мы должны были подавать пример своей жизнью, чтобы она отличалась от жизни остальных и соответствовала нашим словам и стремлениям. Но нет, [для них] вся борьба была снаружи. Как только они приходили домой, [наши желания] превращались в чистой воды утопию»[2].

Пепита Карпена, которая долгое время посвятила деятельности в НКТ и ЛМ в Барселоне, описала один довольно типичный случай с её товарищем из Либертарной молодёжи: «Я рассказываю вам эту историю, поскольку меня спасли моя

---

[1] Энрикета Ровира, интервью, Кастельнодари, 28 декабря 1981 г. Современные параллели см. в Sara Evans, *Personal Politics: The Roots of Women's Liberation in the Civil Rights Movement and the New Left* (New York: Knopf, 1979); и Ellen Kay Trimberger, Women in the Old and New Left: The Evolution of a Politics of Personal Life, in *Feminist Studies,* 1979, 5, 432–450.

[2] Асусена Барба, интервью, Перпиньян, 27 декабря 1981 г.

общительность и умение давать сдачи. Однажды товарищ из Либертарной молодёжи сказал мне: "Ты говоришь, что вся из себя такая свободная. Да ты вовсе не свободная. (Я говорю это вам, чтобы вы увидели мышление таких мужчин). Потому что если я попрошу тебя меня поцеловать, ты откажешься". Я уставилась на него и думаю себе: "Как же поставить тебя на место?" А потом говорю ему: "Слушай, когда я хочу переспать с парнем, именно я его выбираю. Я не сплю со всеми подряд. Ты как мужчина меня не интересуешь. Я к тебе ничего не испытываю... Почему ты хочешь, чтобы я, по твоим словам, "освободилась", переспав с тобой? Для меня это не освобождение. Это просто секс ради секса. Нет уж, любовь должна стать чем-то вроде еды: если ты голоден, ты ешь, а если хочешь забраться в постель с парнем, тогда... Возможно, я скажу тебе кое-что обидное (это я сказала, чтобы его пропесочить): твои губы меня не привлекают, а я не занимаюсь любовью без поцелуев". Он лишился дара речи! Но я сделала это с двойным умыслом, потому что хотела показать ему, что такой способ просвещать соратниц не проходит. Вот как выглядела борьба женщин в Испании! Стычки случались даже с товарищами по группе, а уж об остальных и говорить не приходится»[1].

Многие из женщин, с которыми я разговаривала, утверждали, что забота о равенстве полов не особо переносилась на интимные отношения, но куда больше их волновало то, что мужчины не воспринимали женщин всерьёз, в том числе и на общественно-политической арене. Пура Перес Бенавент Аркос, к примеру, посещала рационалистическую школу в предместье Барселоны Эль-Клот, которой заведовал Пуч Элиас. Там же она присоединилась к Либертарной молодёжи. Она отмечала, что когда девушки ходили на собрания ЛМ, парни часто начинали смеяться над ними ещё до того, как они начинали говорить! В Барселоне Пура познакомилась с Соледад Эсторак и рассказала ей об этих случаях. Соледад сначала не поверила, что всё настолько плохо, и сходила на собрание сама — и тоже была осмеяна[2].

Такие примеры демонстрируют взгляды определённой части испанских анархистов на место женщины в обществе

[1] Пепита Карпена, интервью, Монпелье, Франция, 30 декабря 1981 г.

[2] Пура Перес Аркос, интервью, Уинсор, Онтарио, 19 декабря 1984 г.

и революционном движении. Как мы увидели, такая позиция отличалась и от прудонистской, допускавшей второстепенное положение женщины, и от той, которую исповедовали последователи Бакунина, настаивавшие на равенстве мужчин и женщин и на том, что последние заслуживают соответствующего отношения к себе во всех социальных институтах. Несмотря на то, что испанские анархисты приняли её ещё в далёком 1872 году, вклад женщин в общественную борьбу по большей части игнорировался, и в лучшем случае предпринимались вялые попытки организовать женское рабочее движение — так, например, поступала НКТ.

В семье же ситуация принимала ещё более печальный оборот: фактически все опрошенные женщины жаловались, что, какими бы воинствующими анархистами ни были их мужья на улицах, дома они рассчитывали на роль «хозяев». Подобные жалобы эхом отзывались во многих статьях из газет и журналов движения того времени.

Более того, убеждённость в том, что истинное предназначение женщины состоит в том, чтобы быть матерью и женой, разделялась как минимум некоторыми анархистками. Так, Матильде Фильер в 1934 году писала в журнал «Эстудьос» о том, что эмансипация женщин несовместима с ролью матери: «Нельзя быть хорошей матерью — в строгом смысле слова — и вместе с тем хорошей юристкой или химикиней... Можно быть женщиной и одновременно интеллектуалкой. Но матерью? Нет»[1].

Подобные воззрения широко поддерживались мужчинами. Например, в 1935 году, в статье, обличавшей отсутствие заинтересованности женщин в собственной эмансипации (а заодно защищавшей движение от претензий по поводу недостаточных усилий по организации женщин на рабочих местах), Монтуэнга утверждал, что «женщина... всегда будет украшением жизни, и это как раз то... в чём её предназначение: сердечная подруга, которая поддерживает и утешает нас в жизненной борьбе, будучи любящей матерью для наших детей»[2].

[1] Matilde Filler. Adónde va la mujer? In: *Estudios*, No. 133 (сентябрь 1934 г.), 18–19. Мэри Берта приводит аналогичный аргумент в статье La verdadera madre, *Estudios*, No. 121 (сентябрь 1933 г.), 40–41.

[2] Montuenga. Consideraciones sobre la mujer. In: *Solidaridad Obrera*, 4 сентября 1935 г., 4.

Тем не менее, согласно официальной позиции НКТ, женщина была равной мужчине и к ней следовало относиться как к таковой и дома, и в движении. Сарагосский конгресс в мае 1936 года отчётливо сформулировал позицию равноправия. В «Dictamen sobre concepto confederal del comunismo libertario», наиболее полном изложении идеологической платформы НКТ того времени, говорится следующее: «Поскольку первоочерёдная цель либертарной революции состоит в обеспечении экономической независимости всех людей, без разделения по половому признаку, взаимозависимость (то есть известное экономическое соподчинение), создавшаяся под влиянием капиталистической системы между женщиной и мужчиной, исчезнет вместе с ней [системой] ... [в либертарно-коммунистическом обществе] оба пола будут равны и в правах, и в обязанностях»[1].

Однако, несмотря на признание факта экономической эксплуатации женщин и необходимости пристального внимания революционного анархического движения к подчинённому положению женщин, в нём не было единого мнения относительно происхождения этой эксплуатации и способов борьбы с ней. Многие утверждали, что женщины вносят вклад в свою эмансипацию тем, что поддерживают революционеров-мужчин, и потому не считали, что угнетению женщин стоит вообще уделять внимание. Федерика Монсень признавала, что «эмансипация женщин» является «острой проблемой наших дней», но вместе с тем писала, что на угнетение женщины влияют культурные факторы, в том числе и слабое самосознание, которые невозможно искоренить путём борьбы в рамках организации[2]. Вторя аргументам Эммы Гольдман, она подчёркивала, что борьба должна носить *внутренний* характер: лишь когда женщины начнут уважать *себя сами*, они смогут требовать того же уважения от мужчин. Она, подобно другим авторам-анархистам, считала, что нужно стремиться не к равенству с мужчинами в рамках существующей системы, но к изменению

[1] *CNT, El congreso confederal de Zaragoza*, 1936. Biblioteca «Promoción del Pueblo». Madrid: Zero, 1978, 237.

[2] Federica Montseny. La mujer: problema del hombre. In: *La Revista Blanca* (февраль — июнь 1927 г.). См. также Mary Nash, Dos intelectuales anarquistas frente al problema de la mujer: Federica Montseny y Lucía Sánchez Saornil, in *Convivium* (Barcelona: Universidad de Barcelona, 1975), 74–86.

структуры общества, которое освободит всех: «Феминизм? Никогда! Гуманизм — всегда!»[1]

Разумеется, феминизм отражал иные взгляды на то, как женщинам лучше всего достигнуть равенства. Несмотря на то, что женское движение появилось в Испании довольно поздно (первая независимая феминистская организация — Национальная ассоциация женщин Испании — была создана лишь в 1918 году и не оказала существенного влияния на работниц), проделанный его участницами анализ подчинения женщин и стратегии их освобождения привлекли к себе значительное внимание и вызвали негодование анархистов[2].

Одной из наиболее непримиримых критикесс феминизма из числа испанских анархистов была Федерика Монсень. Она утверждала, что феминизм отстаивает равенство для женщин, но не бросает вызов устоявшимся институтам общества: «Слово "феминизм" применимо лишь к богатым женщинам, поскольку бедные женщины никогда не были феминистками: кто им позволит быть таковыми?»[3] Тем не менее привилегии — это несправедливость, «...и если они несправедливы, когда ими пользуются мужчины, такими же несправедливыми они останутся, если ими воспользуются женщины»[4].

Более того, испанские феминистки, подобно единомышленницам из других стран, утверждали, что женщины более миролюбивы, чем мужчины, и если бы им выпала возможность, они руководили и правили бы куда справедливее. Однако Монсень и другие испанские анархисты резко критиковали

[1] Federica Montseny. Feminismo y humanismo. In: *La Revista Blanca*, 1924, 2 (33). См. также Las mujeres y las elecciones inglesas, in *La Revista Blanca*, 1924, 1 (18). Другая интерпретация взглядов Монсень в работе Shirley Fredericks, Feminism: The Essential Ingredient in Federica Montseny's Anarchist Thought, in *European Women on the Left*, ed. Slaughter and Kern, 125–145, особенно с. 127–135.

[2] См. Geraldine Scanlon, La polemica feminista en la España contemporánea (1868–1974), 195–209; и Maria Teresa González Calbet, El surgimiento del movimiento feminista, 1900–1930, in *El feminismo en España: Dos siglos de historia*, ed. Pilar Folguera (Madrid: Pablo Iglesias, 1988), 51–56.

[3] Federica Montseny. La falta de idealidad en el feminism. In: *La Revista Blanca*, 1923, 1 (13), 3.

[4] Federica Montseny. Feminismo y humanismo. In: *La Revista Blanca*, 1924, 2 (33).

такую точку зрения: «Ни жестокость, ни милосердие не являются исключительными качествами одного пола... Заносчивыми и раздражительными мужчин делает жажда власти и господства. Те же причины вызовут подобное поведение и у женщин»[1]. Женщины по природе не спокойнее мужчин, равно как и мужчины не агрессивнее женщин — и то и другое является продуктом социальной среды, и единственный способ положить конец господству мужчин лежит в русле общей борьбы за разрушение всех форм угнетения. Феминизм слишком узко фокусируется на стратегиях эмансипации женщин, в то время как борьбу полов невозможно отделить от борьбы классов, или, другими словами, от анархического проекта в целом.

Некоторые анархистки признавали и то, что особо тяжёлому угнетению женщины подвергаются в процессе взаимоотношения полов, и эта проблема требует особого внимания. Сторонники и сторонницы данной точки зрения настаивали на том, что борьбу с неравенством полов возглавили именно организации движения, как то: НКТ, ФАИ, Либертарная молодёжь, *ateneos,* и она должна продолжаться именно в этом контексте. Адепты подобных взглядов считали, что принцип прямого действия и спонтанный порядок помогут этим организациям, в которых возникали подобные проблемы, стать местом, где борьба против угнетения женщин будет доведена до своего логического завершения.

Так, Игуальдад Оканья, не понаслышке зная о том, как принижается роль женщин в организациях, всё-таки утверждала: «Мы вовлечены в строительство нового общества, и эта работа должна идти слаженно. Мы должны участвовать в профсоюзной деятельности наряду с мужчинами, борясь за наше место, *требуя* серьёзного отношения к себе»[2]. Создание для решения подобных проблем отдельных, чисто «женских» союзов осуждалось на основании анархистского тезиса о необходимости единства целей и средств.

Противники автономных женских организаций утверждали, что анархизм несовместим не только с иерархическими

---

[1] Federica Montseny. La falta de idealidad en el feminism, 4. См. также эссе Эммы Гольдман «Женское избирательное право» и «Трагическое в эмансипации женщины» в сборнике «Анархизм и другие эссе».

[2] Игуальдад Оканья, интервью М. Акельсберг, Оспиталет-де-Льобрегат (Барселона), 14 февраля 1979 г.

формами организации, но и с самим существованием независимых групп, которые подрывают единство движения. Поскольку цель анархистов состоит в создании эгалитарного общества, в котором мужчины и женщины взаимодействуют на равных, борьба за достижение этой цели должна вовлекать представителей обоих полов как равноправных товарищей. Они боялись, что организации, нацеленные на упразднение подчинённого положения женщин, поставят во главу угла не сходство, а различия между женщинами и мужчинами, и после революции это усложнит достижение общества всеобщего равенства.

Организация женщин: первые шаги

Постепенно женщины начали обсуждать своё во многих отношениях ущемлённое положение в движении, а также пытаться переломить ситуацию. В некоторых каталонских промышленных деревушках женские группы стали появляться уже в последние годы диктатуры. В Террассе, например, группа работниц, входивших в подпольный профсоюз текстильщиков от конфедерации (а НКТ в период диктатуры Примо де Риверы была вне закона), начала проводить собрания в культурном центре кооперативов ФАИ ещё в 1928 году. Они пробовали учиться непринуждённому общению, обсуждая рабочие вопросы и проблемы с зарплатами, которые они хотели бы озвучить на собраниях профсоюза. Именно благодаря этим собраниям, как утверждает Тересина Торрельес, участница группы, уже в 1931 году профсоюз наряду с другими требованиями начал выступать за право женщин получать равное с мужчинами вознаграждение за одинаковый объём работы, а также на восемь недель оплачиваемого декретного отпуска. И хотя данная группа едва ли смогла всесторонне «подготовить» участниц, её деятельность внесла в идеологическое развитие трудящихся женщин поистине неоценимый вклад. Так, когда в 1936 году началась война, а вслед за ней разразилась революция, женщины в Террассе были готовы действовать и в первые же дни боёв основали больницу и школу медсестёр[1].

В конце 1934 года после бесплодной октябрьской революции в Барселоне в составе НКТ начало формироваться

---

[1] Тересина Торрельес, интервью, Монтади, 29 апреля 1988 г.

сообщество, известное как Женская культурная группа (упомянутая выше Grupo Cultural Femenino)[1]. Эта организация сплотила женщин из профсоюзов НКТ, укрепив их солидарность и дав им возможность более активно участвовать в жизни профсоюза и движения. Лусия Санчес Саорниль, писательница и поэтесса, и юристка Мерседес Комапосада предприняли подобную попытку объединить женщин в Мадриде. Лусия, тогда записная активистка, широко известная в Барселоне, задумала основать в этом городе группу для просвещения женщин. Она продвигала свою идею в нескольких профсоюзных ячейках, но нигде не нашла поддержки и потому покинула Барселону и переехала в Мадрид, где и повстречала Мерседес.

Мерседес увлеклась левыми политическими движениями довольно рано. Её отец переехал из провинциального Арагона в Барселону в начале 1910-х годов, дабы бежать от крайней нужды, выучиться ремеслу и найти работу. Он обучился сапожному делу, но больше времени посвящал «культурной работе». Самостоятельно изучив французский и немецкий, он стал испанским корреспондентом «Юманите» (L'Humanite). Мерседес вспоминала, что её отец вставал в 4–5 часов утра, чтобы заниматься, и журил детей за то, что они так много спят. Двери в доме не закрывались: «Моя бедная мать была заложницей ситуации... Она ничего не могла поделать, люди приходили и уходили, когда хотели»[2].

Деятельность отца и его пример оставили глубокий отпечаток на Мерседес: «Мой отец, социалист, воспитал во мне сильное чувство гуманности. Я пошла в аспирантуру, что в то время было редкостью. Учитель у меня был замечательный. Один раз он отвёл меня в сторону и сказал: "Однажды твоего отца

[1] НКТ и ВСТ предприняли попытку скоординированного восстания в октябре 1934 г. в знак протеста против реакционной политики правительства. В большинстве областей восстание потерпело неудачу, в основном из-за того, что о нём не знали или не подхватили его. Однако в горнодобывающих районах Астурии шахтёры ВСТ и НКТ действовали вместе и фактически захватили несколько городов, прежде чем были разбиты посланными государством мавританскими отрядами. Эта «Октябрьская революция» стала образцом для единения пролетариев и боевым кличем для организаций рабочего класса в последующие годы. См. Adrian Shubert, *The Road to Revolution in Spain.*

[2] Интервью с Пурой Перес Аркос, Уинсор, Онтарио, 16 декабря 1984 г., и Мерседес Комапосадой, Париж, январь 1982 г., апрель 1988 г.

посадят в тюрьму, и если это произойдёт, то знай: это не потому, что он вор, а из-за того, что он всем сердцем за рабочих!"»

Мерседес научилась печатать в 12 лет, а вскоре пошла работать в кинокомпанию, где научилась монтажу фильмов. «Они все входили в НКТ, я также записалась туда. Свою первую профсоюзную карточку я получила в кино!» В 1916–1917 годах девушка училась в Мадриде. Очевидно, там она и начала осознавать бедственное положение женщин, а также рабочих: «Я жила в Мадриде, и там положение женщин было ужасным — куда хуже, нежели в Каталонии. И НКТ меня очень впечатлила: члены Конфедерации были так прямолинейны, так рассудительны... И работали они с пролетариатом — извините за выражение, не хочу никого обидеть — менее подготовленным, чем аудитория ВСТ. Так что я вступила в их ряды».

В 1933 году, во время учёбы в Мадриде, Мерседес была приглашена Оробоном Фернандесом обучать рабочих. На том собрании, где также присутствовала Лусия Санчес Саорниль, Мерседес и столкнулась с той неблагосклонностью к женскому полу, которая бытовала даже среди активистов НКТ. Это ошеломило девушек и даже повергло их в отчаяние[1]: «Мы с Лусией вышли с собрания и поняли друг друга с полувзгляда. Мы месяцами встречались вблизи парка Ретиро, сидели на лавочках, беседовали, гуляли... Затем, в 1935 году, мы начали рассылать письма». Лусия работала в железнодорожном профсоюзе и имела доступ к списку всех близких к анархо-синдикализму «женских кружков» (профсоюзных и других): «Мы написали во все группы, о которых удалось узнать. Мы спросили, какие проблемы их беспокоят, о чём бы они хотели услышать и т. д. И, разумеется, ответы нас крайне обрадовали. Они были полны энтузиазма, письма приходили отовсюду, в том числе из Астурии, страны Басков, Андалусии... этому потоку просто не было конца»[2].

Этим девушкам, к которым позднее присоединилась Ампаро Пок-и-Гаскон, было суждено стать основоположницами движения «Мухерес Либрес» и редакторками одноимённого журнала. Хотя сами по себе все трое были очень разными

---

[1] См. главу 2.

[2] Мерседес Комапосада, интервью, Париж, 3 и 5 января 1982 г.; 22 апреля 1988 г.

людьми, и жизненный опыт у каждой был разный, они были искренне преданы движению и стремлению просветить женщин. По сути они стремились поделиться своими знаниями, которые им, в отличие от большинства их испанских сестёр, повезло получить, с остальными женщинами. Даже в 88 лет[1] Мерседес всё ещё горит желанием просвещать, делиться всеми богатствами и простором культурного наследия и возможностей, доступных женщинам.

Лусия Санчес Саорниль (таинственно исчезнувшая после окончания войны), в свою очередь, живёт в памяти людей как настоящая заводила — истинный генератор идей. Она была миниатюрной женщиной с недюжинными ораторскими способностями и напоминала окружающим — внешне и по характеру — Луизу Мишель, героиню Парижской коммуны. Несмотря на скромность, Лусия обладала редким умением выступать и организовывать людей, всегда ёмко подводила итоги дискуссий и митингов и поэтому снискала авторитет, не став при этом авторитарной.

Третьей участницей этого трио была терапевтка Ампаро Пок-и-Гаскон. Мерседес вспоминала, что в то время политические взгляды Ампаро несколько отличались от их с Лусией. Она была *treintista* — членом реформистской фракции НКТ, отделившейся от основной организации в 1932 году и вернувшейся в лоно Конфедерации незадолго до начала войны[2]. Ампаро тоже обладала неисчерпаемым запасом энергии и выдающейся трудоспособностью. Соледад сожалела, что ей так и не представилась возможность познакомиться с Ампаро ближе и что она плохо запомнила её лицо, поскольку в их немногочисленные встречи та с головой была погружена в работу[3]. Будучи докторкой, она упорно пыталась сломить преграды стыдливости и невежества, связанные с сексуальностью, которые долгое время держали женщину в подчинённом состоянии. Также она написала много образовательных статей и памфлетов о том,

---

[1] На момент написания книги, т. е. в конце 1980-х. — *Прим. пер.*

[2] John Brademas. *Anarcosindicalismo y revolución*. Barcelona: Ariel, 1974, особенно главы 5–7. Juan Gómez Casas. *Historia de la FAI*. Madrid: Zero, 1977. Gómez Casas. *Historia del anarcosindicalismo español*. Madrid: ZYX, 1968, особенно сс. 167–191. Murray Bookchin. *The Spanish Anarchists: The Heroic Years*, особенно сс. 241–251.

[3] Соледад Эсторак, беседа, Париж, 27 апреля 1988 г.

что женщинам необходима большая сексуальная свобода, бросая вызов моногамии и двойным стандартам сексуального поведения. Несомненно, она жила согласно своим убеждениям. Одна из её коллег вспоминала с улыбкой, что Ампаро была не только трудоголичкой, но и невероятно любвеобильной особой: у неё было много партнёров (коллеги догадывались, что порой она встречалась с несколькими одновременно), и она часто поддразнивала остальных за их приверженность моногамии. «Как вам только не скучно, — спрашивала Ампаро, — постоянно делить хлеб с одним и тем же человеком?»

Лусия и Мерседес стали основательницами группы «Мухерес Либрес» в Мадриде, Ампаро присоединилась к ним за редакторским столом одноимённого журнала, а позднее стала директриссой образовательно-просветительского института организации в Барселоне — Дома рабочей женщины (Casal de la Dona Treballadora). Их вдохновлял и направлял предыдущий опыт работы в анархо-синдикалистских организациях, где доминировали мужчины. Однако фундамент «Мухерес Либрес» закладывали не только они — в этом им способствовали их соратницы со всей страны, многие из которых даже не подозревали о существовании единомышленниц.

Например, Соледад Эсторак, тогда активистка в *ateneo* и НКТ в Барселоне, рассуждая в аналогичном направлении, также пришла к выводу, что существующие внутри движения организации не способны вовлекать трудящихся женщин в профсоюз на равных условиях с мужчинами: «В Каталонии мнение, что следует привлекать в движение представителей обоих полов, было хотя бы общепринятым. Проблема состояла в том, что мужчины *не понимали, как* вовлекать женщин в деятельность. Не только мужчины, но и большинство самих женщин считали себя людьми второго сорта. Думаю, многие мужчины с радостью согласились бы иметь подругу, которая не будет против их политических взглядов, но чья личная жизнь будет более или менее напоминать жизнь любой другой женщины. Они хотели быть активистами круглые сутки — и при таких обстоятельствах, разумеется, равноправие невозможно... Мужчины настолько втягивались в деятельность, что женщины были просто вынуждены оставаться в стороне, особенно в случаях, когда муж попал в тюрьму. Тогда ей надлежит заботиться о детях, работать, чтобы прокормить семью,

навещать его в тюрьме и т. д. Этим жёны и хороши! Но для нас этого было недостаточно. Это никакой не активизм!»[1]

Первая женская группа анархистского толка начала формироваться в Барселоне в 1934 году. Создавалась она на основе опыта, который Соледад и другие активистки получили в смешанных группах. Как она объясняла, «...на деле женщины приходили один раз, возможно, даже записывались, но потом пропадали. Столько анархисток приходили к выводу, что было бы неплохо создать отдельную группу для тех женщин!.. В Барселоне движение было многочисленным и мощным, и в отдельных отраслях, например, в текстильной или одёжной, многие женщины были организованы. Но даже в том профсоюзе мало кто из женщин брал слово на собраниях. Нас стало беспокоить, скольких товарищек мы теряем. В конце 1934 года несколько наших участниц стали поднимать эту тему. Уже через год мы разослали призыв всем участницам либертарного движения. Правда, нам не удалось привлечь "старейшин", опытных активисток, которые пользовались уважением среди мужчин — вроде Федерики или Либертад Роденас, потому мы сосредоточились на молодых соратницах. Наше сообщество мы назвали "Женской культурной группой НКТ"»[2].

В Каталонии происходило примерно то же, с чем столкнулись Мерседес и Лусия — одни проявляли энтузиазм, другие, среди которых были и женщины, и мужчины, были неуверенны и сомневались. Многие члены организаций движения опасались, что из нового начинания может развиться «сепаратистская» группа. Кое-кто предостерегал товарищей от подпадания под влияние «феминизма», под которым они подразумевали упор на доступ к образованию и квалифицированной работе. Разумеется, проблемы такого рода всегда беспокоили феминисток среднего класса — как в Испании, так и в других странах, — но отрицались анархистами как не относящиеся к нуждам рабочих обоих полов и как средство укрепления структур, которые анархисты были намерены уничтожить.

---

[1] Соледад Эсторак, интервью, Париж, 6 января 1982 г.

[2] Соледад Эсторак, интервью М. Акельсберг, Париж, 4 января 1982 г. Больше информации о Федерике Монсень и Либертад Роденас у Lola Iturbe, *La mujer en la lucha social y en la Guerra Civil de España* (Mexico, D. F.: Mexicanos Unidos, 1974), 64–71.

Обвинение в «феминизме» вводило в заблуждение большинство анархисток. Как объясняла Соледад, «...большинство из нас никогда и не слыхали о феминизме. Я не знала, что в мире существуют группы женщин, борющиеся за женские права. В нашей группе одна-две участницы бывали во Франции и слышали кое-что о феминизме. Но я-то даже не знала, что в мире существует что-то подобное! Мы свои идеи ниоткуда не импортировали. Мы даже не подозревали о существовании феминизма!»

Понимая, что их программа не является «феминистской» в уничижительном смысле этого слова, активистки игнорировали всплески критики и усердно продолжали своё дело. В начале 1936 года они устроили митинг в Театро Олимпия в центре Барселоны, чтобы рассказать людям о себе и своём деле и тем самым дать женщинам возможность присоединиться. Невзирая на то, что митинг был фактически проигнорирован анархической прессой, в зале яблоку негде было упасть. То собрание стало фундаментом для будущей организации, в которую вошли и общины из пригородов Барселоны, и городские ячейки.

О существовании друг друга группы в Мадриде и Барселоне узнали лишь в конце 1936 года. Мерседес Комапосада вспоминает, что впервые упомянула о существовании группы в Барселоне Лола Итурбе. Однако человеком, который свёл две группы вместе, был молодой парень по имени Мартинес, партнёр Кончиты Льяньо, позднее ставшей секретаркой Каталонского регионального комитета «Мухерес Либрес». Мартинес сказал Мерседес, что та должна приехать в Барселону и познакомиться с «теми женщинами», и в сентябре — октябре она посетила местное собрание Женской культурной группы, чтобы рассказать о деятельности «Мухерес Либрес».

В начале деятельности групп цели у них были различны. Барселонская группа стремилась подвигать на деятельность женщин, уже состоявших в НКТ, в то время как «Мухерес Либрес» в Мадриде ставили целью, по словам Мерседес, «...помогать в развитии женщинам, которые способны ощутить жизнь во всей её полноте... Женщинам, обладающим общественной сознательностью, но также и тем, кто способен ценить искусство и красоту»[1]. Тем не менее каталонские активистки вскоре поняли, что у них с «Мухерес Либрес» много общего, и на

[1] Мерседес Комапосада, интервью, Париж, 22 апреля 1988 г.

пленуме голосовали за то, чтобы объединиться и сменить название на «Ассоциация "Мухерес Либрес"». Так зародился союз, которому суждено было перерасти в национальную федерацию.

В первые месяцы деятельность новосозданного движения представляла собой причудливую смесь мер по повышению сознательности и воплощению стратегии прямого действия. Они создавали сети анархисток, которые старались оказывать друг другу поддержку в профсоюзах и других сферах движения. Они вместе ходили на собрания, рассматривали доклады о шовинистских выпадах их товарищей-мужчин и вырабатывали стратегии противостояния этим нападкам.

Кроме подобных форм взаимопомощи, наиболее значимая деятельность группы в тот период состояла в создании *guarderias volantes* (мобильных детских садов). Стараясь вовлечь в профсоюзную деятельность как можно больше женщин, активистки часто слышали от них, что задерживаться допоздна на работе или уходить по вечерам из дома для участия в митингах им мешает необходимость присматривать за детьми. Они решили разобраться с этой проблемой, предложив женщинам, которые желали выступать в качестве делегаток профсоюза, помощь в уходе за детьми: члены группы приходили к ним домой и сидели с детьми, пока их матери находились на митингах.

Как отмечала Соледад (в таких случаях в её глазах всегда вспыхивал характерный огонёк), проект ставил своей целью, разумеется, не только предложение услуги: «Приходя к кому-то домой, мы помаленьку занимались пропагандой. Мы рассуждали с хозяйками о либертарном коммунизме и других вещах. Бедные женщины ходили на митинги, а потом возвращались домой, где мы уже поджидали их с новой лекцией — такие дела! Порой к тому времени домой приходили и мужья, которые зачастую присоединялись к дискуссии»[1].

К моменту начала революции 1936 года Женская культурная группа в Барселоне и «Мухерес Либрес» в Мадриде уже некоторое время взаимодействовали. Организации образовали сеть анархисток и пытались повышать самосознание женщин. Они хорошо подготовились к революционным событиям июля: ведь им предстояло «переквалифицироваться» и вдохновлять своих товарищек и других женщин на строительство нового общества.

---

[1] Соледад Эсторак, интервью, Париж, 4 января 1982 г.

Организация набирает обороты

Параллельно с организацией собраний в Каталонии и Мадриде участницы групп вели агитацию и на страницах анархистской прессы. Их статьи, посвящённые «женскому вопросу», печатали, в частности, «Тьерра и Либертад», «Солидаридад Обрера» и «Эстудьос», и материалы Мерседес Комапосады, Ампаро Пок-и-Гаскон и Лусии Санчес Саорниль появлялись там довольно часто.

Прения по женскому вопросу достигли своего апогея в конце 1935 года, когда Марьяно Васкес, секретарь НКТ, опубликовал в «Солидаридад Обрера» две статьи о роли женщин в анархо-синдикалистском движении. Лусия Санчес Саорниль ответила на это целой серией из пяти статей, озаглавленной «La cuestión femenina en nuestros medios» («Женский вопрос в нашей прессе»), а вслед за ней — передовицей «Resúmen al márgen do la cuestión femenina: Para el compañero M. R. Vázquez» («Обзор по женскому вопросу для товарища Васкеса»), в которых она обосновывала необходимость создания того, что позже станет «Мухерес Либрес» — и организацией, и журналом. Этот обмен статьями заслуживает детального обсуждения, поскольку в нём отражаются особенности дискуссий в анархистском движении и прессе на момент образования «Мухерес Либрес».

На первый взгляд, статья Васкеса сочувствовала женщинам и затрагивала проблему их места в анархистском движении. Она начиналась с утверждения, что женщины вносят свой вклад в историю, хотя и их самих, и то, что они делают, часто забывают и недооценивают. В современной Испании женщины, по сути, являлись рабынями рабов, и мужчины явно считали, что господствуют над женщинами по праву. «Почему женщины им это позволяют?» — вопрошал Васкес. Из-за экономической зависимости от мужчин. Для того чтобы избавиться от неё, женщинам нужно будет присоединиться к мужчинам в их борьбе за преобразование общества, гарантирующего экономическую независимость каждому, и тогда они освободятся и от мужской тирании[1].

---

[1] Mariano Vázquez. Mujer: factor revolucionario. In: *Solidaridad Obrera*, 18 сентября 1935 г. Avance: Por la elevación de la mujer. In: *Solidaridad Obrera*, 10 октября 1935 г. Статьи были опубликованы в ответ на первую тройку статей Санчес Саорниль. «La cuestión femenina en nuestros medios» опубликована в пяти частях 26 сентября, 2, 9, 15 и 30 октября 1935 г.;

Лусия начала свой ответ с того, что большинство анархо-синдикалистов едва ли заинтересованы в поощрении полноценного участия женщин. Уже существовало достаточно поприщ, где женщины могли бы проявить себя — фабрики, школы, *ateneos*, домохозяйства. То, что лишь немногие женщины влились в движение, показывало безучастность мужчин, поэтому реально пропаганду по женскому вопросу следует вести среди них, а не среди женщин: «Прежде чем преобразовать общество, лучше проведите реформы у себя дома»[1]. Более того, те анархо-синдикалисты, которые пытались организовывать работниц, действовали скорее из интересов движения, чем ради них самих[2]. Чтобы привлечь в движение женщин, к ним надо подходить на их условиях и относиться к ним как к товарищкам, равноправным и достойным.

В последующих статьях авторка развивала тему «индивидуальности» женщины и её подчинённого материального положения. Лусия оспаривала идею о том, что подлинная роль женщины состоит в том, чтобы быть женой и матерью. Она настаивала на том, что женщины получают меньшую зарплату, чем мужчины, тем самым вынужденно занижая уровень зарплаты для всех рабочих, поскольку мужчины — включая членов НКТ — относятся к ним как к низшим существам[3].

Наряду с экономическим аспектом проблемы Лусия рассматривала представления её поколения и о том, что сейчас именуют «социобиологией». Жизнь женщины, по её мнению, сводилась к формуле «родись, роди и умри»: «Роль матери заслоняет сущность женщины, функция тела замещает индивидуальность». Напротив, анархисты должны осознать, что понятие матери для женщины — то же самое, что и «трудящийся»

«Resúmen al márgen» опубликована 8 ноября. Статьи Санчес Саорниль переизданы в важном сборнике Mary Nash, *«Mujeres Libres» Espana, 1936–1939*, 43–66.

[1] Lucía Sánchez Saornil. La cuestión feminina en nuestros medios. In: *Solidaridad Obrera*, 26 сентября 1935 г.

[2] Смотрите Miguel Benjumea García, La mujer ante la revolución, in *Solidaridad Obrera*, 6 октября 1935 г., или Peter, Una proposición a la mujer, там же, 10 октября 1935 г.

[3] Поразительно, но спустя несколько дней «Солидаридад Обрера» опубликовала статью, поддерживающую эту точку зрения: Crónica del día: El trabajo de la mujer, *Solidaridad Obrera*, 25 октября 1935 г., 6.

для мужчины: «Для анархиста мужчина всегда впереди роли рабочего, а женщина возвышается над ролью матери, потому что для него превыше всего личность»[1].

Заключительная статья серии обсуждала сексуальный вопрос, обличая анархистов-донжуанов, которые рассматривали растущую сексуальную свободу в обществе как «хартию вольности» для господства над женщинами[2]. Донести анархические идеи сексуальности и свободной любви до младшего поколения — а это непременно стоит сделать — должны люди, в полной мере осознающие важность этих идей и не злоупотребляющие ими ради своих интрижек.

Уже 10 октября Васкес ответил на первые три статьи Лусии материалом под названием «Avance: Por la elevación de la mujer» («Движение вперёд: за возвышение женщины»)[3]. Признавая факт существования мужской тирании в семьях, он настаивал на том, что женщины не меньше их виновны в своём бедственном положении, поскольку не отстаивают свои права. Более того, писал он, если и правда, что мужчины не почитают женщин за равных себе, то это лишь следствие вполне «человеческого» желания удержать свои привилегии. Не стоит ожидать, что мужчины сдадут свои позиции добровольно, равно как и того, что буржуазия выпустит из рук власть над пролетариатом. Как всегда заявляли анархисты, «...освобождение рабочих должно быть делом рук самих рабочих», соответственно, и «...эмансипация женщин должна являться плодом борьбы самих женщин»[4]. С этой целью он предложил «Солидаридад

---

[1] Lucía Sánchez Saornil. La cuestión femenina en nuestros medios, IV. In: *Solidaridad Obrera*, 15 октября 1935 г., 2.

[2] Статья Санчес Саорниль обращается к статье María Luísa Cobos, A *la mujer, no; a vosotros, proletarios, in Solidaridad Obrera*, 8 октября 1935 г., 3.

[3] Смотрите также José Alvarez Junco, *La ideología política del anarquismo español, 1868–1910* (Madrid: Siglo XXI, 1976), 302n; и Kahos, Mujeres. Emancipaos! in *Acracia*, 26 ноября 1937 г., 4.

[4] M.R. Vázquez. Avance: Por la elevación de la mujer. In: *Solidaridad Obrera*, 10 октября 1935 г. Подобные заявления периодически появлялись в различных анархо-синдикалистских журналах — см., например, Femeninas в *Obrero Balear*, Organo de la Federation Socialista Balear, 30 октября 1931 г., и серию статей в Cultura Obrera, Organo de la Confederación Regional del Trabajo de Baleares y Portavoz de la CNT, 7 января 1935 г. и 14 февраля 1935 г. Авторка благодарна Неус за предоставление копий этих документов.

Обрера» взять пример с буржуазной прессы и каждую неделю посвящать одну страницу женщинам.

Ответ Лусии был жёстким. В статье она обличала мужчин, которые, казалось, отказывались проявлять терпение к женщинам. Недостаточно сказать, что «...революция уже поджидает за углом, и у движения попросту нет времени организовывать женщин». Дожидаться революции — дело важное, но ещё лучше — отправиться на её поиски, делать её каждую минуту в умах и сердцах людей. Подготовка женщин к социальной революции — это часть самой революции, и привлечение к этому должно стать приоритетом, а не второстепенным вопросом для жаждущих социальной революции.

Однако самую острую шпильку она приберегла для аналогии с буржуазией и пролетариатом, которую привёл Васкес. Во-первых, аргументировала Лусия, когда мужчины цепляются за свои привилегии и в то же время ждут помощи от женщин, они не могут ссылаться на то, что стремиться сохранить свои привилегии — «присуще человеку». Во-вторых, разумеется, речь шла не о просто мужчинах, а о тех, кто называет себя анархистами, приверженных идеалам равенства и неиерархичного общества. «Быть может, у человека и есть такая склонность [всеми силами удерживать свои привилегии], но это ни в коем случае не достойно "анархиста"!» Более того, такая аналогия изначально некорректна. Интересы буржуазии и пролетариата фундаментально противоположны, в то время как у женщин и мужчин они общие. «Поскольку они, то есть женщина и мужчина, различаются, их характеры дополняют друг друга и вместе образуют целое. В будущем не будет гармонии, если эти два полюса не будут творить её вместе».

В двух словах, на кону стояло не только освобождение женщин, но и создание для обоих полов общества будущего, и в достижении этой цели женщины и мужчины должны были участвовать на равных. Женщины уже начали требовать равенства в правах и признания своей индивидуальности, а мужчины, в свою очередь, должны осознать значение этой борьбы и продвигать равенство женщин.

В завершение она осудила предложение Васкеса каждую неделю посвящать страницу в «Солидаридад Обрера» женскому вопросу и впервые в печати высказала идею создания «Мухерес Либрес»: «Я не поддерживаю ваше предложение

по поводу женской страницы в "Солидаридад Обрера", как бы заманчиво оно ни звучало, поскольку у меня более грандиозные замыслы. Я планирую создать независимый журнал, посвящённый исключительно предложенной вами теме»[1].

Её идеи, которые впоследствии вылились в концепцию деятельности «Мухерес Либрес», вызвали бурный отклик в душах читательниц, а эта серия статей и письма, которые они с Мерседес рассылали активисткам по всей стране, привлекли много сторонниц. К апрелю женщины разослали в анархистские издания, а также профсоюзам, *ateneos* и группам Либертарной молодёжи по всей стране анонсы о скором выходе журнала «Мухерес Либрес» и начали формирование группы поддержки — корреспонденток и распространительниц журнала. Приходившие в ответ и от женщин, и от мужчин письма демонстрировали их горячую готовность поддержать проект — многие писали, что они ждали этого события с тех пор, как Лусия рассказала о своём замысле прошлой осенью в «Солидаридад Обрера»[2]. Первый номер «Мухерес Либрес», вышедший 20 мая 1936 года, был распродан почти мгновенно. Второй выпуск появился 15 июня, а всего было выпущено 14 номеров, хотя ни единого экземпляра последнего не сохранилось — в тот момент, когда он находился в типографии, линия фронта уже достигла Барселоны[3].

По замыслу редакторок, которым они делились с распространителями и потенциальными корреспондентками, журнал должен был стать ежемесячным изданием, адресованным

---

[1] Lucía Sánchez Saornil. Resúmen al Márgen de la cuestión femenina. In: *Solidaridad Obrera*, 8 ноября 1935 г.

[2] Письма от издательского коллектива «Мухерес Либрес» будущим распространительницам и от сторонниц к редакционной коллегии можно найти в AHN/SGC-S, P.S. Madrid: 432. Авторка благодарна Мэри Нэш за информацию о местонахождении этих документов.

[3] Первый номер вышел в конце мая 1936 г. Согласно списку, подготовленному Мерседес Комапосадой, всего четыре номера журнала были изданы до войны (два из которых представляли собой краткие новостные бюллетени). Второй номер вышел в июне. Четвёртый номер, должно быть, готовился, когда началась война, и никогда не был опубликован. Другой сохранившийся номер (согласно нумерации — пятый) датировался 65-м днём Революции, вышел в октябре 1936 г. Авторка благодарна Пуре Перес Аркос за предоставление списка под названием «Revista Mujeres Libres», подготовленного Мерседес Комапосадой.

трудящимся женщинам, образованием которых в движении пренебрегали, и нацеленным на «пробуждение сознания женщин навстречу либертарным идеям»[1]. Они видели свою миссию как в политическом, так и в культурном смыслах. Важно отметить, и это подчёркивалось во всех посланиях, что журнал не позиционировался как анархистский «...из-за страхов, которые это слово могло вызвать в женщинах в этой стране... (но он) брал на себя обязательство заинтересовать их обсуждением проблем общества и в то же время повысить их культурный уровень»[2]. Тем не менее Лусия постоянно напоминала своим корреспонденткам, что хотя слово «анархический» использоваться не будет, любой соображающий человек, прочитав журнал, легко распознает «либертарный характер его содержания»[3].

Стоит отметить ряд особенностей данной переписки, поскольку в ней поднимались те вопросы, которые волновали журнал и организацию на протяжении последующих лет. Во-первых, очевидно, что в распространении журнала редакторки полагались на существующие внутри движения связи. Почти все корреспондентки отмечали, что услышали о журнале в анархистской прессе или же из листовок, которые раздавали в профсоюзных помещениях, *ateneos* и на собраниях Либертарной молодёжи. Часто подобные письма приходили и от мужчин, в особенности членов Либертарной молодёжи, которые заказывали немало журналов для своих общин.

Несмотря на зависимость от движения в вопросах коммуникации, редакторки раз за разом повторяли, что независимы от различных организаций в финансовом и в любом другом плане и ведут этот проект самостоятельно. Лусия, например, отдельно благодарила Марию Луису Кобос за волонтёрскую

---

[1] Письмо Эмме Гольдман от редакционной коллегии «Мухерес Либрес», Мадрид, 17 апреля 1936 г., AHN/SGC-5, P.S. Madrid: 432. Гольдман упоминала получение этого сообщения в письме другу 24 апреля. Это письмо приведено у David Porter, ed. *Vision on Fire: Emma Goldman on the Spanish Revolution* (New Paltz, N.Y.: Commonground Press), 1983, 254.

[2] Из письма к Марии Луисе Кобос, 20 апреля 1936 г. AHN/SGC-S, P.S. Madrid: 432.

[3] Лусия Санчес Саорниль к Федерике Монсень, Мадрид, 24 мая 1936 г.; также «Мухерес Либрес» товарищу Эрнандесу Доменеку (Ла-Уньон), Мадрид, 27 мая 1936 г.

помощь с продажами и распространением: «...поскольку... журнал не получает субсидий и экономической поддержки ни от кого, мы издаём его исключительно самостоятельно»[1]. Часто оправдания приобретали более настойчивый тон: своё письмо товарищам из Либертарной молодёжи в Сории Лусия начала с извинений за поздний ответ на их предложение помощи и отметила, что «вы можете себе представить, как упорно мы работаем, чтобы сделать это всё самостоятельно, без внешней помощи»[2].

Неудивительно, что большинство просьб о материальной помощи направлялось мужчинам и организациям движения — в то время хоть какие-то средства могли водиться только у них. Однако распространять журнал всеми возможными способами были готовы и мужчины, и женщины. Например, организовать распространение «Мухерес Либрес» в Барселоне Лусия попросила Диего Абада де Сантильяна, широко известного писателя и теоретика анархизма, участника регионального комитета НКТ и редактора анархистского журнала «Тьемпос Нуэвос» (Tiempos Nuevos), у которого были связи в редакции[3].

Редакторки благодарили за помощь всех — и мужчин, и женщин, местные профсоюзы и ячейки Либертарной молодёжи по всей стране. Тем не менее в отдельных письмах были и сожаления по поводу недостатка внимания от таких крупных анархистских изданий, как, например, «Солидаридад Обрера». Подобная ситуация — поддержка от местных групп, но не от крупных организаций — преследовала «Мухерес Либрес» на протяжении всей их деятельности.

28 мая 1936 года Лусия написала колкое письмо руководителю «Солидаридад Обрера», сетуя на то, что он проигнорировал дебютный выпуск «Мухерес Либрес». Несмотря на то, что редакторки оплатили объявления об издании журнала и прислали два экземпляра первого выпуска в надежде получить в газете его обзор или хотя бы упоминание о нём, о новом

[1] Письмо Лусии Санчес Саорниль подруге Марии Луисе Кобос, 20 апреля 1936 г., AHN/SGC-S, P. S. Madrid: 432.

[2] «Мухерес Либрес» товарищу Селедонио Аррибасу (Сория), Мадрид, 14 мая 1936 г.; редакционный совет товарищу Моралесу Гусману (Гранада), 7 мая 1936 г.

[3] Лусия Санчес Саорниль товарищу Абаду де Сантильяну (Барселона), Мадрид, 6 мая 1936 г.

издании крупнейший ежедневник анархо-синдикалистского движения не обмолвился ни словом на своих страницах: «Мы вовсе не чужие вам люди, мы соратницы, которые отдают все свои силы и способности на благо организации и идеи, и мы считаем, что вы поступаете против принципов солидарности [которой можно было ожидать от товарищей по движению]. Даже руководствуясь элементарной вежливостью, которую товарищи должны проявлять друг к другу, если уж мы трудимся на благо общей цели, а не в чьих-то личных интересах, меньшее, что вы должны были сделать, это сказать, если вы считаете, что наша деятельность — пустая трата времени; ну а просто молчать — абсурдно!»[1]

В остальном первые месяцы работы журнала принесли радостный переполох и чувство удовлетворения. В редакцию «Мухерес Либрес» приходили письма со всей страны — письма, написанные женщинами, которые загорелись идеей журнала, хотя сами были едва ли грамотны. Хотя кастильское наречие испанского языка почти полностью основано на фонетическом принципе, часть посланий показала, что их авторки почти не умеют писать на нём — многие тексты содержали бесчисленные орфографические ошибки и коряво составленные предложения. Однако даже из этого небольшого примера становится ясно, что «Мухерес Либрес» достигли своей целевой аудитории — явно не самых образованных женщин Испании.

Также из этой переписки можно вычленить смысл журнала «Мухерес Либрес» — открыть людям глаза на то, чем занимаются женщины, и как они могут повлиять на природу социальных изменений в рамках анархистской перспективы. Так, Лусия попросила вызвавшуюся передавать новости из Мериды Хосефу де Тену прислать ей информацию о женской забастовке в том районе. Она запрашивала у де Тены сведения о предыстории, выдвинутых требованиях и масштабе забастовки, а также фотографии («один снимок — внутри мастерской, в которой разгорелся конфликт, другой — работниц, если возможно, во время собрания»)[2]. Нечто подобное Лусия писала и Марии

[1] Лусия Санчес Саорниль, от имени редакционного комитета товарищу директору «Солидаридад Обрера» (Барселона), Мадрид, 28 мая 1936 г.

[2] От редакционного комитета товарищке Хосефе де Тене (Мерила), Мадрид, 25 мая 1936 г.; и ответ де Тены, 3 июня 1936 г.

Луисе Кобос по поводу сотрудничества в андалусском городке Херес-де-ла-Фронтера: «Нам крайне важно укреплять взаимопонимание между женщинами города и деревни, давая им возможность узнать, в каких условиях живут те и другие. В связи с этим не могли бы вы прислать нам статью, проясняющую следующие моменты: какая сельскохозяйственная отрасль является важнейшей в округе, какой вид труда она предусматривает, в какое время года эти работы ведутся и, в особенности, какую роль играют женщины в этих работах?» Просила она и фотографии[1].

В заключение важно добавить, что немало писем поступало и от мужчин, в том числе и от таких светил анархизма, как Эдуардо Моралес де Гусман и Марьяно Гальярдо. Часто печатаясь в «Эстудьос» и будучи ярыми сторонниками эмансипации женщин, они вызывались не только распространять журнал, но и писать для него свои статьи. На такие предложения редакторки отвечали благодарностью, однако подчёркивали, что решили делать журнал, который целиком и полностью выпускают женщины. Например, Моралес Гусман получил от Лусии такой ответ: «Мы возвращаем вам работу, поскольку взяли за правило издавать журнал исключительно силами женщин. Разумеется, вы принадлежите к числу тех, кто более всего благожелательно настроен и заинтересован в этом вопросе. Однако мы убеждены, что просвещение женщин следует оставить самим... женщинам... и несмотря на ваши благие намерения, вы просто не сумели взять верный тон»[2].

Многие из упоминаемых здесь тем и мнений были раскрыты в первом же выпуске журнала, вышедшем в мае 1936 года. В приветственном слове редакторки, предварявшем выпуск, говорилось о том, что его цель — «...подтолкнуть женщин к социальной активности, даруя им новое видение жизни, свободное от загрязняющих разум и сердце мужских заблуждений. Под последними мы понимаем все современные представления о жизни и отношениях; мы называем их заблуждениями мужчин, поскольку мы снимаем с себя ответственность

---

[1] Лусия Санчес Саорниль товарищке Марии Луисе Кобос, 20 апреля 1936 г.

[2] Лусия Санчес Саорниль, от имени редакции, товарищу Моралесу Гусману (Гранада), Мадрид, 14 июня 1936 г.

за ошибки прошлого, где женщина была не активной деятельницей, а молчаливой свидетельницей». Вместо того чтобы ставить кому-то в вину прошлое, издательницы утверждали, что их больше заботит будущее, но при этом они никоим образом не хотели «развязать войну» полов: «Нет, нет и ещё раз нет. Общность интересов, ослабление напряжения, готовность воссоединиться в борьбе за общую судьбу».

Женщины настаивали, что подобный подход нельзя назвать «феминизмом», то есть голой противоположностью маскулинизму, с которым они боролись. Их идеалом был скорее «всеобъемлющий гуманизм», которого можно добиться разумным балансом мужского и женского начал в обществе. Неудивительно, что попытки определить «мужские» и «женские» сферы в обществе вылились в те же заблуждения и стереотипы, жертвой которых пали аналитические труды американских феминисток. Например, утверждалось, что «...переизбыток мужских качеств, таких как смелость, грубость, жёсткость, привели к тому ужасному состоянию, когда одни обогащаются за счёт голода и горя других... Исключение женщин из истории привело к недостатку внимания, понимания и восприятия, являющихся "женскими" качествами; и если бы они выступили противовесом мужским качествам, в мире воцарилась бы стабильность, которой ему так не хватает». В оригинале данная мысль была выражена намного грубее, хотя в подобном роде многие высказывались и в наше время — в том числе Кэрол Гиллиган, которая полагает, что поведение женщин отличается от мужского, и потому для равновесия необходимы оба взгляда на мир. Это формирует аргументацию у некоторых пацифистски настроенных феминистских групп и теоретиков школы «материнского мышления»[1].

Последние абзацы передовицы заверяли читательниц, что материалы, опубликованные в журнале, носят откровенно либертарный характер. Редакторки писали, что «Мухерес Либрес»

[1] Смотрите, например, Carol Gilligan, *In a Different Voice* (Cambridge: Harvard University Press, 1982); Sara Ruddick, *Maternal Thinking: Toward a Politics of Peace* (Boston: Beacon Press, 1989). Критический обзор этой литературы смотрите у Martha Ackelsberg and Irene Diamond, Gender and Political Life: New Directions in Political Science, in *Analyzing Gender: A Handbook of Social Science Research*, ed. Myra Marx Ferree and Beth B. Hess (Beverly Hills: Sage, 1987), 515–518.

стремится добиться того, чтобы голос женщин был услышан, и к тому, чтобы «...предотвратить ситуацию, в которой женщина, ещё вчера изнывавшая от тирании религии, очнулась ото сна лишь для того, чтобы пасть жертвой ничуть не менее сурового диктата — политики». Эта статья до сих пор читается подобно рассказу из анархистской азбуки, которая учит азам социальных перемен, утверждая, к примеру, что политика, равно как и все формы власти, портит человека, и предлагая в качестве альтернативы прямое действие: «..."Мухерес Либрес" стремится добиться этой цели посредством добровольного и непосредственного участия групп и отдельных граждан. Мы должны построить новый мир, следуя новыми путями»[1].

Статьи в журнале подтверждали намерения издательниц. Первый выпуск состоял из статей, представлявших собой смесь культурологических и политических размышлений, а также заметок об уходе за детьми, здоровье и моде. Все материалы были рассчитаны на трудящихся женщин, ощущающих свою классовую принадлежность и свойственные этому социально-экономические преграды. В каждой статье предполагалось, что женщины хотят знать, как вести себя в таких условиях и как их изменить. Проще говоря, журнал не стремился отрицать классовые различия и не призывал читательниц смириться с ними. Каков бы ни был предмет разговора, статьи указывали возможную дорогу к переменам на уровне личности и сообщества.

Часть текстов носила недвусмысленный характер политической агитации. Среди таковых следует упомянуть письмо Эммы Гольдман о готовности уэльских рабочих внять анархическим идеям, критическую статью о провале политики Лиги Наций и международных рабочих ассоциаций по противостоянию итальянскому вторжению в Абиссинию, а также аналитический материал о противоречиях законов и изменчивости жизни, что якобы содействует подчинению женщин. И по духу, и по букве этот анализ был чистейшей воды анархизмом, однако слова «анархия» в нём не упоминалось.

Ко всему прочему, в журнале был размещён ряд статей на тему культуры — обсуждение теорий обучения Песталоцци и уместности их применения в образовании детей рабочих, рецензия Мерседес Комапосады на фильм «Новые времена»

[1] *Mujeres Libres*, май 1936 г.

Чарли Чаплина, рассматривавшая антикапиталистические мотивы картины, эссе о ценности спорта и гимнастики для здоровья и статья Лусии Санчес Саорниль о жизни сельхозрабочих в Кастилии, в которой главным образом городским читательницам рассказывалось об особенностях жизни в сельской местности.

Были, наконец, в журнале и статьи на темы, типичные для обычных женских журналов, однако поданные с критическим или политическим уклоном. В статье Луисы Перес Vivienda («Жилище») обсуждалась необходимость гигиены в доме: почему полезно иметь дома ванну и газ, в то время считавшихся в рабочем доме ненужной роскошью, как правильно организовать сбор мусора, каким образом плевательницы распространяют болезни. В статье от Ампаро Пок рассказывалось о том, как заботиться о новорождённых — как правильно мыть ребёнка, и о том, сколько он должен спать, а также о важности любви и внимания для здорового роста и развития[1]. Была даже статья на тему моды — «Эстетика выбора одежды», в которой утверждалось, что женщины из среднего класса и бомонда склонны выбирать практичную одежду, в то время как трудящиеся, находящиеся в стеснённом материальном положении, остаются верными традиционному костюму, который стоит дорого, но неудобен и некрасив.

Самым удивительным в этом журнале было стремление его авторок стать частью повседневной жизни читательниц со всеми её заботами и в то же время использовать любую возможность для воспитания в них культурной и политической грамотности. Любая, даже не связанная с анархо-синдикалистским движением и не сведущая в классовой борьбе женщина могла взять это издание и начать читать как любой другой женский журнал. И всё же он разительно отличался от большинства таковых — он напоминал читательницам о ценности женской индивидуальности и опыта, а также об общественном потенциале женщины, одновременно повествуя о её насущных заботах жены и матери. Редакторкам удалось найти нужный тон — уважительный и поучительный, в котором не звучало призывов «винить жертву», нередких в популярной

[1] Эта статья стала частью её книги *Niño* (Barcelona: Mujeres Libres, 1937).

анархистской прессе, сокрушающейся по поводу слабого участия женщин в движении. Не было в нём и той снисходительности, с которой журналы для представительниц среднего класса, даже феминистские, подходили к темам, связанным с трудящимися женщинами[1].

И наконец, журнал «Мухерес Либрес» был хорошо принят многими активистами и ячейками. В последующие месяцы передовицы «Мухерес Либрес» перепечатывали у себя «Акрасия», журнал ячейки НКТ в Льейде, и «Болетин де Информасьон» («Boletín de Información») НКТ и ФАИ, которые в своих выпусках часто отсылали к публикациям журнала и вообще агитировали своих читателей познакомиться с ним и поддержать новое издание[2]. В мае — июне редакторки получили бесчисленное множество воодушевляющих писем от анархистов обоих полов, которые благодарили их за освещение важных проблем и высоко оценивали качество статей. Во многих конвертах были деньги на подписку и поддержку журнала. Так что хоть появление журнала и не вызвало энтузиазма и финансовой поддержки от движения в целом, на которую рассчитывали редакторки, их детище не осталось без внимания — «Мухерес Либрес» нашли свою аудиторию.

Но после июля 1936 года вектор развития журнала и организации резко изменился. Начало Гражданской войны и предшествовавшие этому четыре месяца (февраль — июль 1936 года) яростной агитации предоставили женщинам новые возможности, но одновременно обозначили границы того, чего они могли достичь. Эти события не могли не затронуть «Мухерес Либрес».

Немедленно после начала переворота женщины и мадридской организации «Мухерес Либрес», и Женской культурологической группы Барселоны присоединились к своим товарищам-мужчинам. Они сражались на улицах, готовили еду для ополченцев, устраивали общественные столовые и мало-помалу начали организовывать повседневную жизнь «арьергарда».

Вскоре после этого женские группы начали направлять свою деятельность в другое русло. Соледад Эсторак, Пепита

---

[1] Один такой журнал раннего периода, *La mujer: Periódico Científico, Artístico y Literario*, издавался в Барселоне в 1882 г.

[2] Например, AHN/SGC-S, P. S. Madrid: 432.

Карпена и другие активистки путешествовали по Каталонии и Арагону, помогая создавать колхозы. Одни вместе с представителями НКТ и ФАИ направились к линиям фронта и с помощью самодельных громкоговорителей призывали крестьян и рабочих из провинций переходить на их сторону. Другие организовывали конвои для поставок провизии в Мадрид.

Группы «Мухерес Либрес» создавались на всей территории, контролируемой республиканцами. Совместно с профсоюзами они открывали курсы по ликвидации безграмотности и обучали женщин ремёслам с единственной целью — помочь женщинам вырваться из своего тройного рабства, «...оков невежества и двойной эксплуатации — как трудящихся и как женщин»[1].

Перемены, которые принесла революция, отразились и на риторике и редакционной политике журнала. Мерседес Комапосада описала эту перемену в статье, опубликованной в «Тьерра и Либертад» в мае 1937 года: «...спокойный "журнал, нацеленный на ориентацию читательниц, своего рода общественная летопись" превратился в более живое издание, которое, идя в ногу с текущими событиями, предлагает конструктивную критику и призвано ориентировать читательниц на настоящий момент и на будущее»[2]. Это преображение заметнее всего в пятом номере («Día 65 de la Revolución» — «65-й день Революции»), который стал ответом на происходящее и был опубликован в октябре 1936 года. Журнал продолжал печатать статьи, отвечающие женским интересам, но в то же время многие материалы были посвящены событиям военного времени — в нём были критические материалы в адрес политических партий за проведение последними маршей детей в военной форме, дискуссии о размере пайков, истории о женщинах-военных на фронте и работницах на производстве. Были представлены и статьи, направленные на повышение политической грамотности: репортажи о первых днях борьбы в Барселоне, экспроприации зданий и образовании коллективов в Террассе, а также множество статей, характеризующих позицию анархо-синдикалистов относительно ведения одновременно «революции *и* войны».

---

[1] Estatuto de la Agrupación de Mujeres Libres, раздел 1.

[2] Mercedes Comaposada. Orígen y actividades de la Agrupación 'Mujeres Libres'. In: *Tierra y Libertad*, No. 11 (27 марта 1937 г.), 8.

Составительницы журнала не отрицали изменение редакционной политики и его значение для журнала: «Хотя нам и хотелось бы работать в более спокойные времена, мир изменился. Следовательно, мы обещаем... приспособить тон и экспрессию наших выпусков под бешеный ритм сегодняшнего дня». Прежде им нужно было разыскивать женщин в домах и убеждать их в необходимости участвовать в жизни общества, теперь война сделала эту нужду очевидной. Женщины *отозвались*, они пришли на зов. «Однако этот отклик инстинктивен, он не осознан, и наша задача на сей момент — обернуть этот инстинкт в осознанность».

Издательницы журнала предельно открыто связывали свои цели с целями анархо-синдикалистов: «Быть антифашистом слишком мало; человек является антифашистом потому, что он уже является кем-то ещё. Это отрицание уравновешивает утверждение... [которое] может быть сведено к трём буквам: НКТ (Национальная конфедерация труда), что означает рациональное устройство жизни на фундаменте труда, равенства и социальной справедливости. Если бы этого утверждения не было, антифашизм был бы для нас словом, лишённым смысла»[1].

Даже в начальный период «Мухерес Либрес» можно увидеть разительные отличия в посыле и подходе к аудитории по сравнению с другими женскими журналами того времени. Журнал Коммунистической партии Испании (КПИ) «Мухерес» связывал себя с «Женщинами против войны и фашизма» — сформированной в первые недели революции и широко известной женской организации народного фронта. В противоположность революционному видению «Мухерес Либрес» в «Мухерес» утверждали, что первоочередная задача женщин в Мадриде — занять на производстве места мужчин, чтобы те могли отправиться на войну, а ещё «...научиться обращаться с оружием, если в этом возникнет необходимость»[2]. Статья Долорес Ибаррури (под псевдонимом Пассифлора) утверждала, что «победа сделает труд доступным

[1] Henos aquí otra vez... *Mujeres Libres*, No. 5 (октябрь 1936 г.).

[2] Mujeres de Madrid: Preparáos a vencer. In: *Mujeres*, No. 12 (29 октября 1936 г.), 3. Смотрите также Aurora Morcillo Gómez, Feminismo y lucha política durante la II República y la Guerra civil, in *El feminismo en España*, ed. Pilar Folguera, 75–76.

всем — и женщинам, и мужчинам». Однако главной идеей статьи было то, что женский труд должен рассматриваться как вклад в военные действия. «Необходимо подготовить женщин к тому, что если всем мужчинам придётся взять в руки оружие, они смогут поддерживать уровень жизни в Мадриде, производство на нужды фронта и обеспечение продуктов первой необходимости»[1].

Все статьи в «Мухерес» в полном соответствии с проводимой КПИ стратегией Народного фронта были посвящены войне до победного конца. Единственная статья, не связанная напрямую с военными действиями и обороной Мадрида, была озаглавлена «Preparemos la nueva generación: Lo que era la maternidad y 1o que debe ser» («Готовим новое поколение: чем материнство было и чем оно должно стать»). Эта статья была нацелена на преодоление страха женщин перед родильными домами и описывала изменения, которые принёс переход этих учреждений под опеку государства, призывая женщин рожать в родильных домах.

«Компанья» (Companya), женский журнал, начиная с марта 1937 года издававшийся ОСПК, заявлял об особом угнетённом положении женщины *как женщины* более откровенно и утверждал, что «дело женской эмансипации должно быть отведено женщинам». Но сформулированные в журнале идеи освобождения и дискуссия о роли женщины в обществе по-прежнему делали акцент на женском труде женщин на благо победы[2].

К осени 1936 года, в первые месяцы войны и социальной революции «Мухерес Либрес» развились в независимую организацию, с целями и программами, отличавшимися как от аналогичных положений женских течений левого толка, так и в какой-то мере от прочих участников анархо-синдикалистского движения. Хотя основательницы организации и журнала считали, что их программы и действия согласуются с теориями и целями всего анархистского движения, они пребывали в уверенности, что оно оказалось неспособным эффективно

---

[1] Dolores Ibarruri. Vivan las mujeres heróicas del pueblo. In: *Mujeres*, No. 5 (October 1936).

[2] *Companya*, 1937, 1 (1). См. также M. Akelsberg *«Women and the Politics of the Spanish Popular Front»* (Женщины и политика испанского Народного фронта).

мобилизовать женщин к социальной революции и изменению общества имеющимися средствами.

Испания нуждалась в организации, управляемой женщинами и направленной на женщин, организации, призванной побороть угнетение женщин во всех его аспектах — дома ли, на работе или же в самом анархо-синдикалистском движении. Организованные ими инициативы, предвосхищённые в статьях Лусии Санчес Саорниль в «Солидаридад Обрера», должны были создаваться женщинами в интересах женщин. Среди них были курсы по ликвидации неграмотности и борьбе с невежеством, обучение промышленным и коммерчески ценным профессиям, а также группы по развитию самосознания, призванные раскрепостить женщин и вселить в них уверенность и знание, с которыми они смогли бы выступать в качестве полноправных гражданок революционного общества. Эти программы следовало организовать в федеративном, неиерархическом порядке и структурно, и содержательно, чтобы показывать пример способности женщин действовать автономно и своими действиями приближать преображение общества.

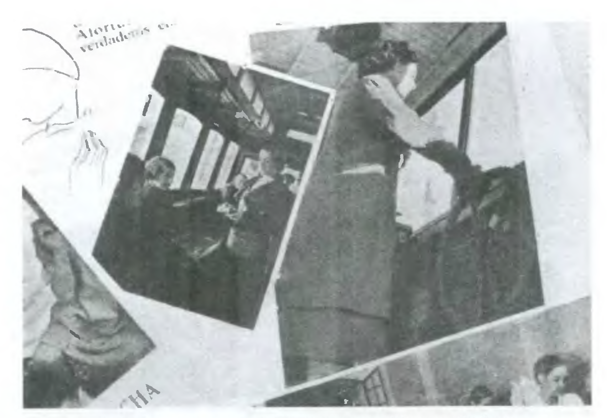
Анна Дельсо, Саламанка, 1989

Асусена Фернандес Барба, Перпиньян, 1981

Обложка журнала «Мухерес Либрес», выпуск «Третий месяц Революции». Заголовок: «Трудом и оружием мы, женщины, защитим свободу народа»

Снимки внутренних страниц номера «Мухерес Либрес»
(при участии Федерико Аркоса)

AGRUPACIÓN
MUJERES LIBRES
C.N.T. - F.A.I.
Enseñanza nueva

Сверху вниз: постер, обличающий проституцию, и плакат «Мухерес Либрес» (с выставки «Женщины в гражданской войне», Саламанка, 1988)

Энрикета Фернандес Ровира, 1981

Соледад Эсторак, 1982

Тересина Торрельес Граэльс, Монтади, 1988

Сара Беренгер Гильен, Амада де Но и Кончита Гильен, 1988

Кристина Пьера с сыновьями Рухелио (слева) и Энрике (справа) Касаньесами, 1981

Долорес Прат, 1988

Пура Перес Бенавент (справа)
с товарищкой из «Мухерес Либрес»
Эукареной Гарсией, 1942
(фото предоставила Пура Аркос)

LIBERATORIOS DE PROSTITUCION

Romance de "La Libertaria"

Фото страницы журнала
«Мухерес Либрес»
65-й день Революции, 1936
(особая благодарность
Федерико Аркосу)

5. ОБРАЗОВАНИЕ РАДИ ОСВОБОЖДЕНИЯ: РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОДГОТОВКА

Необходимость одновременного участия и в революции, и в войне вынудила «Мухерес Либрес» разработать ряд программ с двумя разными, но связанными целями: *capacitación*, то есть «подготовкой» женщин к революционной деятельности, и *captación* — активным их привлечением в либертарное движение. Эта двойственная ориентация была чётко отражена в их заявлении о намерениях: «...(а) создать сознательную и ответственную женскую силу [в оригинале «революционную силу»], которая сможет стать в авангарде прогресса; и (б) для достижения этой цели создать школы, институты, организовать конференции, специальные курсы и т. д., предназначенные для раскрепощения женщин и освобождения их от тройного порабощения, в котором они пребывают многие годы: как трудящейся, как женщины и как рабыни невежества»[1].

Слово «*capacitación*» в русском языке точного эквивалента не имеет. Самым близким по значению будет нечто среднее между понятиями «рост самосознания» и «раскрепощение» (в значении саморазвития и чувства уверенности в собственных возможностях). Этот термин выражал стремление «Мухерес Либрес» подвигнуть женщин к преодолению своего подчинённого положения, осознать свой потенциал и действовать в соответствии с ним. *Capacitación* была попыткой «Мухерес Либрес» приспособить к специфической ситуации испанских женщин понятие подготовки. Лучше всего можно понять, что представляла собой *capacitación*, на примере программ

[1] «Estatutos de la Agrupación de Mujeres Libres», 4 pp., Alfáfar (Valencia), n.d., AHN/SGC-S, P.S. Madrid: 432, Legajo 3270; также Federación Nacional «Mujeres Libres», Comité Nacional, «A todos los Comités Regionales y Provinciales de la Federación Nacional Mujeres Libres» (Barcelona, July 12, 1938). 1. IISG/FAI: 48.c.1.a.

«Мухерес Либрес» по ликвидации безграмотности среди женщин, их активной и эффективной интеграции в рабочее движение, познанию самих себя и самое главное — побуждению чувствовать себя соучастницами в творении истории.

Captación, цель, которая с усилением контрреволюции стала ещё более актуальной, была организационной и идеологической базой *capacitación*. Как уже говорилось, для создательниц «Мухерес Либрес» главной проблемой был недостаток активисток, поэтому они всячески поощряли участие женщин в НКТ и ФАИ. Рост женского представительства в этих организациях был для них важен прежде всего потому, что они считали такое участие в либертарном движении лучшим способом переломить ситуацию на благо как женщин, так и мужчин. Когда стало ясно, что гражданская война затягивается, *captación* «Мухерес Либрес» стала обозначать уже не просто курс на рост женского участия в НКТ, но и соперничество с Ассоциацией антифашисток (Asociación de Mujeres Antifascistas), а заодно с коммунистической и социалистической партиями за лояльность новых участниц.

При этом «Мухерес Либрес» отрицали как феминизм, под которым они понимали отношение к мужчинам как к врагам и борьбу за равноправие женщин в рамках существующей системы привилегий, так и определение для женщин второстепенной роли в либертарном движении[1]: «Мы осведомлены о прецедентах, созданных феминистками и политическими партиями... Мы не можем последовать примеру ни тех, ни других. Мы не можем отделять женский вопрос от социального вопроса, так же, как не можем отрицать его важную роль в превращении женщины в обычный инструмент для какой-либо организации, даже... нашей собственной либертарной организации. Намерение, побуждающее нас к действию, гораздо шире: служить идее, а не партии, раскрепощать [*capacitar*] женщину, сотворить из неё личность, способную сделать вклад в создание будущего общества, личность, научившуюся самоопределению, а не слепому следованию предписаниям какой-либо организации»[2].

---

[1] Mujeres Libres tiene una personalidad. In: *Mujeres Libres*, No. 8. Etta Federn. *Mujeres de las revoluciones*. Barcelona: Mujeres Libres [1938], 58.

[2] «Anexo al informe que la federación Mujeres Libres eleva a los comités superiores del movimiento libertario y al pleno del mismo», 2. Federación Nacional «Mujeres Libres», Comité Nacional, Barcelona, October 1938, IISG/CNT: 40, 4.

Как бы то ни было, на деле, судя по несколько оборонительному тону приведённых выше цитат, от указанных целей порой приходилось отходить. Например, НКТ и ФАИ, в финансовой и моральной поддержке которых «Мухерес Либрес» крайне нуждались, были более заинтересованы в *captación*, чем в *capacitación*. Эти организации были готовы помогать «Мухерес Либрес» привлекать женщин в профсоюзы, но не желали поддерживать их более универсальные программы *capacitación*, которые никогда не воспринимали как независимую цель, требующую организационной автономии. С точки же зрения «Мухерес Либрес», без *capacitación* не имела никакого смысла и *captación*, потому что женщины не были готовы принять участие в движении наравне с мужчинами.

В основе аналитических трудов и программ «Мухерес Либрес» лежал анархизм. Их целью было эгалитарное, неиерархичное общество, в котором люди бы уважали себя и получали уважение других. Однако, принимая во внимание пренебрежительное отношение анархо-синдикалистского движения к женщинам и их проблемам, главной заботой «Мухерес Либрес» был поиск понимания неравенства и иерархичности общественной системы, которые особым образом влияли на женщин. То, что «Мухерес Либрес» рассматривали подчинённое положение женщин как часть более широкой системы иерархий, свидетельствовало об их явной анархистской позиции, в то время как упор на особые последствия этого неравенства для женщин выделял их из господствующей системы идей тогдашнего движения.

Принципиально важной в этой концепции была автономия. Необходимость отдельной организации для женщин «Мухерес Либрес» обосновывали отнюдь не тем, что мужчинам нельзя доверять и даже не их недостаточной заинтересованностью в эмансипации, а скорее тем, что женщины могли почувствовать себя деятельными и правомочными участницами движения только в условиях самостоятельности. Лусия Санчес Саорниль в 1935 году писала: «Я убеждена, что положение женщины в обществе, каким бы высоким оно ни было, должен определять не мужчина. Действовать по-анархистски значит позволить женщине использовать свою свободу, без советов и принуждения, позволить ей двигаться

в том направлении, которое подсказывают ей её наклонности и способности»[1].

В этой главе рассматривается суть и принцип функционирования инициатив «Мухерес Либрес» по развитию *capacitación*, а также попытки приспособить анархистские принципы подготовки к специфическому положению женщин в Испании. Ключом к пониманию этих программ является проведённый «Мухерес Либрес» анализ различий между женщинами и мужчинами, понимание природы и истоков подчинения женщин мужчинам в испанском обществе, но особенно — потенциальный вклад женщин в революцию и создание нового общества. И хотя вышеперечисленные идеи «Мухерес Либрес» чётко сформулированы не были, их можно вычленить из программ и публикаций организации.

«Мухерес Либрес» подчёркивали связь экономического, культурного и сексуального подчинения — в их публикациях можно найти следующий анализ женского подчинённого положения. Женщина, которая сидит дома, экономически (и, следовательно, сексуально) зависима от мужчины, и эта зависимость способствует отсутствию у женщины образования и за счёт этого усиливается, что, в свою очередь, содействует обесцениванию женщины в обществе и отсутствию самоуважения у самой женщины[2].

Немногим лучше было положение женщин, получающих жалование за свой труд как надомницы или фабричной рабочей. Низкий уровень женских зарплат оправдывался тем, что они являются второстепенными рабочими, а не кормилицами семьи. Низкий заработок, в свою очередь, являлся причиной подчинённого положения женщины и отсутствия у неё чувства собственного достоинства. Наконец, сочетание экономической зависимости и относительной культурной ограниченности делали женщину чрезвычайно уязвимой для сексуальной эксплуатации в браке или вне его.

---

[1] Resúmen al márgen de la cuestión femenina. In: *Solidaridad Obrera*, 8 ноября 1935 г. См. также Emma Goldman, La situación social de la mujer, in *Mujeres Libres*, No. 6.

[2] El problema sexual y la revolución. In: *Mujeres Libres*, No. 9. Liberatorios de prostitución. In: *Mujeres Libres*, No. 5. Cp. José Luís Aranguren, La mujer, de 1923 a 1963, in *Revista de Occidente* (Segunda época), 8–9 (ноябрь — декабрь 1963 г.), 231–243.

В соответствии с анализом отношений господства и подчинения с позиций анархизма «Мухерес Либрес» никогда не объясняли женское подчинённое положение каким-то одним фактором. Образование могло сыграть решающую роль в преодолении культурного подчинения, но само по себе никоим образом не делало женщину полноправной участницей экономической и социальной жизни общества. Наличие работы, безусловно, было очень важным фактором, который, впрочем, не влёк за собой преодоление культурной и сексуальной эксплуатации. Следовательно, эффективные программы *capacitación* должны были фокусироваться на преодолении каждого аспекта женского «порабощения» в их взаимодействии — войну следовало вести по нескольким фронтам одновременно.

Относительно конкретного вклада женщины в революцию и новое общество позиция «Мухерес Либрес» была неоднозначной. В то время как большинство инициатив организации и вся её идеология ставили во главу угла преодоление подчинённого положения женщины, мешающего ей занять место рядом с мужчиной в новом обществе, в некоторых публикациях журнала явно подчёркивалось отличие женщины от мужчины и важность её включения в революционный процесс с учётом всех этих отличий. В передовице по случаю торжественного основания Национальной федерации «Мухерес Либрес» в августе 1937 года, в частности, говорилось: «Разделяя с НКТ и ФАИ их цели, [«Мухерес Либрес»] соединили наиболее подлинно испанские и истинно революционные черты и обогатили их лучшими своими, сугубо женскими, особенностями... Мечта «Мухерес Либрес» — новое Общество, в котором два взгляда, мужской и женский, соединятся для создания необходимого равновесия... Не может быть справедливого общества без сосуществования мужского и женского в равных пропорциях»[1].

Здесь авторка, кажется, выступает за воплощение той уникальной перспективы, которую женщины привносят в политическую и общественную жизнь, предвосхищая призыв Кэрол Гиллиган прислушаться к «особенному голосу» женщины. Но что именно представляла собой эта перспектива, так и осталось невыясненным. Поднимались участницами «Мухерес Либрес» и вопросы об особенности женщины и о том, что она

[1] Un acontecimiento histórico. In: *Mujeres Libres*, No. 11.

может предложить обществу — те самые, что являются основными темами дискуссий современных феминисток[1]. Как станет понятно далее, неоднозначность в определении женской природы проявлялась во многих программах организации.

Образовательные программы

Образование было центральным вопросом в программах *capacitación* «Мухерес Либрес» и занимало особое место в обсуждении их достижений. Оно было жизненно необходимо для осознания женщинами своих возможностей и прихода в движение за новым обществом: «Культура ради культуры? Культура как самоцель? Нет. *Capacitación* женщин с одной первоочерёдной и крайне необходимой целью: помочь выиграть войну. Раскрепостить [*capacitar*] женщину, освободить её от тройного порабощения: как трудящейся, как женщины и как рабыни невежества. Подготовить её [*capacitarla*] для нового, более справедливого, общественного порядка»[2].

Образовательные программы были одними из первых инициатив «Мухерес Либрес» и включали в себя множество компонентов. Одним из основных и наиболее широко распространённых проектов был крестовый поход против безграмотности. Смущение по поводу «культурной ограниченности» мешало многим женщинам активно участвовать в революции, а грамотность должна была стать инструментом развития уверенности в себе и участия в борьбе[3].

---

[1] См., например, Carol Gilligan, *In a Different Voice*; Sara Ruddick, *Maternal Thinking*; Mary Field Belenky et al., eds, *Women's Ways of Knowing: The Development of Self, Voice, and Mind* (New York: Basic Books, 1986); критический взгляд можно найти в статье Mary G. Dietz, Citizenship with a Feminist Face, in *Political Theory*, 1985, 13 (1), 19–37; также Martha Ackelsberg and Irene Diamond, Gender and Political Life.

[2] Instituto Mujeres Libres, *Actividades de La F. N. Mujeres Libres* (Barcelona: Mujeres Libres, [1938]). См. также Realizaciones de Mujeres Libres: Organización, Cultura, Trabajo, Maternidad, in *Tierra y Libertad*, 30 июля 1938 г.; и Soledad Estorach, Caracteres de nuestra lucha, in *Tierra y Libertad*, 3 декабря 1938 г.

[3] См. рекламное объявление «Mujeres Libres», *Tierra y Libertad*, No. 47 (10 декабря 1938 г.), 3. Подробнее о компании по ликвидации безграмотности см. Salvemos a las mujeres de la dictadura de la mediocridad: Labor cultural y constructiva paraganar la guerra y hacer la Revolución, in *Ruta*, 1937,

В дополнение к курсам по обучению грамотности учебные заведения как в больших городах, так и в провинции предлагали курсы с техническим уклоном и программы по «общественному устройству», под которым понималась ориентация на социальную и политическую сферы. Осенью 1936 года «Мухерес Либрес» в Барселоне открыли интенсивные курсы по общей культуре, социальной истории, экономике и праву в своём помещении на Пласа-де-Каталунья. В конце года Ассоциация учредила Институт «Мухерес Либрес» на улице Кортес, а несколько месяцев спустя открыл свои двери Дом трудящейся женщины. К октябрю 1937 года Дом трудящейся женщины предлагал курсы по следующим направлениям:

- начальное образование (для безграмотных и окончивших три класса), куда входили чтение, письмо, арифметика, география, грамматика и природоведение;
- дополнительные курсы к начальному образованию — всеобщая история, французский, английский, русский языки, машинопись и стенография;
- дополнительные курсы профессионального мастерства, среди которых были сестринское дело, уход за детьми, практические навыки (механика, электричество, торговля), шитьё, земледелие и птицеводство;
- программа по общественному устройству — в неё включались основы профсоюзного дела, социология, экономика и общая культура[1].

Вне зависимости от уровня курса его программа всегда содержала материал по новому толкованию понятия «женщина», а курсы общественного устройства для будущих активисток были обязательны — вступившие в организацию Пепита Карпена, Кончита Гильен и Амада де Но обучались у Мерседес Комапосады в период с 1937 года по 1938 год. Сутью образовательного процесса было воспитание в женщинах ответственности за собственную жизнь: «Между товарищем и товарищкой должно быть равенство, что значит независимость, индивидуальность. Товарищка способна развиваться

2 (29), 8; а также Realizaciones de 'Mujeres Libres': La Mujer ante el presente y futuro social, in *Síderometalúrgía* (Revista del sindicato de la Industria síderometalúrgica de Barcelona), 5 (ноябрь 1937 г.), 9.

[1] Объявление в журнале *Mujeres Libres*, No. 11.

по своему усмотрению без наставлений товарища — женщина должна быть инициативна и независима»[1].

Проводили «Мухерес Либрес» и курсы начального образования — это было необходимо для воспитания сразу целого поколения учительниц, которые учили бы детей в соответствии с запросами и требованиями нового общества. Были также курсы и программы по земледелию и птицеводству, отдельно учились девочки, планирующие переехать в город и работать надомницами, а в сельских школах, открытых «Мухерес Либрес», обучали навыкам, с помощью которых выпускницы могли принимать более деятельное участие в коллективных хозяйствах своих родных деревень.

В больших городах «Мухерес Либрес» открывали курсы не только в их черте, но и в предместьях. В квартальных центрах проводились вечерние курсы для работающих женщин, а в пригороде и близлежащих деревнях наиболее распространёнными были курсы по ликвидации безграмотности, дополняемые начальными образовательными курсами, занятиями по механике, уходу за детьми, сестринскому делу и медицинской помощи. Полученное образование позволяло выпускницам курсов преподавать в школах или работать в больницах и клиниках на фронте либо непосредственно рядом с домом. Кроме того, для растущего в связи с военными действиями количества беженцев «Мухерес Либрес» создавали расширенные образовательные программы, которые могли бы использоваться для обучения как взрослых, так и детей[2].

Конечной целью образовательных программ «Мухерес Либрес» было нечто большее, чем простая передача знаний. В июле 1937 года Каталонский Женералитат при участии ВСТ и НКТ открыл Институт профессиональной подготовки для женщин (Institut d'Adaptació Profesional de la Dona). Созданный после того, как Женералитат взял под контроль совместное детище «Мухерес Либрес» и НКТ в Барселоне — Школу профессиональной подготовки женщины (Escuela de Adaptación Profesional de la Mujer) — этот институт ставил своей целью

[1] Пепита Карпена, интервью, Монпелье, 30 декабря 1981 г., и Барселона, 3 мая 1988 г.; Кончита Гильен и Амада де Но, интервью, Монтади, 29 и 30 апреля 1988 г.

[2] Anna Delso de Miguel. Demarche évocatrice. In: *Trois cents hommes et moi*. Montréal: Editions de la pleine lune, 1989, 48–55; интервью.

обучить женщин необходимым для работы навыкам, чтобы они смогли заменить мужчин, ушедших на фронт[1]. Судя по всему, этот институт дополнял Профессиональную школу для женщины (Escola Profesional per a la Dona), основанную в 1883 году для обучения работниц текстильной промышленности, однако с июля 1936 года его программа была сильно расширена — Женералитат дополнил её разнообразными курсами[2].

Но «Мухерес Либрес» считали, что подобные учреждения удовлетворяют потребности женщин лишь частично: «Эти институты не могут достичь поставленных целей без подготовки, заключающейся в получении не только базовых знаний и картины мира, но и представлений о его духовном и общественно-экономическом устройстве»[3]. Цели «Мухерес Либрес» были шире. Как поясняла Соледад, «...профессиональные школы [основанные Женералитатом] распахнули свои двери для женщин и дали им *технические* знания, позволявшие перехватить рабочие места мужчин. Но мы [в Доме] объединяли профессиональное образование с некой общественной подготовкой. Это больше походило на школу для активисток»[4]. Впрочем, «Мухерес Либрес» была не единственной организацией, использовавшей профессиональное образование для достижения более значительных политических целей. В действительности, как станет понятно из следующей главы, их главная претензия к Школе профессиональной подготовки женщины состояла в том, что другие организации использовали её в пропагандистских целях.

Программы прямого обучения затронули тысячи людей — только в декабре 1938 года занятия в Доме трудящейся

---

[1] «Reglament per a l'Applicació del Decret del 10 de julio del 1937 que Crea l'Institut d'Adaptació Profesional de la Dona», IISG/CNT: 001.A.3.

[2] «Informes: Instituto de Adaptación Profesional de la Mujer», IISG/CNT: 001.A.3. Federación Local de Sindicatos Unicos, «Acerca del Instituto de Adaptación Professional», *Boletín de Información*, CNT–FAI, No. 393, 24 сентября 1937 г. Generalitat de Catalunya, Escola professional per a la dona — Reglament (Barcelona: Casa d'A.F. Maciá, 1937). Generalitat de Catalunya, Departament de Cultura, *Les noves institucions jurídiques i culturals per a la dona* (Setmana d'Activitats Femenines, February 1937) (Barcelona: Gráficas Olivade Vilanova, 1937).

[3] Realizaciones de «Mujeres Libres». In: *Tierra y Libertad*, 30 июля 1938 г.

[4] Интервью, Париж, 4 января 1982 г. См. также Soledad Estorach, Escucha, compañera, in *Acracia*, 6 февраля 1937 г.

женщины в Барселоне ежедневно посещали от 600 до 800 женщин[1]. Кроме того, усилия «Мухерес Либрес» в сфере издания журнала и пропаганды доносили основные идеи образовательных программ до ещё более широкой аудитории за счёт одновременной публикации книг и памфлетов на самые разные темы — от воспитания детей до биографий революционерок (см. Приложение Б). Специально для того, чтобы сделать свои публикации более доступными для потенциальных читательниц, «Мухерес Либрес» в первые месяцы революции установили киоск в Барселоне на улице Ла-Рамбла[2]. Также организация устраивала выставки, освещающие деятельность и достижения женщин во время революции.

Наконец, с целью распространения своих идей в частном порядке и через публикации «Мухерес Либрес» создавали на региональном и национальном уровнях комитеты по культуре и пропаганде. Барселонская группа регулярно выходила в радиоэфир, другие участницы организации ездили по каталонским деревням, общаясь с теми, до кого не доходили печатные издания и радио, а некоторые местные ячейки создавали библиотеки с выдачей книг на дом[3]. Например, Пепита Карпена, окончившая курсы Мерседес Комапосады, постоянно участвовала в пропагандистских турах в качестве члена Каталонского регионального комитета «Мухерес Либрес», ответственного за культуру и пропаганду. В ноябре 1938 года бюджет Каталонского регионального комитета «Мухерес Либрес» показал, что посты, связанные с культурой и пропагандой, занимали семь из двенадцати участниц Комитета[4], и подобная практика была типичной для всей Испании.

---

[1] Лусия Санчес Саорниль, от имени Национального комитета «Мухерес Либрес», национальным и полуостровным комитетам НКТ, ФАИ и ИФЛМ (13 декабря 1938 г.) и Хуану Негрину, главе Совета Министров (21 декабря 1938 г.), IISG/FAI: 48.C.l.a.

[2] За его работу долгое время отвечала Амада де Но. Интервью, Монтади, 30 апреля 1988 г.

[3] «Acts de la Segunda Sesión de la Conferencia Nacional de 'Mujeres Libres' Celebrada en Valencia el Día 21 de agosto 1937», и «Acta de la Tercera Sesión de la Conferencia Nacional de Mujeres Libres Celebrada en Valencia en 21 de agosto a las Cuatro de la Tarde», 6–8, AHN/SGC-S. P.S. Madrid: 432.

[4] В их число входили Сара Беренгер (ныне Гильен) (Барселона), пропаганда; Анхела Коломе (Бадалона), Пепита Маргальо (Матаро), Анхелина

Работа действительно удовлетворяла и вдохновляла. Описание Пепитой опыта участия в пропагандистских поездках передаёт её энтузиазм: «Мы собирали всех женщин и объясняли им... что нам приписывают чётко определённую роль, что женщины не должны терять независимость, но при этом женщина может быть и матерью, и подругой... Молодые женщины подходили ко мне со словами: "Это очень интересно. Мы никогда раньше не слышали ничего подобного. Мы как будто это чувствовали, но не понимали"... Какие идеи захватывали женщин больше всего? Разговоры о власти мужчины над женщиной... Когда мы говорили: "Мы не можем позволять мужчинам думать, что они лучше женщин и имеют право управлять нами", слышалось лёгкое роптание, но, думаю, испанки с нетерпением ждали такого призыва»[1].

Во многом подобные беседы были одинаково важны как для тех, кто их проводил, так и для самих слушательниц. Например, Сара Беренгер Гильен, Кончита Гильен и Амада де Но впервые появились на публичной трибуне в роли ораторок «Мухерес Либрес», убеждая слушательниц учиться и заниматься саморазвитием, и даже спустя полвека они описывали свою работу с заметным оживлением и явным удовольствием.

Культурная работа была крайне важна потому, что «Мухерес Либрес» были нацелены на взращивание «сознательной и ответственной [революционной] силы», которую было необходимо обучить. Программы должны были проходить одновременно на нескольких уровнях. Даже когда женщины ещё только развивали свои навыки и уверенность в себе, они уже участвовали в организаторской деятельности, для которой были необходимы эти навыки и уверенность. А поскольку фактически все активисты в либертарном движении были самоучками, «Мухерес Либрес» пришлось претворять в жизнь анархистскую теорию прямого действия и «обучения в процессе деятельности», и разнообразие их достижений красноречиво говорит о потенциале такого подхода.

Кортес (Гишольс) и Пепита Карпена (Барселона), культура; а также Мария Луиса Кобос (Барселона) и Агеда Абад (Барселона), пропагандистки и организаторки. «Presupuesto de los gastos mensuales del Comité Regional 'Mujeres Libres' de Cataluña», Barcelona, November 3, 1938, IISG/CNT: 40.C.4.

[1] Пепита Карпена, интервью, 30 декабря 1981 г.

Программы трудоустройства и профессионального обучения

Параллельно с повышением уровня общей культуры и образования предпринимались шаги, которые должны были помочь женщинам превратиться в квалифицированных, хорошо оплачиваемых специалисток, то есть обучить их профессиям, ранее ассоциировавшимся исключительно с мужским трудом. Составлявшие основу этого направления деятельности «Мухерес Либрес» программы стажировки часто представляли собой совместные проекты местных отделений организации и профсоюзных ячеек, и их реализация из-за обоюдных разногласий по вопросам женского подчинения и понимания особенности женщин шла не всегда гладко: «*Secciones de trabajo* [рабочие секции], вероятно, были наиболее важным видом деятельности. Мы сразу начали работать в этом направлении, потому что делом первой необходимости было вытащить женщин из дома. В конечном итоге группы "Мухерес Либрес" появились почти на всех фабриках. Многие из них, скорее всего, не так активно занимались вопросами женской эмансипации, но они предлагали женщинам возможность обсуждать фабричные проблемы... Мы старались быть осторожными, чтобы не перехватывать работу других организаций, особенно профсоюзов, [и] не допустить нарастания противоречий между мужчинами и женщинами»[1].

Интерес профсоюзов состоял главным образом в том, чтобы заменить на рабочих местах ушедших на фронт мужчин, тогда как политика по привлечению женщин к труду «Мухерес Либрес» обуславливалась убеждённостью в том, что право на достойную оплату и приемлемые условия труда принадлежит женщинам так же, как и мужчинам и в мирное, и в военное время. «Мы не говорим о включении женщин в рабочую силу как о даре или необходимости, — утверждалось в статье 1938 года. — Работа — право, которое женщины завоевали в первые дни этой кровавой борьбы»[2].

Работа и образование были главным условием для саморазвития женщин: «Мы хотели открыть для них мир, позволить им развиваться в том направлении, какое они сами

---

[1] Соледад Эсторак, интервью, 4 января 1982 г.

[2] Realizaciones de 'Mujeres Libres'. In: *Tierra y Libertad*, 30 июля 1938 г., 4.

выберут... Первым делом необходимо было заставить женщин выйти из дома. Верно, что даже работающие женщины не были полностью экономически независимыми — это было бы невозможно, учитывая ситуацию с рабочим классом в те годы. Но отрыв женщин от домохозяйства в пользу оплачиваемого труда изменял их положение, позволял им развить *общественное сознание*. Кроме того, мужья совершенно определённо больше уважали жён-трудящихся. Таким образом, мы считали важным обеспечить женщин работой, даже если они не получали полной экономической свободы»[1].

«Мухерес Либрес» решали вопросы женского трудоустройства двумя разными, хотя и связанными между собой, способами. Если в журнальных статьях анализировалась история труда и участия в нём женщин, то программы организации были посвящены главным образом определённым потребностям женщин в военное и революционное время.

В большинстве теоретических материалов «Мухерес Либрес» труд рассматривался в историческом контексте. Как писала Мерседес Комапосада, работа традиционно понималась как наказание, необходимость или некое их сочетание — проще говоря, люди работали, чтобы выжить. Но с наступлением эры капитализма в труде превалировать стали его карательные аспекты: промышленный прогресс вкупе с научным подходом к управлению был достигнут ценой «забывания человека», и устранить как духовные, так и физические увечья, нанесённые монотонным, однообразным трудом, должны были революционные изменения[2].

В ряде статей исследовался вопрос того, как влияние идеологии того, что мы сейчас называем «отдельными сферами», и убеждения в том, что женщина должна сидеть дома, зависит от места её проживания и класса, к которому она принадлежит. Так, например, индустриализация способствовала тому, что многие крестьянки переехали жить в город в надежде обеспечить себя надомной работой или устроиться на фабрику, но вместо этого столкнулись лишь «...с более развитой формой рабства». Представительницы среднего класса также испытали на себе обманчивость надежд на индустриализацию, появившихся после

[1] Мерседес Комапосада, интервью, Париж, 5 января 1982 г.

[2] «El trabajo» и «El accidente spiritual», *Mujeres Libres*, No. 6.

Первой мировой войны: многие из них получили работу в конторах или магазинах, но даже для них обещание «богатства через трудоустройство» зачастую было мечтой, а не реальностью[1].

Хотя журнал «Мухерес Либрес» критиковал условия труда в эпоху первобытного строя, а также во время феодализма и капитализма без деления трудящихся на мужчин и женщин, авторки публикаций предлагали задуматься о том, как будет выглядеть работа и как будет осуществляться труд в новом обществе. Во-первых, работа была важной и необходимой частью жизни. Человечество имело возможность использовать технологии для того, чтобы облегчить бремя труда, упорядочить производство так, чтобы машины служили людям, и положить конец эксплуатации человека человеком[2]. Труд должен был стать выражением человеческих способностей и творчества, необходимым условием свободы: «Работа — либо созидание, либо ничто. Созидание — прогрессивное просвещение [*superación*], цель которого — свобода»[3].

Взгляд на работу как на составляющую полноценной жизни был особенно важен для женщин, которых до этого момента считали непригодными для производительного труда. «Мухерес Либрес» настаивали на том, что труд особенным образом влияет на социальный прогресс в общем и женскую эмансипацию в частности, позволяя женщинам стать и осознать себя полезными членами общества[4].

Другим аспектом подобного отношения к труду было убеждение в том, что к женщине следует относиться как к равной — у неё должны быть равные с мужчиной права на трудоустройство, а её заработок должен быть равен мужскому. Мерседес Комапосада даже утверждала, что все различия в зарплатах (включая разницу между стоимостью ручного и «машинного» труда) должны быть немедленно упразднены[5]. Эксплуатация

---

[1] La mujer como productora. In: *Mujeres Libres*, No. 11.

[2] Pilar Grangel. El trabajo intelectual y manual de la mujer. In: *Mujeres Libres*, No. 12. См. также Mujeres con carga, in *Mujeres Libres*, No. 10, и Campesinas, in *Mujeres Libres*, No. 8.

[3] Trabajo: Redoblemos el esfuerzo. In: *Mujeres Libres*, No. 6 (декабрь 1936 г.).

[4] El trabajo. In: *Mujeres Libres*, No. 13.

[5] Mercedes Comaposada. Nivelación de salarios. In: *Tierra y Libertad*, 27 февраля 1937 г., цитируется по Nash, *Mujeres Libres*, 150–152.

женщин кроется в их экономической зависимости и потому может быть прекращена лишь женской независимостью или, на худой конец, равенством её зависимости с мужской. Требование равной оплаты равному труду стало первоочерёдным, и во время дискуссии на съезде либертарного движения в октябре 1938 года «Мухерес Либрес» призвали к ответу профсоюзы: «Если вы не хотите согласиться с тем, что женщины, выполняющие ту же работу, что и мужчины, должны получать ту же заработную плату, скажите об этом прямо»[1].

Однако для полноценного включения женщин в число трудящихся им необходима была подготовка, содержание которой зависело от обстоятельств. В первые месяцы борьбы «Мухерес Либрес» убеждали женщин участвовать во всех начинаниях, считая, что недостаток подготовки не должен становиться препятствием для женского труда[2], но в условиях войны, по мере приближения линии фронта и на фоне сокращения иностранных заказов, количество рабочих мест уменьшилось, и, хотя «Мухерес Либрес» по-прежнему настаивали на включении женщин в рабочую силу, организация сместила акценты в сторону важности образования: «"Мухерес Либрес" не делают популистских заявлений и не дают ложных обещаний. "Мухерес Либрес" не гарантируют вам немедленного трудоустройства. [Но] "Мухерес Либрес" дают вам возможность подготовить себя для службы общему делу»[3]. Даже на завершающих этапах войны «Мухерес Либрес» продолжали заявлять, что работа — право женщин, завоёванное их искренним и добровольным вступлением в ряды трудящихся во время революции: «Женщина вложила в революцию всю свою веру, так не дайте отжившим предрассудкам обмануть её!»[4]

Несмотря на то, что в большинстве публикаций авторки настаивали на том, что работа является правом женщин, в некоторых статьях утверждалось, что оплачиваемый женский

---

[1] «Actas del Pleno Nacional de Regionales del Movimento Libertario», Barcelona, October 1938, 160, IISG/CNT: 92.A.3. См. также Hasta cuando? in *Mujeres Libres*, No. 10.

[2] Hay sitio para todas. In: *Mujeres Libres*, No. 7.

[3] Mujeres de España. In: *Mujeres Libres*, No. 12. См. также Pilar Grangel, El trabajo intelectual y manual de la mujer и La mujer y la técnica (в том же номере).

[4] El trabajo. In: *Mujeres Libres*, No. 13.

труд — лишь временная мера в условиях военного времени[1]. Тем не менее даже в них красной нитью шла мысль о том, что женщинам необходимо учиться думать и действовать коллективно: «Женщина должна трудиться на благо общности, она не может вернуться к эгоистичному, домашнему, семейному производству»[2]. В другой статье критиковались те, кто считал своё вступление в рабочую силу личной, индивидуальной победой: «Сейчас не время борьбы за личные выгоды, пусть они и касаются равноправия полов. Мы имеем дело с защитой нашего жизненного пути, с коллективной защитой целого народа. Непозволительно считать, что женщина становится за станок лишь для того, чтобы решить какую-то личную проблему»[3].

Неоднозначность этих взглядов на причисление женщин к рабочему классу была связана с пониманием «особенности» женщин в рамках организации. В отдельных публикациях упор делался на специфические качества женщин — «им известно, как раздробить жестокую атмосферу войны с помощью деликатности и мягкости женской природы» — или на многообразие способов, посредством которых они могли посодействовать мобилизации сил для ведения войны: «Некоторые [женщины] сражаются на фронтах или ждут своей очереди взять оружие. В тылу они непрестанно работают и вносят свой вклад в культуру, развития которой так ждало женское движение. Женщина реабилитирует себя»[4].

В ряде случаев «Мухерес Либрес» казались менее озабоченными чисто «женскими» особенностями и сосредоточивались в большей степени на ликвидации препон для полного включения в рабочий класс наравне с мужчинами. Хотя то, что женщины будут работать, чтобы обеспечивать себя и свои семьи, и поддерживать военную экономику, в программах *capacitación* «Мухерес Либрес» считалось само собой разумеющимся, в некоторых статьях их продолжали рассматривать в первую очередь как матерей или «вспомогательный персонал». Очевидно, что вопрос о женской «природе» и потенциале женщин был далёк от решения.

---

[1] La mujer como productora. In: *Mujeres Libres*, No. 11.

[2] Там же.

[3] La incorporación de las mujeres al trabajo. In: *Mujeres Libres*, No. 12.

[4] Las mujeres en los primeros días de lucha. In: *Mujeres Libres*, No. 10.

Программы стажировок и прочие инициативы «Мухерес Либрес», касающиеся работы, отражали как насущные проблемы военного положения, так и неоднозначное отношение к подчинённому положению женщины на рабочем месте. Большинство этих курсов состояло из технического обучения или овладения навыками, но всегда сопровождалось занятиями по «общественному устройству», нацеленными на борьбу с прочими аспектами подчинения.

Начав на местах и достигнув впоследствии регионального и национального уровней, «Мухерес Либрес» организовывали сотрудничавшие с соответствующими профсоюзами НКТ трудовые секции, ответственные за определённые профессии и отрасли. К июлю 1937 года, например, организация открыла в Мадриде технические училища, курсы шитья, запустила обучающие программы для надомниц и секретарш, мастерскую для текстильщиц, школы для обучения вождению и слесарному делу. В Барселоне у «Мухерес Либрес» были трудовые секции по транспорту, металлургии (подготовка к работе на заводах военной промышленности), в сфере государственных услуг, текстильной промышленности, бытового обслуживания, здравоохранения, торговли и делопроизводства.

Разумеется, в этих программах с воодушевлением участвовали многие местные профсоюзные организации. Например, Пура Перес Аркос, закончившая транспортные курсы и ставшая одной из первых барселонок, получивших права на вождение трамвая, назвала профсоюз работников транспорта «фантастическим»: «Они принимали людей в качестве подмастерьев, механиков и водителей и всему нас обучали. Видели бы вы лица пассажиров [когда женщины начали работать водительницами]. Я думаю, что товарищи из Профсоюза работников транспорта, которые были так добры и участливы по отношению к нам, действительно получали удовольствие от такого наставничества»[1].

Готовили «Мухерес Либрес» женщин и к работе в сельской местности, главным образом создавая экспериментальные станции для земледелия и птицеводства с целью передачи им знаний, необходимых для их участия в сельскохозяйственном

---

[1] Пура Перес Аркос, интервью, Уинсор, Онтарио, 16 декабря 1984 г.; и личная беседа 5 июня 1989 г.

производстве. Такие станции существовали в Барселоне, Арагоне и Валенсии, и женщины съезжались туда со всей округи[1].

Трудовые секции побуждали женщин принимать более деятельное участие в работе — как в сельской местности, так и в городах. Они часто посещали предприятия с образовательными визитами: «Мы группами ездили на коллективизированные фабрики и в течение пятнадцати — двадцати минут, иногда около часа, беседовали с рабочими, проводили короткие занятия. Делали мы это, разумеется, с разрешения рабочего совета и с помощью профсоюзов. Подобные мероприятия мы проводили в Барселоне на военных заводах и текстильных предприятиях, в транспортной сфере и в энергетических компаниях, на металлургических заводах и лесопилках, даже в некоторых деревушках. Иногда мы посещали более пятидесяти мест за день!»[2]

Цель этих поездок за смычкой города с деревней была двойственной, отражающей склонность как к *capacitación*, так и к *captación*. Члены «Мухерес Либрес» беседовали с женщинами об общественном устройстве и агитировали их присоединиться к организации и вступить в профсоюз. Ещё одной долгосрочной целью было создание представительств «Мухерес Либрес» на всех заводах и во всех профсоюзах[3].

Наконец, трудовые секции занимались уходом за детьми. Если женщины должны были стать частью рабочего класса, их необходимо было освободить от забот о детях в рабочее время. Ответственность за уход за детьми ложилась на всю общину. На своём первом съезде «Мухерес Либрес» призвали к созданию при каждом предприятии центров ухода за детьми с комнатами для кормления. Организация брала на себя обязательства организовать подобные центры и освещать в печати их

---

[1] По данным María Gimenez, Una colectividad: Amposta, in *Mujeres Libres*, No. 11; см. также в этом же номере María Pérez, Utiel revolucionario; и María Gimenez, Aragon revolucionario в No. 10 и Campesina в No. 13.

[2] Соледад Эсторак, интервью, 4 января 1982 г.

[3] Comité Nacional de Mujeres Libres, «Circular a los Comités regionales», 10 мая 1938 г., отрывок опубликован в ITSG/FAI; 59; также цитируется в «Informe que esta federación eleva a los comités nacionales del movimiento libertario y a los delegados al pleno del mismo», 6, IISG/CNT: 40.CA. Прямое обращение к женщинам можно найти в статье La mujer en el Sindicato. In: *Acracia*, 19 ноября 1937 г., 2.

деятельность, чтобы потом по их образцу можно было устраивать такие же центры во всей стране[1].

Повышение сознательности и поддержка женского активизма

С помощью своих образовательных программ «Мухерес Либрес» пытались повысить и уровень сознательности в плане активной деятельности. Практически в каждом выпуске журнала печаталась как минимум одна статья о женщинах-активистках или о достижениях выдающихся женщин — как в современной Испании, так и в других исторических периодах и географических местах[2]. Стремясь донести свою мысль и до беспартийных женщин, и до анархистов-мужчин, «Мухерес Либрес» публиковали колонки, посвящённые участию женщин в революционной борьбе, и в других анархистских периодических изданиях — таких, как «Акрасия», «Рута», «НКТ» и «Тьерра и Либертад». Также внимание к деятельности женщин и их успехам организация пыталась привлекать выставками в Мадриде и Барселоне и в агитационных памфлетах.

Кроме того, «Мухерес Либрес» активно поддерживали женское участие в инициативах, связанных с войной. В журнале публиковались статьи об ополченках на фронте, а также о немногих женщинах, занимавших высокие военные посты, и как минимум некоторые из них явно ценили такую поддержку. Амада де Но вспоминает, как в офис «Мухерес Либрес» в Барселоне зашёл «солдат, который был очень хорош собой» и спросил, здесь ли располагаются «Мухерес Либрес». Амада ответила утвердительно, и солдат сказал, что хочет вступить в организацию. Сначала Амада решила, что это шутка, и кто-то решил их разыграть, но затем поняла, что это женщина — Мика Этчебеэре, одна из немногих женщин-командирш республиканской армии![3] В Мадриде «Мухерес Либрес» организовали стрелко-

---

[1] «Actas», 21 августа 1937 г., 6. Aurea Cuadrado. Adaptación Profesional de la Mujer. In: *Mujeres Libres*, No. 11.

[2] Статьи Этты Федерн позднее были опубликованы в книге *Mujeres de las revoluciones*; статьи Киралины [Лолы Итурбе] появились в книге *La mujer en la lucha social*.

[3] Амада де Но, интервью, Монтади, 30 апреля 1988 г. «Мухерес Либрес» опубликовали в 10-м номере журнала небольшую статью о 70-й бригаде с фотографией Мики Этчебеэре, капитанки 14-й дивизии этой

вый полигон, где женщины, «желающие защищать столицу», могли попрактиковаться в стрельбе, а в Каталонии основали секцию «военных видов спорта», целью которой было подготовить к войне женщин с тем, чтобы, если возникнет необходимость, они могли эффективно действовать даже на поле боя[1].

«Мухерес Либрес» настаивали на том, что женская активность не является чем-то аномальным. Место женщины было на политической арене: «Распространённое утверждение о том, что интеллектуальная и духовная деятельность убивает женственность и материнские чувства, в корне неверно. Всё как раз наоборот: стремления познать идеал наделяют женщину большей нежностью, добротой, чувствительностью и великодушием, чем заурядная озабоченность материальным»[2].

Некоторые авторки утверждали, что женская активность в корне отличается от мужской. Федерика Монсень в своей единственной статье для «Мухерес Либрес» заявляла, что женщин ценят не за личное мужество, а за «...коллективную силу пола, приносящую себя в жертву, борющуюся с трудностями на военных заводах Испании и большую часть дня сопротивляющуюся смерти». По мнению Монсень, особым вкладом женщины в борьбу была её «героическая покорность» неурядицам войны и революции[3].

Тем не менее аналогичной позиции придерживались не все. Не менее распространённым было мнение, которое в том же номере журнала озвучила Ауреа Куадрадо — о том, что женщины способны на самообладание и саморазвитие в той же степени, что и мужчины. Пифагорейские женщины Древней Греции, аргументировала Ауреа, «...занимали важные

бригады. См. также Etchebéhère. *Ma guerre d'Espagne à moi,* Dossiers des lettres nouvelles. Paris: Denoël, 1976.

[1] О женщинах, сражающихся на фронте, см. La capitana de Somosierra, in *Mujeres Libres*, No. 13. Стрелковый полигон для женщин в Мадриде был упомянут в *Actividades de la F. N. Mujeres Libres*, 2; а секция «военных видов спорта» в Каталонии — в Actividades de Mujeres Libres, in *Mujeres Libres*, No. 12.

[2] Federn, *Mujeres de las Revoluciones*, 5; также Lucía Sánchez Saornil, El día de la mujer, commemorado por el Comité de Mujeres contra la Guerra y el Fascio, in *Horas de Revolución*, Barcelona: Mujeres Libres [1937], 52.

[3] Federica Montseny. Acción de la mujer en la paz y en la guerra: El progreso es la obra de todos. In: *Mujeres Libres*, No. 13.

посты в социальных институциях и в законодательной власти как в личной, так и в общественной жизни». Испанским женщинам следовало ожидать как минимум того же, но с одной оговоркой: «Если для античных пифагорейцев высшей ценностью было самообладанис, отличающсс аристократию, в ряды которой не могли войти рабы, то самообладание современной женщины должно основываться на надежде взрастить такой аристократический дух, который повергнет все воспоминания о рабстве в забвение». Настойчивое требование необходимости духовного развития в дополнение к культурной *capacitación* было важным моментом частично представленной в трудах Мерседес Комапосады и Лусии Санчес Саорниль перспективы «Мухерес Либрес»[1].

Наконец, организация попыталась сформулировать, что из себя должна представлять по-настоящему сознательная и раскрепощённая женщина. Женская доля отличалась от мужской: хотя сражаться за преодоление отношений господства, навязываемых им извне (в первую очередь капитализмом), надлежало вместе мужчинам и женщинам, последним предстояло бороться ещё и за свою «внутреннюю свободу», за собственную идентичность. В этой борьбе они должны быть одни, и, как это часто бывает, им придётся сражаться ещё и со своими товарищами или мужчинами в семье. Тем не менее «...когда вы достигнете цели, то будете принадлежать лишь самим себе... Вы станете свободными и равноправными личностями, свободными женщинами в свободном обществе, которое вы построите вместе с мужчинами, будучи их настоящими *compañeras*... Жизнь станет в тысячу раз прекрасней, когда женщина станет действительно "свободной" [*mujer libre*]»[2].

Трудно переоценить важность такого подхода к женской проблеме. Именно это существенно отличало «Мухерес Либрес» от большинства женских организаций в Испании того

---

[1] Aurea Cuadrado. Superación. In: *Mujeres Libres*, No. 13. Mercedes Comaposada. *Esquemas*. Barcelona: Mujeres Libres, n.d. Comité Nacional, Mujeres Libres. *Cómo organizar una agrupación Mujeres Libres*. Barcelona: Mujeres Libres, n.d. Позже две статьи были опубликованы в антологии Mary Nash, *«Mujeres Libres» Espana, 1936–1939* (Barcelona: Tusquets, 1976), 115–118, 175–185.

[2] Ilse. La doble lucha de la mujer. In: *Mujeres Libres*, No. 7. См. также La mujer y el problema de la libertad, in *Acracia*, 15 июня 1937 г.

времени. Во многих своих публикациях они призывали женщин к самообразованию и вступлению в ряды рабочей силы, что стало бы их вкладом в победу в войне и революции. Этот призыв роднил «Мухерес Либрес» с такими организациями, как АА и женской секцией ПОУМ. Например, «Мухерес» и «Компанья», журналы, издаваемые группами, связанными с Объединённой социалистической партией Каталонии, часто призывали женщин занять рабочие места мужчин, ушедших на фронт, но не связывали эти призывы с более широкой программой женской *capacitación* или саморазвития женщины ради неё самой. В первом номере «Компанья», в статье, подписанной Пассифлорой, авторка, например, отмечала, что «...мы имеем неограниченные людские резервы, но нам необходимо подготовить их, организовать их, раскрепостить их [*capacitarles*] для военных нужд»[1]. Упор «Мухерес Либрес» на эмансипацию женщин как самоцель был уникальным. В действительности, как будет сказано далее, утверждение организации о том, что женская эмансипация является целью сама по себе и независима от революционной ситуации, сильно отличалось от взглядов на эмансипацию не только других женских организаций, но и многих соратников по либертарному движению.

Материнство

Многие журнальные статьи оспаривали проблему идентификации женщины с материнством и настаивали на том, что женщины имеют идентичность и социальную функцию, не зависящую от их статуса потенциальной матери. Как бы то ни было, программы организации были основаны на предположении, что материнство является реальностью для многих, если не большей части, испанских женщин. Как объясняла Мерседес Комапосада: «Самое важное, что мы хотели бы донести, — это понимание женщины как индивидуальности, имеющей значение и ценность даже в случае, если она не является матерью. Но в то же время мы хотели убедиться, что матерям тоже есть место в обществе... Мы хотели получить, как минимум, *madres conscientes* [сознательных матерей]. Люди

---

[1] La Pasionaria [Dolores Ibarruri]. Crit a les dones: Endavaut! In: *Companya*, No. 1 (1936).

должны иметь возможность самостоятельно решать, заводить детей или нет, и уметь их воспитывать... И они не должны быть обязательно собственными детьми — необходимо заботиться о чужих детях, сиротах и им подобных»[1].

Приверженность идее «женщины-личности», а не матери, явно просматривалась практически во всех изданиях «Мухерес Либрес». Начиная с озабоченности Санчес Саорниль тем, что «...облик матери замещает облик женщины, функция уничтожает личность»[2], авторки «Мухерес Либрес» настаивали на том, что первостепенной задачей для женщины было развитие собственной личности. Справедливо, говорила Пилар Гранхель, что женщины должны рожать детей, чтобы давать жизнь новому поколению. Но женщины не могут делать это в одиночку, им нужна помощь мужчин и, что более важно, уверенность в себе и необходимые знания для того, чтобы ориентироваться в мире и научить этому своих детей. В списке женских обязанностей репродукции она отводила третье место — после труда и социальной сознательности[3]. На обложке одного из номеров «Мухерес Либрес» провозглашалось: «Не та мать хороша, кто держит своего ребёнка близко к сердцу, а та, что делает мир для него лучше»[4].

С этой точкой зрения было связано убеждение «Мухерес Либрес» в том, что материнство не является чем-то «естественным», кроме биологического процесса рождения. По большому счёту, женская социализация, определяющая ей роль *mujercita* [малышки] и направляющая все её усилия на то, чтобы быть привлекательной для мужчин, в действительности была несопоставимой с ролью хорошей матери. Чтобы быть матерью, нужно научиться уделять достаточно внимания ребёнку — нельзя быть *mujercita* и матерью одновременно. Другой стороной этого заявления была убеждённость в необходимости для женщин научиться быть достойными матерями (равно

---

[1] Мерседес Комапосада, интервью, Париж, 5 января 1982 г. О сознательном материнстве в контексте США см. Linda Gordon, *Woman's Body Woman's Right: A Social History of Birth Control in America* (New York: Penguin, 1974).

[2] Lucía Sánchez Saornil. La cuestión femenina en nuestros medios, IV. In: *Solidaridad Obrera*, 15 октября 1935 г., 2.

[3] Pilar Grangel. En vez de crítica: soluciones. In: *Mujeres Libres*, No. 13.

[4] Цитата взята с обложки «Мухерес Либрес» № 12 за 1938 г.

как и мужчинам — достойными отцами), уметь кормить и заботиться о своих детях, знать, как вырастить из них сильных независимых личностей[1].

Несмотря на убеждение в том, что женщины не «...рождены для материнства», в «Мухерес Либрес» бытовали разные точки зрения на естественность материнского чувства женщин. Ампаро Пок-и-Гаскон посвятила свою книгу «Ребёнок» («Niño») «...женщинам, любящим своих или чужих детей, то есть всем женщинам мира»[2]. Этта Федерн в своей книге «Женщины революций» («Mujeres de las revoluciones») часто упоминает материнское чувство, проявляемое описанными ею революционерками, у большинства из которых детей не было[3].

Уходу за детьми «Мухерес Либрес» обучали посредством печатных изданий и практических занятий. Статьи о том, как надлежит ухаживать за детьми, публиковались во многих номерах журнала и особенно часто принадлежали перу Ампаро Пок-и-Гаскон или Флорентины (Кармен Конде), причём первая писала аналогичные материалы также и для анархистских газет вообще — так она планировала охватить ещё больше читательниц. Рассказывая в своих публикациях о медицине и здоровье, рассматривая основные стадии детского развития и предлагая обзор того, чего ожидать от ребёнка в определённом возрасте, Пок-и-Гаскон, будучи своего рода упрощённой версией доктора Спока[4], в сущности, представляла анархистский подход к воспитанию детей. Например, она настаивала на том, что родители должны позволять своим детям развиваться в том направлении, которое те выберут сами: «Подавление [таких

---

[1] Etta Federn. Maternidad y Maternalidad. In: *Mujeres Libres*, No. 12. Maternidad. In: *Mujeres Libres*, No. 13.

[2] Amparo Poch y Gascon. *Niño*. Barcelona: Mujeres Libres, n.d. [1937?].

[3] Приводятся в пример Александра Коллонтай, 45, и Анжелика Балабанова, 37, в кн. «Женщины революций» (Mujeres de las revoluciones).

[4] Бéнджамин Маклéйн Спок — американский педиатр, автор книги «Ребёнок и уход за ним», изданной в 1946 году и ставшей одним из крупнейших бестселлеров в истории США. Его идеи о воспитании детей повлияли на несколько поколений родителей, сделав их более гибкими и нежными по отношению к своим детям, заставив их относиться к своим детям как к личностям, в то время как общепринятым мнением было то, что воспитание ребёнка должно быть сфокусировано на выработке дисциплины. — *Прим. пер.*

привычек, как сосание пальцев] должно быть ограничено, если вы не хотите, чтобы личность ребёнка не была полностью утрачена... Внимательно следите за тем, чтобы душа и разум вашего ребёнка сохраняли индивидуальные черты, отпечаток его или её личности. Позволяйте своему ребёнку следовать собственному пути и быть свободным от принуждения»[1].

Однако попытки «Мухерес Либрес» удовлетворить потребности женщин в медицинской помощи и обучить их базовым навыкам ухода за детьми посредством публикации соответствующих материалов не исчерпывались. Так, в первые дни революции Тересина Торрельес и другие активистки «Мухерес Либрес» из Террассы создали школу для медсестёр и больницу неотложной помощи для пострадавших в бою. Они работали вместе с автором книги «Рукодельницы» Хуаном Паулисом, врачом и общественным деятелем, долгое время состоявшем в НКТ. Тересина и другие активистки стали стажёрками с самых первых дней. Они принесли бельё и матрасы из своих домов и принялись за оснащение больницы, добывая пожертвования и выбивая дотации от местных органов власти.

За короткий срок они под руководством доктора Паулиса создали и первый родильный дом. Несмотря на нехватку медицинского опыта, но, вероятно, благодаря богатому опыту организаторки и активистки НТК и женской группы в Террассе, Тересина была назначена его заведующей. Вот как она рассказывала о первых днях своей работы: «Я зашла в операционную комнату и осмотрелась. Привела в порядок, посмотрела, чего не хватает, и отправилась в муниципалитет. Там я сказала, что нам необходимы такие-то вещи... Они либо выделяли то, что я просила, либо договаривались о том, чтобы я всё получила. Например, если нам требовался спирт, я шла в аптеку и покупала его за те деньги, что мне давали в муниципалитете, потому что у нас не было ничего, даже для дезинфекции».

Работа была тяжёлой — новая система нравилась не всем: «Акушерки, их было двенадцать, забастовали, отказавшись работать на нас... Вернувшись к работе, они стали есть первыми, а роженицам отдавали то, что осталось. Я сказала: "Так не пойдёт", взяла еду и раздала её пациенткам, а остатки отнесла на кухню медсёстрам и акушеркам. Мы пользовались

[1] Amparo Poch y Gascon. *Niño*. Barcelona: Mujeres Libres, n.d. [1937].

пелёнками с пуговицами, а не булавками, потому что доктор Паулис сказал, что булавки небезопасны для младенцев; пришлось мне организовывать и это... Я помню, как часто ко мне в больницу приходили отцы, просившие о чём-либо, и на все их запросы я отвечала: "Здесь мы все равны". А они говорили: "Вы тут прямо революцию устроили". Я получала огромное удовлетворение от этих слов. Особенно учитывая то, что я управляла больницей, не имея специального образования... Во что я верила, то и претворяла в жизнь. Вот что я могу вам сказать о том, что я сделала для революции. В остальном я делала то же, что и другие, но призванием моим стала именно больница»[1].

Открыли «Мухерес Либрес» родильный дом и в Барселоне — это был Дом материнства (Casa de Maternidad), которым управляла Ауреа Куадрадо. В этом роддоме, кроме родовспоможения, предлагали и послеродовой уход за женщинами и новорождёнными, а также проводили занятия по осознанному материнству, подразумевающие знание таких вещей, как здоровье матери и ребёнка, контроль рождаемости, сексуальность и евгеника. В рамках образовательных программ больница совместно с журналом «Мухерес Либрес» проводила полноценную кампанию, пропагандирующую грудное вскармливание, целью которой было убедить рожениц в преимуществах кормления детей собственным молоком, а не коровьим. В 7-м номере журнала было прямо сказано, что матерям не позволят покинуть роддом, пока они не покормят своих младенцев грудью![2]

Задачей Куадрадо было помочь женщинам преодолеть своё невежество и предрассудки «тёмного прошлого», одновременно побуждая их создавать «баланс разумного материнства». Она надеялась на то, что, зная о своём теле и сексуальности больше, женщины смогут контролировать и другие аспекты своей жизни, «развить свои способности к материнской любви, повысить уровень своей нравственности и сформировать чувство общественной солидарности»[3].

В феврале 1938 года доктор Паулис, руководивший больницей и сестринской школой в Террассе, помогал «Мухерес

---

[1] Тересина Торрельес, интервью, Монтади, Франция, 29 апреля 1988 г.

[2] Puericultura. In: *Mujeres Libres*, No. 13.

[3] Aurea Cuadrado. Nuestra labor en la casa de maternidad de Barcelona. In: *Mujeres Libres*, No. 7.

Либрес» и профсоюзу здравоохранения Барселоны в основании Института ухода за матерью и ребёнком им. Луизы Мишель (Instituto de Puericultura y Maternología Luisa Michel). В задачи учреждения входило предоставление медицинских услуг матерям и детям, консультации по материнству, оказание материальной помощи роженицам, разработка программ для обучения работников, занимающихся уходом за детьми, и создание детского сада для детей, чьи матери работали (преимущественно в швейной отрасли). В детсаде было два отделения: одно ясельное, для детей в возрасте от трёх месяцев до двух лет, второе — для детей от двух до пяти лет, а также библиотека и программа медицинских осмотров для детей, посещающих рационалистические школы[1].

Несмотря на дороговизну барселонской программы, «Мухерес Либрес» в стремлении удовлетворить потребности женщин в заботе об их здоровье сотрудничали в аналогичном направлении с профсоюзами и в других городах, больших и малых. Чаще всего это сотрудничество принимало форму программ по обучению медсестёр: в связи с тем, что до войны уход за больными монополизировала церковь, необходимость в профессиональном сестринском уходе была крайней. Неудивительно, что многие из женщин, у которых я брала интервью, в разное время войны работали медсёстрами.

Образование для детей

Женщинам отводилась ведущая роль и в воспитании детей. Эта ответственность, по мнению «Мухерес Либрес», требовала от них достаточного уровня образованности, дабы они могли воспитывать детей должным образом. Также в задачи женщин входила борьба за лучшее образование для своих детей.

Своё отношение к подрастающему поколению «Мухерес Либрес» выражали как наглядно, с помощью иллюстраций, так

---

[1] «Notes Informativas», Instituto de puericultura y maternología, Barcelona, 3 апреля 1938 г. См. также «Manifiesto de los compañeros responsables técnicos, sindicales, y administrativos del Instituto de Puericultura y Maternología, Hospital del Pueblo, y Hospital de Sangre de Pueblo Nuevo, a Todos los Militantes y Affiliados que pertenecen a los sindicatos de la Confederación Nacional del Trabajo de Barcelona», 3 мая 1938 г. (оба в IISG/CNT: 40.C.).

и словесно. В каждом номере журнала публиковались иллюстрации, изображающие детей — радостных и грустных, погружённых в игру и в учёбу, сидящих за партами или резвящихся за пределами школы. Подписи и статьи, сопровождавшие эти картинки, подчёркивали целый ряд черт, присущих детскому характеру, которые легли в основу практически всех программ «Мухерес Либрес» в области образования. Дети по своей природе полны энтузиазма и открыты миру, из которого они постоянно впитывают информацию, и взрослым, особенно учителям, следовало вести себя осмотрительно, чтобы не притупить этот искренний пыл.

Дети — надежда на будущее, они никогда не должны стыдиться себя или своего тела, им следует позволять оставаться отрытыми для любых точек зрения[1]. Детей не следовало использовать в нуждах пропаганды: дети, марширующие по улицам в униформе, даже форме рабочих организаций — кощунство: «Дети не могут и не должны быть католиками, социалистами, коммунистами или либертариями. Дети лишь должны быть теми, кем они являются — детьми»[2]. Наконец, детское любопытство и жажда приключений должны максимально поощряться, и «...вместо того, чтобы наказывать детишек за разбитые вазы, необходимо хранить их в местах, недоступных детям»[3].

Именно такие взгляды на воспитание детей исповедовала философия педагогики «Мухерес Либрес», которая опиралась на анархическую теорию и практику. Образование рассматривалось как процесс развития и исследования, а не подавления детских порывов и вырабатывания послушания и дисциплины. Лучше всего дети учатся, когда живут в согласии с собой, окружающими и всем миром, следовательно, лучшее образование должно обращать ребёнка к миру, поощряя стремление учиться у других детей и своего окружения. Более того, такое образование как можно глубже вовлекает детей, подталкивая их посредством всех органов чувств развивать и ценить

---

[1] Напр., Niños, in *Mujeres Libres*, No. 5; и Florentina, Niños, in *Mujeres Libres*, nos. 9 and 11.

[2] Niños, Niños, Niños. In: *Mujeres Libres*, No. 5, Día 65 de la Revolución (октябрь 1936 г.).

[3] Etta Federn. La crueldad y la ira del niño. In: *Mujeres Libres*, No. 11.

собственные возможности и взаимодействовать с другими людьми. Таким образом, образование должно быть активным, исключающим конкуренцию и, по возможности, директивность, в значительной степени основанным на природном детском любопытстве[1].

Уважение к детям и стремление дать им хорошее образование было жизненно важно для процесса революционных изменений общества. Невежество делало людей особенно уязвимыми к угнетению и страданиям. Но, что более важно, образование готовило людей к жизни в обществе. Авторитарные школы и семьи, воспитание в которых основывалось на страхе, готовили к подчинению, поэтому необходимы были совершенно другие школы, готовящие детей к жизни в обществе без господства[2].

Соответственно, необходимо было дополнительно обучать и учителей, которые должны были воспитывать детей, приспособленных к жизни в мире всеобщего равенства. Они должны мыслить себя художниками, способными зажечь искру вдохновения в других: «Да не станет никто, лишённый воображения, интуиции, вдохновения, учителем!»[3]

И эти новые учителя должны знать новые принципы образования:

- Педагогика должна рассматриваться как искусство, основанное на творчестве.
- Образование — это совершаемое учителем открытие живой правды, имеющейся в каждом ребёнке и каждом мгновении.

---

[1] Florentina. Niños. In: *Mujeres Libres*, nos. 8, 9, 10, 11, 12. Educares equilibra. In: *Mujeres Libres*, No. 7. Etta Federn. Mi ideal de una escuela. In: *Tiempos Nuevos* (июль — август 1937 г.), nos. 7–8.

[2] О важности «соотношения» институтов образования и авторитарных отношений в обществе см. Harry Eckstein, *Division and Cohesion in Democracy* (Princeton: Princeton University Press, 1966), chap. 7; Carole Pateman, *Participation and Democratic Theory* (Cambridge: Cambridge University Press, 1970), chap. 2; Dennis F. Thompson, *The Democratic Citizen* (Cambridge: Cambridge University Press, 1970); John Rawls, A *Theory of Justice*, chaps. 5 and 8; и Michael Walzer, *Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality* (New York: Basic Books, 1983), chap. 8.

[3] Florentina. Niños. In: *Mujeres Libres*, No. 8. Также Infancia sin escuela, in *Mujeres Libres*, No. 12. Pilar Grangel. Pedagogía. In: *Mujeres Libres*, No. 10. Etta Federn. Eliminad el miedo. In: *Mujeres Libres*, No. 9. De poco servirán todos los sacrificios. In: *Mujeres Libres*, No. 13.

- Нет оправданий для навязывания любой доктрины ребёнку, даже самой совершенной.
- Учитель не должен любить «детей вообще», но любить каждого ребёнка с его особенностями и стараться учиться у него.
- Обучая, учитель должен исходить из возможностей и способностей каждого ученика.
- Учитель должен избегать соревнования, поощрений и наказаний.
- Классы должны быть маленькими, в идеале не более десяти учеников на одного учителя[1].

Сексуальность

Как было сказано в первой главе, испанские анархисты уделяли особое внимание сексуальному раскрепощению как женщин, так и мужчин. Они выступали за увеличение объёма информации о сексе и сексуальности, требовали большей сексуальной свободы, отмены государственного и религиозного брака в пользу «свободной любви», под которой они понимали отношения по обоюдному добровольному согласию, которые завершались по желанию одной из сторон. Некоторые из анархических активистов пытались жить по этим принципам даже в дореволюционный период, но максимум возможностей для принятия новых сексуальных норм людям открыла гражданская война. Революция позволила воплотить в жизнь новую государственную политику в области полового воспитания — в частности, в Каталонии декреты Женералитата по «терапевтическим, евгеническим или этическим соображениям» легализовали аборты, упростили процедуру развода и сделали информацию и средства контроля рождаемости более доступными.

Не приходится сомневаться в том, что и «Мухерес Либрес» в своих публикациях и программах уделяли много внимания сексуальному освобождению женщин. Многие из них, впоследствии ставшие активистками организации, в предвоенные годы писали о большей сексуальной свободе. Так, в период с 1932 года по 1935 год Ампаро Пок-и-Гаскон опубликовала

---

[1] Краткое изложение статьи Enseñanza nueva, in *Mujeres Libres*, No. 6.

несколько статей, в которых поднималась тема женской сексуальности. Упор в них делался на значимость сексуальности как для женщин, так и для мужчин и на важность знаний о функциях половых органов и способах контрацепции, а критика моногамии и двойных стандартов в сексе сочеталась с поощрением изучения физиологии и получения удовольствия от секса.

Многие аргументы Ампаро Пок, в частности, её требование признать сексуальность важным аспектом человеческой идентичности и развития, перекликались с более ранними анархистскими публикациями. Причину того, что женщины не могли удовлетворять естественные физические потребности и желания, она видела в обычаях общества и безучастных мужьях. Для полноценного развития своего «я» женщинам необходим был доступ к информации о них самих, их телах и сексуальности. Кроме того, поскольку проявление сексуальности является важным аспектом жизни женщин, а не простым удовлетворением желаний мужа или рождения детей, им необходимы были не призывы к половому воздержанию, а сведения о видах контрацепции и доступ к ним[1].

Однако в самом журнале «Мухерес Либрес» почти не было текстов «в защиту секса», а в программах организации тема сексуального образования просматривалась неясно. И хотя в некоторых статьях звучали призывы отменить двойные стандарты секса, ни в одной из публикаций не рассматривались вопросы женской сексуальности и свободы отношений. Большинство статей, поднимавших тему сексуальности, касались проституции — анализа её причин и поиска пути её искоренения. Тем не менее понимание половой жизни в качестве важного компонента личности и выражения её сексуальности как нормального и важного аспекта человеческой жизни нашло воплощение в заметках Этты Федерн в книге «Женщины революций». Например, объясняя воззрения Александры Коллонтай на свободную любовь, она отмечала, что Коллонтай «...сражалась против ложного, но широко распространённого убеждения, что сексуальное удовлетворение без любви является признаком морального извращения, особенно для

[1] Poch y Gascón. *La vida sexual de la mujer.* Valencia: Cuadernos de Cultura, 1932, особенно сс. 22, 26, 31. La autoridad en el amor y en la sociedad. In: *Solidaridad Obrera*, 27 сентября 1935 г. La convivencia, antídoto del amor. In: *Solidaridad Obrera*, 19 декабря 1936 г., 8.

женщины... Двойной стандарт в отношении мужской и женской сексуальности, распространённый даже в революционной среде, был объектом её неистовой и решительной борьбы»[1].

Очерки о сексуальных вопросах в «Мухерес Либрес» были намного более сдержаны — о «свободной любви» в них вообще не упоминалось. Тем не менее в журнале было несколько статей, в явной форме критикующих брак, особенно так называемые *casamientos a la libertaria*, представляющие собой практику регистрации бракосочетаний не церковью или государством, но профсоюзами или партийными ячейками. Некоторые авторки «Мухерес Либрес» находили подобную практику бракосочетаний достойной насмешек — например, в седьмом номере журнала было опубликовано «Предложение о создании брачной фабрики» (см. Приложение B), мягко подшучивающее над практикой регистрации браков профсоюзами[2].

Сара Беренгер Гильен, будучи секретаркой профсоюза строителей и работников лесной промышленности в Барселоне, часто оформляла подобные документы, и самое интересное её воспоминание касалось пары, желавшей написать заявление о расторжении брака спустя несколько месяцев после «женитьбы». На эту просьбу Сара ответила, что, поскольку их брак официально не зарегистрирован, им не требуется развод, они могут просто расстаться и жить каждый своей жизнью. Но пара отказалась от этого предложения, и в конце концов Сара оформила документ о разводе, который был должным образом засвидетельствован членами профсоюза[3].

Менее тактичной была Лусия Санчес Саорниль. В своей статье «Церемония бракосочетания, или Душевная трусость» («La ceremonía matrimonial o la cobardía del espíritu»), опубликованной в «Орас де революсьон» (Horas de revolución), она настаивала на том, что заключать брак подобным образом смешно и лицемерно: «Если мы все эти годы утверждали, что для союза мужчины и женщины достаточно добровольного согласия сторон, а свидетельство о браке — не более чем договор

[1] Federn. *Mujeres de las revoluciones*, 44.

[2] См. также Ante que te cases, mira 10 que haces, in *Mujeres Libres*, No. 7.

[3] Сара Гильен, интервью, Монтади, 29 апреля 1988 г.; см. также Antonina Rodrigo, Nuestras mujeres en la Guerra civil, in *Vindicación feminista*, No. 3 (1 сентября 1976 г.), 37.

купли-продажи, как мы можем объяснить эти нелепые церемонии, проводимые профсоюзами?» По её мнению, практика профсоюзной женитьбы была вдвойне достойна порицания, потому что большая часть этих церемоний просто копировала религиозные ритуалы, а также потому, что и церковные, и государственные бракосочетания являлись вмешательством общества в то, что должно оставаться личными отношениями между людьми[1].

Максимум внимания в организации уделялось вопросам сексуальности, затрагивавшим политическую и экономическую эксплуатацию, проявлявшуюся в проституции. Как и другие либертарные организации, «Мухерес Либрес» участвовали в широкомасштабных кампаниях против продажной любви, которую они считали показательной для человеческих отношений в условиях капитализма[2]. Но в то время как головные структуры движения тратили силы в основном на то, чтобы призвать проституток под знамёна профсоюзов или убедить женщин не заниматься проституцией, а мужчин — не потворствовать таковой, «Мухерес Либрес» пытались выяснить причины возникновения этого явления, рассматривая экономический и политический аспекты эксплуатации женщин.

Первый номер журнала, выпущенный после начала Гражданской войны, содержал прямой призыв к ликвидации проституции, «величайшей формы рабства», что, по-видимому, было главным приоритетом «Мухерес Либрес». Проституция является не «...их [т.е. проституток] проблемой, а нашей, проблемой всех женщин и мужчин». Наклеивание ярлыка «непорядочная» на одних женщин позволяло называть себя «порядочными» другим. Более того, поскольку проституция была результатом экономической эксплуатации женщин, её невозможно было искоренить обычным запретом — жертв необходимо было обучить обеспечивать себя другими способами. В связи с этим «Мухерес Либрес» заявили о своём намерении

[1] La ceremonía matrimonial o la cobardía del espíritu. In: *Horas de revolución*, 24–26, цитата со с. 25. См. также Con la libertad sexual los hombres y las mujeres dejarían de ser esclavos incluso de la moral más roja, in *Acracia*, 19 августа 1936 г.

[2] Michel Froidevaux. Les avatars de l'anarchisme: la révolution et la guerre civile en Catalogne (1936–1939), vues au travers de la presse anarchiste, 2 vols., typescript, International Institute for Social History, Amsterdam, 212.

создать сеть *liberatorios de prostitución* (центры переподготовки для проституток), включающую «...медико-психологическое обследование и лечение, психологические и этические программы для развития в обучаемых чувства ответственности, профессиональную ориентацию и *capacitación*, а также моральную и материальную помощь при любых обстоятельствах, даже после их выпуска из *liberatorios* — именно в таком порядке»[1].

Этот план одобрили НКТ и анархистская пресса, считавшие проституток жертвами, которых необходимо спасти. Однако в то же время внутри движения существовало несколько групп, настаивающих на том, что проституцию невозможно искоренить — в лучшем случае проституток можно защитить от эксплуатации, создав профессиональные союзы. В первые дни революции предпринимались попытки организовать проституток в *sindicato de amor* [профсоюз любви]. Многие подобные попытки имели кратковременный успех, и отдельные ячейки просуществовали от нескольких месяцев до года, но в статьях анархистской прессы идея организации проституток в профсоюзы откровенно высмеивалась — вместо этого мужчин призывали не пользоваться их услугами[2]. В целом в данном вопросе анархистское движение было весьма недисциплинированным: и в статьях «Мухерес Либрес», и в интервью с участницами организации прослеживается мысль, что мужчины-анархисты практиковали декларируемые в этом направлении идеи с меньшим энтузиазмом, чем в других[3].

Как организация, созданная для женщин и из них состоящая, «Мухерес Либрес» адресовала свои проекты женской части населения, в особенности той её части, которая была наиболее уязвима к сексуальной и экономической эксплуатации, считавшейся причиной проституции. Несмотря на то, что военное положение препятствовало любой формальной реализации *liberatorios de prostitución*, «Мухерес Либрес» призывали

[1] Liberatorios de Prostitución. In: *Mujeres Libres*, No. 5.

[2] Напр., Nota local, in *Acracia*, 14 июля 1937 г.; Saboteando la revolución, in *Acracia*, 1 января 1937 г.; и Mujeres Libres, in *Ruta*, 21 января 1937 г.

[3] Например, Nita Nahuel, Los que deshonran al anarquismo, in *Mujeres Libres*, No. 7.

проституток отказаться от своего занятия и вступить в это движение. Пепита Карпена вспоминала одну проститутку, не только откликнувшуюся на этот призыв и вступившую в ряды организации, но и исправно посещавшую занятия и даже примкнувшую к группе Пепиты, занимавшейся агитационными поездками и несением культуры в массы[1].

Несмотря на сложности военного времени, «Мухерес Либрес» настаивали на том, что любые программы по ликвидации проституции должны учитывать экономическую эксплуатацию, являющуюся причиной этого явления. Так, в девятом номере журнала отмечалось, что ситуация ухудшилась и проституток стало вдвое больше. Многие молодые женщины, работавшие домашней прислугой в городах, остались без работы, когда их работодатели сбежали с территории, занятой республиканцами. Кроме того, у молодёжи появились деньги, которые можно было тратить в том числе и на проституток. Женщины становились «слепыми игрушками исторического процесса», и в этом смысле самой по себе революции, не уделяющей особого внимания «сексуальному вопросу», было недостаточно: «Мы настаиваем на том, что единственный возможный способ решить социальную проблему — достичь экономического и политического равенства, расширить права и возможности женщин [*capacitación femenina*], которые могут наделить их чувством ответственности и долга. Любой институт *capacitación* женщин является чем-то большим, чем *liberatorio*, это *preventorio* (превентивный центр) проституции»[2].

Ведь проститутки — это не только женщины, торгующие своими телами на улицах или в борделях. «Мухерес Либрес», как и Эмма Гольдман несколькими годами ранее, настаивали, что проститутками в некотором смысле являются все зависимые от мужчин женщины. «Женщина, живущая в экономической зависимости, получает плату [за секс], даже если клиент — её собственный муж... Вся эта пропаганда, все эти действия в защиту семьи, за этот фальшивый "домашний очаг" удерживает

[1] Пепита Карпена, интервью, 3 мая 1988 г.

[2] El problema sexual y la revolución. In: *Mujeres Libres*, No. 9. См. также Amparo Poch, *La vida sexual de la mujer*, 25; и Lucía Sánchez Saornil, La cuestión femenina en nuestros medios: V, in *Solidaridad Obrera*, 30 октября 1935 г., 2.

женщину на одной и той же позиции — в бесправии и в отрыве от производства. Разрешить и устранить истинные причины проституции может лишь полное экономическое равенство между мужчинами и женщинами, позволяющее женщинам получить доступ к оплачиваемому труду на равных условиях с мужчинами»[1].

«Мухерес Либрес» распространяли информацию о половом воспитании и призывали женщин участвовать в образовательных программах и получать в больницах соответствующие консультации и помощь. Во многих журнальных статьях с гордостью рассказывалось о достижениях Федерики Монсень из Министерства здравоохранения и социального обеспечения или Ауреи Куадрадо из Дома материнства в Барселоне. Публикуемые программы были посвящены евгенике, контрацепции и эвтаназии как дополнении к основным сведениям о сексуальности и деторождении[2]. Гордились «Мухерес Либрес» и легализацией абортов в Каталонии, чему был посвящён специальный декрет Женералитата, и увеличением доступных женщинам способов контрацепции[3].

По сравнению с программами, касающимися грамотности, трудоустройства, материнства и образования, усилия «Мухерес Либрес» в сфере полового воспитания, в том числе сексуальной свободы, были гораздо менее масштабны и результативны. Несмотря на частые в анархистском движении дискуссии о важности сексуального освобождения для полной эмансипации человека, организация не выделяла этот вопрос в отдельную

---

[1] Acciones contra la prostitución. In: *Mujeres Libres*, No. 11. Ср. Эмма Гольдман «Торговля женщинами» и «Брак и любовь», оба эссе опубликованы в сборнике «Анархизм и другие эссе».

[2] См. Nuestra labor en la casa de maternidad de Barcelona, in *Mujeres Libres*, No. 7; La enorme labor del Ministerio de Sanidad y Asistencia Social, in *Mujeres Libres*, No. 8, Nuevas conquistas para Asistencia Social, in *Mujeres Libres*, No. 10.

[3] Лола Итурбе, в частности, акцентирует внимание на важности этой реформы и количестве воспользовавшихся легализацией абортов женщин в интервью от 4 августа 1981 г. Несколько статей в колонке La mujer en la lucha в «Тьерра и Либертад» приводят данные о количестве абортов (см., например, номер за 3 июля 1937 г.); но в «Мухерес Либрес» по этому вопросу нет никаких упоминаний. См. также Mary Nash, El neomaltusianismo anarquista y los conocimientos populares sobre el control de natalidad en España.

тему и не уделяла ему практически никакого внимания. Чем можно объяснить сравнительно узкий спектр программ «Мухерес Либрес» в этой сфере?

Во-первых, следует принять во внимание разницу между публикациями и повседневной работой. Вместе с другими организациями либертарного движения «Мухерес Либрес» устраивали обсуждения и образовательные лекции о сексуальности и контрацепции. Хулия Мирабе вспоминает, как доктора, участвующие в программах ИФЛМ и «Мухерес Либрес», «...договорились достать нам серебряные приспособления [очевидно, какой-то внутриматочный контрацептив]. Каждые полгода нужно было ходить на приём, где механизм извлекали, кипятили, женщину осматривали и вставляли его обратно, и о беременности можно было не беспокоиться»[1].

В сексуальном плане участницы «Мухерес Либрес», как и другие активистки, вели себя гораздо свободнее, чем позволяла традиционная испанская культура. Для некоторых быть частью революционной культуры означало быть свободными «заключать союз» со своими партнёрами без участия церкви или государства. Для кого-то новый порядок дал возможность избежать традиционного брака — например, Сара Беренгер Гильен вспоминала, что незадолго до революции некий молодой учитель попросил у её отца её руки; Сара ценила его уроки, но не любила его. Если бы не революция, ей, конечно, пришлось бы выйти за него замуж, но она этого не сделала, а позже встретила Хесуса Гильена, ставшего спутником её жизни. Похожие истории сексуальной открытости, экспериментов или, в крайнем случае, избавления от бремени строгих стандартов поведения были среди активисток обычным делом.

Относительное отсутствие активности «Мухерес Либрес» по этому вопросу отражает как внутренние факторы организации, так и динамику более широкого культурного контекста. Призывы испанских анархистов к большей сексуальной открытости всегда шли рука об руку с определённой долей пуританства. Как заметил один активист: «Мы всегда были большими

---

[1] Хулия Мирабе де Вальехо, интервью, из работы Isabella Cuenca, *La mujer en el movimiento libertario de España durante la Segunda República (1931–1939)*, дипломная работа, Université de Toulouse Le Mirail, Institut d'Etudes Hispaniques et Hispano-Americaines, 1986. Автор благодарит Сару Беренгер Гильен за копию этой работы.

пуританами, в некотором смысле хуже христиан... К примеру, будучи приверженками свободной любви, девушки практически никогда не встречались более чем с одним парнем одновременно, всё остальное было теорией»[1]. Многие мужчины воспринимали свободную любовь как собственную свободу, но не свободу их партнёрок. Женщины, которые воспринимали свободу в отношениях всерьёз и либо имели нескольких любовников одновременно, либо бросали возлюбленного, как только отношения переставали их удовлетворять, часто подвергались социальному остракизму, даже в среде своих друзей и товарищей по движению. Мужчины могли говорить о свободной любви, но при этом высмеивали или ни во что не ставили практикующих её женщин[2].

Подобное лицемерие сквозило и в беседах с женщинами из «Мухерес Либрес», и в разговорах с анархистами мужского пола. Удивительно, сколько из моих собеседников негативно относились к тому, что они считали фривольностью современного феминизма, сосредоточенного на «сексуальной свободе, лесбиянстве, любви и абортах». Сусесо Порталес и Пепита Карпена отмечали, что «Мухерес Либрес» не обращали внимания на сексуальные предпочтения или гомосексуальность, хотя Лусия Санчес Саорниль была открытой лесбиянкой и не делала из этого секрета. Каждый мог любить того, кого она или он захочет, заявляли они, но вряд ли организации стоило иметь свою позицию по столь неполитическому вопросу, как сексуальность[3].

«Мухерес Либрес» стремились раскрыть женщинам глаза на половую жизнь и сексуальное удовольствие, организовывая соответствующие курсы как для акушерок и медсестёр, так и обучая этому простых женщин, которые почти ничего

[1] Соледад Эсторак, интервью М. Акельсберг, Париж, 4 января 1982 г. Пуританство можно заметить и в журнале «Мухерес Либрес». См., например, Etta Federn, Maternidad y Maternalidad, in *Mujeres Libres*, No.12; Fiestecitas que no deben propagarse, in *Mujeres Libres*, No. 13; и Valencia: Carteleras permanentes, in *Mujeres Libres*, No. 8.

[2] От Энрикеты Ровиры, например, из-за того, что она после войны порвала отношения со своим компаньеро, отвернулись многие товарищи. О подобных случаях рассказывают Сара Гильен, Пепита Карпена и Асусена Барба.

[3] Сусесо Порталес, интервью, Мостолес (Мадрид), 29 июня 1979 г.; Пепита Карпена, интервью, Барселона, 3 мая 1988 г. Остальные интервьюируемые, не используя слова «лесбиянка», часто упоминали партнёрку Лусии Мэри.

не знали о своём теле. Тем не менее программы этих курсов были ограничены бытующим в обществе отношением к сексуальности, а учитывая существующее мужское доминирование, «Мухерес Либрес» не решались требовать для женщин большей сексуальной свободы, опасаясь, что мужчины станут использовать женщин, опираясь на идеологию. Кроме того, многие женщины считали всё, что имело отношение к половой жизни (за исключением проституции, порнографии и права на аборты), «личным», тем, что необходимо было решать самостоятельно, не делая достоянием гласности и всего движения. «О чём здесь говорить? — ответила одна женщина на вопрос о сексуальности. — Это ведь должно обсуждаться между отдельными людьми». Так что «Мухерес Либрес», как им казалось, стремились раскрепостить женщин, чтобы те могли защитить себя в своих отношениях — или вне таковых.

Необходимо также отметить, что продвижение «Мухерес Либрес» в этой сфере было ограничено военным положением. Разумеется, *liberatorios de prostitución* не были первостепенной задачей организации, которой и так недоставало рабочих рук, денежных средств и материальной базы — поскольку большая часть финансирования «Мухерес Либрес» поступала из либертарного движения, без поддержки они мало чего добились бы. Не меньше значила и типичная для войн дезорганизация гражданского населения: в крупные города нескончаемым потоком прибывали беженцы из зон, занятых войсками Франко. Скудеющие с каждым днём ресурсы «Мухерес Либрес» шли на то, чтобы предоставить убежище лишённым крова женщинам и детям и дать им хоть какое-то образование, так что развитие и поддержка более-менее постоянной борьбы с проституцией были труднодостижимы.

Под давлением этих объективных сложностей «Мухерес Либрес» смягчили свой радикальный настрой в сексуальных вопросах. Несмотря на то, что в ранних изданиях «Мухерес Либрес» было опубликовано несколько статей, содержащих критику практики *casamientos a la libertaria*, в течение первых месяцев войны ни одной подобной статьи не появилось. Показательна реакция одной женщины, вспоминающей те времена: «Некоторые из нас с неодобрением смотрели на "браки", регистрирующиеся профсоюзами. Но когда я думаю об этом сейчас, реагирую уже иначе. В конце концов,

молодые люди только начинали создавать пары, а юноши уже должны были уйти на фронт и, возможно, обратно бы не вернулись. Как можно осуждать молодую бедняжку, желающую формального признания профсоюза, клочок бумаги, регистрирующий их отношения, прежде чем её спутник уйдёт на фронт?»[1]

Наконец, «Мухерес Либрес» могли купировать уровень непримиримости своей позиции по вопросам половой жизни и для того, чтобы избежать отчуждения женщин, которых организация надеялась привлечь. При этом программы, направленные на раскрепощение женщин и касающиеся грамотности, профессионального обучения, ухода за детьми и материнства по своей сути были явно радикальными, но каждую из них можно было объяснить военными нуждами и созданием нового общества — ни одна из них непосредственно не подрывала мужской авторитет в семье, хотя, конечно, все эти программы в конечном счёте бросали вызов мужской власти, и каждая из них внесла свой вклад в строительство нового общества и освобождение женщин.

С другой стороны, меры, направленные на осознание женской привлекательности и сексуальности, могли напугать самих женщин, особенно представительниц рабочего класса, и это уже нельзя было оправдать одной лишь необходимостью вклада в общество. Иными словами, изначальное нежелание «Мухерес Либрес» основывать свою деятельность с явно анархистских позиций нашло наиболее чёткое выражение в ограничении программ организации, касающихся полового воспитания.

Программы для беженцев и социальные услуги

Наконец, «Мухерес Либрес» уделяли внимание организации служб тыла — традиционно женской епархии в военное время. Это направление можно разделить на две категории: программы для беженцев, предоставляющие временное жильё, школы и другие необходимые бегущим от войны взрослым, старикам и детям услуги, и помощь ополченцам, как то встречи с солдатами на фронте или в госпиталях, стирку или ремонт одежды и т. д.

[1] Соледад Эсторак, интервью М. Акельсберг, Париж, 4 января 1982 г.

Работа с беженцами была особой гордостью «Мухерес Либрес». В больших городах помощь беженцам оказывали крупные организации — такие, например, как МАС (Международная антифашистская солидарность, анархический аналог Красного Креста). Однако многие беженцы не могли добраться до городов и оседали в пригородах или деревнях, где им помогали «Мухерес Либрес», сотрудничавшие с МАС и стремившиеся обеспечить беженцев и раненых всем необходимым[1].

По мере развития боевых действий статьи в «Мухерес Либрес» рассказывали о деятельности ячеек организации по всей стране, уделяя максимум внимания тем из них, что работали с беженцами, а также призывам ко всем женщинам помогать нуждающимся. Деревня, разумеется, не горела желанием кормить лишние рты, особенно в условиях недостатка продовольствия и предметов первой необходимости, и тем более семьи, в которых было много иждивенцев, но мало рабочих рук.

Важным аспектом этой поддержки было создание школ для беженцев. Анна Дельсо, например, вспоминала, что когда в ноябре 1936 года она вместе со своими младшими братьями и сёстрами переехала в каталонский город Вилanова-и-ла-Жельтру, она стала тратить практически всё время сначала на создание школы для беженцев, а затем на обучение сорока поступивших туда детей[2]. В 11-м номере «Мухерес Либрес» рассказывалось, что 127-я бригада 28-й дивизии (всё, что осталось от анархо-синдикалистского ополчения) с помощью «Мухерес Либрес» основала детский сад, обслуживающий семьдесят детей беженцев.

Своё место в программах «Мухерес Либрес» занимала и традиционная женская работа. Практически в каждой ячейке было несколько человек, а иногда и отдельный отряд, который занимался оказанием помощи солдатам на фронтах и в госпиталях. Одним из направлений подобной работы в Барселоне было создание и функционирование «солдатской резиденции»: местный профсоюз работников городского транспорта нашёл помещение, Марьянет (национальный секретарь НКТ) раздобыл кровати, а женщины собирали в округе необходимые

[1] См., например, письмо Фелисы де Кастро, секретарки «Мухерес Либрес» в Барселоне, к МАС от 9 июня 1938 г., IISG/CNT: 64.C.4.

[2] Anna Delso de Miguel, *Trois cents hommes et moi*, особенно с. 42–56.

вещи, покупая их, обменивая или одалживая на время. Кончита Гильен вспоминает, что в трёх своих речах, произнесённых ею в конце 1938 года в качестве члена комитета пропаганды, она призывала женщин быть стойкими в тылу, чтобы усилить позиции мужчин на фронте[1].

Естественно, «Мухерес Либрес» были не единственными, кто вёл такую работу. Для многих подобная деятельность вообще стала смыслом существования, но именно организация мобилизовала целые группы женщин для периодических поездок на фронт, чтобы привезти мужчинам свежую одежду, горячую еду и, что важнее, хотя бы на время составить им компанию. Поскольку многие участницы «Мухерес Либрес» были активистками той или иной анархистской организации, они могли приезжать от разных групп. Амада де Но, бывшая представительницей своего района в местном комитете «Мухерес Либрес» в Барселоне, вспоминала, как вместе с Лусией Санчес Саорниль, которая в то время была генеральной секретаркой МАС, а также Соледад Эсторак, Либертад Роденас и Кончитой Льяньо ездила на фронт в составе миссии, организованной как раз таки МАС. И хотя каждая участница делегации входила в «Мухерес Либрес», все они ездили не от имени организации, а как посланницы НКТ[2].

Конечно, как и следовало ожидать, намерения «Мухерес Либрес» при отправке женщин на фронт не всегда соответствовали ожиданиям солдат, но просветительская работа велась постоянно. Например, Сара Беренгер Гильен для поддержания в войсках боевого духа вела переписку с множеством солдат, и сколько же раз ей приходилось отказываться от предложений вступить в брак, которые молодые люди делали ей, по ошибке принимая её письма за признания в любви!

Тем не менее о своих поездках к солдатам на фронт Пепита Карпена и Кончита Гильен говорили с восторгом. Сара описала одну из таких поездок, организованных МАС, делегаткой Национального совета которой она тогда была: «Это была группа молодых фабричных работниц, желающих чем-нибудь помочь солдатам. Они сказали: "Почему бы нам не сброситься хотя бы по двадцать пять песет? Мы с помощью МАС купим на них всё

---

[1] Кончита Гильен, интервью, Монтади, 30 апреля 1988 г.

[2] Амада Виктория де Но Галиндо, интервью, Монтади, 30 апреля 1988 г.

необходимое и отвезём на фронт". Мы арендовали два автобуса, загрузили их продуктами и девушками с фабрики. Нас сопровождали два бойца НКТ — Экспосито, учитель из рационалистической школы, и Сатурнино Арансаэс». Один автобус сломался в пути около военного лагеря. Сара упросила механика исправить поломку, — они везли провизию для анархистов 26-й дивизии, которая вот-вот должна была сменить позицию. Он проработал до поздней ночи, но всё-таки починил ось, так что девушки прибыли в лагерь дивизии на рассвете следующего дня: «Девушки были измотаны бессонной ночью, поэтому отправились в столовую подремать, положив голову на стол. Когда солдаты вошли в столовую и увидели там девушек, то начали с ними заигрывать. Тем временем Сатурнино, Экспосито и я пошли искать командиров рот, чтобы договориться о проведении мероприятий. Подходя к столовой, мы услышали крики и плач девушек. Солдаты исчезли, как только мы вошли! Мы спросили у девушек, что произошло... Я сказала им: "Послушайте, они просто не знают, как себя вести, возможно, это не только их вина. Может быть, до нашего визита сюда откуда-нибудь приезжала другая группа женщин с другими целями, и солдаты решили, что все женщины одинаковы. Поэтому давайте расскажем им, зачем мы здесь". ...Это они и сделали, организовав встречи с солдатами, разбившись по два-три человека, и всё прошло хорошо»[1].

Будучи членами «Мухерес Либрес», они хотели не только воодушевлять солдат, но и просвещать их. Организация всегда старалась дать всем понять, что эту солидарную работу следует понимать в более широком политическом контексте. В июле 1938 года о цели «Мухерес Либрес» создать «сознательную и ответственную женскую силу» Лусия Санчес Саорниль выразилась следующим образом: «Эта женская сила, о создании которой мы мечтаем, конечно, имеет гораздо большее назначение и политическую судьбу, чем шитьё униформы для бойцов или посещение больных... Это первоочередные потребности, возникшие из существующих обстоятельств... Наша организация имеет более далеко идущие цели, которые формируют наши принципы и должны всегда направлять наши действия»[2].

---

[1] Сара Беренгер Гильен, интервью, Капестан, Франция, 30 апреля 1988 г.; личное общение, август 1989 г.

[2] Federación Nacional Mujeres Libres, Comité Nacional, «A todos los Comités Regionales y Provinciales de la Federación Nacional Mujeres Libres».

Из интервью с некоторыми из тех, кто в то время были молодыми «новобранками» «Мухерес Либрес», становится очевидным, что, несмотря на то, что эти программы солидарности порой жили своей жизнью, они никогда не теряли из виду конечную цель. Даже юные девушки вроде Кончиты Гильен и Сары Беренгер, которым, когда вспыхнула война, было всего шестнадцать и которые до этого мало сталкивались с анархическими идеями и практикой в довоенные годы (они называли себя «неофитками, которым всё было в новинку»), в последние месяцы войны с головой погрузились в работу «Мухерес Либрес». Их понимание глубины проблем *capacitación* и убеждённость в том, что организация позволит женщинам «уважать себя и вызывать уважение у других», явно прослеживалось во всех наших беседах.

6. НЕЗАВИСИМЫЕ И РАВНЫЕ? ДИЛЕММЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

С учётом явной симпатии «Мухерес Либрес» к образованию и активной деятельности можно было бы ожидать, что НКТ и ФАИ, эти «братья» по либертарному движению, примут женщин с распростёртыми объятиями. Действительно, у этих организаций было много общего: практически все активистки «Мухерес Либрес» были членами как минимум одной из этих организаций, а их программы стажировок и *formación social* готовили женщин к активному участию в трудовой деятельности и работе НКТ. В свою очередь, анархическая и либертарная направленность культурных и образовательных программ «Мухерес Либрес» удовлетворяла многим целям ФАИ (а заодно и ИФЛМ).

Тем не менее эти организации никогда не воспринимали «Мухерес Либрес» как равного себе партнёра. Кроме того, из-за довлеющей финансовой и политической власти Коммунистической партии и её союзников взаимоотношения «Мухерес Либрес» с нелибертарными женскими группами также были напряжёнными. Поэтому изучение этих отношений поможет дать представление о сути проекта «Мухерес Либрес» и статусе «независимых и равных» в либертарном сообществе, которого они изо всех сил пытались добиться.

Отношения с другими женскими организациями

Отношения «Мухерес Либрес» с нелибертарными женскими организациями были результатом их восприятия феминизма и его роли в либертарном движении. Как указывалось выше, «Мухерес Либрес» отрицали существующую феминистскую идеологию и политическую практику. Они настаивали, что подчинённое положение женщин будет преодолено

не борьбой за избирательные права или даже за равную оплату труда на рабочем месте, но посредством участия в движении с чёткими социальными и просветительскими целями. В их понимании такая сугубо политическая активность (т. е. создание организаций без учёта особенностей общества и его классового деления) может лишь упрочить подчинённое положение женщин из рабочего класса[1].

Таким образом, одной из целей основания «Мухерес Либрес» было удовлетворение потребностей женщин, которыми пренебрегали входящие в движение организации. Однако по мере развития возникшего во время Гражданской войны межпартийного конфликта деятельность «Мухерес Либрес» пополнилась новыми направлениями и задачами, в том числе стремлением пополнить ряды организации за счёт простых трудящихся, убедив их в преимуществах своей платформы по сравнению с прочими социалистическими организациями. Обосновывая спустя несколько лет после своего основания такую деятельность перед участниками либертарного движения, «Мухерес Либрес» писали: «После провозглашения Испанской Республики началось настоящее состязание политических партий в сфере *captación*... Именно тогда, ввиду опасности, которую тогдашние события представляли для либертарной идеи и общества в целом, группа *compañeras* задумала создать журнал, которым бы занимались и управляли наши женщины, который бы стал органом работы среди женщин нашей страны, прививая им... симпатию к либертарной идее. Этим журналом стал "Мухерес Либрес", основанный в мае 1936 года»[2].

Как уже говорилось, некоторые либертарные женские группы, например, в Террассе и Барселоне, существовали и до издания журнала. Мерседес и Лусия ещё в 1935 году предлагали многим из них объединить усилия, но из-за прочной их связи с либертарным движением им, скорее всего, не подошёл

---

[1] La personnalité de «Femmes Libres». In: *Mujeres Libres: Bulletin d'Information*. IISG/FAI: 48.c.l.a. Также «Anexo al informe que la Federación Mujeres Libres eleva a los comités superiores del movimiento libertario».

[2] «Anexo al informe», 1. См. также текст «Algunas consideraciones del Comité Nacional de Mujeres Libres al de la CNT sobre la importancia política de aquella organización», недатированный, содержащийся в меморандуме Национального комитета НКТ к делегатам организаций, Барселона, 20 января 1938 г., 1, IISG/CNT: 45.B.17.

бы тот формат сотрудничества, который пытались обрисовать в своих посланиях «Мухерес Либрес».

Разумеется, на начальном этапе существования организации попытка перетянуть одеяло у конкурентов по социалистической направленности не была первостепенной её целью. Однако как только различные левые партии принялись создавать собственные женские организации, активизировалась кадровая работа и в «Мухерес Либрес», особенно в части соперничества с АА.

В довоенный период большинство организаций и партий левого толка, в теории стремившихся преодолеть подчинённое положение женщин, на практике были склонны придерживаться традиционного «марксистского» взгляда, согласно которому подчинённое положение женщины было вторичным по отношению к расколу в классовом обществе. Поэтому наиболее эффективным способом преодоления этой подчинённости было вовлечение женщин в рабочие организации с целью совместной борьбы против классового гнёта. В общем, они отрицали то, что Мэри Нэш назвала «особенностями угнетения женщин», и утверждали, что «...эмансипация женщины может быть достигнута исключительно путём её включения в классовую борьбу»[1]. Поэтому, чтобы привлечь женщин к участию в своей деятельности, «женские секции» создавали многие организации.

Однако и левые социалистические организации, и те, кого они считали ренегатами, мало чем отличались идеологически — все они боролись за равенство между мужчинами и женщинами на рабочем месте и дома и активно поддерживали программы культурной подготовки. Тем не менее их стратегия очень напоминала методики ИСРП, КПИ и ОСПК: и РКБ, и ПОУМ создали «женские секции», чтобы завлекать женщин в свои партии[2].

С наступлением войны стратегия марксистских партий изменилась. Они создали отдельные женские организации, среди

[1] Nash, *Mujer y movimiento obrero*, 176.

[2] См. *La Mujer ante la revolución*, Publicaciones del secretariado femenino del POUM (Barcelona, 1937); Nash, *Mujer y movimiento obrero*; Ackelsberg, Women and the Politics of the Spanish Popular Front: Political Mobilization or Social Revolution?, 5; и Antonina Rodrigo, Nuestras mujeres en la Guerra Civil, 39–40.

которых были «Женщины в тылу» («La Dona a la Reraguarda») и Ассоциация антифашисток («Asociación de Mujeres Antifascistas»), и стали издавать журналы, ориентированные исключительно на женщин (например, «Мухерес» и «Компанья»). Они сосредоточились не на преодолении подчинённого положения женщин, а на привлечении их к участию в работах для фронта, и своим невниманием к специфике угнетения женщин значительно отличались от «Мухерес Либрес».

В частности, АА позиционировала себя как непартийную организацию, занятую мобилизацией женщин для борьбы против фашизма. Её формальными задачами были борьба с фашизмом и достижение мира, защита культуры и права женщин на образование, которые помогают разорвать оковы невежества, а также защита гражданских прав, равное правосудие и полное включение женщин в политическую и общественную жизнь страны[1]. Впрочем, несмотря на заявленную озабоченность вопросами культуры и подчинённости, на первый план вскоре вышло всё, что было связано с войной.

Именно по этому вопросу «Мухерес Либрес» и спорили с АА. Женщины были беззаветно преданы революционной борьбе и стремились к победе не просто в войне, но в преобразовании общества. АА же игнорировала эту борьбу, преуменьшая значение как непосредственно угнетения женщин, так и вопросов более широкой социальной трансформации, сосредоточившись вместо этого на привлечении женщин к труду. С точки зрения «Мухерес Либрес», политические последствия этой якобы неидеологической программы мобилизации были ясны — она подкрепляла идеологическое господство Коммунистической партии, уже обладавшей фактической политической властью.

На передний план взаимоотношений «Мухерес Либрес» и АА выступила озабоченность по поводу политических последствий мнимой непартийности этой организации, которые яснее всего раскрывались в контексте синдикализма. Раз за разом в своих циркулярах и письмах в НКТ «Мухерес Либрес» подчёркивали опасность «победы АА в борьбе» за рабочих. Мужчины, большинство из которых, по крайней мере в Барселоне, были членами НКТ, ушли на фронт, и на их место приходило

---

[1] Emilia Elías. *Por qué luchamos?* Цит. по Nash, *Mujer y movimiento obrero*, 244.

всё больше женщин; но вступят ли они в НКТ, продолжат ли они анархо-синдикалистскую традицию? Или это будут «аполитичные» женщины, подготовленные в рамках программ Женералитата, которые, придя на производство и не будучи членами профсоюзов, будут ослаблять, если не оборачивать вспять, достижения, завоёванные работой нескольких поколений НКТ?[1]

Словом, «Мухерес Либрес» толковали «непартийную» работу АА как резко политическую и представлявшую прямой вызов профсоюзам. Свои программы обучения и *capacitación* организация рассматривала как работу, направленную на конкуренцию с АА на рабочих местах: «Первоначальным занятием "Мухерес Либрес" было сохранение синдикальной силы, на которой зиждется наше либертарное движение»[2]. Задача состояла в развитии революционного общественного сознания, которое позволило бы женщинам присоединиться к профсоюзной борьбе на рабочем месте и сопротивляться идеологическому воздействию программ профессионально-технического обучения Компартии.

Эта борьба с АА за лояльность женщин на фабриках, однако, составляла лишь малую часть деятельности «Мухерес Либрес» по формированию женской организации, ориентированной на революционные общественные преобразования во всех измерениях. Другим важным проявлением конкуренции АА и «Мухерес Либрес» был ответ последней на призыв к «объединению» всех женских организаций, в том числе республиканских, социалистических и коммунистических — и даже самих «Мухерес Либрес» — под руководством АА.

Стоя на позициях либертарного движения, «Мухерес Либрес» громогласно выступали против всех призывов к «женскому единству», которые отрицали важные идеологические и политические различия между группами. Они настаивали на необходимости сохранения равноправной коалиции независимых либертарных женских организаций, в которой каждая группа сохраняла бы свою идентичность и автономию.

[1] Mujeres Libres, «Algunas consideraciones del Comité Nacional»; «Informe que esta federación eleva a los comités nacionales del movimiento libertario y a los delegados al pleno del mismo», Барселона, сентябрь 1938 г., 1, 8, IISG/CNT: 40.C.4; Federación National Mujeres Libres, Comité Nacional, Circular n., Барселона, 12 июля 1938 г., IISG/FAI: 48.C.l.a; и Эмма Гольдман Марьяно Васкесу, 7 октября 1938 г., IISG/CNT: 63.C.2.

[2] «Informe que esta Federación eleva», 6.

Подобный союз, вместо попыток создать унифицированный и при этом абсолютно нереволюционный единый фронт, мог бы черпать силы из разнообразия взглядов. С самого начала «Мухерес Либрес» выражали глубокое недоверие доводам, мотивам и намерениям АА и других организаций, выступающих за «единство», подчёркивая политический и идеологический контекст, в котором звучали эти призывы к единению. Например, в ответ на приглашение посетить конгресс «Союз женщин Каталонии» («Unio de Donas de Cataluña») в ноябре 1937 года, «Мухерес Либрес» выпустили критическую статью о заявленных целях конгресса. Чтобы передать его тональность и остроту, достаточно будет небольшой выдержки из этого материала:

«1. *Содействовать антифашистскому единству:*

Ответ: прекратите репрессии в отношении антифашистских организаций, не представленных в правительстве...

2. *Добиваться равной оплаты труда с мужчинами:*

...проблемы семей из рабочего класса не решатся получением равной зарплаты...

5. *Защищать нашу страну от фашистского вторжения:*

От двух вторжений: от того, что ведёт бой на фронтах, и от того, что действует в тылу...

6. *Освободить женщин для привлечения к труду путём прививания им новых навыков:*

"Мухерес Либрес" уже давно претворяет этот пункт в жизнь и не вносит его в повестку для привлечения людей на съезд»[1].

Большая часть критики «Мухерес Либрес» могла использоваться не только в качестве ответа АА, но и для просвещения их собственных групп на местах и ячеек НКТ. После многократных отказов национального и региональных комитетов «Мухерес Либрес» АА начала обращаться в местные ячейки организации, предлагая их участницам примкнуть к своей деятельности и выступать на конференциях. Поэтому информационное письмо от 23 мая 1938 года, рассылаемое национальным комитетом на места, содержало в себе прямое предупреждение не поддаваться пропаганде[2].

---

[1] «Informe que esta Federación eleva», 6, 2–3.

[2] Там же, 7. Тем не менее письма и статьи в «Акрасии», анархистском ежедневнике, выходившим в Льейде, призывали анархисток участвовать в АА. Anna Cunsigne. Lletres de dona. In: *Acracia*, 2 декабря 1937 г., 1. Una de

Кредо «Мухерес Либрес» состояло в том, что подлинное единство должно признавать разнообразие[1]. Лусия Санчес Саорниль в ответ на приглашение АА писала следующее: «"Мухерес Либрес" не заинтересованы в "женском единстве", поскольку это словосочетание ничего и ничто не олицетворяет. Мы тысячи раз призывали к политической и синдикальной консолидации, единственному виду объединения, который в действительности способствует общему делу... До тех пор, пока существуют идейные различия [политические и стратегические], слияние групп остаётся невозможным, поскольку оно несовместимо с многообразием людей»[2].

Для «Мухерес Либрес» было важным, чтобы каждая организация сохраняла собственные «отличительные признаки и индивидуальность» и продолжала мобилизовывать силы для обороны страны, продвигать революцию и эмансипацию женщин: «Интересы женщин не являются ни "чётко определёнными, ни согласованными на широком уровне", чтобы стать основой для единой организации». Подлинно антифашистское объединение потребовало бы не слияния всех организаций в одну, но признания разнообразия политических взглядов и готовности принять независимость взглядов и действий всех групп, состоящих в коалиции. И приносить в жертву свои принципы прямого действия и стихийной организации ради какого-то расплывчатого и контрреволюционного понятия «женского единства» «Мухерес Либрес» не собирались.

Либертарное движение

Акцент на независимость и признание разнообразия каждой из женских групп был неразрывно связан с требованиями «Мухерес Либрес» об автономии внутри всей либертарной среды. Организация хорошо подготовилась к противостоянию с политическими конкурентами, но оказалась неготовой

---

ellas. Las mujeres de retaguardia por los luchadores del frente, там же, 3 декабря 1937 г., 4.

[1] Comité Regional Mujeres Libres «Circular No. 1 de Información», 7 марта 1938 г., JISG/CNT: 40.C.4.

[2] Lucía Sánchez Saornil. Actitud clara y consecuente de Mujeres Libres. En respuesta a Dolores Ibarruri. In: *Solidaridad Obrera*, 11 августа 1938 г., перепечатано у Nash, *Mujeres Libres*, 109–112.

к противодействию со стороны либертарного движения. Несмотря на неплохую осведомлённость о сексизме соратников-мужчин и их неспособности решать «женские» вопросы в нужном ключе и вообще общаться с женщинами, «Мухерес Либрес» планировали плотно взаимодействовать и с НКТ, и с ФАИ на локальном, региональном и национальном уровнях. Они рассчитывали быть радушно принятыми в либертарную «семью», и если на местном уровне эти ожидания частично оправдались, то на высших ступенях им приходилось неоднократно разочаровываться.

Возможно, частично это разочарование было следствием замешательства, вызванного их единовременным требованием включённости и автономии внутри либертарного движения. До провозглашения себя в августе 1937 года национальной федерацией «Мухерес Либрес» состояла из ряда более или менее независимых групп местного уровня (*agrupaciones*). Мерседес Комапосада вспоминала, что в первой половине 1937 года они с Лусией неоднократно ездили в Валенсию, где находилась штаб-квартира национального правительства и национальных комитетов организаций либертарного движения, с обращением об официальном признании и поддержке «Мухерес Либрес»: «В одну из таких поездок я взяла с собой разные памфлеты и записи о разнообразной деятельности, которую мы вели. Я спросила Марьянета: "Почему вы не признаёте нас как организацию?" А он ответил: "Как мы можем признать вас организацией? Мы знаем, что вы делаете, и вы делаете это хорошо. Но до тех пор, пока вы не придёте к нам как *организация*, то есть с комитетами, региональными ячейками, национальным комитетом, списком людей, готовых работать на ответственных позициях и так далее, — мы ничего не можем сделать"»[1].

Этот, а также другие подобные разговоры и послужили стимулом к созыву в августе 1937 года первой общенациональной конференции, которая собрала вместе представительниц девяноста местных групп и учредила «Мухерес Либрес» как национальную организацию, закрепив её федеративную структуру с провинциальными, региональными и национальным комитетами. Такая форма обеспечивала максимальную гибкость и была основана на моделях НКТ и ФАИ неслучайно — с ней члены «Мухерес Либрес» были знакомы досконально.

[1] Мерседес Комапосада, интервью, Париж, 5 января 1982 г.

Также конференция следовала принятым федеративным процедурам, которые многие годы разрабатывались в НКТ и ФАИ. Например, вместо того чтобы назначать конкретных членов для выполнения определённых задач, конференция определеляла для этого делегации из конкретных местностей, а уже внутри их распределялось, кто и каким вопросом будет заниматься[1]. Это вне всяких сомнений давало организации право встать в один ряд с другими участниками либертарного движения.

Идеологически идентифицируя себя, свои цели и методы с НКТ и ФАИ, «Мухерес Либрес» в то же время ревностно отстаивали свою автономию. Например, название «Mujeres Libres» (свободные женщины) основательницы организации взяли вместо «Mujeres Libertarias» (либертарные женщины) сознательно — чтобы было ясно, что они имеют идеологическую связь с либертарным движением, но не подчиняются ему[2]. Степень остроты вопроса прослеживается и в спорах об эскизе будущего членского билета «Мухерес Либрес». После дискуссии об «особом пристрастии» отдельных товарищек [*compañeras*] к красному и чёрному, то есть цветам НКТ и ФАИ, было принято решение, что членская карточка будет окрашена в эти цвета, но не будет содержать надписи «НКТ–ФАИ»: «Да, мы — родственные организации, но мы не зависим от них». Аналогичная ситуация была и с официальным флагом: он должен был быть голубым (этот цвет символизировал оптимизм), и надписи на нём были выполнены белыми буквами, но на нём также была повязана чёрно-красная ленточка[3].

Было очевидно, что «Мухерес Либрес» сами испытывали сложности в постановке целей в контексте автономии и включённости. На первом съезде собрание проголосовало за приглашение делегатов от соответствующих комитетов НКТ и ФАИ на собрания региональных и национального комитетов «Мухерес Либрес», но без права голоса, и за то, чтобы и организации было предоставлено право отправлять делегаток (опять же без права голоса) на собрания аналогичных комитетов НКТ и ФАИ.

---

[1] Federación Nacional Mujeres Libres, «Actas de la conferencia nacional celebrada en Valencia», 21–23 августа 1937 г., AHN/SGC-S, P. S. Madrid: 432.

[2] Мерседес Комапосада, интервью, Париж, 1 и 3 января 1982 г.

[3] «ACTAS de la conferencia nacional», 9.

Съезд принял решение *не* просить о том, чтобы представительницам «Мухерес Либрес» было предоставлено право голоса на съездах этих организаций, поскольку они, будучи членами профсоюзов и местных анархистских ячеек, и так могли влиять на принятие решений, но не хотели идти на риск быть связанными принятыми этими организациями решениями, с которыми они могли быть не согласны. Вот вариант развития событий, который реально обсуждался на съезде: «Предположим, что Национальный комитет НКТ, к которому бы мы принадлежали, вопреки нашему мнению решил, что наша организация утратила смысл своего существования, и постановил бы большинством голосов её распустить. Какова была бы наша позиция?»[1] Если кратко, то «Мухерес Либрес» хотели приглашаться на съезды и участвовать в работе этих организаций, но не терять свою независимость.

В течение следующих полутора лет, настаивая на статусе «неотъемлемой части либертарного движения», организация одновременно отстаивала свою независимость. В одном из заявлений говорилось: «"Мухерес Либрес" могли превратить себя в придаток профсоюзного движения в части подготовки женщин, превращая женщин в приёмник анархо-синдикалистских идей... Они могли бы превратиться в приложение или "женскую секцию" ФАИ... но они и этого не сделали... Поскольку основательницы организации — анархистки, мы не могли согласиться с ситуацией, в которой в состав данной организации будут входить женщины без социально-экономической подготовки; но и превращать этих женщин в слепые инструменты [на службе у движения] мы как анархистки также не могли — ведь это противоречило бы нашим анархическим принципам»[2].

Несмотря на разочарование в соратниках, «Мухерес Либрес» не оставляли надежд на плодотворную совместную деятельность. Они предложили ФАИ и НКТ делегировать своих представителей на съезды организации — так они хотели продемонстрировать свою причастность к либертарному движению и подтвердить свою легитимность в его составе[3].

---

[1] «ACTAS de la conferencia nacional», 9, 21 августа 1937 г.

[2] «Anexo al informe», 3.

[3] «Мухерес Либрес», Валенсия, Полуостровному комитету ФАИ, 17 августа 1937 г., IISG/FAI: 48.C.l.a. 17, 1937, IISG/FAI: 48.C.l.a.

Битва за признание организации была непримиримой. Представительницы «Мухерес Либрес» часто присоединялись к представителям НКТ и ФАИ, когда те на машине ехали за город в пропагандистские поездки, символически подтверждая общие цели и задачи. Также они настаивали на том, что во всех митингах и собраниях либертарного движения вместе с представителями НКТ, ФАИ и ИФЛМ обязательно должна быть делегатка от организации, которой также должно было быть предоставлено слово. Репортажи о подобных митингах подтверждают успешность подобной тактики: так, в рамках подготовки к мероприятиям в память о первой годовщине смерти Дуррути национальный комитет НКТ разослал информационные письма всем региональным комитетам с инструкциями о том, что на каждом событии должно быть пять спикеров — по одному от «Мухерес Либрес», МАС, ИФЛМ, НКТ и ФАИ[1].

Тем не менее документов, которые бы контролировали исполнение этого письма, равно как и иных официальных упоминаний «Мухерес Либрес» или МАС наряду с ФАИ и НКТ как *равноценных* организаций, найти не удалось. К тому же Сара Беренгер Гильен рассказала, что в списке выступающих на собрании по случаю второй годовщины этой памятной даты представительница «Мухерес Либрес» отсутствовала. По её словам, Соледад Эсторак подняла в Каталонском региональном комитете шум, требуя, чтобы в этих митингах приняли участие и представительницы «Мухерес Либрес». Убедить комитет ей удалось, но затем потребовалось искать делегаток, которые бы охватили участием всю Каталонию.

Среди девушек, представлявших «Мухерес Либрес» на тех мероприятиях, были Сара и Амада де Но. Сара должна была поехать в Оспиталет и Гранольерс, однако в первом городе ей выступить не удалось, так как дорога была повреждена фашистскими бомбами, и мероприятие пришлось отменить. Амада отправилась в Жирону. Борясь с волнением, она заучила наизусть статью, которую Соледад написала для газеты, и декламировала её в дороге[2].

---

[1] Письмо от Х. Доменека, секретаря Каталонского регионального комитета НКТ, 11 ноября 1937 г., передающее Циркуляр № 11 Национального комитета НКТ, Валенсия, от 6 ноября 1937 г., IISG/CNT: 48.B.I.

[2] Амада де Но, интервью, Монтади, 30 апреля 1988 г.

В столь сложной и зачастую противоречивой ситуации «Мухерес Либрес» всё-таки получали признание и поддержку от других организаций движения. Большое количество анархистских изданий как минимум одобрительно, а иногда и с энтузиазмом отзывались о деятельности и достижениях «Мухерес Либрес». Ежедневная газета «Акрасия» в Льейде регулярно писала о деятельности организации, причём обычно в самых хвалебных выражениях[1]. Часто упоминали «Мухерес Либрес» и «Тьерра и Либертад», «Солидаридад Обрера», «Тьемпос Нуэвос», а также ряд других периодических изданий.

На местном уровне «Мухерес Либрес» получали помощь от отдельных профсоюзов НКТ. Множество ячеек принимали активное участие в программах стажировок и с готовностью открывали двери десанту «Мухерес Либрес», останавливая на время конвейеры коллективизированных фабрик. Оказывали организации и непосредственную помощь: так, когда *compañero* Пепиты Карпены был убит на фронте, профсоюз работников металлообрабатывающей промышленности, членом которого являлся он и в деятельность которого была с юности вовлечена она, выплачивал ей его еженедельное жалованье, чтобы Пепита могла продолжать свою работу в «Мухерес Либрес»[2].

Регулярно присылали пожертвования «Мухерес Либрес» и местные отделения некоторых профсоюзов, и многие воюющие солдаты — так они стремились поддержать деятельность организации. Казалось, что как минимум для некоторых соратников «Мухерес Либрес» уже достигли столь желанного признания и включения в *качестве организации* в широкое либертарное движение. Например, протоколы собрания местных федераций *ateneos libertarios* в Мадриде с июля 1937 года по апрель 1938 года сообщают о присутствии представительниц «Мухерес Либрес», местного отделения ФАИ, местной федерации профсоюзов НКТ и местной федерации ИФЛМ[3].

---

[1] Una publicación interesante Mujeres Libres. In: *Acracia*, 27 июля 1937 г., 1. Día tras día: Transformación social sin decretos, там же, 4 сентября 1937 г., 1; Mujeres Libres, там же, 23 ноября 1937 г., 4.

[2] Мерседес Комапосада, интервью, Париж, 7 января 1982 г. Письма также можно найти в AHN/SGC-S, P. S. Madrid: 432.

[3] См. протоколы организации *ateneos libertarios* в Мадриде за 29 июля 1937 г., 19 августа 1937 г., 16 сентября 1937 г., 19 февраля 1938 г., 14 апреля 1938 г. Циркуляр № 7 Комиссии по анархической и конфедеративной

Одновременно «Мухерес Либрес» слали в региональные и национальные комитеты НКТ и ФАИ нескончаемый поток запросов о финансовой и прочей материальной поддержке. Организация обращалась к ним как «член либертарной семьи», нуждающийся в финансовой помощи для продолжения деятельности, которая является важной для всех либертарных организаций. «Мухерес Либрес» запрашивала деньги и помещения для региональных съездов (один был проведён в Барселоне в феврале 1938 года, другой — там же в октябре 1938 года), для издательской деятельности и пропагандистской работы, для содержания своих приёмных и для выплаты жалования членам региональных комитетов, причём и НКТ, и ФАИ, в частности, в Каталонии, проявляли готовность предоставлять места для этих собраний и оплачивать питание делегаток и прочие расходы.

Кроме того, с июля по октябрь 1938 года Каталонский региональный комитет ФАИ и Национальный комитет НКТ предоставляли организации небольшие, но регулярные дотации, позволившие выпустить тринадцатый номер журнала[1]. Несмотря на то, что финансовые пожертвования не дотягивали до того, о чём просили «Мухерес Либрес», случаи категорического отказа в помощи были редки[2]. И хотя о том, что «Мухерес Либрес» воспринималась как *равный* член либертарной семьи, свидетельствует лишь небольшая часть сохранившейся переписки, сомневаться в том, что организацию воспринимали как родственницу, пусть даже как младшую сестру-подростка, не приходится.

пропаганде, Мадрид, 29 января 1938 г. также упоминает «Мухерес Либрес». Оба документа доступны в AHN/SGC-S, P. S. Madrid: 1712.

[1] «Informe que esta Federación eleva», 8–9.

[2] Отдел пропаганды, Левантийский региональный комитет «Мухерес Либрес» Полуостровному комитету ФАИ, 03-01-1938, и ответ, IISG/FAI: 48.C.1.c.; Каталонский региональный комитет «Мухерес Либрес» Каталонскому региональному комитету НКТ, 2 и 26 февраля, 6 октября 1938 г., и ответ, IISG/CNT: 40.C.4.; Национальный отдел пропаганды «Мухерес Либрес» Полуостровному комитету ФАИ, март 1938 г., IISG/FAI: 48.C.1.a.; и переписка Лусии Санчес Саорниль, от имени Национального комитета «Мухерес Либрес», с Жерминалем де Соузой, Полуостровной комитет ФАИ, 22 ноября 1938 г., IISG/FAI: 48.C.1.a. Копии переписки Каталонского регионального комитета «Мухерес Либрес» с Каталонским региональным комитетом НКТ можно найти здесь: AHN/SGC-S, P. S. Barcelona: 1049.

Однако участницы «Мухерес Либрес» не скрывали разочарования в том, что члены этих организаций не обращались с ними с уважением и серьёзностью. Порой отдельные *compañeros* обращались к «Мухерес Либрес» в унизительной с точки зрения пола манере — например, называя их «Mujeres Liebres». Это слово, означающее «заяц», использовалось как эвфемизм, намекая на то, что они прыгали из постели в постель, как кролики — в Испании того времени считать активисток распущенными и извращенками было в порядке вещей[1]. Поэтому «Мухерес Либрес» неоднократно обращались в руководящие органы НКТ и ФАИ с просьбой «осадить» проявления враждебности в местных ячейках и заставить их оказать помощь[2].

Искала организация поддержки и от других соратников по либертарному движению. Например, в 1937 году «Мухерес Либрес» обратились в Национальный комитет НКТ с просьбой посодействовать, чтобы местные профсоюзы регулярно предоставляли женщинам время для дополнительных учебных семинаров в мастерских и на фабриках, однако одобрения не получили. Впоследствии обучение взяло под контроль правительство, а выгоду от этого получили АА и социалистические профсоюзы.

В другой раз «Мухерес Либрес» просили, чтобы потенциальным активисткам несколько раз в неделю давали оплачиваемый полуторачасовой отгул, чтобы те могли посещать занятия по общей культуре и социальной подготовке. Эта мера, как они утверждали, была бы в интересах движения и самих женщин и помогла бы уравновесить влияние правительственных и находящихся под контролем коммунистов программ[3]. В это время в Барселоне секретариат ВСТ пытался надавить на свои местные профсоюзы, чтобы те активнее принимали

---

[1] См. Nancy Hewitt and Jacquelyn Hall, presentations in «Disorderly Women: Gender, Politics and Theory», Berkshire Conference, Wellesley College, June 1987; и Marie Marmo Mullaney, *Revolutionary Women: Gender and the Socialist Revolutionary Role* (New York: Praeger, 1983), 53–96.

[2] Например, Лусия Санчес Саорниль от имени Национального комитета «Мухерес Либрес» Полуостровному комитету ФАИ, Валенсия, 6 октября 1937 г., IISG/FAI: 48.C.1.a. Региональный комитет «Мухерес Либрес» Региональному комитету НКТ, 2 августа 1938 г., IISG/CNT: 40.C.4.

[3] Federación Nacional Mujeres Libres. Algunas consideraciones del Comité Nacional de Mujeres Libres al de la CNT, особенно с. 3.

рабочих-женщин, обученных в институте, организованном Женералитатом[1]. Поэтому беспокойство «Мухерес Либрес» о том, что другие организации получали больше выгод от образовательных программ, было вполне обоснованным.

Но чаще всего на региональном и местном уровнях «Мухерес Либрес» просили именно финансовой помощи. Заслуживает внимания письмо, датируемое мартом 1937 года Полуостровному комитету ФАИ, в котором «Мухерес Либрес» обозначили себя как «Ассоциация "Мухерес Либрес", ФАИ». В письме подробно излагались некоторые из их целей и видов деятельности, сообщалось, что в состав ассоциации входит 500 участниц, и они отчаянно нуждаются в средствах. Каталонский региональный комитет в ответ на это письмо согласился дать вместо запрошенных 8000 песет лишь 500[2]. Три месяца спустя Мерседес Комапосада в письме от имени Секретариата «Мухерес Либрес» по пропаганде снова обратилась в Полуостровной Комитет ФАИ, заметив, что поддерживаемые коммунистами организации, получавшие значительную финансовую помощь как от партии, так и от министерств правительства, «...имеют успех среди женщин в ВСТ и даже в НКТ». В конце заявления, которое отлично показывает мнение Комапосады о том, как относятся к её организации в либертарном движении, она пишет: «"Мухерес Либрес" возникли как противодействие этому и как способ обучать женщин, в которых так нуждается наше движение, а не для того, как неверно поняли некоторые товарищи, чтобы внести раскол и вести феминистскую агитацию»[3].

«Мухерес Либрес» часто сравнивали своё положение в либертарном движении с ролью АА для коммунистов. В одном из писем отмечалось, что, помимо оказания значительной финансовой помощи, союз работников транспорта ВСТ предоставил секции пропаганды АА автомобиль. «От сравнения с нашей экономической беспомощностью у нас на глазах проступают слёзы гнева. Что бы могли сделать мы, имея хотя бы

[1] U.G.T., Federación Local Barcelona, Secretario de Organización de la Federación Local U.G.T., «Al Sindicato...» Барселона, 16 марта 1938 г., AHN/SGC-S, P.S. Barcelona: 628.

[2] Письмо «Мухерес Либрес», 12 марта 1937 г.; ответ, 20 марта, IISG/FAI: 48.C.1.a.

[3] Мерседес Комапосада, Барселона, июнь 1937 г., IISG/FAI: 48.C.1.a.

половину того, что есть у них! Да хотя бы с теми средствами, которые они тратят на плакаты!»[1]

Во время одного из своих визитов в Барселону этот вопрос подняла Эмма Гольдман. Поскольку «Мухерес Либрес» отказались раствориться в рядах АА, она писала Марьяно Васкесу: «Они не получают никакой помощи, тогда как коммунистки не только получают помощь, но и собирают деньги среди работниц заграничных предприятий... А "Мухерес Либрес" обделены вниманием по всем фронтам. Вы должны знать, что я многие годы борюсь за эмансипацию женщин, поэтому естественно, что я заинтересована в "Мухерес Либрес". Я очень удивлена тем, что наши организации НКТ, ФАИ и даже Либертарная молодёжь делают так мало, чтобы помочь им, и проявляют так мало интереса. Не считаете ли вы, дорогой товарищ, что по мере сил помогать "Мухерес Либрес" — в интересах НКТ и ФАИ?»[2]

В ответном письме Васкес защищался, настаивая на том, что НКТ «...озабочена "Мухерес Либрес" не меньше вашего» и что либертарное движение, не обладающее поддержкой со стороны сильной интернациональной организации и имеющее финансовые возможности намного хуже, чем у коммунистов, предоставляет организации всю возможную поддержку. «Поэтому ваше утверждение, будто НКТ не делает всё возможное для "Мухерес Либрес", я должен опровергнуть. Да, НКТ не может дать им ["Мухерес Либрес"] миллионы, которые могут дать своим женским организациям другие организации и партии, но только потому, что у нас нет таких средств»[3]. Ресурсы НКТ действительно уступали возможностям Компартии, однако, как будет показано далее, финансовые соображения были не единственным фактором беспокойства — похоже, на самом деле куда более значимым был вопрос автономии «Мухерес Либрес».

Женские отделы ИФЛМ (Испанской федерации либертарной молодёжи)

Вопросы об автономии и включении «Мухерес Либрес» в либертарное движение во взаимоотношениях организации

---

[1] Отдел пропаганды, Левантийский региональный комитет «Мухерес Либрес» Полуостровному комитету ФАИ, 31-01-1938; и ответ Полуостровного комитета, 1 февраля 1938 г.; IISG/FAI: 48.C.1.c; также письмо Лусии Санчес Саорниль Полуостровному комитету ФАИ, 10 марта 1938 г.

[2] Гольдман Васкесу, 7 октября 1938 г., IISG/CNT: 63.C.2.

[3] Васкес Гольдман, 11 октября 1938 г., IISG/CNT: 63.C.2.

с ИФЛМ стремительно выходили на передний план. Когда в конце 1937 года ИФЛМ учредила *Secretaría Femenina* (женский отдел), «Мухерес Либрес» оказались с ними в отношениях прямого соперничества. Пепита Карпена, которая долгое время состояла и в ИФЛМ, и в НКТ и поначалу отказалась вступать в «Мухерес Либрес», поскольку не видела надобности размежевания мужчин и женщин в борьбе, описала свои впечатления так: «Я участвовала в Либертарной молодёжи... Они созвали собрание и вынесли на повестку вопрос об учреждении Женского отдела в ИФЛМ. Похоже, товарищи переняли эту идею у коммунистов, которые становились весьма влиятельными и учреждали "женские секции" повсеместно. Я с самого начала посвящала себя делу эмансипации женщины. Но я придерживалась господствующего мнения о том, что борьба должна вестись на равных мужчинами и женщинами. Поэтому мне вообще не нравилась эта затея с "женским комитетом" в ИФЛМ... Я сказала, что всецело против. Тем не менее моя группа приняла предложение, а я была назначена делегаткой от своей группы Либертарной молодёжи в Местную федерацию Либертарной молодёжи... Итак, мне пришлось идти на собрание и объявить, что мы поддерживаем предложение. Но тогда я решила и сказала им, что, поскольку мне идея наличия в ИФЛМ женского отдела кажется контрпродуктивной, я ухожу и с этого момента действую в "Мухерес Либрес"»[1].

Предполагалось, что *Secretaría* будет препятствовать поддерживаемым Компартией Ассоциациям молодых антифашисток («Asociación de Jóvenes Antifascistas») и молодых женщин («Asociació de la Dona Jove») и Союзу девочек («Union de Muchachas»), ведя контрпропаганду и свою политическую работу среди молодёжи, а впоследствии предложит девушкам собственные программы *captación* и *capacitación*[2]. Пепита же считала создание отдельной женской секции в ИФЛМ отказом от того, что она

---

[1] Пепита Карпена, интервью, Барселона, 3 мая 1988 г. Немного иную версию событий Пепиты Карпены см. в Spain 1936: Free Women. A Feminist, Proletarian, and Anarchist Movement, in *Women of the Mediterranean*, ed. Monique Gadant, trans. A. M (Berrett. London: Zed Books, 1986), 51.

[2] ИФЛМ, Национальный комитет, Женский отдел, Циркуляр № 1, Валенсия, 4 ноября 1937 г.; ИФЛМ, Женский отдел, Циркуляр № 1, 19 апреля 1938 г., оба в IISG/FAI: 48.C.1.d. См. также La juventud actual y la emancipación juvenil femenina, in *Acracia*, 11 января 1937 г.

рассматривала как давнишний анархический принцип совместного ведения борьбы. Ей это также казалось отрицанием уже ведущейся деятельности «Мухерес Либрес». Она недоумевала, зачем создавать отдельное женское подразделение ИФЛМ, если уже существует либертарная группа, посвятившая себя образованию и подготовке женщин всех возрастов?

Озабоченность Пепиты разделяли её единомышленницы как в «Мухерес Либрес», так и вне этой организации. На протяжении нескольких месяцев после своего создания этот Женский отдел рассылал ряд заявлений, ставивших целью снять эти опасения — с разъяснением своих целей и заверениями в том, что он не отрицает значимости и не собирается конкурировать с «Мухерес Либрес». Однако поскольку заявленные отделом цели и то, чем он предлагал заниматься — устройство школ, разработка программ профессионального обучения, выпуск журналов, создание дискуссионных групп, — точь-в-точь совпадали с направлениями деятельности организации, то есть *capacitación* и просвещение молодых женщин, и были почти идентичны, в искренность этих посланий не верил никто.

Например, датированный ноябрём 1937 года циркуляр № 3 Отдела сообщал, что «...не существует ни дублирования функций, ни какой-либо принципиальной конкуренции между Либертарной молодёжью и "Мухерес Либрес"». В документе утверждалось, что последние представляют ценность как организация, направленная на удовлетворение потребностей взрослых женщин, тогда как *Secretarías Femininas* нацелена на девушек и борется с их маргинализацией, стремясь привлечь их в организацию на замену мужчинам, которых постоянно призывают на фронт. Эта формулировка почти полностью совпадает с заявлениями «Мухерес Либрес», разница лишь в утверждении, что «Мухерес Либрес» работает со взрослыми, тогда как Женский отдел ориентируется на молодёжь[1]. Но так как среди активисток

[1] ИФЛМ, Национальный комитет, Женский отдел, Циркуляр № 3, Валенсия, 25 ноября 1937 г., 2 стр., машинописный текст. IISG/FAI: 48.C.1.d. См. также «Dictamen Que Presenta la Ponencia a la Consideración del Congreso, Sobre el 4° Punto del Orden del Día Apartado Tercero» (со второго Национального конгресса ИФЛМ, февраль 1938 г.), 1 стр., машинописный текст, AHN/SGC-S, P. S. Barcelona: 903; и Кармен Гомес от имени Женского отдела ИФЛМ Полуостровному комитету ФАИ, 22 марта 1938 г., IISG/FAI 48. C.l.a.

«Мухерес Либрес» было много молодёжи (в начале революции Пепита, Соледад, Сара, Кончита и многие их подруги были молодыми девушками и даже подростками), многим в организации казалось, что *Secretarías Femeninas* просто будут дублировать их деятельность, истощая и без того скудные ресурсы движения.

Отдел вполне понимал эти настроения и посвятил дискуссиям о взаимоотношениях с «Мухерес Либрес» энергии не меньше, чем взаимодействию с Ассоциацией молодых антифашисток и другими коммунистическими молодёжными организациями. Отношения между соперничающими структурами были в лучшем случае натянутыми. *Secretarías* часто называли «Мухерес Либрес» «молодой» или «недозрелой» организацией, успехи которой незначительны, хотя и признавали, что эта «слабость» вызвана нестабильным финансовым положением. Известно им было и о неприятии «Мухерес Либрес» Женского отдела: «Их позиция по отношению к нашим Отделам враждебна. Они считают, что должны быть единственными в либертарном лагере, кто будет переманивать [*captar*] женщин, и единственными, кто будет направлять ненужных им активисток в родственные организации»[1].

Разумеется, «Мухерес Либрес» видели свою роль не в «распределении избыточных активисток» в другие организации, а в подготовке женщин к участию в любой либертарной организации, которую те сами выберут. Подобные высказывания и другие документы иллюстрируют сильное чувство соперничества между организациями[2]: «Мухерес Либрес» считали создание Женских отделов напрасным и лишним, те, в свою очередь, хотели, чтобы положение «Мухерес Либрес» в либертарном движении стало зависимым: «Её ["Мухерес Либрес"] деятельность определяем мы, и мы должны нести ответственность за её развитие, деятельность и обеспеченность финансовыми средствами»[3].

---

[1] «Del Movimiento de Mujeres Libres» AHN/SGC-S, P. S. Barcelona: 903.

[2] Кармен Гомес от имени Женского отдела Полуостровного комитета ИФЛМ Региональному комитету, Барселона, 23 июля 1938 г. AHN/SGC-S, P. S. Barcelona: 903. См. также «Conversación con la compañera Suceso Portals [sic], Secretaria del Subcomité Nacional de Mujeres Libres en el día 16 de diciembre de 1938», 2 стр., машинописный текст, IISG/FAI: 48.C.1.d.

[3] «Formas y Actividades a Desarrollar por la Secretaría Femenina, Poniendo en Práctica Diversos Procedimientos a Nuestro Alcance», 3 стр., машинописный текст, 2, AHN/SGC-S, P. S. Barcelona: 903.

В октябре 1938 года Женский отдел подготовил к Национальному пленарному заседанию ИФЛМ отчёт о своей деятельности, в котором повторялись прежние заявления о неподобающем поведении «Мухерес Либрес», которое выражается в попытках объединить под знамёнами своих программ женщин всех возрастов, и поднимался вопрос о принятии резолюции о том, что «Мухерес Либрес» должны быть организацией только для взрослых женщин. Также в докладе шла речь о том, что Полуостровному комитету всё труднее убеждать свои региональные комитеты в необходимости создания Женских отделов. Очевидно, и местная федерация Барселоны, и Каталонский региональный комитет отвергли это предложение по причине того, что «...многие из поставленных задач уже решают "Мухерес Либрес", и соперничать с ними в этом смысла нет»[1].

Однако куда больший интерес этот доклад представляет благодаря тому, что он рассказывает о разочаровании Отдела позицией самой ИФЛМ. Несмотря на прежние заявления о том, что в достижении своих целей «Мухерес Либрес» чрезвычайно неэффективны (а Женские отделы, разумеется, для этой работы подготовлены гораздо лучше), разочарование в крайне малом объёме сделанного Отделами за время своего существования очевидно. Они апеллировали к множеству проблем, в том числе к серьёзно ограниченной положением Отделов в ИФЛМ свободе действий, и утверждали, что настало время либо вернуться к достижению заявленных прежде целей, либо полностью сменить курс: «Либо мы признаем "специфические особенности женщин" и создадим орган с достаточной свободой действий, направленных на данную целевую группу, либо, напротив, будем отрицать существование этих "особенностей" и перестанем беспокоиться об этом, распустив Женские отделы»[2].

---

[1] FIJL, Comité Peninsular, Secretaría Femenina, «Informe que presenta la Secretaría Femenina del Comité Peninsular sobre el sexto punto del orden del día del próximo pleno nacional de regionales de la FIJL que ha de celebrarse en Barcelona», Барселона, 1 октября 1938 г.; см. также «Exposición del problema de las relaciones de las secretarías femeninas de la FIJL con Mujeres Libres, que presenta a estudio de las regionales la Secretaría Femenina Peninsular», Барселона, 8–9 сентября 1938 г. AHN/SGC-S, P. S. Barcelona: 140.

[2] «Informe que presenta», 6. См. также «Dictamen Que Presenta la Ponencia a la Consideración y Aprobación del Congreso» и «Formas y Actividades a Desarrollar».

Таким образом, несмотря на конкуренцию с «Мухерес Либрес», женщины, участвовавшие в Женских отделах, явно ощущали важность автономии. *Secretarías Femeninas* утвердили для себя цели, очень похожие на цели «Мухерес Либрес», но пытались достичь их в рамках ИФЛМ, и жалобы Отделов на отношение к ним со стороны других структур движения, недостаточность получаемой ими поддержки и потребность в большей независимости, похоже, подтверждают всю сложность ситуации, в которой пребывали «Мухерес Либрес». И всё-таки они никогда не выступили с открытой поддержкой взглядов «Мухерес Либрес».

Конгресс либертарного движения, октябрь 1938 года

После многомесячных обращений к отдельным организациям и лидерам движения за моральной и финансовой поддержкой, в октябре 1938 года «Мухерес Либрес» официально потребовали признать себя самостоятельной организацией. Это случилось на совместном Национальном заседании региональных отделений НКТ–ФАИ–ИФЛМ, которое проходило в Барселоне в течение двух недель и стало первым общенациональным съездом трёх ведущих организаций движения.

Официального приглашения на это заседание «Мухерес Либрес» не получили, и хотя ранее их представительницы часто участвовали в собраниях входящих в движение организаций, они почти всегда выступали именно как члены этих организаций и почти никогда — как члены «Мухерес Либрес». Поэтому теперь они хотели принять участие в заседании именно как организация. На конгресс прибыло полтора десятка женщин, потребовавших аккредитации в качестве делегаток от «Мухерес Либрес» и формального признания их организации четвёртой ветвью либертарного движения.

Одной из них была Пура Перес Аркос из Валенсии: «Мы отчалили из порта Аликанте вечером 7 октября на маленьком английском судне. В группу входили женщины из Мадрида, Валенсии и разных областей Андалусии. Наша крохотная делегация была воодушевлена большими надеждами и ожиданиями, которые мы испытывали в отношении Конгресса... Плавать в такие дни было очень опасно, и мы все это знали. Порты бомбили каждую ночь, а мы были абсолютно нелегальными пассажирками на британском судне, которое должно

было проплыть мимо кораблей франкистов. Мы должны были прибыть на следующее утро, но, приближаясь к заливу, услышали взрывы — это фашисты бомбили порт. Капитан взял курс на север, и мы плыли в обход ещё один день и ночь и прибыли, наконец, в Барселону, обессиленные и голодные, утром 9-го. Мы были полны нетерпения и готовности отстаивать "Мухерес Либрес", но нас даже в зал не впустили!»[1]

Комитет по аккредитации делегатов, состоящий из секретарей трёх основных организаций, вынес вопрос об участии «Мухерес Либрес» на обсуждение всего конгресса. Интересно, что, помимо делегации от «Мухерес Либрес», был ещё один человек, запросивший участия в его заседании — Эмма Гольдман, официальная представительница НКТ в Лондоне, и, учитывая её особые заслуги, конгресс практически единогласно решил допустить её на обсуждения в качестве наблюдательницы. Однако вопрос с делегацией «Мухерес Либрес» решился не так быстро — после долгих дебатов было принято решение допустить её участие только в обсуждении непосредственно касающихся её вопросов. Поэтому, хотя некоторые делегатки, будучи одновременно членами других организаций, и смогли остаться на собрании, всё представительство «Мухерес Либрес» присутствовало только на восемнадцатом и девятнадцатом заседаниях конгресса 25 и 26 октября 1938 года — на обсуждении пятого пункта повестки: «Как содействовать работе вспомогательных организаций либертарного движения»[2].

Основу для своего участия в движении «Мухерес Либрес» пытались заложить и в предшествующие месяцы. В январе организация распространила документ под заголовком «Отдельные соображения Национального комитета "Мухерес Либрес" для соответствующего комитета НКТ о политической значимости "Мухерес Либрес"». В сентябре активистки разослали в национальный и полуостровной комитеты заявление на девяти

[1] Пура Перес Аркос, интервью, Уинсор, Онтарио, 16 декабря 1984 г.; и Нью-Йорк, 10 сентября 1989 г.; и Pura Pérez Arcos. Evocación de un viaje, неопубликованная рукопись, 1985 г.

[2] «Actas del Pleno Nacional de Regionales del Movimiento Libertario, CNT-FAI-FIJL (celebrado en Barcelona durante los días 16 y sucesivos del mes de octubre de 1938)», Барселона, 1938 г., 226 стр., машинописный текст. IISG/CNT: 92.A.3.; см. также José Peirats, *La CNT en la revolución española*, 3 vols. Paris: Ruedo Ibérico, 1971, III, 253.

страницах с перечнем своих достижений и особым упором на агитацию женщин в условиях соперничества с АА.

В докладе конгрессу «Мухерес Либрес» затронули отдельные трудности, с которыми сталкиваются женщины в Испании, и указали на необходимость противодействия «политическим» силам (то есть Коммунистической партии и АА) и важность отдельной либертарной организации для достижения этих целей. В своих заявлениях делегатки неоднократно подчёркивали как либертарный характер и взгляды своей организации, так и необходимость её автономии в контексте общего движения: «Единственным способом достичь целей обоих аспектов нашего движения — синдикалистского и анархистского — было сохранение автономии новой организации, что позволило бы нам работать с женским населением на свободной территории, заниматься идеологической и профессиональной кадровой подготовкой, предоставляя женщинам возможность... участвовать в практике самостоятельности, прививая им привычку изучать политические проблемы и противостоять им. Только... независимость [этой женской силы] обеспечивает возможность этой силы быть полезной в идеологическом или синдикалистском смысле... Вот почему "Мухерес Либрес" настаивают на том, ...чтобы быть политически автономным движением, защищающим свою способность определять собственные цели, в то время как Устав и Декларация принципов организации гарантировали её либертарную сущность»[1].

Однако делегаты не поняли настойчивого требования «Мухерес Либрес» о равноправном участии и автономии одновременно. Не способствовало восприятию аргументации делегаток остальными участниками конгресса и положение, в котором оказались «Мухерес Либрес»: формально они участвовали в съезде лишь как «вспомогательная» организация движения.

Сложившаяся ситуация серьёзно усложнила задачу «Мухерес Либрес», и это дало тем, кто выступал против наделения организации статусом равной и автономной, много возможностей для закулисных манёвров. И хотя делегатки представили убедительные и сильные аргументы в поддержку своих требований, в ходе дебатов они были практически проигнорированы.

---

[1] «Anexo al informe».

Собрание так и не рассмотрело запрос «Мухерес Либрес» по существу, потому что некоторые делегаты возразили, что вопроса о статусе организации не было в повестке дня, и поэтому, в соответствии с правилами организации, согласно которым делегаты могли голосовать только на основании поручений, полученных от назначавших их групп, ассамблея не была уполномочена принимать решение.

В итоге ассамблея отказалась голосовать по предложению «Мухерес Либрес», приняв вместо этого альтернативное предложение из двух частей. Раз делегаты не получили указаний от своих организаций, предложение должно быть оформлено и направлено во все национальные и региональные комитеты и обсуждаться на местном уровне, а поскольку «Мухерес Либрес» нуждались как в моральной, так и в финансовой поддержке, профсоюзы должны призвать состоящих в них женщин вступить в организацию и по мере возможности взять на себя обязательства по её финансовой поддержке. Несмотря на возражения «Мухерес Либрес» о том, что такое предложение ничего не решает, оно было принято единогласно[1].

Тем не менее «Мухерес Либрес» составили двухстраничный конспект своих доводов, включая формальный запрос на принятие в качестве четвёртой ветви либертарного движения, который был направлен в национальные и региональные комитеты вскоре после конгресса[2]. Но по причине быстрого ухудшения положения на войне пленарных заседаний больше не проводилось, и предложение так и не было поставлено на голосование. Мэри Нэш писала, что предложение «Мухерес Либрес» о признании «...было отклонено на том основании, что отдельная женская организация была бы источником разобщённости и неравенства в либертарном движении»[3]. Хотя вне зависимости от подковёрной борьбы предложение «Мухерес Либрес» формально отклонено не было.

Исследование обсуждения на конгрессе и документов, которые «Мухерес Либрес» разослали до и после него, во многом

---

[1] «Actas del Pleno Nacional de Regionales», 162, 163.

[2] «Dictamen que la Federación National Mujeres Libres elabora a petición del Pleno de Conjunto Libertario, para su discusión por la base de las tres organizaciones, FAI, CNT, FIJL», 2 стр., датировка отсутствует, IISG/CNT: 40. C.4.

[3] Nash, *«Mujeres Libres» Espana, 1936–1939*, 19.

иллюстрирует положение организации — как структурно, так и идеологически. В организационном плане «Мухерес Либрес» сравнивали себя с положением АА в других политических движениях и ИФЛМ в либертарном лагере, указывая на то, что ИФЛМ получала поддержку от НКТ и ФАИ, несмотря на то, что эта организация занималась «только» молодёжью, и утверждая, что «Мухерес Либрес» следовало бы оказать аналогичную поддержку и признать их достижения по мобилизации женщин. В идеологическом плане «Мухерес Либрес» настаивали на том, что либертариям необходимо было признать, что особые потребности женщин требуют особого идеологического и организационного внимания.

Аналогия с Либертарной молодёжью не пошла на пользу «Мухерес Либрес» — отчасти потому, что статус ИФЛМ также был неопределённым. В какой-то момент дискуссии делегаты утверждали, что, раз ИФЛМ является лишь вспомогательной организацией, то и «Мухерес Либрес» нужно отнести к этой же категории. Представители ИФЛМ выступили против такой формулировки, заметив, что они были приглашены на конгресс. И в ходе дебатов звучало, что присутствие ИФЛМ на съезде — свершившийся факт, а в случае с «Мухерес Либрес» «повторять ту же ошибку» оснований не было[1].

В результате ИФЛМ и «Мухерес Либрес» воспринимались совершенно по-разному: первые были приглашены как организация, её секретарь заседал среди трёх членов мандатной комиссии, а делегаты от неё участвовали во всех прениях с правом голоса. Кроме того, конгресс одобрил предложение о предоставлении ИФЛМ постоянной и значительной финансовой помощи. Следует отметить, что в ходе дебатов по этому предложению представители ИФЛМ возмущались недостаточным, по их мнению, признанием их автономии и достижений как организации. Тем не менее им удалось отстоять самостоятельность в определении цели и задач федерации и получить серьёзную финансовую и моральную поддержку, а также статус члена либертарного движения[2].

---

[1] «Actas del Pleno Nacional de Regionales», 158; также Juan García Oliver, *El eco de los pasos*, 128.

[2] «Actas», 210–213; «Dictamen que emite la ponencia nombrada para el estudio del cuarto punto del orden del día: "Forma de ayudar a las JJ.LL."», 2 стр., машинопись, Барселона, 27 октября 1938 г.; и CNT, AIT, Comité

У «Мухерес Либрес» такой поддержки не было. Одна за другой делегации говорили, что предоставить организации моральную и материальную поддержку можно, но наделять её статусом четвёртой равноправной участницы движения не следует.

В защиту такой позиции приводился целый ряд аргументов. Во-первых, анархизм и синдикализм не признают различий по половому признаку, и поэтому организация, ориентированная только на женщин, не может быть подлинно либертарной организацией. Во-вторых, «Мухерес Либрес» занимаются работой, которую должны были выполнять профсоюзы, и тем самым создают неразбериху, а в-третьих, «Мухерес Либрес» должны не действовать автономно, а работать в рамках профсоюзов и культурных центров.

Отвечая на эти выпады, «Мухерес Либрес» пытались возражать критикам. В своём первоначальном послании к конгрессу делегатки обращались к вопросу автономии, подчёркивая самобытность положения женщин в Испании и потребность в организации для ведения работы с ними, и показывали неспособность НКТ, ФАИ и ИФЛМ удовлетворить этот запрос. Выступающие от «Мухерес Либрес» выражали возмущение постоянными просьбами оправдываться и подтверждать серьёзность своих намерений. Они утверждали, что организация работает как в профсоюзах, так и вне их, и что *capacitación* и *captación* женщин требуют комплексного подхода, более вдумчивого, чем может обеспечить любая из существующих организаций. Кроме того, «Мухерес Либрес» представляли интересы и трудящихся женщин, например, борясь за равную оплату при равенстве усилий, а профсоюзы в достижении этой цели должного рвения не проявляли.

Докладчицы повторяли, что «Мухерес Либрес» не является сепаратистской организацией и выступает против попыток женщин организовать отдельные женские профсоюзы, утверждая, что женщинам следует присоединяться к мужчинам в существующих профсоюзных организациях. Наконец, они утверждали, что анархизм и синдикализм не являются исключительно мужской епархией: как *compañeras*, они имеют

Nacional, «Circular N° 35: A los Comité Locales y Comarcales», 3 стр., машинопись, Барселона, 11 ноября 1938, оба документа доступны в IISG/CNT: 92.A.3.

право — и обязанность — распространять либертарные идеи и практики: «Нельзя выступать против нашей самостоятельности на основании того, что анархизм не признаёт половых различий, потому что тогда было бы необходимым сделать заключение, что на текущий момент наши либертарные организации не заслуживают такого определения, потому что, по собственной воле или по необходимости, почти все их члены — мужчины!»[1]

Представляется, и это неоднократно подтверждалось интервью с участницами, что главная проблема была в автономии. Чтобы отказать «Мухерес Либрес» в признании, того, что это была организация *женщин*, было бы недостаточно. В конце концов, ИФЛМ была исключительно молодёжной организацией, а её женские отделы были созданы для ещё более узкой целевой аудитории — молодых женщин. В чём действительно «Мухерес Либрес» отличались от ИФЛМ, так это в настойчивом требовании автономии. Они требовали права определять свои приоритеты и намеревались проводить свои программы не только для мобилизации женщин [*captar*], но и для их просвещения и раскрепощения [*capacitar*]. Похоже, борьба «Мухерес Либрес» за автономию целеполагания и была «камнем преткновения» для других организаций движения.

Несмотря на разочарование решением Конгресса касательно их статуса как организации (точнее, отсутствия такового), «Мухерес Либрес» поймали делегатов на слове касательно финансовой и моральной поддержки. В последующие недели «Мухерес Либрес» вели переписку с региональными и национальным комитетами ФАИ и НКТ, напоминая им о принятых на собрании постановлениях и запрашивая финансовую помощь, и эти запросы имели определённый успех[2].

Ясно, однако, что даже после Конгресса и морально, и в денежном плане организация нуждалась в помощи. Например, в декабре 1938 года Министерство внутренних дел пыталось

---

[1] «Dictamen que la Federación Nacional 'Mujeres Libres' elabora», 1.

[2] Национальная федерация «Мухерес Либрес» Полуостровному комитету ФАИ, 12 ноября 1938 г. (и ответ), IISG/FAI: 48.C.l.a. Каталонский региональный комитет «Мухерес Либрес» Региональному комитету НКТ, 3 ноября 1938 г. и ответ (7 ноября 1938 г.), IISG/CNT: 40. C.4. Полуостровной комитет ФАИ, «Circular N° 51: A los Comités Regionales de la F.A.I», 3 стр., машинопись, Барселона, 25 ноября 1938 г., IISG/FAI: 29.E.1.

выселить «Мухерес Либрес» из здания на улице Пасео Пи-и-Маргаль в Барселоне, в котором размещался Дом рабочей женщины, и передать здание Банку Испании. После многократных, но безуспешных попыток отменить это решение «Мухерес Либрес» согласились переехать с условием, что министерство найдёт им подходящее здание на замену, однако власти проигнорировали это и отправили полицию выселять организацию, которая попросила помощи у барселонских ячеек ФАИ, НКТ и ИФЛМ.

Откликнулась ФАИ, организовавшая переговоры представительниц «Мухерес Либрес» и Банка Испании и призвавшая Федерику Монсень обратиться в МВД, что та и сделала. Представители ФАИ поддержали решение «Мухерес Либрес» остаться в здании и устроить пассивное сопротивление выселению до тех пор, пока не будет найдено подходящее помещение на замену[1]. Но от НКТ «Мухерес Либрес» поддержки практически не получили, по причине чего выразили возмущение позицией этой организации, назвав её «...весьма робкой и совсем не расположенной поддержать решительную позицию в нашу защиту»[2]. «Жаль, — писала Лусия в Национальный комитет НКТ, — что у вас, товарищи, всегда не хватало времени, чтобы ознакомиться с работой "Мухерес Либрес", и что результатом этого является низкий интерес, который вы проявляете в ответ на наши призывы».

Вскоре, хотя «Мухерес Либрес» по-прежнему было далеко до полного признания другими либертарными организациями, ситуация стала выправляться. Кончита Гильен упомянула одну трогательную деталь, которая может немного пролить свет на взаимоотношения «Мухерес Либрес» с другими организациями в последние дни войны: «В день эвакуации Барселоны [24 января 1939 года], когда фашисты были практически

---

[1] Жерминаль де Соуза, от имени Полуостровного комитета ФАИ, Национальному комитету «Мухерес Либрес», 20 декабря 1938 г. IISG/FAI 48.C.1.a.; и Mujeres Libres, Informe sobre los incidentes surgidos con motivo de la imposición del Ministero de Hacienda para que cedieramos el edificio del «Casa. de la Dona Treballadora» al Banco de España, Барселона, 20 декабря 1938 г., AHN/SGC-S, P.S. Barcelona: 1049.

[2] Лусия Санчес Саорниль Полуостровному комитету ФАИ, 21 декабря 1938 г., и Национальному комитету НКТ, Барселона, 20 декабря 1938 г., 3 стр., машинопись, IISG/FAI: 48.C.1.a.

у ворот, нас пригласили на собрание либертарного движения — НКТ, ФАИ, ИФЛМ и "Мухерес Либрес". Мы с Хасинтой Эскудеро участвовали как делегатки от Местной федерации последних. Это была особо важная встреча, потому что момент был решающий: мы должны были либо сопротивляться, либо уходить [из Барселоны]... Мы предоставили себя в распоряжение движения; нас поблагодарили, но сказали, что это будет напрасной жертвой, поскольку у них совсем не было сил, и нам следовало уходить как можно быстрее»[1].

Увы, первый раз, когда «Мухерес Либрес» были приглашены на собрание в качестве полноценного партнёра, стал и последним. Несмотря на это, Кончита ясно и ревностно хранит в памяти это событие — ведь им наконец-то предоставили статус равноправных участниц движения, за который они так долго сражались!

---

[1] Кончита Гильен, интервью, Монтади, 29 апреля 1988 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: СООБЩЕСТВО И РАСКРЕПОЩЕНИЕ ЖЕНЩИН

Можно очень долго говорить о том, что мы пережили,
и о приобретённом нами опыте.
Важнее всего не совершённая нами революция,
а борьба, которую мы вели после неё,
борьба каждого и каждой с самими собой и со всеми сразу,
без рупора и барабана[1].
Анна Дельсо

Будучи игнорируемы широкой общественностью и соратниками-либертариями, женщины из «Мухерес Либрес» были особенно заинтересованы в построении общества, которое бы по достоинству ценило разнообразие. Раскрепощение должно было свершиться в ходе борьбы за анархические идеалы — взаимодействие без иерархии, разнообразие без неравенства и индивидуальность наряду с общностью.

Как бы скоротечна ни была революция, в которой «Мухерес Либрес» сыграли столь важную роль, опыт участия в ней серьёзным образом повлиял на судьбы участвовавших в организации женщин. Даже через много лет они, на тот момент подростки или молодые девушки, едва перевалившие за двадцать, отмечали, что революция разительно изменила их жизнь. Энергия, энтузиазм и чувство личного и коллективного раскрепощения, которое они пережили, остались для них ориентирами, показывающими, какой может быть жизнь и чего могут достичь люди, если будут работать вместе, преисполненные решимости и надежд. Разговоры с участниками тех событий, женщинами и мужчинами, которые сохранили эти мечты даже после

---

[1] Анна Дельсо, письмо М. Акельсберг, приведено в «Предисловии» к Delso, *Trescientos hombres y yo: Estampa de una revolución*, Colección testimonies, 6 (Madrid: Fundación Anselmo Lorenzo, 1998), 31.

многих лет изгнания или репрессий, стали самым приятным моментом этого исследования. Разумеется, одной из причин этого стала всамделишность перемен в их обычной жизни — ведь социальная революция была не просто их мечтой или надеждой, они пережили это на самом деле[1].

Целью этой работы было исследование значения деятельности «Мухерес Либрес» в решении животрепещущих проблем, стоящих перед современными феминистками и социальными активистками. Речь идёт о вопросах освобождения, понимания ценности разнообразия, а также значения и природы политического и общественного участия. Женщины из «Мухерес Либрес» обращались к вопросам различия женщин и мужчин в контексте рабочего движения. Современные феминистки и сторонники демократии прямого участия стремятся к созданию общества, которое наряду с гендерным аспектом учитывало бы и классовые различия, и расово-этнические группы, и сексуальную ориентацию, и возраст, и даже физические возможности. Однако для понимания раскрепощения и значимости различий, для изменения сознания и отношений между индивидами и сообществами будет полезен именно опыт «Мухерес Либрес».

«Не трусихи делают историю»: наследие раскрепощения

«Вы живёте в городке, где женщинам отведены задворки, где они посвящают себя исключительно работе по дому и уходу за детьми? Несомненно, вы много раз с некоторым отвращением думали об этом, и когда вы замечали ту свободу, которой пользуются ваши братья или мужчины в вашем доме, вы всем естеством ощущали невзгоды женского бытия... Поэтому "Мухерес Либрес" выступают против всего, что вам довелось перенести. Мы хотим, чтобы у вас была та же свобода, что и у ваших братьев... мы хотим, чтобы ваш голос был услышан и был настолько же весомым, что и голос вашего отца. Мы хотим, чтобы вы обрели желанную независимость... Но знайте: всё это потребует ваших усилий. Чтобы добиться этого, вам нужна

[1] Martha A. Ackelsberg. Revolution and Community: Politicization, Depoliticization, and Perceptions of Change in Civil War Spain. In: *Women Living Change*, ed. Susan C. Bourque and Donna R. Divine. Philadelphia: Temple University Press, 1985, 85–115.

поддержка. Вам нужны те, кто озабочен теми же проблемами, что и вы, вы должны помогать им, а они помогут вам. Одним словом, вы должны бороться сообща»[1].

И феминистки, и коммуналисты признают, что изолированным индивидам сложно почувствовать себя сильными и влиятельными. Как писала Мардж Пирси, «...сильными друг друга делаем мы. До тех пор, пока мы все не станем сильными вместе, сильная женщина — это женщина, которая сильно боится»[2]. Развивая чувство единения с другими, угнетённые люди зачастую превозмогают чувство бессилия, способное тормозить социальные перемены.

Будучи обязанными своим происхождением коммуналистской анархической традиции, «Мухерес Либрес» настаивали на том, что процесс индивидуального раскрепощения является в своей основе коллективным. Как и современные феминистки, «Мухерес Либрес» признавали, что люди не существуют в изоляции — они живут в семьях и сообществах, и их самоощущение берёт своё начало в их отношениях с другими участниками этих сообществ. Подлинно равные сообщества уважают разнообразие и индивидуальность своих участников, и только живя и работая в таких сообществах, мы можем полностью прийти к осознанию собственной силы и способностей.

Причиной основания «Мухерес Либрес» стало то, что раскрепоститься в существующих организациях анархистского и анархо-синдикалистского движений Испании сумело слишком мало женщин. Организация хотела стать «сообществом для раскрепощения» женщин из рабочего класса и в то же время организационным окружением для раскрепощения женщин в либертарном движении в целом.

Вне всяких сомнений, «Мухерес Либрес» внесли свой вклад в освобождение многих своих участниц — и тех, кто прежде мало участвовал в анархистском и анархо-синдикалистском движении, и активисток этих движений. Каждая из них переживала беспокойство от членства в группе женщин, полагавшихся только на себя, и при этом гордилась им. Чувство общности,

---

[1] Comité Nacional, Mujeres Libres. *Como organizar una agrupación Mujeres Libres*. Barcelona: Mujeres Libres, [1938?].

[2] Marge Piercy. For Strong Women. In: *The Moon Is Always Female*. New York: Knopf, 1980, 57.

которое они годами развивали и разделяли с другими, изменило их. Получив возможность жить, планировать и организовывать новые сферы общественной жизни, они пришли к осознанию того, сколь широки их собственные способности, и это новое самоощущение в первую очередь подтверждали их соратницы, а тесные связи с другими испанскими либертариями в послевоенные годы помогли им сохранить не только память о свершённых делах, но и понять, как изменились они сами.

То, как пережитое повлияло на каждую из этих женщин, во многом зависело от их личности и социально-политических условий, в которых они находились или создали для себя[1]. Путь к свободе, пройденный каждой из них, был связан не только с их личными достижениями, но, что более важно, с сообществом активистов обоего пола, в котором они жили и работали — как во время революции, так и в годы изгнания и репрессий, последовавших за ними.

Это едва ли можно назвать открытием — современные теоретикессы феминизма особо подчёркивают важность женских взаимоотношений. Некоторые из них утверждают, что женское сообщество оказывает существенную поддержку женщинам в семьях, на работе и в общинах и позволяет им участвовать в том, что повсеместно считается «политической деятельностью»[2]. Другие обращают внимание на то, как положение женщин среди друзей, в семье и коллективе, а также их собственное отношение к социальным институтам определяет самоощущение женщины в мире — в той мере, в какой женщины могут установить моральные принципы и критерии для действий, которые существенно отличаются от господствующих, т. е. определённых мужчинами, норм[3].

---

[1] Martha Ackelsberg. Mujeres Libres: The Preservation of Memory Under the Politics of Repression in Spain. In: *International Yearbook of Oral History and Life Stories*, Vol. I (Memory and Totalitarianism), special editor Luisa Passerini. Oxford: Oxford University Press, 1992, 125–143.

[2] См., например, эссе в сборнике Ann Bookman and Sandra Morgen, eds. *Women and the Politics of Empowerment.*

[3] Carol Gilligan. *In a Different Voice*. Sara Ruddick. Maternal Thinking. In: *Feminist Studies*, 1980, 6 (3), 342–367. *Maternal Thinking: Toward a Politics of Peace.* Boston: Beacon Press, 1989. Sue J.M. Freeman. Women's Moral Dilemmas: In Pursuit of Integrity. In: *Women Living Change*, ed. Bourque and Divine, 217–254. M. Brinton Lykes. Gender and Individualistic vs. Collectivist

Внимание к среде, квинтэссенция того, что мы можем назвать «феминистским мировоззрением»[1], также была важной составляющей установок испанского анархизма. Многие программы «Мухерес Либрес» включали мощный компонент «пробуждения самосознания», что позволяло участницам сопоставить свой опыт с социальным контекстом и солидаризироваться с другими людьми на основании общего восприятия. Как и в современных группах роста самосознания, берущих своё начало с истоков современного женского движения в США, моменты осознания, испытываемые отдельной женщиной, воодушевляли её, поскольку подтверждались опытом других.

Группы роста самосознания, конечно, не единственная среда, в которой происходят перемены в сознании. Как утверждал Маркс, сознание изменяется в борьбе и через борьбу. Традиционно марксисты трактуют это утверждение так: истинно революционное (читай, классовое) сознание рождается из конфликта на рабочем месте, когда рабочие приходят к осознанию себя как участников общей борьбы против буржуазии. Испанские анархисты критиковали экономическую монокаузальность такого анализа, делая акцент на борьбе и деятельности как основных двигателях развития радикального сознания. Упомянутые во второй главе всеобщие забастовки в сельской Андалусии и промышленной Барселоне доказали, что осознание угнетения может брать начало из разных форм опыта, в различной обстановке, и что внутриобщинные связи могут быть столь же важны для перемены в сознании, как и совместная борьба на предприятии. Учебные заведения на базе *ateneos* и рационалистические школы также предоставляли пространства, в которых люди

Bases for Notions about the Self. In: *Journal of Personality,* 1985, 53 (2), 358–383.

[1] Shirley Ardener. «Introduction» to *Perceiving Women*. New York: Wiley, 1974. Susan C. Bourque and Donna R. Divine. Introduction: Women and Social Change. In: *Women Living Change*, 1–21. Irene Diamond and Lee Quinby. American Feminism and the Language of Control. In: *Feminism and Foucault: Reflections on Resistance*, ed. Irene Diamond and Lee Quinby. Boston: Northeastern University Press, 1988, 193–206. Nancy Hartsock. *Money, Sex, and Power*. New York: Longman, 1983, особенно гл. 10. T. Drorah Setel. Feminist Insights and the Question of Method. In: *Feminist Perspectives on Biblical Scholarship*, ed. Adela Yarbro Collins. Chico, Ca.: Scholars Press, 1985, 35–42. Mary G. Dietz. Context Is All: Feminism and Theories of Citizenship. In: *Daedalus* (осень 1987 г.), 1–24.

могли испытать новые культурные представления, новые представления о себе и новое отношение к миру.

Испанские анархисты понимали, что радикализация рождается в действии, и «Мухерес Либрес» следовали этому убеждению. Люди разрывают традиционные шаблоны и развивают новые самоощущения, выбирая роли и посягая на масштабы, прежде им недоступные. Когда кто-то выходит за границы того, что считается соответствующим поведением, делая это при поддержке группы, возникающее воодушевление может вообше поставить под сомнение уместность таких границ.

Женщины, которые участвовали во всеобщих забастовках и барселонской «женской войне» в первой четверти прошлого века, например, выходили из своих кварталов на протесты против высоких цен на продовольствие не обязательно потому, что они оспаривали привычное представление о «месте женщины». Однако их выход из своих районов на новый уровень сражений открыл им новые перспективы и обеспечил основу для развития критического сознания.

Женщины, которые во время Гражданской войны в Испании пошли работать на фабрики, делали это не для того, чтобы бросить вызов разделению труда по половому признаку, а потому, что им нужен был заработок для содержания семей, пока их мужья, братья и отцы были на войне, и потому, что кто-то должен был выполнять их работу. Но труд и общение с товарищками, оказавшимися в аналогичных обстоятельствах, радикализировал — и их, и женщин, которые вступили в борьбу в соседских кварталах. И даже если они присоединялись к протестам сообразно традиционной роли женщины, то есть ради защиты своей семьи, их политизировал уже один процесс участия в такой деятельности[1].

---

[1] Martha Ackelsberg and Myrna Breitbart. Terrains of Protest: Striking City Women. In: *Our Generation*, 1988, 19 (1), особенно сс. 165–175. Ronald Lawson, Stephen E. Barton and Jenna Weissman Joselit. From Kitchen to Storefront: Women in the Tenant Movement. In: *New Space for Women*, ed. Gerda R. Wekerle, Rebecca Peterson, and David Morley. Boulder, Colo.: Westview Press, 1980, 255–271. Paula Hyman. Immigrant Women and Consumer Protest: The New York City Kosher Meat Boycott of 1902. In: *American Jewish History*, 1978, 70, 91–105. Wendy Luttrell. The Edison School Struggle. In: *Women and the Politics of Empowerment*, ed. Bookman and Morgen, 136–156. Sandra Morgen. It's the Whole Power of the City against Us, там же, 97–115. Manuel Castells. *The City and the Grassroots: A Cross-Cultural Theory of Urban Social Movements*. Berkeley: University of California Press, 1983.

Становление «критического сознания» — это активный процесс, который включает в себя как участие в борьбе за изменение существующего порядка, так и планирование этих перемен. Коллективное противостояние власти и создание новых общественно-политических реалий на обломках существующего строя меняет сознание и побуждает к последующим действиям — прежде всего сопротивлению[1]. И здесь на первом месте противостояние *коллективное:* радикализация требует или по крайней мере расширяется за счёт других людей, с которыми человека объединяет общий опыт и которые затем будут и дальше подтверждать новое самоощущение, хотя, конечно, к радикализации в прогрессивном смысле ведёт не всякий опыт общности[2]. Именно такое сообщество предлагали «Мухерес Либрес» своим участницам, и именно это ощущение общности между участницами нынешних женских движений, равно как и теми, кто относился к «первой волне», является для пробуждения феминистского самосознания ключевым.

Переживание роста самосознания и свободы посредством общего опыта — не единственная параллель между современным феминизмом и «Мухерес Либрес». Другой стороной признания важности сообщества является упор на то, что стратегию преодоления деспотизма можно выстраивать только на базе семейных, трудовых и других отношений. Феминистская теория и практика ясно заявляют, что «социальным клеем», скрепляющим многие общества, является не формальная структура власти, а, скорее, модели человеческих отношений, которые коренятся в общих потребностях. Сообщества — и даже политические движения — успешны не из-за иерархичной подчинённости, но благодаря группам людей, строящим повседневные связи, которые и поддерживают существование сообщества[3]. Аффинити-группы ФАИ, *ateneos*, *agrupaciones*,

[1] Ackelsberg and Breitbart, Terrains of Protest, 172.

[2] См., например, Andrea Dworkin, *Right Wing Women* (New York: Coward, McCann and Geoghegan, 1982); Kathleen McCourt, *Working-Class Women and Grassroots Politics* (Bloomington: Indiana University Press, 1977); Faye Ginsburg, *Contested Lives: The Abortion Debate in an American Community* (Berkeley: University of California Press, 1989).

[3] Temma Kaplan. Class Consciousness and Community in Nineteenth-Century Andalusia. In: *Political Power and Social Theory,* 1981, 2, 21–57. Carol Stack. *All Our Kin: Strategies for Survival in a Black Community.* New York:

в которых формировались «Мухерес Либрес», были коллективами с относительным равенством, где все могли ощущать себя частью сообщества. Всякую группу и её участников поддерживали межличностные связи, на которых основывалась эта группа, развивавшая эти связи. Акцент феминистской теории на важность взаимной поддержки поразительно похож на постулат испанских анархистов о том, что идеальное общество должно основываться и управляться на взаимных и обоюдно выгодных началах, а не на иерархии и доминировании.

Тем не менее женщины из «Мухерес Либрес» осознавали неоднозначность природы сообществ. В частности, те из них, которые игнорируют или отрицают различия, несмотря на своё показное стремление к равенству, могут закреплять иерархичность и превосходство. Критика «Мухерес Либрес» неспособности анархистских организаций адекватно разрешить вопрос женской самобытности точь-в-точь напоминает критику трудящихся женщин и представительниц этнических меньшинств в отношении феминистского движения в США. Определённо, связи являются жизненно важными для создания и функционирования сообществ, но для того, чтобы они были действительно основаны на равенстве и могли что-то менять, в них должны входить и те, кто подчинял, и те, кто подчинялся, то есть представители как меньшинства, так и большинства.

Таким образом, в конечном итоге ещё одним проявлением анархистского и феминистского интереса к сообществу как к среде для раскрепощения является упор на взаимосвязь между сообществом и личностью. Как заметил однажды Мартин Бубер, человеку нужно «...воспринимать своё жилище как комнату, являющуюся частью более крупной универсальной структуры, в которой он чувствует себя дома, ощущать, что другие обитатели этой структуры, с которыми он живёт и работает, признают и подтверждают его индивидуальное бытие»[1]. Для Бубера смысл настоящего сообщества заключается в усилении личности, которое становится результатом

Harper and Row, 1974. Shulamit Reinharz. Women as Competent Community Builders: The Other Side of the Coin. In: *Social and Psychological Problems of Women: Prevention and Crisis Intervention*, ed. Annette U. Rickel, Meg Gerrard and Ira Iscoe. Washington, D.C.: Hemisphere, 1984, 19–43.

[1] Martin Buber. *Paths in Utopia*, trans. R.F.C. Hull. Boston: Beacon Press, 1958, 140.

активного участия в сообществе единомышленников. Испанские анархисты утверждали, что личность и община усиливают друг друга, и «Мухерес Либрес» опирались на эту идею. Опыт личного и коллективного освобождения, уходящий корнями в общность взглядов, был ключевой стороной революционного преобразования, что, в свою очередь, требовало, чтобы сообщество уважало и ценило различия своих участниц.

Различия, разнообразие и сообщество

Хотя «Мухерес Либрес» понимали раскрепощение как коллективный акт, они признавали, что ему способствуют не все сообщества. Например, те, что основаны на иерархии по классовому, расовому и гендерному признакам, дают шанс одним, но забирают его у других. Таким образом, ещё одно наследие «Мухерес Либрес» — это их усилия, направленные на построение сообщества, которое благодаря вниманию к гендеру полностью учитывало бы *всех* своих членов, в данном случае уважая и сходства, и различия между мужчинами и женщинами.

Организация требовала признавать и уважать различия и женщин, и мужчин. Они настаивали на том, чтобы анархистское движение и новое общество, которое оно пыталось построить, *относилось к женщинам как к равным мужчинам, но при этом учитывало отличия одних от других*. Относительно этих различий и их первопричин между участницами «Мухерес Либрес» согласие было не всегда, но все они настаивали на том, что женщин нужно принимать с учётом их особенностей и учитывать их жизненную ситуацию, но не требовать её обязательной неизменности, позволять женщинам привносить своё видение движения и нового общества и даже поддерживать их в этом.

Их практика в значительной степени соответствует тому, что делают нынешние феминистки, и предлагает определённые решения некоторых наиболее животрепещущих из стоящих перед ними проблем. Это и пути признания различий как между мужчинами и женщинами, так и классовых, этнических и культурных различий между женщинами, и роль, которую эти различия должны играть, если признаются и называются, и способы их вовлечения в деятельность организации, и понимание того, как построить общество, которое ценит разные

группы людей с разными потребностями, но не принимает интересы и особенности некоторых как норму для всех.

Раз женщины отличаются, женская политика тоже другая?

То, как люди оценивают формы политического поведения и чего они от этих форм ожидают, влияет на то, как они понимают политику вообще, что считают политической деятельностью и протестом, влияет на политические программы и принципы. В этой сфере отличие женщин от мужчин используется как для оправдания вторых в узурпации главенствующего положения в политике и обществе, так и для обвинения в этом первых[1]. Профсоюзы и политические партии строят свои программы на основании критериев, устанавливаемых мужчинами, пренебрегая ключевыми для женщин проблемами — отпусками по уходу за детьми, равенством оплаты труда и т.д., и уделяют мало внимания привлечению женщин под свои знамёна. Кроме того, они склонны игнорировать, высмеивать или отрицать политическую значимость акций протеста, которые организовывают женщины — вне зависимости от того, в чьих интересах они организуют эти акции. Как следствие, женщины редко считают себя и тем более воспринимаются другими как опытные политикессы, способные решать общие проблемы[2].

---

[1] Симона де Бовуар. Второй пол. М.: Азбука, 2018. По вопросу непризнания женщин «политическими» существами см. Susan C. Bourque and Jean Grossholtz, Politics as Unnatural Practice: Political Science Looks at Women's Participation, in *Politics and Society*, 1974, 4 (2), 225–256; Jean B. Elshtain, Moral Woman and Immoral Man: A Consideration of the Public-Private Split and Its Ramifications, in *Politics and Society*, 1974, 4 (2), 453–473; и мою статью «Communities, Resistance, and Women's Activism: Some Implications for a Democratic Polity» в книге *Women and the Politics of Empowerment*, ed. Bookman and Morgen, особенно с. 301.

[2] См., например, Bookman and Morgen, eds., *Women and the Politics of Empowerment*, особенно эссе Сакс, Морген, Костелло, Завелла и Сассер; Mary Fainsod Katzenstein and Carol McClurg Mueller, eds., *The Women's Movements of the United States and Western Europe: Consciousness, Political Opportunity, and Public Policy* (Philadelphia: Temple University Press, 1987); Judith Friedlander, Blanche Wiesen Cook, Alice Kessler-Harris, and Carroll Smith-Rosenberg, eds., *Women in Culture and Politics* (Bloomington: Indiana University Press, 1986); Patricia Caplan and Janet M. Bujra, eds., *Women United, Women Divided: Cross-Cultural Perspectives on Female Solidarity* (London: Tavistock, 1978).

Опыт женского участия в испанском анархистском и анархо-синдикалистском движении отчасти показал, как такое восприятие ограничивало деятельность женщин в движении. Активно появляющаяся литература о женщинах в общественных протестных движениях, особенно в социалистических организациях, демонстрирует со всей очевидностью, что испанские анархистки не были одиноки в своём разочаровании.

В Западной Европе и США среди социально-политических структур преобладают партии и местные профсоюзы, которые за редким исключением призлекают к своей деятельности преимущественно мужчин. Они попросту не брали в расчёт женщин, на протяжении позапрошлого и значительной части прошлого столетий лишённых права голоса на том единственном основании, что с обретением избирательного права они утратят женственность — за исключением организаций, выступавших за предоставление им такого права[1]. Профосоюзы принимали женщин или учитывали их интересы на переговорах с собственниками и руководством предприятий очень редко, хотя с началом двадцатого века число женщин среди трудящихся постоянно росло. Господствующая гендерная идеология представляла работу как мужское дело, и всякая женщина, работающая за деньги, воспринималась как некоторое отклонение от нормы. Женщины, кажется, вообще не присутствовали в сознании партий и профсоюзов, кроме тех организаций, которые вдохновлялись традициями прямого действия — например, ИРМ в США[2] (но только не НКТ в Испании: здесь в начале минувшего века работающих женщин воспринимала всерьёз разве что католическая церковь, которая единственная вела реальную борьбу за их сплочение).

Социализм и феминизм возникли в Западной Европе более или менее одновременно, и причиной этого стали похожие экономические и культурные процессы — обещание свободы и всеобщей гражданственности, данное Великой французской революцией, и подаренные революцией промышленной

---

[1] Избирательное право женщинам было предоставлено: в Англии — в 1918 г., в США — в 1920 г., в Испании — в 1931 г. и во Франции — в 1944 г.

[2] По теме ИРМ см. Ardis Cameron, Bread and Roses Revisited: Women's Culture and Working-Class Activism in the Lawrence Strike of 1912, in *Women, Work, and Protest: A Century of U.S. Women's Labor History*, ed. Ruth Milkman (Boston: Routledge and Kegan Paul, 1985), 42–61.

надежды на изобилие и экономический рост. Оба эти движения выдвинули на передний план противоречия этих революций и демократических политических режимов, которые боролись за существование на протяжении девятнадцатого века. Социалисты оспаривали прописанную в демократических конституциях защиту частной собственности и порождаемую ею пародию на всеобщее избирательное право, феминистки также акцентировали внимание на противоречиях между теорией и практикой: «Декларация прав человека и гражданина не исключила женщин из общественной и политической сферы, она поспособствовала гораздо худшему — закрепила их отсутствие в этих сферах»[1]. В такой обстановке феминистки и социалисты могли бы стать союзниками, вступив в борьбу против ограниченного принципа гражданственности, который не признаёт классовых и половых различий и тем самым покрывает и укрепляет подчинение.

На самом деле социалисты и феминистки в Европе зачастую действительно боролись за общее дело, но, как заметила Барбара Тейлор в книге «Ева и Новый Иерусалим» («Eve and the New Jerusalem»), «...радикализм по вопросу равенства полов, который был отличительным признаком британского утопического социализма начала девятнадцатого века, с развитием социализма марксистского, научного, выдвигавшего на передний план в качестве основной категории для изучения класс, был утрачен. Организованный феминизм всё чаще рассматривался не как неотъемлемый компонент социалистической борьбы, а как отвлекающая разобщающая сила, лишённая связи с социалистической традицией»[2].

Социализм утратил свою феминистскую составляющую, а массовый феминизм лишился своей заинтересованности в классе и «коллективизме», что подготовило почву для либерального

---

[1] Genevieve Fraisse. Natural Law and the Origins of Nineteenth-Century Feminist Thought in France. In: *Women in Culture and Politics*, ed. Friedlander et al., 322. См. также Joan Landes, *Women and the Public Sphere in the Age of the French Revolution* (Ithaca: Cornell University Press, 1989); Françoise Picq, «Bourgeois Feminism» in France: A Theory Developed by Socialist Women before World War I, in *Women in Culture and Politics*, ed. Friedlander et al., особенно сс. 332–335; и Charles Sowerwine, *Sisters or Citizens? Women and Socialism in France since 1876* (Cambridge: Cambridge University Press, 1982), 1–2.

[2] Barbara Taylor, *Eve and the New Jerusalem*, xvi.

индивидуалистического феминизма, сосредоточенного на борьбе за равные права, ставшего сегодня преобладающим течением феминизма — по крайней мере в США[1], а также в Великобритании, где наблюдается похожая картина. Во Франции, в Италии и даже в СССР, равно как и в Испании, оппозиционные левые группы и даже партии оказались перед выбором принципа, на котором должна быть основана их деятельность — на гендерном или классовом, и женщины в европейских социалистических движениях не раз были вынуждены выбирать между социализмом, который воспринимался как верность рабочему классу, и феминизмом, то есть межклассовой женской солидарностью.

Социалистки всей Европы критиковали этот раскол и пытались построить социалистический феминизм, который признавал бы своеобразие женщин *внутри* рабочего класса. Они призывали социалистические движения признать женщин *с учётом* их гендерных отличий, но по большей части безуспешно[2]. Вынужденные выбирать между верностью классу или полу, большинство этих точно не сочувствовавших буржуазным феминисткам женщин, политическая идентичность которых формировалась в социалистических организациях, ощущали, что у них нет иного выбора, кроме как «выбрать социализм» и по сути отказаться от попыток обратиться к трудящимся женщинам с учётом их специфики.

Различные трактовки особенности женщин вместе с гендерно-дифференцированным пониманием политики и протеста

---

[1] Однако см. также Ruth Smith and Deborah Valenze, Marginality and Mutuality: Liberal Moral Theory and Working-Class Women in Nineteenth Century England, in *Signs*, 1988, 13 (2), 277–298; и Ruth Smith, Moral Transcendence and Moral Space in the Historical Experiences of Women, in *Journal of Feminist Studies in Religion*, 1988, 4 (2), 21–37.

[2] Marilyn J. Boxer. Socialism Faces Feminism: The Failure of Synthesis in France, 1879–1914. In: *Socialist Women: European Socialist Feminism in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries*, ed. Marilyn J. Boxer and Jean H. Quataert. New York: Elsevier, 1978, 75–111. Marilyn J. Boxer. When Radical and Socialist Feminism Were Joined: The Extraordinary Failure of Madeleine Peletier. In: *European Women on the Left*, ed. Jane Slaughter and Robert Kern. Westport, Conn.: Greenwood, 1979, 51–73. Claire LaVigna. The Marxist Ambivalence toward Women: Between Socialism and Feminism in the Italian Socialist Party. In: *Socialist Women*, ed. Boxer and Quataert, 146–181. Beverly Tanner Springer. Anna Kuliscioff: Russian Revolutionist, Italian Feminist. In: *European Women on the Left*, ed. Slaughter and Kern, 13–27.

в совокупности создали ситуацию, при которой и партии, и профсоюзы (даже те, что выступали за коренные общественные преобразования) однобоко толковали приоритет проблемных вопросов и способов мобилизации людей на их решение. Это либо начисто отрицало какие-либо различия между мужчинами и женщинами, а значит, и необходимость обращаться к трудящимся женщинам как-то по-особенному, либо выставляло женщин в невыгодном по сравнению с мужчинами свете, так что, казалось, им не было места в партиях и профсоюзах.

Эта модель «вынужденного выбора» работает и по сей день. Например, Ясмин Эргас в своём исследовании, посвящённом женщинам в итальянском левом движении послевоенной поры, заметила, что женщины сталкивались с «...биполярным процессом самоутверждения [находясь между двумя взаимоисключающими категориями «женщина-мать» и «женщина-трудящаяся»], основанном на выборе между самобытностью и маргинальностью с одной стороны, и задействованностью и ассимиляцией с другой»[1].

Подходы в разных случаях могли различаться, но последствия всегда были схожи. В начале прошлого века женщины были представлены в организованных социальных движениях Западной Европы совершенно недостаточно, а те из них, кто всё-таки в них участвовал, вели за внимание к своим потребностям борьбу, заведомо обречённую на проигрыш. Хотя социалистические партии и организации признавали, что в господствующих политических представлениях содержатся предубеждения против рабочего класса, они не смогли разглядеть такой же социальный конструкт в собственном представлении о женщинах. Отличие женщины от мужчины было закодировано и в программах социалистических оппозиционных групп, и в политических курсах капиталистических режимов, которым они противостояли.

Как было отмечено выше, зашоренными были в равной мере многие феминистские движения. Например, практически

---

[1] Jasmine Ergas. Convergencies and Tensions between Collective Identity and Social Citizenship Rights: Italian Women in the Seventies. In: *Women in Culture and Politics*, ed. Friedlander et al., 303. См. также Ergas, 1968–1979 – Feminism and the Italian Party System: Women's Politics in a Decade of Turmoil, in *Comparative Politics*, 1982, 14, 253–280; и Ethel Klein, The Diffusion of Consciousness in the United States and Western Europe, in *The Women's Movements*, ed. Katzenstein and Mueller, 41–42.

все феминистские организации в Англии, за исключением рабочих-суфражисток, в своей критике мужской иерархии игнорировали классовый вопрос[1]. Именно по этой причине «Мухерес Либрес» отказывались называть себя «феминистками».

Есть ещё один аспект, с учётом изоляции женщин от большой политики наглядно демонстрирующий, как гендерные различия вписываются в господствующие представления о «политическом». И революционные активисты, и исследователи социальных движений часто отказываются признавать вклад женщин, если он не соответствует общепринятому курсу, а он не соответствует ему очень часто. Женщины с гораздо меньшей вероятностью, чем мужчины, займут руководящие посты в профсоюзных движениях, особенно в смешанных трудовых коллективах. Женская деятельность, в отличие от мужской, обычно сосредоточена на вопросах качества жизни — в центре её внимания человек, а не его рабочее место, да и вообще она чаще проявляется там, где дом, работа и общество пересекаются. Кроме того, что представляется более важным, она часто принимает формы, которые с точки зрения общепринятых стандартов выглядят «стихийными», «незапланированными» или «неорганизованными»[2].

На практике формирование социального истолкования гендерных различий создаёт различные контексты для женской организаторской и протестной работы. Как заметили Фрэнсис Фокс Пивен и Ричард Кловард, люди протестуют в тех условиях и теми способами, которые им доступны[3]. Поскольку половое разделение труда и другие организованные формы угнетения формируют женский образ жизни непохожим на мужской, будут

[1] Jill Liddington and Jill Norris. *One Hand Tied Behind Us: The Rise of the Woman's Suffrage Movement*. London: Virgo, 1978.

[2] Temma Kaplan, Female Consciousness and Collective Action. Darlene Gay Levy, Harriet Branson Applewhite and Mary Durham Johnson. *Women in Revolutionary Paris, 1789–1795*. Urbana: University of Illinois Press, 1979, особенно сс. 3–12.

[3] Piven and Cloward. The Social Structuring of Political Protest. In: *Poor People's Movements*. New York: Pantheon, 1977. Piven. Hidden Protest: The Channeling of Female Innovation and Resistance. In: *Signs*, 1979, 4 (4), с. 651 и последующие страницы. См. также Herbert Gutman, *Work, Culture, and Society in Industrializing America: Essays in American Working-Class and Social History* (New York: Knopf, 1976).

различными и ситуации, в которых они угнетаются и противостоят этому. Даже состоящие в профсоюзах женщины могут не иметь всей полноты поддержки от своей организации из-за специфики их жизненной ситуации. Например, женщины могут быть неспособны полноценно участвовать в профсоюзных собраниях просто из-за того, что будут нести основное бремя ответственности по дому и уходу за детьми.

Поэтому не должен стать удивительным открытием факт различий в формах женского и мужского сопротивления. Зачастую они зависят не столько от работы и официальных организаций, сколько от друзей, семьи или коллег. Для женского протеста в гораздо большей степени, чем для мужского, характерно прямое действие, направленное не только на мобилизацию и рост сознательности участниц, но и на протесты против власть имущих. Опыт участия в акциях в сферах жизни, ранее относимых к «частным» или «личным», может иметь большое радикализирующее воздействие. Согласно марксистской теории, мужчины скорее придут к классовому сознанию в ходе участия в организациях по месту работы, например, в профсоюзах, тогда как истоки изменений в сознании у женщин могут быть совершенно иными. Как сказано в нашей совместной с Мирной Брейтбарт работе, «...местные общины, как и рабочие места, не являются ни широкими плацдармами господства, ни колыбелями революции... но в них могут таиться возможности для освободительной борьбы»[1].

Формально структурированные организации, особенно иерархично устроенные, прежде всего профсоюзы и партии, считаются политическими. Формы протеста с более свободной формой организации и организованные без иерархических систем — вроде продовольственных бунтов, забастовок квартиросъёмщиков, демонстраций за мир и публичного посрамления — преобладающие среди женщин, зачастую отвергаются как неполитические. Как отмечают Жаклин Доуд Холл и Нэнси Хьюитт в своём исследовании протестов трудящихся женщин в Северной Каролине и Флориде в начале века, чем действенней становились протесты женщин, тем больше их парадоксальным образом клеймили как «неорганизованные», а их участниц и их действия считали никчёмными.

---

[1] Ackelsberg and Breitbart, *Terrains of Protest*, 174.

Это навешивание ярлыков представляется следствием ряда причин. Во-первых, легитимность организаций, устроенных не в соответствии с нормой, априори отрицается — ведь истинно политические организации формализованы, а временные организации не заслуживают такого звания. Во-вторых, это может быть и отражением попытки приуменьшить и обесценить действия женщин, которые бросают вызов мужскому доминированию[1].

Один из способов осуществить последнее — это использовать сексуальность, чтобы заклеймить и ослабить деятельность протестующих женщин. С одной стороны, женщины, претендующие на те же привилегии сексуальной свободы, что и мужчины, зачастую становятся мишенью для насмешек, призванных отрицать серьёзность их действий. Однако зачастую даже те женщины, которые не ставят сексуальную свободу во главу угла, часто обнаруживают, что их характеризуют в соответствии с их сексуальностью. Так, и Нэнси Хьюитт, и Жаклин Холл отмечают, что в южных штатах радикальные профсоюзные активистки часто сталкивались с сексуализированными выпадами и оскорбительными обращениями не только со стороны начальства, но даже со стороны мужчин из профсоюзов, которые явно были недовольны их независимостью и автономией. Это напоминает то, как участниц «Мухерес Либрес» дразнили прозвищем «женщины-зайчихи».

В таких случаях гендер снова становится составной частью того, что считается политическим — женщины сами по себе не могут быть политическими существами. При этом подобное отделение сексуальности от индивидуальности от мужчин не требуется — напротив, зачастую политических активистов-мужчин описывают, подчёркивая их маскулинность как составную часть их «политичности» — так, как себя описывают они сами. Разумеется, свободно выражать свою сексуальность

---

[1] Jacquelyn Dowd Hall. Disorderly Women: Gender and Labor Militancy in the Appalachian South. In: *Journal of American History* (сентябрь 1986 г.), 354–382. Круглый стол с участием Жаклин Холл, Нэнси Хьюитт, Ардис Кэмерон и Марты Акельсберг «Беспорядочные женщины: гендер, политика и теория», Беркширская конференция историкесс, Колледж Уэллсли, июнь 1987 г. Amrita Basu, When Indian Peasant Women Revolt, рукопись. Классическая альтернативная точка зрения представлена в книге E. J. Hobsbawm, *Primitive Rebels*.

в равной степени дозволяется не всем мужчинам: акцент на этом используется в США для сдерживания чернокожих мужчин и всех женщин.

Эти модели гендерного разграничения отчасти могут объяснить, что происходит с женщинами в традиционных смешанных организациях, и Испания — ярчайший тому пример. Типично женские формы работы, благодаря которым многие из них выдвинулись в профсоюзах или партиях, обесценивались мужчинами, состоящими в этих организациях. Например, после мобилизовавших тысячи женщин забастовок первой четверти прошлого века, которые поднимали вопросы качества жизни (причём многие мужчины-анархисты признали, что эти женские протесты позволили добиться большего, чем традиционная профсоюзная активность), НКТ всё равно не изменила свои представления о *форме* организационной активности или о том, как привлекать женщин в свои ряды. Подавляющее большинство женщин, которые участвовали в этих забастовках, так и не стали полноценными участницами анархистского движения, потому что оно было не в состоянии признать *различия* ни в формах участия, ни в представлении о том, что является действиями.

С другой стороны, даже после массового вступления женщин в профсоюзы и другие организации движения вроде ИФЛМ, *ateneos* и ФАИ, многие из них входили всё-таки главным образом в *ateneos* и различные молодёжные кружки, а не в основные структуры, которые практически никогда не вносили изменений в направления своей деятельности ради удовлетворения потребностей женщин.ココ Тересина Торрельес Граэльс рассказывала, что её профсоюз текстильщиков выступал за равную плату за равный труд и за декретный отпуск для трудящихся женщин уже в 1931 году, но этот случай был нетипичным, своего рода исключением из правил, которое она объясняла влиятельностью женского крыла организации. Требование одинаковой оплаты мужского и женского труда, обеспокоенность декретными отпусками или детскими садами — этими вопросами, которые в силу обстоятельств были первостепенными для многих работниц, было озабочено ничтожно малое количество профсоюзных организаций.

И хотя ориентация движения на политику прямого действия предусматривала возможность того, что его *практическая*

деятельность будет направлена на решение специфических проблем женщин, входящие в него организации редко предпринимали такие шаги. Вместо этого их программы относили вопросы, волнующие женщин, к разряду второстепенных (или даже третьестепенных), воспринимая их не как общие, а как частные. Неудивительно, что в таких условиях женщины не присоединялись к профсоюзам наравне с мужчинами и даже если вступали в них, то были не очень активны. Так было в Испании вплоть до начала Гражданской войны, и такое положение едва ли отличалось от того, что происходило в большинстве рабочих организаций Западной Европы или Соединённых Штатов.

«Мухерес Либрес» и политика особенности женщин

Настойчиво требуя самостоятельности и автономного статуса, «Мухерес Либрес» пытались таким образом обратить внимание на маргинализацию женщин и женских проблем. Независимость позволяла женщинам из «Мухерес Либрес» определять программу деятельности и подготовки (*capacitación*) участниц организации, сохраняя направление своей деятельности даже в условиях военного времени. Создав для себя соответствующую базу, они могли критиковать биполярный подход, разрушавший идеалы значительного количества социалисток, вынужденных выбирать между классом и гендером, и им удалось проанализировать ситуацию и разработать план действий, отвечающий нуждам и ожиданиям женщин из рабочего класса со всеми их особенностями.

Это вовсе не означает, что на программы «Мухерес Либрес» не влияли война и конкуренция с АА и другими коммунистическими организациями — как показано выше, такое влияние имело место. Но автономия организации, так высоко ценимая её участницами и воспринимаемая центральными структурами как угроза их привычному существованию, частично защищала «Мухерес Либрес» от контроля, который пытались установить над ними организации, в которых преобладали мужчины.

И всё же «Мухерес Либрес» дорого платили за эту автономность. Они не располагали средствами или поддержкой, на которую рассчитывали наиболее активные из входящих в состав организации женщины. Более того, несмотря на то, что большинство ведущих участниц «Мухерес Либрес» продолжали

быть активными членами других организаций либертарного движения, их влияние было достаточно ограничено. Поскольку «Мухерес Либрес» отказали в участии в полемике о политическом курсе (они попытались отменить это ограничение, потребовав в октябре 1938 года включения в движение в виде его автономной единицы), либертарное движение так никогда полностью и не учитывало мнение женщин или заботящие их вопросы. На самом деле решение ИФЛМ о создании Женского отдела иллюстрирует широко распространённое заблуждение о недостаточной представленности женщин в движении — независимые женские голоса были фактически маргинализированы. Автономность позволяла «Мухерес Либрес» продолжать свою работу *с женщинами* практически беспрепятственно, за исключением разве что финансов, но едва ли помогала организации эффективно доносить свою позицию до мужчин.

Требование «Мухерес Либрес» об организационной автономии было основано как на понимании участницами гендерной динамики в межорганизационных отношениях, так и на их точке зрения об «отличии» женщин от мужчин. В их утверждении о тройном порабощении женщины — как трудящейся, как женщины и как рабыни невежества — можно распознать попытку сформулировать точку зрения на закулисье институционального угнетения. В своём анализе «Мухерес Либрес» пришли к заключению о том, что его формы являются проблемами не только женскими, но и вообще всех трудящихся. Следовательно, преодоление подчинённого положения женщин, как дома или на рабочем месте, так и в обществе в целом, является необходимым условием для благополучия всех тружеников. Таким образом, «Мухерес Либрес» утверждали, что адекватной реакцией трудовых организаций (например, НКТ и ФАИ) на различия между мужчинами и женщинами, заключающиеся в институциональном угнетении, была бы борьба за их уничтожение.

Несмотря на это, многие статьи и программы «Мухерес Либрес», казалось, допускали, что как минимум некоторые различия между мужчинами и женщинами не коренятся исключительно в угнетении. Эти различия также формулировали ценности, которые следовало сохранить в новом обществе. Например, целый ряд статей в журнале «Мухерес Либрес» практически полностью предвосхищает призыв Кэрол Гиллиган

прислушаться к «особенному голосу», обычно предписываемому женщинам.

В предисловии редакторки к празднованию даты основания Национальной федерации «Мухерес Либрес» в августе 1937 года сказано следующее: «Солидаризируясь с целями НКТ и ФАИ, "Мухерес Либрес" в себя вобрали все подлинно испанские и истинно революционные черты и дополнили их лучшими чисто женскими особенностями. "Мухерес Либрес" желают, чтобы новая общественная формация не была одержима тем же самым узконаправленным свойством, которое до сих пор было причиной несчастий в мире. "Мухерес Либрес" желают, чтобы в новом Обществе слились воедино обе перспективы — мужская и женская, чтобы они обеспечили необходимое равновесие, на котором будет залит фундамент новой справедливости. Общество не может быть справедливым, пока мужское и женское начала не будут представлены в равных пропорциях»[1].

Авторка данного текста, похоже, затрагивает тему особого, женского подхода к политической и общественной жизни. Другая статья в том же номере, посвящённая проблемам распределения продовольствия на территории Республики, более открыто выражает мнение по этому вопросу: «Бары и рестораны богачей и собственников должны быть под контролем трудящихся [*obreros*] или, что лучше, тружениц [*obreras*], поскольку именно женщины и матери знают, каково это — не иметь молока для слабого или больного ребёнка, мяса для уставшего от тяжёлой работы на военных предприятиях мужа... Контроль за продовольствием должен перейти в руки женщин конкретной общины»[2].

Такие аргументы могут с лёгкостью скатиться в предположения о неких «непреложных женских» качествах и укрепить их. Несмотря на анархический упор на то, что личность и сексуальность являются социальными конструктами, в какой-то мере подвержен влиянию таких идей был и журнал «Мухерес Либрес». В значительном количестве опубликованных в нём материалов допускалось существование некоторого неподвластного времени понятия «женственности», при этом отсылки к его социальной обусловленности опускались. Другие статьи были посвящены специфическим трудностям, с которыми

[1] Un acontecimiento histórico, *Mujeres Libres*, No. 11 (1937).

[2] «Paralelismo», там же.

приходится сталкиваться женщинам в качестве матерей, причём подразумевалось, что положение детей главным образом отразится на женщинах.

Как организация, «Мухерес Либрес» не озвучивали определённой позиции по вопросу различий между мужчинами и женщинами, о корнях этих различий или о том, какие из них следует сохранить, а какие — переосмыслить в революционном обществе. Время от времени «Мухерес Либрес» соглашались с Эммой Гольдман и Федерикой Монсень, которые высмеивали утверждения феминисток о нравственном превосходстве женщин над мужчинами и настаивали на том, что возможность распоряжаться властью над людьми искусит женщин к злоупотреблению ею с той же вероятностью, что и мужчин. В их трудах, а также в работах Лусии Санчес Саорниль и Ампаро Пок утверждалось, что любые существующие различия в убеждениях или перспективах между мужчинами и женщинами коренятся в социальном угнетении и сойдут на нет в обществе равных возможностей.

Однако зачастую «Мухерес Либрес» предполагали, что женщины каким-то образом отличаются от мужчин, что эти различия не находят полноценного отображения в существующем обществе угнетения и что идеальное анархическое общество объединит в себе женское наравне с мужским. Несмотря на то, что «Мухерес Либрес» не проанализировали эти различия хотя бы на том же уровне, что и сделавшие это позднее современные «теоретикессы различий»[1], организация стремилась как переоценить эти различия, так и выработать стратегию интеграции их в новосозданное общество. Откуда бы ни проистекала повышенная забота о детях и нравственность на общественно-политической арене, они утверждали, что данный подход является значимым. Анархо-синдикалистское движение могло только выиграть от принятия такой перспективы.

Кроме того, «Мухерес Либрес» требовали, чтобы участницы организации чувствовали себя полноправными членами

---

[1] Martha Ackelsberg and Irene Diamond. Gender and Political Life: New Directions in Political Science. In: *Analyzing Gender: A Handbook of Social Science Research*, ed. Hess and Ferree. Beverly Hills: Sage Publications, 1987, особенно сс. 515–518. См. также Ava Baron, Feminist Legal Strategies: The Powers of Difference, там же, сс. 474–503, и Cynthia H. Enloe, Feminists Thinking about War, Militarism, and Peace, там же, сс. 526–547.

общества и вели себя соответственно. Их образовательные программы, программы роста самосознания и профессиональной подготовки предоставляли женщинам возможность повышать свой уровень образования и развивать организаторские навыки, навыки публичных выступлений, а также повышать самооценку — навыки, необходимые для эффективной работы в смешанных организациях. Женская солидарность как среда для изменения самосознания была неотъемлемой частью подготовки (*capacitación*), к которой они стремились. Разделение, на котором настаивали «Мухерес Либрес», было стратегическим и временным — необходимость в нём существовала до тех пор, пока нужными навыками и уверенностью в себе не овладеет количество женщин, достаточное для того, чтобы сила их аргументов и личностей позволяла влиять на политику господствующих организаций изнутри. Пока этот момент не настал, «Мухерес Либрес» должны были напоминать всем об актуальности гендерного вопроса внутри движения.

От «различий» к «разнообразию»

Обзор теории и опыта «Мухерес Либрес» возвращает нас к вопросу, поставленному ранее: какую роль стоит отводить различиям? Ни «Мухерес Либрес», ни современные представительницы феминистской теории не разработали методологию разграничения временных различий, социально сконструированных проявлениями общественного и политического подчинённого положения женщин, и тех особенностей, которые, пусть и в отдельных случаях, коренятся в отношениях подчинения: какие из них достойны того, чтобы сохранить их в обществе будущего в качестве чисто женских свойств либо характеристик обоих полов. Склонность раннего феминизма отрицать ценность различий позднее была замещена противоположной тенденцией заострять на них внимание, хотя феминистки так и не договорились о том, в чём же состоят эти различия.

В результате предпринимаемых представительницами современных женских движений попыток разобраться с различиями возникает целый ряд важных вопросов. Те из них, кто вдохновлялся работами Мишеля Фуко и деконструктивистов, сосредоточились на примерах господства и подчинения в культуре, а также на выражающемся в скрытых дискурсах сопротивлении. Они предполагают, что необходимо обращать

внимание не только на различия между мужчинами и женщинами, но также на различные установки в отношении жизни и политики, которые подбираются по гендерному признаку, а затем дифференцированно приписываются женщинам и мужчинам[1].

Другие теоретикессы заостряют внимание на социальном положении и особенностях жизни женщин и тружениц, которые формируют различные установки в отношении политики и общественной жизни[2]. Наконец, третья группа феминисток взяла на вооружение методологии, ставящие в центр внимания развитие субнациональных коллективных или общинных идентичностей, которые могут предлагать отличные от господствующей нормы представления о культуре и политике и препоны на пути к нему[3].

Несмотря на то, что взгляды этих групп существенно различаются между собой, можно сказать, что они делают вклад в зарождение концепции различий, которая отвергает представление о женщине (или о представителе неевропеоидной расы, или о рабочем) как о ком-то «другом» и настаивает на том, что следует перестать опираться на господствующие определения, толкования и установки и создать пространство для заявления и утверждения разнообразных точек зрения. Она утверждает, что женщин следует рассматривать как часть общности, параллельно принимая во внимание то, что многие, если не большинство женщин, являются частью не одной, а целого ряда различных общностей. Следовательно, данная концепция отвергает вынужденный выбор множества политически активных женщин между солидарностью с товарищками

---

[1] См., в частности, Ferguson, *The Feminist Case against Bureaucracy*, гл. 5; Joan Scott, Gender: A Useful Category of Historical Analysis, in *American Historical Review,* 1986, 91 (5), (декабрь 1986 г.): 1053–1075; и Joan Scott, *Gender and the Politics of History* (New York: Columbia University Press, 1988).

[2] Помимо Руддик и Элштайн см. Isaac Balbus, *Marxism and Domination: A Neo-Hegelian, Feminist, Psychoanalytic Theory of Sexual, Political, and Technological Liberation* (Princeton: Princeton University Press, 1982). Критический взгляд см. у Dietz, Citizenship with a Feminist Face, 19–37.

[3] Maria C. Lugones and Elizabeth V. Spelman. Have We Got a Theory for You! Feminist Theory, Cultural Imperialism, and the Demand for 'The Woman's Voice'. Audre Lorde, *Sister Outsider*. Floya Anthias and Nira Yuval-Davis, Contextualizing Feminism — Gender, Ethnic, and Class Divisions. Yuval-Davis and Anthias, eds. *Woman–Nation–State*. NY: St. Martin's, 1989.

и солидарностью с представителями своего класса или расово-этнической группы.

В то же время она утверждает многослойность женской идентичности, что вообще-то присуще всем людям. Согласно данной концепции, политику различий, в которой все определены отношением к одной норме, следует заменить политикой многообразия, признающей и закрепляющей индивидуальные способы существования без ранжирования всех в соответствии с какой-либо иерархически определённой нормой[1]. Участницы «Мухерес Либрес», утверждающие важность «женской перспективы» в анархистском движении, и наши современницы, требующие прислушаться к «отличающимся голосам» женщин, побуждают последних ценить присущие им сильные стороны и настаивают на том, что всё общество в целом станет лучше, если многие из этих особенностей распространятся шире.

Иерархический порядок господствующей системы ценностей следует ставить под сомнение, а представлять себе общество или движение необходимо с позиций многообразия, а не отличий от одной определённой нормы, пусть даже она видится «универсальной». Именно из-за такого допущения Одри Лорд, Адриенна Рич, Мэрилин Фрай и другие авторки призывают феминисток бороться с расизмом, сексизмом и классовым угнетением внутри женского движения и общества в целом[2]. Это также один из способов понять, чего «Мухерес Либрес» пытались добиться, настаивая на статусе независимой организации.

---

[1] Авторка искренне благодарна Айрис Янг, особенно Iris Young, The Ideal of Community and the Politics of Difference, in *Social Theory and Practice*, 1986, 12 (1), 1–26. См. также Elizabeth V. Spelman, *Inessential Woman*; Marilyn Friedman, Feminism and Modern Friendship: Dislocating the Community, in *Ethics*, 1989, 99, 275–290; и Joan Tronto, Otherness in Moral Theory (or, If We're So Smart, Why Are We Racists, Sexists, Anti-Semites, Ethnocentrics, Homophobes, etc.?), доклад, подготовленный для ежегодного конгресса Американской ассоциации политических наук в Чикаго в 1987 году.

[2] Lorde, *Sister Outsider*. Adrienne Rich. Disloyal to Civilization: Feminism, Racism, Gynephobia. In: *On Lies, Secrets, and Silence*, 275–310. Notes toward a Politics of Location. In: *Blood, Bread, and Poetry: Selected Prose 1979–1985*. New York: Norton, 1986, 210–231. Marilyn Frye. *The Politics of Reality*. Trumansburg, N.Y.: Crossing Press, 1983. Myra Jehlen, Against Human Wholeness, доклад, представленный на Коллоквиуме по феминистской теории бостонского региона, весна 1984 г.

Один из подходов к исправлению ситуации, в которой во главу угла ставились заданные и отстаиваемые мужчинами нормы анархистского и анархо-синдикалистского движений, заключался во внедрении в это движение ещё одной организации с иным набором значимых характеристик. Таким образом, само существование «Мухерес Либрес» было формой прямого действия, а включение организации в состав либертарного движения на условиях равноправия с остальными его участниками бросило бы вызов псевдонормативности мужских представлений о женщинах и их способностях, а также о пределах человеческой природы и, в более общем смысле, о возможности существования подлинно равного общества.

На пути к новому пониманию политики

Какой же урок можно извлечь из опыта «Мухерес Либрес» и какой вклад он способен внести в современный феминизм и политику коллективной демократии в Соединённых Штатах? В отличие от других левых движений, эта организация явно сосредоточивалась на гендерном аспекте борьбы, на основе которого строится модель независимой и при этом не сепаратистской «стратегии многообразия».

Иными словами, помимо акцента на освобождение и различия, история «Мухерес Либрес» указывает на важность общины как ориентира в ходе изменения самосознания. Феминистки и социалисты вслед за анархистами утверждают, что подлинно осмысленная политическая деятельность может проявляться исключительно внутри более или менее равного политического сообщества, основанного на взаимоуважении. Но «Мухерес Либрес» идентифицировали себя не с другими женскими организациями, а со всем либертарным движением, и потому вопрос о том, какое сообщество удовлетворяет этим критериям, остаётся открытым.

Современные феминистки и активисты из числа трудящихся и национальных меньшинств неоднократно указывали на необходимость сплочения на низовых уровнях организации, чтобы ощущать значимость и ценность каждого при всеобщем многообразии[1]. «Мухерес Либрес» настаивали

[1] Например, Bernice Johnson Reagon, Coalition Politics: Turning the Century, in *Home Girls: A Black Feminist Anthology*, ed. Barbara Smith (New York: Kitchen Table, Women of Color Press, 1983), 359.

на том, что, какими бы важными и необходимыми такие группы ни были, в конечном итоге они ущербны и малоценны. Ни одна из них сама по себе не может стать единственно возможной базой преобразования общества. Движение должно объединить множество таких коллективов под более широкой идеей, которая будет опираться на различия между ними, ценить индивидуальный вклад каждой группы и сможет использовать преимущество силы, порождаемой совместными действиями. Концепции различия и многообразия смогут открыть новые перспективы на устройство раскрепощающих сообществ.

Подводя итоги, есть смысл ещё раз остановиться на двух связанных между собой составляющих наследия «Мухерес Либрес» — борьбе с гендерно-дифференцированным и классово-ангажированным конструктом «политического» и истоках формирования концепции политики многообразия. Критики либерально-демократического политического процесса указывают на встроенную в структуру и формирование концептуального представления о политике классовую ангажированность. Как сказал однажды Э. Шаттшнайдер, «...недостаток плюралистского рая заключается в том, что райский хор поёт с сильным акцентом высшего класса»[1]. Среди тех, кто принимает участие в политике, представителей беднейших слоёв населения и рабочего класса непропорционально мало, и поэтому в результате принимаемых решений их интересы остаются существенно ущемлёнными. Как отмечали целые поколения критиков, правила игры либеральной демократии, согласно которым упор делается на разрозненных индивидуумов со сформированной независимо друг от друга спецификой интересов, приводят к тому, что выгоду получают уже наделённые властью, которые попросту не дают остальным понимать сущность их потребностей, не говоря уже о том, чтобы их выражать и бороться за них[2]. Как утверждают и марксисты, и анархисты,

---

[1] E.E. Schattschneider. *The Semi-Sovereign People.* New York: Holt, Rinehart и Winston, 1960, 35.

[2] Карл Маркс. К еврейскому вопросу (1843). C.B. Macpherson. *The Political Theory of Possessive Individualism.* New York: Oxford University Press, 1962. Peter Bachrach and Morton Baratz. Two Faces of Power. In: *American Political Science Review,* 1962, 56, 947–952. Isaac Balbus. The Concept of Interest in Pluralist and Marxian Analysis. In: *Politics and Society,* 1971, 1 (2),

политика есть нечто большее, чем просто распределение позиций в структуре политических возможностей — это распределение власти в обществе в целом.

Таким образом, марксисты и ещё больше анархисты настаивают на практике широкого народного участия в целом ряде дискуссий. Марксисты сосредоточиваются главным образом на профсоюзах и рабочих партиях, испанские анархисты добавили к этому культурную борьбу и организацию на местах. Большинство текущих политических протестов в Соединённых Штатах, которые начинались с движения за гражданские права и пацифизма 1950–1960 годов и в которые сегодня входят движение за образование, экологическое движение и антиядерные протесты, основываются на непрофсоюзной организационной форме: это либо группы, основанные по территориальному признаку, либо расово-этнические культурные сообщества или же объединения, созданные на фундаменте общего отношения к политической или общественной проблеме.

Феминистки добавили в критику либерально-демократической политики ещё один аспект, указывая, что в существующих представлениях о политике и основанных на них действиях гендер закодирован так же, как и класс. Когда «политическое» определяется как происходящие в публичной сфере и имеющие большее значение события, по умолчанию отделённые от личной или бытовой сферы, вопросы, беспокоящие многих женщин и мужчин, считаются лежащими вне политики, и политический характер любой другой деятельности отметается или вовсе не замечается.

Кэрол Пейтмен в своей книге «Половой контракт» («The Sexual Contract») отмечает, что в либеральной политической теории проблема подчинённого положения женщин не поднималась. По её убеждению, раз данные теории предполагают, что отношения женщин с обществом налаживаются через мужчин, на исключение женщин из социального контракта едва ли обращалось внимание. Её утверждение связано с ранее описанной ситуацией: когда женщины рассматриваются исключительно сквозь призму своего «своеобразия», насущные проблемы реальных женщин часто игнорируются. Таким

151–177. Lewis Lipsitz. The Grievances of the Poor. In: *Power and Community*, eds. Philip Green and Sanford Levinson. New York: Random house, 1970, 142–172.

образом множество ракурсов человеческих проблем и коллективных действий обесценивается, а значение общин в целом преуменьшается[1].

Пытаясь привлечь внимание к природе испытываемого трудящимися обоего пола угнетения в целом, «Мухерес Либрес» настаивали, что освобождение от него требует коллективных действий и может рассматриваться исключительно в разрезе коллектива: успех нельзя определить как достижение отдельной женщины на политическом или корпоративном поприще. Нужно уничтожить иерархические структуры, а женщины должны быть вовлечены в оба процесса — и в вышеупомянутое уничтожение, и в создание нового общества, т.е. классовый и гендерный вопросы должны решаться одновременно.

Многие феминистки (и в Испании, и в других странах Европы, и в Соединённых Штатах) согласны с этим тезисом, утверждая, что женщины угнетены как класс и могут требовать возмещения ущерба от этого угнетения только посредством коллективных действий. Однако именно классовый компонент анализа слишком часто игнорируется, и это приводит к тому, что феминизм отождествляется с попытками женщин занять привилегированные места в существующих иерархических институтах и организациях. Конечно, были и исключения — организации трудящихся женщин, выступающих за избирательное право в Великобритании, попытки организовать группы феминисток-социалисток во Франции, феминистки-материалистки в Соединённых Штатах, которые стремились установить контроль над так называемой «домашней» сферой, но многие из них были попросту неспособны сохранять упор одновременно и на гендерном, и на классовом вопросах. Как пишет о феминистках-материалистках США Долорес Хейден, большинство коллективных стратегий, предлагавшихся ими для устранения изоляции и дискриминации, с которыми они сталкивались как женщины, были доступны лишь представительницам среднего класса — таким же, как они сами. Они не учитывали степень того, насколько их программы опирались на непрекращающуюся эксплуатацию

[1] Carole Pateman. *The Sexual Contract.* Stanford: Stanford University Press, 1988.

женщин из рабочего класса[1]. Со временем феминизм стал отождествляться с задачей получения доступа к существующей вертикали привилегий — вместо того, чтобы её существенно преобразовать.

В настоящее время протестные группы в Соединённых Штатах утверждают, что преобладающее представление о политике основывается не только на классовой и гендерной ангажированности, но и на принадлежности к расово-этнической группе, сексуальной ориентации, физических возможностях и пр. В либерально-демократической теории «универсальный гражданин» — это не просто представитель высшего класса, но белый, здоровый, гетеросексуальный мужчина, являющийся главой семьи[2]. Рассматривая людей исключительно как носителей определённых интересов, либерально-демократический индивидуализм маскирует структуры власти и, в частности, отношения господства и подчинения, которые оказывают влияние на людей (и формируют их «интересы») как на членов подобщностей.

В то же время индивидуалистическая парадигма едва ли оставляет пространство для осознанной трансляции интересов и точек зрения, возникающих в результате различных культурных, этнических, религиозных или гендерных предпосылок. Данная парадигма толкует эти предпосылки либо как различные «интересы», которые могут объединять отдельных людей, либо, что более распространено, как основание для угнетения и дискриминации, вследствие чего представители отдельных групп не получают равный доступ к общественным благам.

Однако быть частью общности не означает просто испытывать угнетение как представитель этой общности. Утверждать, что чернокожие, женщины, гомосексуалы, евреи, мусульмане или люди с ограниченными возможностями здоровья подвергаются дискриминации или ущемляются

[1] Dolores Hayden. *The Grand Domestic Revolution*. Cambridge: MIT Press, 1981.

[2] John Rawls, *A Theory of Justice*, доносит эту точку зрения ясно и без доли смущения. См. также Michael Walzer, *Spheres of Justice*. Критику см. у Susan Moller Okin, Justice and Gender, in *Philosophy and Public Affairs*, 1987, 16 (1), 42–72; и у Carole Pateman, *The Disorder of Women: Democracy, Feminism and Political Theory* (Stanford: Stanford University Press, 1989), главы 6, 8, 9.

в правах в системе, которая принимает за нормативного гражданина белого, исповедующего христианство, гетеросексуального, здорового мужчину, не означает отрицания того, что члены этих групп обладают определёнными особенностями, имеющими некую ценность, даже если эти особенности развились частично как реакция на их угнетение. Либеральный индивидуализм размыл бы все эти различия во имя универсальной гражданственности. Марксизм во имя рабочей революции размыл бы вообще всё, кроме того, что основано на классовой принадлежности. Подобным образом некоторые радикальные феминистки размыли бы все эти различия, кроме основанных на гендере, во имя «сестринства». Но те, кто сейчас находит силу в своей принадлежности к одной или нескольким общностям, справедливо не желают отказываться от них в качестве цены за полноценную, включающую всех гражданственность.

Задача состоит в том, чтобы разработать концепцию политического и общественного уклада, который выходил бы за рамки и индивидуализма, и узкого классового либо гендерного анализа. Этот новый взгляд должен трактовать людей не как носителей интересов, а как членов множества общностей, которые привносят важные составляющие в их идентичность. Когда французских социалисток вынудили выбирать между «женщинами» и «рабочим классом», их самоидентичность как женщин-трудящихся стёрлась. Аналогично, когда чернокожую женщину или еврейку в Соединённых Штатах вынуждают (причём неважно кто — её соплеменницы либо другие женщины) сделать выбор между присягой на верность товарищкам или представительницам её этнокультурной группы, отрицается её собственная идентичность.

Неудивительно, что в таких условиях большинство трудящихся женщин или представительниц этнических меньшинств Соединённых Штатов сторонятся «женского движения», даже несмотря на то, что они могут разделять большинство феминистских целей. Призывы сторонников индивидуализма отрицают или преуменьшают значение связей, которые чувствуют по отношению друг к другу трудящиеся или представители этнических меньшинств. Получается, что перспектива самореализации подразумевает личный успех ценой отказа

от групповой самоидентификации и солидарности[1]. В то же время аналогичные призывы отдаляют трудящихся женщин (и белых, и цветных) от представительниц среднего класса, раз за разом отрицая разницу между их жизненными условиями.

Нельзя принуждать кого-либо к выбору идентичности взамен на принадлежность к политической группе или общине. Все люди цельны по натуре и способны принимать на себя различные обязательства в отношении целого ряда общностей, обогащающие существование человечества и придающие ему силы. И хотя, как в случае «Мухерес Либрес», такие общности часто упрекают в раскольничестве и отщепенстве, они не всегда являются таковыми — на самом деле множественные обязательства обостряют разногласия только при наличии сообществ, претендующих на исключительную преданность.

Если людям удастся отказаться от довлеющих иерархических установок, в которых обязательство одного рода воспринимается как основное и главенствующее, и признать то, что каждый человек имеет целый ряд разного рода обязательств перед различными группами, важность которых может меняться со временем, тогда и придёт время создавать сообщества, признающие все эти обязательства и не претендующие на исключительную преданность. Возможно, тогда мы сможем возродить для себя наследие «Мухерес Либрес», которое они создавали в такой тяжёлой борьбе.

«Мы сделали первые шаги... к освобождению, первые шаги, которые подхватили современные женские освободительные движения. Это были первые шаги; мы не могли сделать "семимильных шагов" из-за войны и жизни в изгнании, которые внезапно прервали нашу борьбу... Сейчас мир изменился... Наши дети должны перенять эстафету для строительства будущего. Но наши воспоминания, такие прекрасные воспоминания о той борьбе, такой сложной, такой бескорыстной... Будут ли они кому-нибудь полезны?»[2]

---

[1] См., например, Richard Sennett and Jonathan Cobb, *The Hidden Injuries of Class* (New York: Vintage, 1972); Lillian Rubin, *Worlds of Pain* (New York: Basic Books, 1976); и Carol Stack, *All Our Kin*.

[2] Асусена Барба, интервью, 15 августа 1981 г.

УРОКИ СВОБОДНЫХ ЖЕНЩИН ИСПАНИИ

Интервью Марты Акельсберг Герту Дондту, 8-9 апреля 2004 года

Герт Дондт (Geert Dhondt) — аспирант-экономист Массачусетского университета в Амхерсте, где он также преподаёт социальную философию и политическую экономию. Является штатным экономистом Центра народной экономики (Center for Popular Economics). Участник коллектива Up the Ante! («Обостряй ситуацию!»), входящего в сеть Bring the Ruckus («Даёшь дебош»[1]), принимает активное участие в деятельности организации против тюрем, полиции и призыва. Это интервью впервые было опубликовано в журнале «Обостряй ситуацию!: Анархистские новости и аналитика из региона Пайонир Вэлли» (Up the Ante!: Anarchist News and Commentary from the Pioneer Valley).

Up the Ante!: Кем были Свободные женщины Испании?

М. Акельсберг: «Мухерес Либрес» — так называлась организация — была официально основана летом 1937 года, хотя её предвестницы появились в разных городках и городах Испании уже в 1934 году. Женщины, её организовавшие, были по большей части членами других анархистских организаций, действовавших тогда в Испании (НКТ — Национальной конфедерации труда, конфедерации анархо-синдикалистских профсоюзов; ИФЛМ — Иберийской федерации либертарной молодёжи; или ФАИ — Федерации анархистов Иберии). Хотя женщины и поддерживали идеи этих организаций, в том числе и декларируемое ими стремление к гендерному равенству, они считали, что многие мужчины-участники этих организаций

[1] Общеамериканская антиавторитарная организация, созданная в 2001 году коллективом «Дебош» (Ruckus Collective), самораспустилась в 2012 году. — *Прим. пер.*

воспринимали женщин недостаточно серьёзно. Они (основательницы «Мухерес Либрес») полагали, что для успеха социальной революции женщины должны участвовать в ней вместе с мужчинами; это означало, что женщинам нужно состоять в организациях, «готовящих» людей к участию в революции. Поскольку ведущие анархистские организации этих потенциальных участниц по большей части игнорировали, это негативно сказывалось на их собственных целях. Поэтому женщины решили основать новую организацию, которая работала бы наряду с другими, но явно уделяла бы внимание преодолению того, что они называли «тройным порабощением женщины» — как трудящейся, как женщины и как рабыни невежества.

Что заставило вас написать книгу об этой группе?

Я впервые открыла для себя «Мухерес Либрес» благодаря статье Теммы Каплан, написанной в начале 1970-х годов, и меня очаровала эта организация. Спустя несколько лет, когда я проводила в Испании исследования анархистской коллективизации в годы Гражданской войны, я встретила нескольких человек, имевших отношение к этой организации. Они рассказали, что кое-кто из наиболее активных участниц Свободных женщин живёт и здравствует, и я бросилась на поиски этого клада. По мере того, как я их находила и интервьюировала, я всё более вдохновлялась историями о том, что они пережили, за что сражались и чего достигли. Я чувствовала, будто они делают мне подарок, рассказывая о своих судьбах, и мой долг перед ними — и современными политическими активистками, особенно феминистками, — пересказать эту историю широкой общественности.

Как зарождались «Мухерес Либрес» в контексте Гражданской войны, социальной революции и анархического движения?

Костяк «Мухерес Либрес» начал формироваться ещё до Гражданской войны, которая началась в июле 1936 года, — по меньшей мере в 1934 году. Появление же самой организации было вызвано неудовлетворенностью её основательниц в характере их участия в различных анархических кружках. Например, Лусия Санчес Саорниль в последние месяцы 1935 года вела в «Солидаридад Обрера» несколько колонок по «женскому

вопросу». Их материалы и последовавшая затем публичная дискуссия с лидером НКТ Марьяно Васкесом способствовали тому, что её соображения стали достоянием гласности и привели к возникновению целой сети единомышленниц. К началу 1936 года в разных городах и городках по всей Испании образовались небольшие группы, и в газетных киосках появился первый номер журнала «Мухерес Либрес», полностью выпущенный под редакцией женщин.

Важности этому проекту определённо придала разразившаяся в июле 1936 года Гражданская война. Всё больше мужчин покидали свои дома и оставляли работу, чтобы сражаться с фашистскими мятежниками, всё чаще женщин призывали занимать их места, и «Мухерес Либрес» увидели в этом определённые возможности. Они хотели дать женщинам образование — в наиболее полном смысле этого слова, чтобы те могли заменить ушедших на войну мужчин, а заодно и для того, чтобы сделать первый шаг к долгосрочной перспективе равенства положения женщин в обществе. Как только началась социальная революция, программы «Мухерес Либрес» по ликвидации безграмотности, профессиональному обучению, присмотру за детьми, санитарному всеобучу и др. можно было смело рассматривать как часть крупного социально-революционного проекта.

В чём заключалась их критика социальной революции и анархического движения?

В некотором смысле они вообще не критиковали движение — напротив, они призывали движение соответствовать провозглашаемым им взглядам о равенстве всех людей. Как я упоминала ранее, хотя движение и называло равенство мужчин и женщин в качестве одной из своих целей, отдельные анархисты или большинство организаций движения воспринимали женщин как полностью равноправных партнёрок крайне редко. Большинство женщин, у которых я брала интервью, говорили, что большинство мужчин, вплоть до безусых юнцов, рассчитывали на то, что женщины будут заниматься готовкой и уборкой, а также удовлетворять мужские потребности, и не рассматривали их как полноправных партнёрок по организационной работе. Поэтому «Мухерес Либрес» считали своим долгом вдохновлять как отдельных женщин, так и всех представительниц

женского пола отстаивать свои интересы и содействовать друг другу в изменении ситуации с рабочими местами, по месту жительства, в профсоюзных организациях и т. п.

Несмотря на то, что «Мухерес Либрес» стремились к сотрудничеству с другими организациями движения и большинство их активисток продолжали свою деятельность в других организациях, в которых они состояли (как правило, НКТ или ИФЛМ), многие считали существование такой организации проблематичным. Некоторые утверждали, что «Мухерес Либрес» занимаются раскольничеством и отвлекают движение от неотложных целей социальной революции и победы в войне.

Какова была стратегия у этих революционерок?

Выражаясь современным языком, стратегия у них была «двухаспектная». Освобождение женщин должно было идти через *capacitación* (грубо это можно перевести как «раскрепощение» или «осознание собственных компетенций») и *captación* (программа подготовки к вступлению и участию в организациях движения). Основным направлением были программы по *capacitación*, куда входили занятия по ликвидации безграмотности на всех уровнях, так как считалось, что неумение читать не даёт людям активно участвовать в жизни их общины и что обучение чтению является наиболее освободительным по своей сути процессом. Кроме того, они разработали программы для фабричных работниц, проводили с ними занятия, дабы помочь им привыкнуть выступать на публике и эффективнее участвовать в профсоюзных собраниях. Были у них программы и по здоровью матери и ребёнка, и по присмотру за детьми, и даже по физиологии и сексуальности женщины — тогда почти всё образование контролировалось католической церковью, и многие женщины были откровенно невежественны в вопросах физиологии и сексуальности. Совместно с профсоюзными организациями они разработали программы профессионального образования и стажировки для подготовки женщин к занятию оплачиваемым трудом. А ещё они основали своего рода «комитет по ораторскому искусству», где женщины учились уверенно высказывать свои мысли на публике, чтобы вместе с представителями НКТ, ФАИ и ИФЛМ в просветительских или пропагандистских поездках по сельской местности могли участвовать и ораторки из «Мухерес Либрес». Они также

помогали организовывать профсоюзы на фабриках и в цехах, противостоя возглавляемой коммунистками Ассоциации антифашисток в вербовке женщин.

Какой вклад они внесли в теорию и практику феминизма?

Кратко сформулировать это вряд ли получится — ведь данному вопросу в основном и посвящена книга! В первую очередь, важно признать, что они не считали себя «феминистками». Как правило, под термином «феминизм» они понимали движение женщин среднего и высшего классов, которые боролись за равенство с мужчинами в рамках той же системы привилегий, в то время как «Мухерес Либрес», будучи анархистками, хотели упразднить все привилегии — как классовые и религиозные, так и «половые».

Тем не менее, конечно, я считаю их феминистками в более широком смысле этого слова. Я думаю, что они подарили нам важные примеры альтернативной агитации, организационной структуры, достижения автономии в контексте более крупной конфедерации групп и того, как бороться за равенство даже во время войны и революции.

Почему эти женщины действовали автономно? Как их приняло анархистское движение?

Они организовывались автономно, потому что в результате собственного опыта участия в других организациях движения пришли к убеждению, что только самостоятельные действия в собственных организациях смогут развить в женщинах и самоидентичность, и навыки, которые им потребуются для того, чтобы они сами и другие воспринимали их всерьёз. Если бы они продолжили работу только в существующих организациях под началом доминировавших в них мужчин, они бы никогда не научились проводить собрания, высказываться, вести протокол, развивать стратегии, проводить их в жизнь, планировать деятельность и пр. Им нужно было находиться в обстановке, где эту работу не мог бы выполнять никто, кроме них самих, и одновременно с этим не допускать того, чтобы их постоянно привлекали к «вспомогательной» работе. Они рассматривали такую ситуацию как временную: как только достаточное количество женщин разовьют свои навыки, а мужчины признают их способности и достижения, необходимость в этом отпадёт.

Хотя некоторые мужчины — и отдельные местные организации — приветствовали их идеи и усилия и даже поддерживали финансово, руководство на национальном уровне и большинство соратников относились к ним настороженно, если не пренебрежительно. Организации, где преобладали мужчины, не могли понять, почему «Мухерес Либрес» настаивали на необходимости автономии; большинство хотело, чтобы организация стала «подразделением» ИФЛМ или ячейкой НКТ, отказывая этим женщинам в независимом положении четвёртой организации в составе анархистского движения наряду с НКТ, ИФЛМ и ФАИ.

Как анархизм связан с эмансипацией женщин? Какую роль играет или должна играть анархическая теория в сегодняшнем феминистском движении?

Это ещё один очень обширный вопрос, ответ на который в формате интервью невозможно дать полностью — только обрисовать. Как отмечается в моей книге, у анархистов существует множество подходов к эмансипации женщин. Одни (например, Прудон и его последователи) считали, что место женщины дома и в семье, а её функция — быть «спутницей жизни» мужчины. Другие, например, Бакунин, Кропоткин, Эмма Гольдман и Исаак Пуэнтэ утверждали, что анархизм выступает против всех иерархических и властных отношений, в том числе между мужчинами и женщинами. То есть в перспективе все должны быть равны и во всех сферах жизни действовать на равных, что подразумевает перемены на рабочих местах, в семьях и общинах.

Помимо этого, в Испании как до, так и во время Гражданской войны было множество теоретиков, которые признавали важную связь между подавлением сексуальности и подчинённым положением женщин, выступая за большую открытость в вопросах пола и сексуальных практик и для мужчин, и для женщин. Это тоже было крайне важным вкладом. Тем не менее, как отметили многие эксперты (и большинство женщин из «Мухерес Либрес»), стремление к равенству в теории сильно отличается от приверженности равенству на практике.

Если кратко, то они считали, и я их полностью в этом поддерживаю, что анархизм предоставляет для эмансипации женщин поистине великолепные возможности. Он

предлагает потенциально полезное для освобождения женщин видение характера и процесса социально-революционного преобразования — например, упор на то, что средства не должны противоречить целям, а экономические вопросы являются важным, но не единственным источником иерархических отношений. Но это не значит, что анархистские теоретики или активисты обязательно посвящают себя делу эмансипации женщин.

Что касается второй части вопроса, то ответить на неё несколько сложнее. По моим ощущениям, движение за освобождение женщин поздних 1960-х и начала 1970-х годов на деле было очень анархично, хотя оно не обязательно осознавало себя таковым, принимая во внимание преобладание идей марксистского социализма среди тогдашних левых. Лично я думаю, что феминисткам того времени следовало больше основываться на теории анархизма, нежели, опираясь на социалистическую теорию, пытаться её изменить. Социализм был сосредоточен на экономических структурах как на основе всех систем угнетения. Феминистки признавали, что, хотя экономические отношения важны, один лишь переход от капитализма к социализму не обязательно приведёт к эмансипации женщин, и пытались создать «социалистический феминизм», ставший своего рода «дополненным» марксизмом, который принимал бы в расчёт прочие структуры угнетения. Я упомянула об этом в книге, поскольку считаю, что под рукой уже был анархизм, который не нуждался в подобном «дополнении», потому что анархисты уже признавали, что следует учитывать разнообразные формы и измерения власти.

Однако сегодня ситуация совершенно иная. Я по-прежнему думаю, что анархические идеи чрезвычайно важны и состоятельны; с другой стороны, истинно радикальная освободительная тенденция в женском движении, похоже, в значительной степени утеряна. Слишком многое из того, что считается феминизмом сегодня, кажется сосредоточенным на продвижении женщин на политические и экономические посты; ранняя феминистская (и анархистская) критика самих структур власти остаётся в стороне. Поэтому полагаю, что анархистская теория может помочь напомнить феминисткам о наиболее фундаментальных проблемах.

Как они относились к феминистским движениям своего времени? В частности, что они думали об Эмме Гольдман?

Как я уже говорила, они не особенно интересовались тогдашними феминистскими движениями, которые считали чересчур буржуазными и сосредоточенными только на реформировании того, что они (анархистки) принимали за глубоко порочную политическую систему, или на обеспечении доступа к ней отдельных женщин, игнорируя при этом фундаментальные классовые проблемы. Федерика Монсень, которая не состояла в «Мухерес Либрес», но время от времени писала в их журнал, например, написала ряд разгромных статей об избирательном праве для женщин, основываясь на идеях Эммы Гольдман.

Сама Гольдман была сторонницей «Мухерес Либрес» и время от времени писала для их журнала. Как у анархистки, которая критически относилась к государству, выборам и т. п., её взгляды больше совпадали с взглядами «Мухерес Либрес», чем с позицией большинства её современниц-феминисток.

Почему эта группа не считала себя феминистской? И почему многие из тех женщин, у которых вы взяли интервью, не признавали феминизм? Какие уроки могут извлечь из этого феминистки применительно к сегодняшней ситуации?

Они не считали себя феминистками, потому что, на их взгляд, феминистки того времени были слишком заинтересованы в достижении равенства в рамках существующей системы привилегий (т. е. капиталистической системы) и, следовательно, уделяли недостаточно внимания классовым вопросам. Призывать к «равенству между мужчинами и женщинами» недостаточно, если общество глубоко разделяют классовые границы: целью «Мухерес Либрес» было вовсе не равенство женщины из рабочего класса и мужчины из рабочего класса, а ликвидация всех классовых и гендерно-половых различий.

Я считаю, что эти проблемы по-прежнему актуальны. Многие утверждают, что «феминистское движение» в США также недостаточно внимательно относится к классовому и расовому вопросам. Например, является ли реформа соцобеспечения феминистским вопросом? Почему представители ведущих феминистских организаций не высказались в 1996 году, когда президент Клинтон предложил «...покончить с тем социальным

обеспечением, которое мы знали»? Проблемы охраны труда, НАФТА, (не)доступности здравоохранения, детских садов — этот список можно продолжать до бесконечности — всё это очень важно для трудящихся женщин и бедных слоёв населения, но ведущие феминистские организации говорят об этом не всегда. В этом смысле урок «Мухерес Либрес» состоит в том, чтобы подумать, как должна выглядеть «феминистская программа», которая заботилась бы о жизни женщин из числа бедняков, трудящихся и расовых меньшинств так же серьёзно, как и о жизни более обеспеченных женщин.

Как «Мухерес Либрес» повлияли на борьбу за освобождение женщин за последние семь десятилетий?

На этот вопрос ответить непросто. К сожалению, история «Мухерес Либрес» по большей части утрачена, и хранит её лишь относительно узкий круг людей. Поэтому я думаю, что до смерти Франко, до 1976–1977 годов. их влияние было незначительным. После этого народ в Испании, а также за её пределами начал изучать свою историю, и в стране стали появляться группы, называвшие себя «Мухерес Либертариас» (Mujeres Libertarias) или «Мухерес Либрес». Но мне кажется, что среди участниц движений за освобождение женщин 1960-х и 1970-х годов. в США или Европе достаточно осведомлены о «Мухерес Либрес» были единицы, и их знания вряд ли повлияли на их практику. Даже те, кто читал «Проживая свою жизнь» Эммы Гольдман или её эссе, о её причастности к деятельности испанских анархистов вообще или «Мухерес Либрес» в частности, скорее всего, не знали или знали совсем немного.

Какое влияние их опыт оказал на борьбу феминисток и радикалок в США? Как вашу книгу приняли американские феминистки?

Повторюсь: я думаю, что большинство американских феминисток были не очень-то осведомлены о том, что происходило в так называемом республиканском «лагере» в годы Гражданской войны в Испании, и искать вдохновение в деятельности «Мухерес Либрес», то есть знать достаточно об анархизме — в Испании ли, в других местах — могли совсем уж немногие феминистки второй волны. Отчасти это и стало причиной, побудившей меня взяться за книгу, как только я узнала о них!

Как только книга вышла, я получила очень позитивный отклик от феминисток как в США, так и в других странах. Но насколько эта книга на самом деле воодушевила феминисток в США, я сказать не могу.

Какие уроки из деятельности «Мухерес Либрес» во времена мощной реакции со стороны правых, пытающихся возродить «семейные ценности» и вести наступление на права женщин, могли бы усвоить современные феминистки? Как насчёт современных анархистов и «революционеров»?

Это как раз тот вопрос, который я всё время себе задаю. Думаю, что, пожалуй, наиболее важная вещь, о которой следует помнить в это трудное время, — это значение, которое анархисты вообще, и «Мухерес Либрес» в частности, придавали подготовке революции и прямому действию. Они осознавали, что революции, или, если сказать мягче, глубокие социальные преобразования, не происходят за один день. Они требуют подготовки. Люди должны узнать о новых возможностях, осознать, что всё можно организовать по-другому, не так, как сейчас. Я думаю, что это важный урок для всех нас: не сдаваться, помнить, что так плохо было не всегда, и продолжать напоминать себе и другим, что всё может измениться. Сильнейшие союзники консерваторов — это смирение и отчаяние потенциальных сторонников прогресса.

Но ещё один важный момент, о котором стоит помнить, — это то, что во времена значительных экономических трудностей и политических репрессий анархистское движение Испании не только зародилось, но даже процветало. «Мухерес Либрес» начали образовываться задолго до победы Народного фронта на выборах в феврале 1936 года, и то, на чём «специализировались» эти организации, было прямым действием или подготовкой: создание небольших учреждений (будь то профсоюзы, общинные школы, драмкружки, туристические группы, дискуссионные группы или т. п.), где люди могли опробовать другие формы бытия и взаимодействия и развить новое понимание себя и своего места в обществе. Таким образом, они смогли преодолеть пассивность и отчаяние и предложить участницам альтернативное видение будущего.

Я думаю, нам нужно заниматься подобной деятельностью гораздо активнее. Разумеется, мы должны делать всё

возможное, чтобы препятствовать реакционной политике правительства США, как внешней, так и внутренней. Но «Мухерес Либрес», как и все анархисты, осознавали, что одна только оппозиционная политика не удовлетворяет людей, не мотивирует людей надолго. Должен быть и позитивный образ. Это та сфера, которой, как я думаю, нам недостаёт. Мы знаем, против чего выступаем; но для нас гораздо менее понятно, чего мы желаем. Если и есть урок, который я усвоила из размышлений о «Мухерес Либрес», то он состоит в том, что мы должны собираться в группы, большие и малые, и начинать по-настоящему думать над тем, какой должна быть жизнь, и затем действовать сообразно нашему общему её видению.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Схема организации Национальной конфедерации труда Испании

Региональная Конфедерация Труда

Национальная Конфедерация Труда

Синдикат:

Общее собрание членов
Административный комитет
подразделение синдиката:
Общее собрание членов
Административный комитет

Местная федерация:

Административный комитет делегатов от каждого синдиката
Собрание административных комитетов синдикатов общины

(Комаркальная) Кантональная федерация:

Комитет делегатов каждого синдиката в кантоне

Региональный комитет:

Назначается местной федерацией общины, на территории которой заседает Региональный комитет (по одному делегату от каждого синдиката с данной территории, за исключением Каталонии)

Региональный пленум:

Представлен делегатами от каждой местной и кантональной федерации в данном регионе

Региональный конгресс:

Представлен делегатами от каждого синдиката региона

Национальный комитет:

Назначается местной федерацией города, в котором (по решению Национального конгресса) заседает Комитет (по одному делегату от синдиката)

Пленум Региональных комитетов (Национальный пленум):

Представлен делегатами от каждого регионального комитета

Национальный конгресс:

Представлен делегатами от каждого синдиката в стране

Источник: A. Schapiro (Association Internationale des Travailleurs), *Rapport sur l'activité de la Confederation Nationale du Travail d'Espagne*, 16 decembre 1932 – 26 fevrier 1933. Strictement confidential, 2.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Публикации «Мухерес Либрес»

(за исключением тринадцати номеров журнала «Мухерес Либрес» и многочисленных статей в газетах и журналах, издававшихся либертарным движением)

Amparo Poch y Gascón. *Niño.* Barcelona: Mujeres Libres, n.d. [1937], 20 pp.

____. *La ciencia y la enfermedad.* 1938.

Carmen Condé. *Enseñanza nueva.* 1936.

____. *Poemas en la Guerra.* 1937.

____. *La composición literaria infantil.* 1938.

Como organizar una agrupación Mujeres Libres. Barcelona, n.d. [1937], 16 pp.

Mercedes Comaposada Guillén. *Actividades F. N. Mujeres Libres.* 1938.

Esquemas. Barcelona: Mujeres Libres, 1937.

Dr. Salud Alegre. *Sanatorio de optimismo.* Barcelona: Mujeres Libres, 1938.

Etta Federn. *Mujeres de las Revoluciones.* Barcelona: Mujeres Libres, n.d. [1938], 62 pp.

Lucía Sánchez Saornil. *Horas de Revolución.* Barcelona: Mujeres Libres, n.d. [1937], 62 pp.

____. *Romancero de Mujeres Libres.* Barcelona: Mujeres Libres, n.d. [1938].

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Предложение о создании брачной фабрики

Товарищка Революция предупредила нас о своей глубокой горечи. Люди продолжают жениться... Товарищка Революция думала, что люди стали более нравственными, а дух их окреп, но сейчас она понимает, что нравственность и дух людей неподвластны совершенствованию. Люди продолжают жениться... Перед лицом этой неизбежной реальности мы попытаемся смягчить некоторые закономерные последствия. Людям по-прежнему нравятся формы их угнетения. По крайней мере, посмотрим, получится ли у нас облегчить тяжесть цепей...

Предложение

Местоположение

Свадебная фабрика должна быть расположена вдалеке от городского центра. Нельзя допускать, чтобы трагедии происходили на глазах у людей, потому как это может их деморализовать. Кроме того, затруднённый доступ к фабрике заставит глупцов одуматься [о том, что они делают].

Материалы для строительства

Необходимо что-то шумоизолирующее. То, что происходит внутри, никого не должно касаться, и будет лучше не слышать воплей заблуждавшихся, кричащих о том, что они были неправы.

Планировка

Зал ожидания, разделённый на двухместные кабины неполными перегородками. На случай эпидемии стоит предусмотреть изоляцию. Одна комната для церемоний бракосочетания и наклонная платформа на выходе. Важно делать всё быстро, чтобы у людей не было времени изменить своё решение...

Материальная база

Двух видов: (а) необходимые и (б) желательные.

(а) Холодный душ; комиссия, сознающая важность своей миссии; печать с надписью «Войдите, если осмелитесь»; штемпельная подушка красного или чёрного цвета для печати.

(б) Столб для сожжения на костре.

Библиотека

Один экземпляр «Законов здравого смысла».

Смежные учреждения

Магазин заклёпок, воротников, колец и цепей. Аллегорический триколор Свободы.

Работа фабрики

Всё происходит стремительно. Ожидание в индивидуальном порядке по парам в двухместных кабинках. Затем брачующиеся проходят в комнату для церемонии бракосочетания. Они ничего, абсолютно ничего не могут сделать без надлежащего штампа. [Служащий] ставит штамп на клочке бумаги, щеках брачующихся и их белье. Затем член Комиссии очень глухим голосом зачитывает молодожёнам «Законы здравого смысла», текст которых может быть сокращён до трёх пунктов:

1. Пока существовали священники, вас обманывал священник; пока существовали судьи, вас обманывал судья; теперь, раз уж вы сюда вошли, вас обманываем мы.

2. Тот, кто не может жить, не ощущая собственности и преданности, достоин самого худшего наказания (страшнее, чем повешение).

3. Прийти на фабрику — признак идиотизма и влечёт за собой два или три наказания в день. Мы знаем, что делаем!

Церемония бесплатная. Приходящие и так достаточно настрадались. В завершении на брачующихся надевают кольца и цепи, затем они целуют триколор либертарного коммунизма и выбрасываются с наклонной площадки. Во избежание нарушений в функционировании фабрики, неплохо поместить на выходе плакат со следующей надписью:

ЖАЛОБЫ НЕ ПРИНИМАЮТСЯ.

Источник: «Proyecto para la creación de una fábrica de bodas en serie (Churros auténticos)», in *Mujeres Libres*, No. 7.

ГЛОССАРИЙ

agrupación — группа, аффинити-группа; название местных отделений «Мухерес Либрес», а также аффинити-групп ФАИ

ateneo — самоорганизованная школа или культурный центр

barrio (barriada) — городской квартал

bracero — подёнщик в сельской местности, другое название — **jornalero**

cacique — местный политический руководитель

cambio de mentalidad — изменение сознания

campesino/a — крестьянин (-ка), земледелец (-ица); человек, проживающий в сельской местности

capacitación — раскрепощение; саморазвитие; самореализация

captación — привлечение в какую-либо партию или группу

Casal de la Dona — женский институт «Мухерес Либрес» в Барселоне

casamientos a la libertaria — либертарные браки; например, браки, регистрируемые профсоюзной организацией

comité local — местный комитет; местная группа или более крупная организация

compañero/a — товарищ (товарищка), участник (-ца) либертарного движения; также используется в значении партнёр (-ша) или спутник (-ца) жизни

comunismo libertario — либертарный коммунизм, анархо-коммунизм

Cortes — учредительное собрание; испанский парламент

cortijo — крупное фермерское хозяйство

enseñanza integral — комплексное или целостное образование; существовало до появления рационалистических школ

escuela libre — свободная школа, рационалистическая школа: школа, не контролируемая ни государством, ни церковью

Escuela Moderna — «Современная школа»; рационалистическая школа, основанная Франсеском Феррером в Барселоне в 1901 году.

formación social — политическое или социальное сознание; образование, имеющее целью научить разбираться в социальной и политической ситуации

Generalidad, Generalitat — автономное правительство Каталонии

huerta — огород; часто употребляется в значении небольшого участка земли, культивируемого для собственных нужд

jornalero — подёнщик, батрак

jóvenes — молодые люди (иногда используется для обозначения современной молодёжи, в отличие от молодёжи времён Гражданской войны)

Juventudes — сокращение от «Хувентудес Либертариас», либертарная молодёжная организация

latifundio — крупное землевладение

liberatorios (de prostitución) — центры, которые предложили основать «Мухерес Либрес», целью которых было подготовить проституток к новой работе и новой жизни

libertarias/os — либертарии; люди, причастные к анархистскому или анархо-синдикалистскому движению

mayorazgo — право первородства

militante — активист (-ка) движения

municipio libre — свободная коммуна; организационная основа анархо-коммунизма

obrero consciente — образованный рабочий, самоучка, на ранних этапах развития анархистского движения распространяющий либертарные идеи среди других рабочих

pueblo — деревня или городок; простой народ

sección (de trabajo) — (рабочая) секция, одна из специализированных групп «Мухерес Либрес»

secretaría — бюро, отдел

Secretariado femenino — женский отдел

sindicato — профсоюз

sueldo único — единая оплата труда; уравновешенная шкала оплаты труда

viejas — пожилые женщины (ветеранки); обычно употребляется в отношении тех, кто состоял в «Мухерес Либрес» в 1930-е годы.

МАРТА АКЕЛЬСБЕРГ — профессорка государственного управления и исследований по женскому вопросу, Почётная профессорка Колледжа Смит в Нортгемптоне, штат Массачусетс, США, где она преподавала курсы по феминизму и теории демократии, городской политике и общественным движениям. Под её авторством вышло множество статей об анархизме, феминизме, социальных движениях и еврейских женщинах. В настоящее время проживает в Нью-Йорке и продолжает свою активистскую деятельность в области социальной справедливости в различных сферах.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Перевод: Андрей, Лена, Камила, Света Нерпа
Редактура: Алексей Резников
Корректура: Екатерина Щербакова, Анна Чижова
Вёрстка: Владимир Барчинский
Обложка: Анна Туманова

Гарнитура PT Serif
Формат 80x108/32
Тираж 300 экз.

Радикальная теория и практика
www.rtpbooks.info

Без смелости историю не сделаешь, а уж смелости участницам «Мухерес Либрес» было не занимать. В разгар Испанской революции они боролись за женские права в структурах анархистских организаций своего времени, за всеобщую свободу и против фашизма. Акцент они делали на образовании, здравоохранении и условиях труда. В организацию «Мухерес Либрес» входили более 20 000 женщин.

В этой книге собраны свидетельства о головокружительных возможностях революции и событиях, способных стать уроком и найти отклик у всех, кто участвует в современных социальных движениях. Это призыв к объединению, особенно среди женщин, и призыв к равенству не после революции, а прямо сейчас. Слова «Мухерес Либрес» смогла сохранить для нас на страницах этой вдохновляющей работы Марта Акельсберг.